ISSN 1609–9672

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

№ 2 (125)

Социально-экономические и общественные науки

2021

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь (свидетельство о регистрации № 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий Республики Беларусь, в которых публикуются результаты диссертационных исследований (приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010, № 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных ВИНИТИ, Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU и банк данных Национального центра правовой информации Республики Беларусь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор С.А. ХАХОМОВ,
д-р. физ.-мат.наук, доцент
Зам. главн. редактора О.М. ДЕМИДЕНКО,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора М.В. СЕЛЬКИН,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф., чл.-корр. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
Б.В. Сорвиров, д-р экон. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по социально-экономическим и общественным наукам:

Е.И. Гонта (Украина), д-р экон. наук, проф.
Н.Н. Крестовская (Украина), д-р юрид. наук, проф.
С.Н. Лебедева, д-р экон. наук, проф.
Г.И. Нарскин, д-р пед. наук, проф.
Р.М. Нижегородцев (Россия), д-р экон. наук, проф.
В.Г. Никитушкин (Россия), д-р пед. наук, проф.
В.Г. Ротань (Россия), д-р юрид. наук, проф.
Н.В. Сильченко, д-р юрид. наук, проф.
М. Шеневуа (Франция), д-р. наук, проф. права

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: http://vesti.gsu.by

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of Republic of Belarus (registration certificate number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus Higher Attestation Commission list of scientific publications of the Republic of Belarus, which publish the main results for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences (Order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated 15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The journal is included in the bibliographic Databases of the All-Russia Institute of Scientific and Technical Information (VINITI), Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU and Database of the National Center of Legal Information of the Republic of Belarus

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief S.A. KHAKHOMOV,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief O.M. DEMIDENKO,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief M.V. SELKIN,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corresponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
B.V. Sorvirov, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahtova, executive secretary

Members of editorial board for the socio-economic and social sciences

E.I. Gonta (Ukraine), Sc. D., Professor
N.N. Krestovskaja (Ukraine), Sc. D., Professor
S.N. Lebedeva, Sc. D., Professor
G.I. Narskin, Sc. D., Professor
R.M. Nizhegorodtsev (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Nikitushkin (Russia), Sc. D., Professor
V.G. Rotan (Russia), Sc. D., Professor
N.V. Silchenko, Sc. D., Professor
M. Shenevua (France) Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: http://vesti.gsu.by

© Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», 2021
© Educational Establishment «Francisk Scorina Gomel State University», 2021

Учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2021, № 2 (125) •
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ: ПЕДАГОГИКА•ПРАВО•ЭКОНОМИКА

СОДЕРЖАНИЕ

Педагогика

Алавади М.Н. *Адаптация и ее связь с социальным интеллектом у обучающихся с нарушениями зрения* 5
Боровая В.А. *Возрастная динамика структуры соревновательной деятельности женщин, специализирующихся в легкоатлетическом семиборье* 12
Ермаков В.Г. *Микролокальные аспекты развивающего обучения как основа межпредметного взаимодействия при подготовке учителя* 18
Кадол Ф.В., Горленко В.П., Селиванова Л.И., Зенько Н.Н. *Результаты эмпирического исследования по выявлению обучающихся из категорий социального риска* 25
Севдалев С.В., Кожедуб М.С., Алейник Е.А. *Индивидуализация в подготовке квалифицированных спортсменок, специализирующихся в комплексных видах многоборий* 31
Сериков Г.В. *Феномен раппорта в преподавании РКИ* 38
Сиводедов И.Л. *Темпы прироста двигательных способностей как фактора отбора и прогноза в многолетней системе подготовки молодых легкоатлетов-десятиборцев 10–19 лет* 42
Синица И.М. *Неравенство в образовании в Республике Беларусь* 48
Скидан А.А. *Индивидуальные особенности биоритмики организма женщин различного соматотипа, занимающихся шейпингом* 54
Усович В.Ю., Нарскин Г.И., Севдалев С.В. *Контроль двигательной активности ветеранов спорта с использованием приложений мобильных устройств* 59

Право

Воробьёв В.А. *Преюдиция в уголовном процессе: отдельные проблемы и пути совершенствования правового регулирования* 64
Воробьёв В.А., Соркин В.С. *Нормативно-правовое значение преюдиции и основания её классификации в уголовном процессе* 70
Глинда А.И. *Системные связи института юридической ответственности и политики* 75
Ковалёва Е.А. *Трудовые мигранты в Республике Беларусь* 81
Ковалёва Т.В. *Неоднократные нарушения работником трудовых обязанностей в соответствии с Трудовым кодексом Республики Беларусь* 86
Колеско С.С. *Положительный опыт участия населения Нидерландов в охране общественного порядка* 92

Колодинская И.В. *Формирование и развитие законодательства Беларуси о совмещении работы с получением образования в постсоветский период* 97
Конин В.В., Марковичева Е.В., Эсмантович И.И. *Участие адвоката в обеспечении прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве* . 103
Минич С.А. *Сравнительно-правовой анализ законодательства государств-участников СНГ по вопросам создания и деятельности временных научных коллективов*..... 107
Молчанов К.А. *Система основных принципов института надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде в правовой доктрине и законодательстве* 113
Немкевич И.В. *К вопросу о юридической природе «Декларации о государственном суверенитете БССР»*..... 118
Парукова Е.В. *Правовое регулирование и защита инвестиций в сфере строительства* .. 123
Смахтин Е.В. *Некоторые вопросы принятия судебных решений в условиях пандемии* .. 127
Эсмантович Е.И. *Развитие конституционного статуса местных советов депутатов в Беларуси* 131

Экономика

Геврасёва А.П. *Зарубежный опыт государственного регулирования внешнеэкономической деятельности* 135
Западнюк Е.А., Никифоров А.В. *Особенности личных затрат и поведения потребителей в сфере сбережений: теоретические аспекты и зарубежный опыт* 141
Лапицкая О.В. *Экономическая эффективность выращивания смешанных сосново-березовых древостоев в лесах Беларуси*..... 145
Лебедевич М.В. *Состязательность в производственной деятельности* 149
Машевская О.В. *Неклассическая занятость и рынок труда в условиях цифровой трансформации*..... 155
Орлова А.В. *Методика исследования развития женского предпринимательства* 162
Петрашевская А.В. *Энергетическая эффективность экономики региона: проблемы измерения и роль в экологической паспортизации территории* 167
Селицкий В.С. *Инновации: сложности и барьеры* 174
Сташевская М.П. *Информация и информационная экономика: соотношение понятий* .. 179
Столярова Е.В. *Удаленный формат работы: новые возможности для субъектов мировой экономики* 184
Филькевич И.А., Чжао Цин *Современное состояние мирового рынка информационных и телекоммуникационных услуг* 190
Чжан Хэн. *Тенденции транснационализации в КНР и формирования крупных ТНК в секторе высоких технологий* 194

Francisk Scorina Gomel State University

PROCEEDINGS

of Francisk Scorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

There are 6 times a year
Published since 1999

• 2021, № 2 (125) •
SOCIO-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES:
PEDAGOGICS • LAW •ECONOMICS

CONTENTS

PEDAGOGICS

Alawadi M.N. *Adaptation and its relationship with social intelligence for students with visual impairments* 5
Borovaya V.A. *Age dynamics of the structure of the competitive activity of women specializing in the athletics heptathlon* 12
Ermakov V.G. *Microlocal aspects of developmental learning as the basis of interdisciplinary interaction in teacher training* 18
Kadol F.V., Gorlenko V.P., Selivanova L.I., Zen'ko N.N. *Results of an empirical study to identify students from social risk categories* 25
Sevdalev S.V., Kozhedub M.S., Alejnik E.A. *Individualization in the preparation of qualified female athletes specializing in complex types of all-round events* 31
Serikov G.V. *The rapport phenomenon in teaching Russian as a foreign language* 38
Sivodedov I.L. *The rate of increase in motor abilities as a factor of selection and prognosis in the long-term system of training young athletes-decathlon of 10–19 years old* 42
Sinitsa I.M. *Inequality in education in the Republic of Belarus* 48
Skidan A.A. *Individual features of the biorhythmics of the body of women of various somatotypes involved in shaping* 54
Usovich V.Yu., Narskin G.I., Sevdalev S.V. *Monitoring the physical activity of sports veterans with the use of mobile applications* 59

LAW

Vorob'yov V.A. *Prejudice in the criminal process: particular problems and ways to improve legal regulation* 64
Vorob'yov V.A., Sorkin V.S. *Legal and regulatory significance of prejudice and the basis for its classification in criminal proceedings* 70
Glinda A.I. *Systemic links of the institute of legal responsibility and policy* 75
Kovalyova E.A. *Labor migrants in the Republic of Belarus* 81
Kovalyova T.V. *Repeated violations of labor duties by an employee in accordance with the Labor Code of the Republic of Belarus* 86
Koliosko S.S. *The positive experience of the participation of the Dutch population in the maintenance of public order* 92
Kolodinskaya I.V. *Formation and development of Belarusian legislation on combining work with getting education in the post-Soviet period* 97
Konin V.V., Markovicheva E.V., Esmantovich I.I. *Participation of a lawyer in ensuring the rights of juvenile victims and witnesses in criminal proceedings* 103
Minich S.A. *Comparative legal analysis of the legislation of the CIS member states on the creation and activities of temporary research teams* 107

Molchanov K.A. *The system of basic principles of the institution of supervision and control of compliance with labor legislation in legal doctrine and legislation* 113
Niamkevich I.V. *On the question of the legal nature of the «Declaration on State Sovereignty of the BSSR»* 118
Parukova E.V. *Legal regulation and protection of investments in the construction sector*..... 123
Smahtin E.V. *Some issues of judicial decision-making in a pandemic* 127
Esmantovich E.I. *Development of the constitutional status of local councils of deputies in Belarus* 131

ECONOMICS

Gevrasyova A.P. *Foreign experience of state regulation of foreign economic activity* 135
Zapadnyuk E.A., Nikiforov A.V. *Features of personal costs and consumer behavior in the field of savings: theoretical aspects and foreign experience* 141
Lapitskaya O.V. *Economic efficiency of growing mixed pine-birch stands in the forests of Belarus* 145
Lebedevich M.V. *Competitiveness in production activities* 149
Mashevskaya O.V. *Non-classical employment and labor market in the context of digital transformation*..... 155
Orlova A.V. *Research methodology for the development of female entrepreneurship* 162
Petrashevskaya A.V. *Energy efficiency of the regional economy: problems of its measurement and its role in the ecological certification of the territory*..... 167
Selitsky V.S. *Innovation: challenges and barriers*..... 174
Stashevskaya M.P. *Information and information economy: relationship of concepts* 179
Stolyarova E.V. *Remote work format: new opportunities for the subjects of the world economy*.... 184
Fil'kevich I.A., Chzhao Cin. *Current state of the world market of information and telecommunication services*..... 190
Chzhan Hen. *Trends in transnationalization in the People's Republic of China and the formation of large transnational companies in the high-tech sector*..... 194

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

Педагогика

УДК 376.2

Адаптация и ее связь с социальным интеллектом у обучающихся с нарушениями зрения

М.Н. Алавади

Настоящее исследование направлено на выявление взаимосвязи между развитием социального интеллекта учащихся с нарушениями зрения и их социальной адаптацией в образовательной среде. Выявлены типы адаптивного поведения, характеризующие взаимосвязь уровня социальной адаптации и социального интеллекта, разработаны их характеристики. Результаты исследования свидетельствуют о том, что театральные социально-игровые ситуации в жизни слабовидящего школьника направляют развитие его творческих способностей и активной познавательной позиции, наряду с творческой формой и познавательным, действенным воображением, что способствует пониманию смысла человеческих эмоций, состояний и отношений.
Ключевые слова: социальная адаптация, слабовидящие учащиеся, социальный интеллект, взаимоотношения, социально-игровые ситуации, образовательная среда.

The current research aims at identifying the relationship between the development of social intelligence of visually impaired students and their social adaptation in the educational environment. The types of adaptive behavior that characterize the relationship between the level of social adaptation and social intelligence are revealed, their characteristics are developed. The results of the study indicate that the theatrical social-game situations in the life of a visually impaired student direct the development of his creative abilities and active cognitive position, along with the creative form and cognitive, effective imagination, which contributes to understanding the meaning of human emotions, states and relationships.
Keywords: social adaptation, visually impaired students, social intelligence, relationship, social-game situations, educational environment.

Введение. В настоящее время социальные трансформации среды, в которую интегрируются обучающиеся с нарушениями зрения, приводят к изменениям условий развития личности этих обучающихся. Это влияет на процессы социализации и социальной адаптации, в контексте которых происходит формирование социального интеллекта, обусловливающего функционирование личности в ее жизненном сценарии, в котором сама личность осознает себя с позиций неизбежности. Такие позиции неизбежности у обучающихся с нарушениями зрения связаны с глубоким восприятием собственной физической недостаточности, которая также рассматривается ими как несоответствие нормам безопасности и обусловливает потенциальное конструирование «Я-реальности», в которой этими обучающимся выстраивается специфика социального интеллекта. Социальный интеллект как феномен и индикатор психологической и социальной деформации, закрепленной в привычках поведения, определяет решение личности о дальнейшей самоактуализации в социальной сфере [1], [2].

Затруднения социального поведения и сложности выстраивания социальных взаимодействий связаны с особой совокупностью компетентностей. Эти компетентности обеспечивают преодоление рисков социализации и адаптации личности, а также способствуют повышению потенциала адаптивности, обусловливающей взаимодействие в системе межличностных отношений, и являются базовым условием положительной социализации и развития социального интеллекта [3], [4].

В области социально-психологических исследований способности личности, заключающиеся в умении понимать складывающиеся социальные ситуации, благополучно разрешать их, осуществляя положительное взаимодействие с окружающими, связывают с социальным интеллектом, который, согласно теории Х. Гарднера, проецируется на сходный конструкт, называемый межличностным интеллектом [5].

В контексте исследования под социальным интеллектом мы понимали способность обучающихся с нарушениями зрения продуктивно и результативно решать задачи и ситуации социального характера. В связи с этим, внимание в нашем исследовании будет уделено анализу двух основных аспектов: изучению роли учителя в социальном развитии слабовидящих учащихся; изучение роли межличностного взаимодействия слабовидящих обучающихся с обычными сверстниками в развитии социальных способностей.

Одной из основных сложностей исследования феномена социального интеллекта является недостаточная разработанность существующих подходов к изучению его природы.

Следует отметить, что научная область изучения социального интеллекта оперирует механизмами и базируется на авторских концепциях о структуре самого интеллекта. Этой проблеме посвящали свои исследования J.P. Guilford (1967) [6], R.J. Sternberg (1999) [7], S. Greenspan, J. Driscoll (1997) [8], Д.В. Ушаков (2004), А.Л. Журавлев (2009) и др. [9], [10].

Доказанность социального интеллекта как самостоятельного вида интеллекта, выражающаяся в способности субъекта понимать окружающих людей и успешно взаимодействовать с ними в различных социальных ситуациях прослеживается в работах О.В. Луневой (2009, 2015) [11], [12], Д.В. Ушакова (2004, 2009), А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко (2007) и др. [13], [14].

Тем не менее, целостная картина описания сущности социального интеллекта еще остается актуальной и разрабатываемой. Необходимо отметить, что социальный интеллект как адаптивный изучался S. Greenspan и J. Driscoll (1997), которые выделили три компонента социального интеллекта. Среди них следующие: социальная чувствительность, обусловливающая характер реакций личности на социальные ситуации, взаимодействия; социальная проницательность, характеризующая способность человека анализировать социальную ситуацию и формулировать моральные суждения; социальное взаимодействие или умение положительно решать возникающие социальные проблемы.

Проблема исследования. Адаптивная функция социального интеллекта играет ключевую роль в исследованиях, посвященных социальной адаптации слабовидящих обучающихся в образовательной среде (это является существенным и для нашего исследования).

Так, проблемам характеристики социального интеллекта детей, имеющих ограниченные возможности здоровья, посвящены научные публикации Л.Ф. Фатиховой, Е.Ф. Сайфутдияровой (2013), Д.С. Перменовой (2018) и др.

Взаимосвязь социального интеллекта и межличностных отношений изучалась такими учеными, как С.В. Щербаков (2014), Т.Н. Тихомирова, Е.Б. Мисожникова (2011) и др. Эти исследования отражены в работах A. Hassan Mohamed (2012), Yakub Elia Farid и A. Muradova (2016), Saad Fadel (2015), Fadel Saad Abbas (2015) и др. [15], [16].

Цель исследования. Еще оной важной проблемой в данной области исследований является изучение социального интеллекта в реальном взаимодействии субъекта в конкретной социальной группе (в нашем случае слабовидящих, обучающихся в образовательной среде среди обычных сверстников) и оценка социального интеллекта посредством интеграции в социальные ситуации без отрыва от социального взаимодействия.

Актуальность и незавершенная разработанность данной проблемы определили цель исследования, заключающуюся в исследовании социального интеллекта слабовидящих обучающихся в контексте их способности к структурированию межличностных отношений и коммуникативному поведению в социальных группах в образовательной среде.

Значимость исследования. Социальный интеллект слабовидящих обучающихся, служащий важным адаптивным фактором в рамках образовательной интеграции, проявляется и совершенствуется в моделируемы социально-игровых ситуациях, в которых проявляется действие ведущего вида деятельности слабовидящих учащихся начальной школы. В таких моделируемых театрализованных социально-игровых ситуациях проявляются и совершенствуются все 4 типа социального интеллекта, поскольку основным языком социальной театрализации является действие. Основные признаки – коммуникативное взаимодействие и игра, которая понимается здесь в самом широком смысле ее слова.

Такой подход помогает приобщению слабовидящего обучающегося к окружающей среде среди обычных сверстников, которые не мыслим без развитого социального воображения и социального контакта. Этот подход в развитии социального интеллекта и обеспечения успешной адаптации дает выход творческому продуцированию образов, отвечающих его внутреннему эмоциональному фону, реализует воображение в подражании различных социальных комбинаций и воплощений. Театрализованные социально-игровые ситуации в жизни слабовидящего школьника направляют развитие его творческих способностей и активной познавательной позиции, наряду с творческим формируют и познавательное, эффективное воображение, которое способствует пониманию смысла человеческих эмоций, состояний и отношений. Кроме этого, театрализация социальных сюжетов «учит» слабовидящего обучающегося волевому эмоциональному контролю и проявлению таких высших нравственных чувств, как сопереживание, эмпатия, сочувствие и т. д.

Методология и процедура исследования.

Методология исследования. Это исследование носит аналитический и экспериментальный характер. В исследовании использованы методы теоретического анализа научной литературы, наблюдения, сравнения и обобщения. В ходе исследования использовались методы психологической диагностики, педагогического моделирования для интеграции слабовидящих и обычных обучающихся в театрализованные социально-игровые ситуации в процессе социальной адаптации слабовидящих школьников в школах Ирака.

Театрализация социально-игровых ситуаций характеризовалась тем, что педагог формировал у детей умение вести социальное взаимодействие и по какой-либо запланированной форме и предлагая им по отдельным темам создавать свои социальные сюжеты. Обучающиеся охотно отзывались и предлагали дополнять сюжеты друг друга, сюжеты педагога. Педагог специального образования предусматривал обогащение содержания театрализованной социально-игровой ситуации, используя социальный опыт, воображение, коммуникативные способности обучающихся. Для наблюдения и выявления уровня социального интеллекта в процессе интеграции в такие ситуации констатировали вовлеченность детей в воображаемые социальные действия, удовольствие и желание анализировать, обыгрывать, подражать, изображать, высказывать самостоятельные оценочные суждения, что немаловажно в процессе совершенствования уровня социального интеллекта и уровня социальной адаптации слабовидящих обучающихся.

Помимо этого, посредством сочетания образа и слова в театрализованных социально-игровых ситуациях формировалась позитивная внутренняя эмоциональная сфера слабовидящих учащихся, снималось напряжение. Через данный подход слабовидящие обучающиеся раскрывали способности своих решения конфликтных ситуаций.

Для обработки результатов исследования использовались методы математической статистики.

Выборка исследования. Выборку исследования составили 20 учащихся в возрасте 7–10 лет специализированных школ Республики Ирак, а именно: начальной школы специального образования Аль-Нибрас(а) в Багдаде (8 обучающихся), специальной начальной школы медленного обучения Аль-Ханин(а) (7 обучающихся), школы Надим(а) аль-Табакжали (5 обучающихся). Учащиеся имели следующие нарушения зрения: миопия, астигматизм, косоглазие, дальтонизм и трудности с фокусировкой движений глаз (рисунок 1).

Этапы исследования.

Первый этап: Выявление типов адаптивного поведения и их соответствия уровням социальной адаптации и социального интеллекта слабовидящих учащихся.

В процессе исследования были выявлены следующие типы адаптивного поведения, характеризующие взаимосвязь уровня социальной адаптации и социального интеллекта в контексте социально-игровой театрализованной ситуации:

Тип 1. Поведение характеризуется наличием творческого социального воображения. Наблюдается заинтересованность заданием общением, выражено развитие целостного образного видения социальной ситуации. Выражена целенаправленность функций социальной коммуникации и проявляются умения владения способами социальных действий. Помимо прочего, в данной модели поведения можно выделить и другие особенности, такие как сфор-

мированные комбинаторные навыки, самостоятельность поиска и выбора средств решения социально-игровой проблемы, оригинальность решения, которая обоснована внешним проявлением образов в поведении слабовидящего учащегося, его внутренней позицией, позволяющей задавать ход ролевых отношений в замысле игровой ситуации.

Рисунок 1 – Распределение слабовидящих учащихся по видам нарушения зрения, %

Тип 2. Поведение характеризуется проявлением особенностей, позволяющих условно обозначать элементарно-творческий характер социального воображения. При таком поведении у слабовидящего учащегося сформирован достаточный потребностно-мотивационный компонент, степень развития которого способна вводить школьника в воображаемую социально-игровую ситуацию. Уровень сформированности комбинаторных способностей проявляется в умении преобразовывать коммуникативные действия, улучшая их внесением различных новых элементов, которые ранее не были знакомы слабовидящему школьнику или использовались им. В данном виде поведенческой модели проявляется также достаточно обоснованная внутренняя позиция обучающегося с собственными оценочными суждениями и способностями выразить их в игре. В такой модели поведения слабовидящий учащийся способен проявить себя в другой роли достаточно свободно и выразительно.

Тип 3. Поведение характеризуется, в основном, репродуктивно-воссоздающим характером социального воображения. В такой модели проявлен интерес обучающегося к социальной и коммуникативной деятельности, адекватно воспринято развертывание сюжета ситуации как целостной, однако наблюдается недостаточное владение техникой социально-игрового взаимодействия, что затрудняет передачу сущности образа. Функции социального воображения проявляются, в основном, в знаково-символической характеристике. С целью передачи сюжетной особенности ситуации слабовидящий обучающийся с таким типом поведения может включать в процесс отдельные собственные детали, которые по содержанию близки сюжету. Комбинаторные способности могут проявляться в поиске отдельных средств коммуникации, что позволяет такому обучающемуся справляться с моделированием композиции социально-игровой ситуации в деятельности.

Тип 4. Данная модель поведения характеризуется как модель проявления собственно-репродуктивного социального воображения. Интерес слабовидящих учащихся к деятельности, как правило, снижен, комбинаторные воображения не сформированы в достаточной мере. Проявляется схематичный эмоционально слабо выразительный характер. Условия организации социально-игровой образовательной среды не вызывают активизации социальной активности к взаимодействию.

Тип 5. Поведенческая модель фрагментарно-репродуктивного социального воображения. При данной модели поведения слабовидящий учащийся испытывает значительные трудности

репродукции целостной композиции социально-игровой ситуации. Проявляется явное отсутствие интереса к деятельности данного характера, комбинаторные механизмы не сформированы, а создание собственного замысла социального взаимодействия практически невозможно.

Второй этап. Констатирующий эксперимент.

Типы поведения соответствуют следующим уровням развития социального интеллекта: Тип 1 – высокий уровень, тип 2 – уровень выше среднего, тип 3 – средний уровень, тип 4 – уровень ниже среднего и тип 5 – низкий уровень. Уровни социального интеллекта характеризуют соответствующие уровни адаптации.

На констатирующем этапе эксперимента слабовидящие учащиеся были распределены по типам поведения, коррелирующим с уровнем развития социального интеллекта (рисунок 2).

Рисунок 2 – Распределение слабовидящих учащихся по уровням развития социального интеллекта на констатирующем этапе эксперимента, %

Методологический инструментарий.

1) Специфика наблюдения.

Специалисты фиксировали наблюдения и составляли экспертные заключения.

Необходимо отметить, что учеными используются разнообразные подходы к исследованию социального интеллекта, а также исследованию социальных навыков и адаптивных действий. Современные технологии конечно же позволяют фиксировать поведение слабовидящих учащихся в образовательной среде в самых различных ситуациях. Однако, с нашей точки зрения, моделирование ситуаций, в которых можно наиболее полно оценить социальное поведение слабовидящих учащихся во взаимодействии, является более эффективным средством. Особенно это является значимым для учащихся младшего школьного возраста, для которых игра остается ведущим видом деятельности и показывает проекцию социального интеллекта через способность к взаимодействию и решению социальных игровых ситуаций. Такой подход – подход моделирования театрализованных игровых ситуаций – исследовался многими учеными (Запорожец, 2000; Неменова, 1989; Рубинштейн, 1973; Лурия, Выготский, 1993; Медведева, 1999, 2007, 2009 и др.) и позволял выявить различные типы поведения, в которых социальный интеллект отражался в виде способностей детей к творческому воображению в созданной социальной среде, в которой ребенку приходилось осуществлять коммуникацию, ролевой поведение и т. д., что должно было привести к решению поставленной социальной задачи [17].

Таким образом, учащиеся могли продемонстрировать все 4 вида социального интеллекта: коммуникативно-личностный социальный интеллект; социальный интеллект самосознания; социальный перцептивный интеллект; энергетический социальный интеллект.

2) Характеристика уровней социального интеллекта в рамках соответствующей степени сформированности социальной адаптации слабовидящих учащихся.

Высокий уровень и уровень выше среднего. Умеют правильно анализировать текущую ситуацию и предвидеть ход ее дальнейшего развития. Знают/предполагают, как вести себя в

обществе, чтобы решить поставленные задачи, достигнуть цели, а также хорошо разбираются в невербальных реакциях. Такие учащиеся быстро становятся «своими» в любой компании, так как могут мгновенно вникать в текущую ситуацию и придерживаться взаимодействия, необходимого для продуктивного и непринужденного общения. Также они прекрасно понимают, какая поддержка необходима друг другу в той или иной жизненной ситуации.

Средний уровень. Достаточно хорошо разбираются в основных аспектах невербального общения, умеют получать необходимую информацию о поведении своих сверстников из вербальных и невербальных знаков. Обладают способностью предсказывать поведение и реакции людей в той или иной предвиденной и непредвиденной социальной ситуации, обычно выражают правильные суждения о людях. В отношениях с другими учениками слабовидящие учащиеся со средним уровнем социального интеллекта проявляют рассудительность и такт, поэтому нормально адаптируются и взаимодействуют со сверстниками и учителями.

Уровень ниже среднего и низкий уровень. Таким учащимся трудно общаться с другими обучающимися и учителями. Они часто говорят неуместно, не умеют правильно трактовать слова конкретного собеседника (как незнакомца, так и знакомого) и анализировать ключевые аспекты межличностного взаимодействия. Такие учащиеся зачастую не могут распознать те вербальные и невербальные сообщения, значение которых может меняться в зависимости от контекста конкретной ситуации и характера межличностных отношений в группе отдельных людей. Таким учащимся сложно адаптироваться к различным типам отношений (образовательным, игровым, деловым и т. д.) и другим межличностным взаимодействиям.

Результаты. Результаты исследования показали, что моделирование социально-игровых ситуаций в процессе интеграции слабовидящих учащихся в образовательную среду на начальном этапе обучения позволяет существенно повысить уровень их социальной адаптации за счет адаптивной функции социального интеллекта. Социальный интеллект, развиваемый в процессе социально-игровых ситуаций с обычными сверстниками, обеспечивает ситуативно-интеллектуальное формирование слабовидящего обучающегося как коммуникативной социальной личности, а также улучшает их способности к межличностному взаимодействию. Такой подход положительно влияет на дальнейшую социальную адаптацию слабовидящих обучающихся в образовательном учреждении и их поступательное когнитивное развитие (рисунок 3).

Рисунок 3 – Динамика развития социального интеллекта и социальной адаптации учащихся с нарушениями зрения на формирующем этапе эксперимента, %

Выводы.

1. Компонентами социального интеллекта являются: социальная чувствительность, определяющая характер реакций личности на социальные ситуации, взаимодействия; социальная проницательность, характеризующая способность человека анализировать социальную ситуацию и формулировать моральные суждения; социальное взаимодействие или способность положительно решать возникающие социальные проблемы.

2. Социальный интеллект и социальная адаптация имеют прямую взаимосвязь и отражаются в способности успешного межличностного взаимодействия слабовидящих учащихся и их способности решать различные социальные ситуации.

3. Театрализованные социально-игровые ситуации в жизни слабовидящего школьника направляют развитие его творческих способностей и активной социальной познавательной позиции, а также формируют творческое социально-познавательное, действенное воображение, что способствует пониманию смысла человеческих эмоций, состояний и характера отношений. Социально-игровые театральные ситуации в процессе интеграции слабовидящих школьников в наблюдаемую образовательную среду повышают их социальный интеллект и способствуют их успешной социальной адаптации.

Литература

1. Фатихова, Л. Ф. Характеристика социального интеллекта детей с различными отклонениями в развитии / Л. Ф. Фатихова, Е. Ф. Сайфутдиярова // Специальное образование. – 2013. – № 3. – С. 87–97.

2. Перменова, Д. С. Взаимосвязь речевого поведения и социального интеллекта в ситуациях общения младших школьников с задержкой психического развития / Д. С. Перменова // Психология. Психофизиология. – 2018. – № 1. – С. 120–129.

3. Щербаков, С. В. Комплементарность межличностных отношений и социальный интеллект студентов гендерные аспекты взаимоотношений / С. В. Щербаков // Вестник Башкирского университета. – 2014. – № 1. – С. 233–241.

4. Тихомирова, Т. Н. Взаимосвязь показателей социального интеллекта и параметров межличностного взаимодействия в образовательной среде / Т. Н. Тихомирова, Е. Б. Мисожникова // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2011. – № 4. – С. 15–23.

5. Gardner, H. Frames of mind / H. Gardner. – New York : Basic books, 1983. – 496 p.

6. Guilford, J. P. The nature of human intelligence / J. P. Guilford. – New York : McGraw-Hill, 1967. – 538 p.

7. Sternberg, R. J. The theory of successful intelligence / R. J. Sternberg // Review of General Psychology. – 1999. – № 3. – P. 292–316.

8. Greenspan, S. The role of intelligence in a broad model of personal competence / S. Greenspan, J. Driscoll // Contemporary intellectual assessment: Theories, tests and issues / D. P. Flanagan & J. L. Genshaft. – New York : Guilford Press, 1997. – P. 131–150.

9. Ушаков, Д. В. Социальный интеллект как вид интеллекта / Д. В. Ушаков // Социальный интеллект : теория, измерение, исследования. – М. : Изд-во Ин-та психологии РАН, 2004. – С. 11–28.

10. Ушаков, Д. В. Образование и конкурентоспособность нации: психологические аспекты / Д. В. Ушаков, А. Л. Журавлев // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30, № 1. – С. 5–13.

11. Лунева, О. В. Социальный интеллект: история изучения и основные модели: научная монография / О. В. Лунева. – Москва : Московский гуманитарный университет, 2009. – 121 с.

12. Лунева, О. В. Социальный интеллект: основные проблемы и перспективы исследования / О. В. Лунева // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 1. – С. 41–51.

13. Mohamed, A. H. Physical education in schools in Iraq / A. H. Mohamed // Education and self-development. – 2012. – № 1 (29). – P. 179–183.

14. Fadel, S. A. Features of health preservation in the educational space of the Republic of Iraq / S. A. Fadel // Fundamental research. – 2015. – № 2 (part 20). – P. 4522–4527.

15. Fadel, S. Principles for assessing the quality of the educational process in the Republic of Iraq / S. Fadel // Symbol of Science. – 2015. – № 5. – P. 234–237.

16. Farid, Y. E. Education in Iraq: a conversation with a school inspector / Y. E. Farid, A. Muradova // Education. – 2016. – № 210. – P. 11–14.

17. Медведева, Е. А. Изучение особенностей социально значимых компонентов личности младших школьников с задержкой психического развития в художественной деятельности / Е. А. Медведева, А. С. Павлова // Казанский педагогический журнал. – 2017. – № 2 (121). – С. 161–166.

Московский педагогический
государственный университет

Поступила в редакцию 25.11.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 796.093.64:796.015-055.2

Возрастная динамика структуры соревновательной деятельности женщин, специализирующихся в легкоатлетическом семиборье

В.А. Боровая

Проведенный анализ структуры соревновательной деятельности сильнейших спортсменок, специализирующихся в легкоатлетическом семиборье, позволил выявить основные тенденции динамики ее структурных элементов в зависимости от возраста. Разработаны возрастные модели вклада очков в отдельных видах многоборья в общий результат, которые позволят определять сильные и слабые стороны подготовленности семиборок и на основе этого осуществлять коррекцию тренировочного процесса.
Ключевые слова: семиборье, женщины, результат, структура.

The analysis of the structure of the competitive activity of the strongest female athletes specializing in heptathlon made it possible to reveal the main trends of the dynamics of its structural elements depending on age. The age-related models of the contribution of points of the certain parts of all-around to the overall result have been developed. This will allow determining the strengths and weaknesses of the preparedness of heptathlon female athletes and, on the basis of this, carry out the correction of the training process.
Keywords: heptathlon, women, result, structure.

Введение. В настоящее время подготовка спортсмена высокой квалификации невозможна без учета «модели» сильнейшего спортсмена. Основные компоненты «модели» сильнейшей семиборки определяются в первую очередь особенностями ее соревновательной деятельности. Легкоатлетическое семиборье – вид легкой атлетики, в котором в течение двух дней спортсменке необходимо выступить в семи отдельных видах в строго определенной последовательности и с регламентированными интервалами отдыха между видами. Модель структуры соревновательной деятельности легкоатлетического семиборья – это совокупность усредненных данных вклада отдельных видов в общую сумму очков, выраженные в относительных единицах (%).

Достижение высокой соревновательной результативности требует от спортсменок овладения рациональной техникой всеми видами многоборья, приобретения высокого уровня развития функциональных возможностей и умения реализовать свой моторный потенциал в условиях накапливающегося утомления. Для подготовки конкурентоспособных семиборок, способных выступать на крупнейших соревнованиях, необходимо рациональное планирование многолетней спортивной подготовки с определенной сбалансированной направленностью тренировочных воздействий, основанное на анализе возрастной динамики спортивных достижений спортсменок элитного класса.

Исследованием структуры соревновательной деятельности женщин в комплексных видах многоборья занимались многие специалисты. Разработкой эффективных моделей соревновательной деятельности занимались В.М. Михайлов, им были определены соревновательные модели семиборок различного уровня подготовленности – от второго разряда до МСМК [1] и С.В. Севдалев, который основываясь на данных о средних результатах, показанных спортсменками в отдельных видах, выстроил обобщенную модель соревновательной деятельности высококвалифицированных спортсменок, специализирующихся в современном пятиборье [2]. С.М. Суханов сравнивал взаимосвязи между суммой очков в легкоатлетическом семиборье и результатами в отдельных видах многоборья в группах российских спортсменок и лучших спортсменок мира [3]. Построению обобщенной модели соревновательной деятельности спортсменок высокой квалификации в легкоатлетическом семиборье и групповых моделей выдающихся спортсменок в зависимости от родственной структуры соревновательной деятельности была посвящена работа Н. Добрынской [4]. О.Б. Немцев провел срав-

нение особенностей вклада в соревновательный результат в семиборье результатов в отдельных видах и группах видов, входящих в него, и особенностей их взаимосвязи у 100 сильнейших многоборок мира в 2000 и 2016 гг. [5]. Особенностям структуры соревновательной деятельности и межгрупповым различиям у элитных спортсменок, специализирующихся в современном пятиборье, посвящена работа С.В. Севдалева [6]. В.В. Мехрикадзе обосновал взаимосвязи между суммой очков в семиборье и отдельными его видами и установил значение каждого вида в итоговом результате, а также определил специфику тенденций перехода от худших к лучшим результатам в зависимости от вида семиборья; кроме того, выявил главную комбинацию видов, определяющих общий результат в семиборье [7]. Несмотря на разнообразие подходов к исследованию структуры соревновательной деятельности высококвалифицированных семиборок, отсутствуют данные о моделях спортсменок в разных возрастных категориях, динамики вклада отдельных видов в общую сумму многоборья, а также о взаимосвязях между результатами в видах семиборья и общей суммой очков и между отдельными видами в разных возрастных категориях.

Цель исследования – изучить структуру соревновательной деятельности сильнейших спортсменок мира, специализирующихся в легкоатлетическом семиборье, в возрастном аспекте.

Результаты исследования. В проведенном исследовании анализировалась соревновательная деятельность сильнейших (за весь период проведения соревнований) многоборок мира (n = 25) на протяжении их спортивной карьеры. Статистической обработке был подвергнут 221 лучший результат каждого сезона в семиборье, показанный легкоатлетками в возрасте от 17 до 31 года. Анализировался вклад отдельных видов в общую сумму очков.

Первый этап нашего исследования предполагал выявление оптимальных возрастных границ, в которых обычно демонстрируются наивысшие спортивные результаты и определение динамики прироста соревновательной результативности семиборок в возрастном аспекте.

На рисунке 1 представлена соревновательная результативность 25 семиборок из числа 36 сильнейших спортсменок мира за все время: среднее, минимальное и максимальное значение спортивного результата в том или ином возрасте. Мы видим, что рост усредненного показателя происходит скачкообразно. В возрасте 17–18 лет средний результат находится почти на одном уровне (–0,86 очка), при увеличении максимального результата показанного в этом возрасте на 171 очко. Отрицательная динамика среднего показателя образовалась из-за уменьшения количества спортсменок, результаты которых находятся выше среднего (43 % против 45 %).

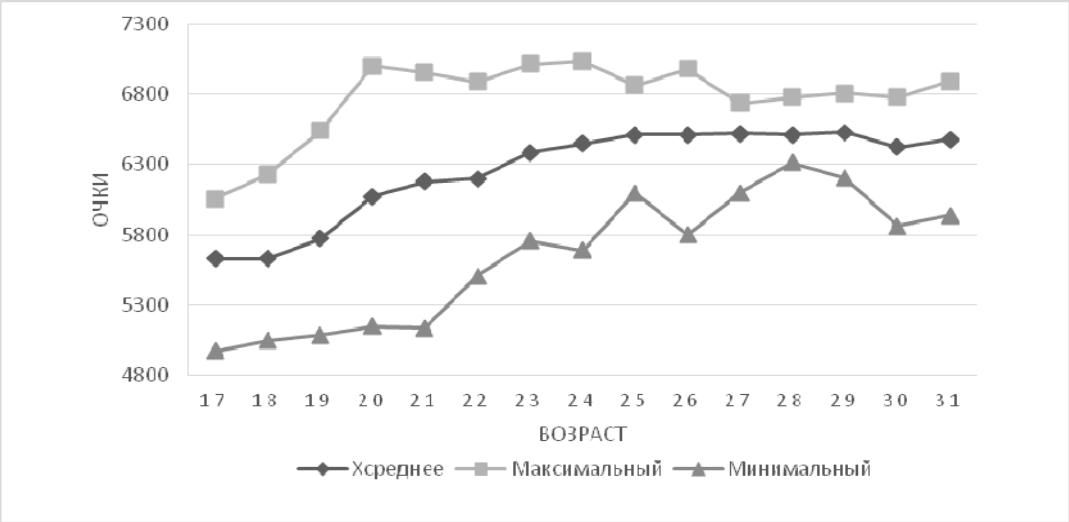


Рисунок 1 – Возрастная динамика спортивных результатов сильнейших семиборок мира

С 18 до 19 лет годовой прирост составил 144,71 очка. Прибавка к максимальному результату составила 315 очков, но это единичный показатель. Основной усредненного прироста явилось увеличение количества спортсменок, показавших в сезоне результат близкий к среднегрупповому (50 %).

Первый значительный скачок прироста усредненного показателя соревновательной деятельности наблюдается в возрасте от 19 до 20 лет (297,33 очка). Здесь наблюдается максимальный размах результатов (1852 очка). Максимальный (7001 очко) и минимальный (5149 очков) результаты являются единичными и не влияют на средний показатель. В этом возрасте у девушек происходит стабилизация технического мастерства, что дает возможность «собрать» в соревнованиях по многоборью результаты в отдельных видах, близкие к личным рекордам.

Прирост среднего показателя с 20 до 21 года (105,98 очков) объясняется увеличением количества спортсменок, показавших результат выше среднего (55 % в возрасте 21 года против 43 % – в 20 лет). В 22 года происходит стабилизация результатов, прирост среднегруппового показателя 23,55 очка.

В возрасте 23 года происходит следующий скачок в приросте соревновательной результативности многоборок (186,36 очка). Усредненный показатель достигает уровня плато (6386,36–6526,27 очков), на котором находится до 29 лет. Незначительные повышения связаны с уменьшением размаха результатов.

В подготовке семиборок важно знать не столько общую сумму очков, сколько за счет чего эта сумма набирается, то есть вклад отдельных видов. Второй этап нашего исследования был посвящен построению усредненных моделей структуры соревновательной деятельности и изучению взаимосвязей между результатами в видах семиборья и общей суммой очков и между отдельными видами в разных возрастных категориях.

Мы выбрали наиболее значимые возрастные категории (таблица 1). Первым анализируемым возрастом мы взяли возраст первых серьезных международных соревнований U–17 (n = 11). Мировое достижение в этом возрасте принадлежит Shen Shengfei (Китай) 6185 очков. Эту сумму она набрала на Китайских национальных играх. По неизвестной причине этот результат не зарегистрирован в топ-листе ИААФ. Второй результат в этом возрасте принадлежит Morgan LAKE (Великобритания) 6148 очков. Эта сумма очков позволила девушке выиграть Чемпионат мира среди юниоров в Юджине в 2014 г. Стоит отметить, что в дальнейшем обе спортсменки не показывали результатов, которые позволили бы им попасть в элиту женского семиборья. На основании этого мы можем утверждать, что в многолетней подготовке многоборок высокого уровня в раннем возрасте неприемлемо форсирование тренировочного процесса и «натаскивание» девушек на результат, это отрицательно сказывается на продолжении их спортивной карьеры.

Таблица 1 – Структура соревновательной деятельности

Возраст семиборок	Результат	Очки за результат	Вклад, %
100 м с барьерами, с			
17 лет	14,16 ± 0,29	955,8 ± 41,24	17,00 ± 0,63
20 лет	13,90 ± 0,39	993,24 ± 54,61	16,37 ± 0,53
23 года	13,52 ± 0,19	1048,00 ± 28,09	16,44 ± 0,62
29 лет	13,36 ± 0,31	1071,64 ± 45,37	16,41 ± 0,49
Прыжки в высоту, см			
17 лет	174,00 ± 4,60	904,40 ± 55,84	16,05 ± 1,13
20 лет	178,29 ± 5,66	954,76 ± 73,54	15,74 ± 0,96
23 года	182,00 ± 5,45	1004,46 ± 69,49	15,72 ± 0,85
29 лет	183,00 ± 4,36	1015,55 ± 56,41	15,55 ± 0,53
Толкание ядра, м			
17 лет	11,89 ± 0,96	653,88 ± 63,88	11,03 ± 0,89
20 лет	13,01 ± 1,10	728,29 ± 72,94	12,00 ± 1,14
23 года	13,62 ± 1,14	768,82 ± 76,02	12,03 ± 0,93
29 лет	14,04 ± 0,99	797,00 ± 66,18	12,23 ± 1,14
Бег на 200 м, с			
17 лет	24,75 ± 0,31	909,89 ± 28,15	15,96 ± 0,54
20 лет	24,59 ± 0,76	926,00 ± 71,30	15,21 ± 0,71
23 года	24,24 ± 0,51	958,41 ± 47,79	15,02 ± 0,70
29 лет	24,21 ± 0,61	961,45 ± 57,32	14,73 ± 0,74
Прыжки длину, м			
17 лет	6,00 ± 0,20	851,44 ± 59,95	14,83 ± 0,90

Окончание таблицы 1

20 лет	6,15 ± 0,23	896,24 ± 72,51	14,75 ± 0,82
23 года	6,27 ± 0,17	935,45 ± 53,09	14,64 ± 0,58
29 лет	6,42 ± 0,23	980,91 ± 73,17	15,02 ± 0,79
Метание копья, м			
17 лет	38,79 ± 4,80	644,75 ± 91,81	11,06 ± 1,45
20 лет	43,90 ± 5,17	742,57 ± 99,40	12,22 ± 1,44
23 года	45,63 ± 4,62	775,86 ± 89,05	12,12 ± 1,16
29 лет	45,58 ± 2,86	773,00 ± 56,73	11,86 ± 0,94
Бег на 800 м, мин.с			
17 лет	2.20,75 ± 2,59	813,63 ± 35,13	14,07 ± 0,73
20 лет	2.18,49 ± 4,81	845,80 ± 66,28	13,91 ± 0,96
23 года	2.14,40 ± 2,90	895,36 ± 45,36	14,03 ± 0,63
29 лет	2.12,74 ± 2,62	926,73 ± 37,80	14,21 ± 0,56

Проведенный статистический анализ соревновательных результатов, показанных элитными спортсменками в 17 лет, позволяет выявить общие закономерности распределения вклада отдельных составляющих в общую сумму очков. Средняя сумма очков в этом возрасте составила 5629,3 ± 264,5 очка. Из таблицы 1 мы видим, что разница между наибольшим вкладом очков в общую сумму бега на 100 м с барьерами (17,0 %) и наименьшим вкладом – толкания ядра (11,03 %) и метания копья (11,06 %) составила почти 6 %. Это максимальная разница между отдельными видами за весь рассматриваемый период. На основании этого мы можем констатировать тот факт, что в начале спортивной карьеры приоритетным направлением тренировочного процесса является техническая подготовка дающая максимальный вклад в общую сумму, это барьерный бег. Средний результат, показанный спортсменками в беге с барьерами превышает норматив мастера спорта (таблица 1). Скоростная подготовка превалирует над силовой, что подтверждает высокий результат в беге на 200 м и низкие результаты в метании копья и толкании ядра.

Возраст 20 лет – это возраст, когда в соревновательном результате семиборок наблюдается первый значительный скачок в ежегодном приросте. Средняя сумма лучшего показанного результата исследуемых семиборок (n = 21) составила 6070,48 ± 321,59 очков при среднем ежегодном приросте 297,33 очка. Наибольший результат в этом возрасте показала Carolina KLÜFT (Швеция). Ей удалось собрать сумму, превышающую заветный рубеж 7000 очков. В 2003 г. на Чемпионате мира в Париже она в шести видах семиборья установила личные рекорды и набрала 7001 очко. Это 10 сумма за всю историю соревнований по женскому легкоатлетическому многоборью.

Статистический анализ структуры соревновательной деятельности (таблица 1) позволяет выявить тенденции изменения вклада отдельных видов в общую сумму в этом возрасте. За три года значительно уменьшился вклад спринтерского бега с 32,96 % до 31,68 %, массовая доля прыжковых видов многоборья снизилась незначительно 30,49 % против 30,88 % в 17 лет, также, как и доля заработанных очков в беге на выносливость уменьшилась на 0,15 %. Потеря вклада беговых и прыжковых видов объясняется значительным увеличением вклада в общую сумму метаний – было 22,09 %, в 20 лет стало 24,22 %.

В абсолютном выражении мы видим рост результата во всех видах (в беговых видах уменьшение времени бега соответствует росту результата). Чтобы оценить равномерность усредненного прироста в каждом отдельном виде, мы воспользовались таблицей подсчета очков в легкоатлетическом многоборье [8]. Наименьший прирост результата наблюдается в беговых дисциплинах: бег на 200 м – всего 16,11 очков, бег на 800 м – 32,17 очка и в барьерном беге 37,44 очков. В прыжковых дисциплинах средний прирост составил 44,80 (прыжки в длину) и 50,36 (прыжки в высоту) очка. Значительный прирост наблюдается в метаниях 74,41 очко в толкании ядра и 97,82 очка в метании копья. Мы полагаем, что большой прирост в метаниях достигается благодаря достижению зоны первых больших успехов в этих видах [9]. Различие в темпах абсолютного прироста мы связываем с особенностями подготовки спортсменок в данном возрасте. На данном этапе особое внимание уделяется совершенствованию технического мастерства в сложно координационных видах – прыжках и особенно метаниях, что позволяет спортсменкам более полно реализовывать свои моторные способности.

Второй по значимости скачок усредненного соревновательного результата происходит в возрасте 23 года. Среднегодовой прирост составляет 186,36 очка. Средняя сумма очков сильнейших семиборок (n = 22) достигла 6386,36 ± 245,27 очка. Наибольшую сумму очков в этом возрасте на супертурнире по легкоатлетическим многоборьям в Гетцисе (Австрия) набрала Nafissatou THIAM (Бельгия). Она стала четвертой спортсменкой за всю историю этого вида, которой покорился семитысячный рубеж. Ее результат составил 7013 очков

По мнению В. Фискалова, в 23 года семиборки достигают возрастной зоны оптимальных возможностей [10]. По данным нашего исследования, из 36 спортсменок топ листа за весь период соревнований по легкоатлетическому многоборью в этом возрасте 28 набирали сумму более 6300 очков.

Динамика структуры соревновательной деятельности в этом возрасте характеризуется равномерностью абсолютного прироста во всех отдельных видах (таблица 1), от 32,41 очков в беге на 200 м до 55,76 очков в барьерном беге. Таким образом, изменение вклада отдельных видов в общую сумму колеблется незначительно, в интервале от –0,19 % в беге на 200 м до 0,12 % в беге на 800 м.

Равномерный рост результатов одновременно во всех видах семиборья мы связываем с тем, что в исследуемом возрасте уже полностью освоена техника выполнения видов и в тренировочном процессе можно больше времени уделить развитию физических качеств.

С 25 до 29 лет средний показатель соревновательной деятельности сильнейших спортсменок, специализирующихся в легкоатлетическом семиборье, колеблется в интервале от 6510,29 до 6526,27 очков. Лидеры каждой возрастной группы показывали результаты от 6778 (28 лет) до 7291 (26 лет). Из 36 спортсменок топ листа за весь период соревнований по семиборью 16 только достигли возраста 25 лет, либо уже в этом возрасте закончили спортивную карьеру по разным причинам. Например, Carolina KLÜFT (Швеция) выиграв соревнования различного уровня в 24 года завершила спортивную карьеру из-за потери мотивации к дальнейшим тренировкам. Из 20 семиборок, успешно выступающих на протяжении многих лет, 5 из них набрали максимальную сумму в 26 лет, по 3 спортсменки в 29 и 31 год, и по две спортсменки установили свои личные рекорды в сумме в 25, 27, 28 и 30 лет.

На основе проведенного статистического исследования соревновательной результативности сильнейших спортсменок, специализирующихся в семиборье (рисунок 1), для анализа структуры соревновательной деятельности в зоне оптимальных возможностей мы выбрали возраст, в котором был выявлен максимальный средний соревновательный результат. Это возраст 29 лет. Максимальная средняя сумма продемонстрированная спортсменками в этом возрасте 6526,27 очков, при наибольшей личной сумме 6808 очков. Прирост средней суммы, по сравнению с 23 годами, составил 139,91 очков.

По видам: наибольший абсолютный прирост наблюдался в прыжках в длину 45,46 очков. Мы связываем рост результата в этом виде с приобретением опыта соревновательной деятельности и улучшением способности спортсменок попадать на планку отталкивания. Также наблюдается незначительный рост результатов в беге на 100 м с барьерами (23,64 очка), толкании ядра (28,18 очков) и беге на 800 м (31,37 очков). В метании копья спортсменки ухудшили свой результат на 1,14 очко.

Заключение. Проведенный анализ структуры соревновательной деятельности сильнейших спортсменок, специализирующихся в легкоатлетическом семиборье, позволил выявить основные тенденции динамики ее структурных элементов в зависимости от возраста. В процессе взросления спортсменок происходит уменьшение разницы от вклада сильнейшего вида до вклада слабого вида. Если в 17 лет эта разница составляла 5,97 %, в 20 лет – 4,37 %, в 23 года – 4,41 %, в зоне оптимальных возможностей эта разница равна 4,55 %. Наблюдается изменение массовой доли отдельных видов в общую сумму. Колебания составляют от 1,23 % в беге на 200 м до 1,20 % в толкании ядра. В прыжках в длину колебания незначительны – 0,19 %.

В абсолютном выражении рост результатов от юношеского возраста до зоны оптимальных возможностей в шести видах произошел равноценный от 111,15 очков в прыжках в высоту до 143,12 очков в толкании ядра. Исключение составляет бег на 200 м, здесь прирост составил 51,56 очков. Однако рост результатов в отдельных видах происходил не равномерно. Основная разница абсолютного прироста в отдельных видах наблюдается с 17 до 20 лет. Наибольший прирост за этот период наблюдается в технических видах: метаниях (172,23 очка), прыжках (95,16 очков) и барьерном беге (37,44 очков). С 20 до 23 лет и с 23 до 29 лет

динамика структуры соревновательной деятельности характеризуется равномерностью абсолютного прироста во всех отдельных видах. От 32,41 очков в беге на 200 м до 55,76 очков в барьерном беге за период с 20 до 23 лет, и от 3,04 очков в беге на 200 м до 45,46 очков в прыжках в длину, в метании копья средний результат снизился на 1,14 очко.

В многолетней подготовке при планировании тренировочного процесса на первом этапе определяется планируемый для спортсменки прирост соревновательного результата. Чтобы оптимально выстроить прогнозируемую модель соревновательной деятельности, на основании проведенного исследования вклада отдельных видов в общую сумму очков мы разработали коэффициенты для каждого вида в рассмотренных возрастах (таблица 2). За 1,0 мы приняли самый слабый вид в 17 и 29 лет, это метание копья.

Таблица 2 – Соотношение отдельных видов в структуре общей суммы легкоатлетического семиборья

Дисциплина	17 лет	20 лет	23 года	29 лет
Бег 100 м с/б	1,48	1,34	1,35	1,39
Прыжок в высоту	1,40	1,29	1,29	1,31
Толкание ядро	1,01	0,98	0,99	1,03
Бег 200 м	1,41	1,25	1,24	1,24
Прыжок в длину	1,32	1,21	1,21	1,27
Метание копья	1,00	1,00	1,00	1,00
Бег 800 м	1,26	1,14	1,15	1,20

На этапе спортивного совершенствования для управления многолетней подготовкой спортсменок наши модели структуры соревновательной деятельности могут служить ориентиром при выборе направленности тренировочных воздействий, что позволит оптимизировать тренировочный процесс и избежать педагогических ошибок в подготовке.

Литература

1. Михайлов, В. М. Индивидуальная подготовка многоборок различной квалификации на основе использования модельных характеристик : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / В. М. Михайлов ; Моск. обл. гос. ин-т физ. культуры. – Пос. Малаховка (Моск. обл.), 1988. – 24 с.

2. Sevdalev, S, V. Modeling of the competitive activities of highly qualified athletes specializing in the modern pentathlon / S. V. Sevdalev., M. V. Kozhedub // Наука і освіта : науково-проктичний журнал Південного наукового Центру НАПН Украіни. – № 3. – 2020. – С. 125–131.

3. Суханов, С. М. Строение соревновательного результата в легкоатлетическом семиборье / С. М. Суханов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2013. – № 10 (104). – С. 162–166.

4. Добрынская Н. Моделирование соревновательной деятельности как основа индивидуализации построения многолетней подготовки в легкоатлетическом многоборье (женщины) / Н. Добрынская, Е. Козлова // Наука в олимпийском спорте. – 2013. – № 3. – С. 31–37.

5. Немцев, О. Б. Временные тренды структуры соревновательного результата в женском легкоатлетическом семиборье / О. Б. Немцев, Н. А. Немцева, А. М. Доронин, М. Н. Скидан // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2018. – № 7 (161). – С. 197–202.

6. Севдалев, С. В. Структура соревновательной деятельности спортсменок-пятиборок мирового уровня / С. В. Севдалев // Олимпийский спорт, физическая культура, здоровье нации в современных условиях : материалы XVII Междунар. научно-практ. конф., Луганск, 14 мая 2020 г. : в 2-х т. / под общ. ред. М. С. Скляра, А. И. Федорова. – Луганск : Книта, 2020. – Т. 2. – С. 312–318.

7. Мехрикадзе, В. В. Взаимосвязь видов в женском легкоатлетическом семиборье / В. В. Мехрикадзе, Е. В. Славкина, Б. В. Ермолаев // Вестник спортивной науки. – 2019. – № 2. – С. 9–13.

8. IAAF Scoring Tables for Combined Events. – Monaco, 2001. – 182 p.

9. Закономерности формирования и совершенствования системы движений спортсменов (на примере метания копья) : монография / В. А. Боровая [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. – 176 с.

10. Фискалов, В. Д. Теоретико-методические аспекты практики спорта : учебное пособие : [12+] / В. Д. Фискалов, В. П. Черкашин. – Москва : Спорт, 2016. – 352 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 01.12.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 37.015.31:37.016:37.091.3-057.875:37

Микролокальные аспекты развивающего обучения как основа межпредметного взаимодействия при подготовке учителя

В.Г. Ермаков

Показано, что активное содействие личностному развитию учащегося в процессе его обучения на всех ступенях образования становится все более актуальной задачей. На основе анализа микролокальных аспектов развивающего обучения предложены способы ее решения в наиболее проблемной ситуации, порождаемой понятиями высокого уровня абстрактности. Обосновано положение о том, что разработка названных аспектов является естественной платформой для укрепления межпредметного взаимодействия при подготовке педагога.
Ключевые слова: развивающее обучение, функции контроля, межпредметные связи, нелинейные модели, педагогическое образование.

It is shown that active assistance to the personal development of a student in the process of his learning at all levels of education is becoming an increasingly urgent task. Based on the analysis of microlocal aspects of developmental education, methods of its solution in the most problematic situation generated by the concepts of a high level of abstractness are proposed. The statement is substantiated that the development of these aspects is a natural platform for strengthening interdisciplinary interaction in the preparation of a teacher.
Keywords: developmental learning, control functions, interdisciplinary connections, nonlinear models, teacher education.

В данной статье представлены результаты исследования внутрисистемных методологических проблем современного педагогического образования. Ранее нами было показано, что в силу многих объективных и субъективных причин взаимодействие между курсами педагогики, психологии, методики преподавания и специальными дисциплинами ослабевает как в теоретическом, так и в практическом отношениях, и это негативно сказывается на конечных результатах профессиональной подготовки учителя-предметника [1]. Усугубляют эту тенденцию стремительные изменения в социально-культурной сфере, значительная хаотизация мировых процессов, усложнение задач образования, повышение напряженности образовательных процессов, утрата их былой устойчивости. Высокая скорость и неопределенность внешних изменений, которые при этом с нарастающей силой влияют на систему образования, привели к тому, что возникающие в большом количестве неординарные проблемы образования уже нельзя решить на базе имеющихся взглядов, представлений и методов, то есть парадигм, которые закреплены, в том числе, и в дисциплинах психолого-педагогического цикла. А.С. Майданов назвал такие проблемы непарадигмальными. «Если в парадигмальной области науки, – отметил А.С. Майданов, – можно с той или иной степенью полноты и достоверности предвидеть искомый результат, то в непарадигмальной области получаемые результаты оказываются непредвиденными и неожиданными» [2, с. 13]. Острую потребность в отыскании для современной системы образования именно непредвиденных и неожиданных решений можно увидеть в попытках построения так называемого инновационного образования. Как было установлено в статье [3], активность практических усилий в данном направлении оставалась высокой, несмотря на наличие множества препятствий и отсутствие необходимой теоретической базы для их преодоления.

С формальной точки зрения поиск методологической основы для решения острых проблем и противоречий современного образования лучше всего начать с системного подхода, поскольку внутренние и внешние факторы развития образования теперь нужно учитывать равноправно и во взаимосвязи, то есть системно. Как почеркнул С.И. Яковленко, «если рассматривать достаточно большие времена, то многие важные свойства любой доступной нашему наблюдению системы будут определяться ее незамкнутостью, а попытки объяснить

поведение незамкнутой системы, исходя только из ее внутренних свойств, неизбежно заведут в тупик» [4, с. 45]. Известно, что центральной процедурой в системном анализе является построение обобщенной модели, отображающей всю совокупность факторов и взаимосвязей. Однако в настоящее время взаимосвязи в образовательной сфере и окружающем ее пространстве столь многочисленны и многообразны и простираются так далеко, что многоаспектность образовательных процессов становится необозримой и недоступной для описания, нацеливаемого при системном подходе на синхронное расположение элементов или составляющих частей.

Выходом из этого тупика могло бы стать использование генетической модели, которая предполагает опору на предшествующее состояние сложной системы. Суть дополнительного методологического ресурса, предоставляемого этим подходом, раскрывает ответ П. Сорокина на вопрос о том, почему происходит более или менее полный возврат к прежним социальным структурам, старому порядку и старому режиму. Он пишет: «Социальный порядок не случаен, он есть продукт многовекового приспособления человечества к среде обитания и индивидов друг к другу. Это – итог вековых усилий, опыта, стремления создать наилучшие формы социальной организации и жизни» [5, с. 294]. Отсюда следует, что гармония между элементами социального организма, достигаемая на протяжении длительного времени, удерживается сильными, но сбалансированными взаимозависимостями, которые в стабильном состоянии не видны и потому их можно не учитывать напрямую. Благодаря этому теоретическая модель существенно упрощается. К сожалению, в хаотизированном мире прежние «островки устойчивости» стремительно разрушаются и генетический метод, близкий к универсальному, теряет все свои преимущества.

Следует заметить, что стабильность педагогических систем и раньше не была абсолютной, поскольку доступными людям конечномерными теоретическими моделями невозможно надежно охватить беспредельно многоаспектные образовательные процессы. В потоке перемен исходные положения тех или иных теорий выходят за рамки допустимой погрешности и сами становятся источниками системных сбоев. В качестве иллюстрации к сказанному обратимся к педагогической системе В.П. Каптерева, который подчеркивал, что «личные особенности нужно постоянно иметь в виду при воспитании» [6, с. 28], но при этом полагал, что «индивидуальную педагогику научно создать невозможно, так как наука имеет дело с общим, а не с частностями». Для разрешения противоречия между требуемым и достижимым он предложил всю заботу об индивидуализации переложить на семейное воспитание. По его мнению, «применение общих начал воспитания к свойствам данной личности – дело искусства родителей и воспитателей, дело их творчества» [6, с. 28]. Очевидным узким местом в этой конструкции является тот факт, что семья при выполнении столь сложных и ответственных функций воспитания фактически остается без всякой поддержки со стороны теории. Более того, при удлинении образовательных траекторий и кардинальном усложнении учебного материала возможности семьи в предотвращении индивидуальных образовательных катастроф устремляются к нулю – как в связи с общим сокращением времени взаимодействий в семье, так и по недостаточности квалификации родителей в различных узких областях знания. Отсюда следует, что учетом индивидуальных особенностей и их коррекцией необходимо заниматься непосредственно в учебном процессе, но давний и закрепившийся на парадигмальном уровне тезис о том, что у педагога на это нет времени, заслоняет собой резко возросшую остроту проблемы индивидуализации образования. Последствия нерешенности этой проблемы видны повсеместно.

Разумеется, тормозом на пути к необходимой перестройке методологического фундамента педагогики и образования является не только мнение многих экспертов, сформулированное В.П. Каптеревым. Если одним из аспектов управления образовательными процессами будет активный учет индивидуальных особенностей учащихся, то придется отказаться от простейших (линейных) моделей управления, от привычных заранее заготовленных поурочных разработок, от большинства педагогических технологий – от многого из того, что выстроено и используется в течение длительного времени. Было бы полезно оценить индуктивный предел трансформаций системы образования, которые в перспективе некоторым образом должны будут привести к разрешению проблемы индивидуализации, но пока сосредоточим усилия на отыскании частных решений при всевластии нынешней парадигмы образования.

В исследовании непарадигмальных проблем можно опереться на опыт А. Эйнштейна, который «виртуозно находил фундаментальные аномалии, противоречия и парадоксы в существующем физическом знании и, оттолкнувшись от них, делал скачки к принципиально новым теориям и гипотезам» [2, с. 14]. Очевидно, в рамках системного или генетического подхода такая стратегия поиска не реализуема, но она хорошо согласуется с достижениями асимптотологии, одного из разделов математики, которые претендуют на роль современной общенаучной методологии. В предисловии к книге [7] асимптотические методы названы самой романтической областью математики, которые до конца не формализуются и оставляют «большой простор для фантазии, догадки и интуиции исследователя, что граничит с искусством». Авторы подробно рассказали о результатах применения этих методов в различных областях знания, начиная от астрономии, механики, физики и кончая биологией, психологией, искусством.

Для нас данная теория интересна прежде всего своей нацеленностью на решение проблемы, которую физики называют «проклятием размерности», а мы обозначили как проблему многоаспектности. Авторы книги пишут: «Почти любая физическая теория, сформулированная во всей своей общности, очень сложна с математической точки зрения. Поэтому и при создании теории, и в дальнейшем ее развитии особую роль играют простейшие предельные случаи, допускающие аналитическое решение. При этом обычно уменьшается число уравнений, понижается их порядок, нелинейное уравнение заменяется линейным, исходная система в некотором смысле усредняется и т. п.» [7, с. 20]. Названные возможности лучше всего удается реализовать в том случае, когда у исследуемых объектов есть значительные и явно выраженные несоразмерности. Например, масса Солнца больше массы Юпитера примерно в 2 тыс. раз и больше массы Земли в 2 млн. раз. Столь значительные различия позволяют свести трудную задачу трех тел в небесной механике к задаче двух тел (Солнце и планета), а затем рассматривать «возмущения» полученной траектории от добавления третьего тела в систему.

Характерной особенностью асимптотического подхода является такой постоянно действующий компромисс: каждый шаг увеличения точности, как правило, достигается за счет очередного сужения области применения. В свою очередь, наличие несоразмерностей зачастую позволяет использовать несколько простых описаний с последующим их наложением.

При всей многофакторности современных образовательных процессов особое место в их описании занимает тот факт, что учащийся является самым слабым звеном в системе образовательных отношений. За короткий жизненный путь ему необходимо усвоить растущий объем опыта, накапливаемого человечеством, и стать одним из носителей окружающей его культуры. Наступил момент, когда проблемой укрепления личностной составляющей образования нужно озаботиться всерьез, не дожидаясь соответствующей перестройки всей системы образования. Остроту этой проблемы наглядно демонстрирует появление в учебном материале понятий высокого уровня абстрактности, из-за которых поисковая активность многих учащихся может угаснуть вплоть до формирования выученной беспомощности. В окрестности таких понятий задача активной поддержки личностного развития учащегося становится приоритетной, она подчиняет себе все остальные задачи управления образовательным процессом и этим упрощает ее исследование и решение. Несмотря на локальный характер этой частной задачи в ней сходятся многие другие проблемы современного образования, поэтому ее можно считать хорошей имитационной моделью прорыва в непарадигмальную область.

В статье [8] было показано, что такие понятия становятся существенными точками ветвления индивидуальных образовательных траекторий, поэтому помощь учащемуся в их усвоении становится важнейшим моментом в педагогическом обеспечении устойчивости образовательного процесса. Наиболее острую ситуацию порождают начальные понятия аксиоматических теорий в математике. Поскольку в них в свернутом виде представлена длительная история предшествующего развития теории, их самостоятельное деятельностное «распредмечение» учащемуся недоступно, при этом по замыслу аксиоматического метода время на помощь ему в этом месте учебными программами не предусмотрено. В итоге учащийся и педагог перед лицом труднейшей проблемы оказываются в полном одиночестве и могут рассчитывать только друг на друга, что создает хорошие условия для педагогики сотрудничества. При этом педагог должен сделать нравственный выбор и в гуманистических целях решиться за предель-

но малое время восстановить и развить самодеятельность учащегося настолько, чтобы на этом фундаменте вместе с ним выйти на заданную понятийную вершину, а затем и наверстать затраченное время. В случае успеха теория и практика развивающего обучения будет достроена важнейшей подсистемой – локальной теорией развивающего обучения.

Имеет место парадоксальная ситуация: методологическую помощь педагогу, отважившемуся поддерживать учащегося в полноценном усвоении такого понятия, оказывает само это понятие, поскольку в его силовом поле все необходимые шаги являются вынужденными.

Конкретным примером такого рода может служить описание основных ступеней в программе пропедевтики начальных понятий топологии, приведенное в статье [9]. Так как эти понятия являются абстракциями от абстракций, то даже в минимальном наборе промежуточных ступеней, доступных для каждого из тех, кто начинает изучать теорию, оказалось много. Большой свободы выбора тут нет. Заметим, что по отношению к хорошо подготовленным учащимся (в данном случае – студентам) введение этих понятий достаточно предварить небольшим количеством точно подобранных фактов.

Далее, установка на восстановление и развитие самодеятельности учащихся вынуждает делать основной упор на изучение логических связей между фактами. Начиная с Древней Греции, они служат основой научного аппарата, позволяют сжимать накапливаемую информацию и являются хорошим средством для активизации мышления. В свою очередь, систематизация сведений согласуется с общей потребностью людей жить в упорядоченном мире, то есть с какого-то момента такой анализ материала должен стать привлекательным и для учащегося. Логические обоснования удлиняют пропедевтическую программу, но ради личностного развития учащегося и преодоления последствий формального подхода к обучению на это нужно идти.

Изучение материала со строгим обоснованием каждого промежуточного утверждения означает максимальное повышение требований к качеству усвоения. Но в этом проблемном месте и при нехватке времени для полноценных предварительных разъяснений педагога нельзя ожидать, что каждый учащийся сможет сразу выйти на этот уровень и подтвердит его в контрольном испытании с первого раза. Поэтому нужно допустить возможность многократной сдачи заданий – до тех пор, пока требование по качеству усвоения не будет выполнено. Успех, достигнутый учащимся на таком уровне, не только раскроет ему эффективность опоры на логические связи, но и придаст импульс повышению его самооценки, уровня притязаний и мотивации к дальнейшей активной учебе.

Понимание опасности того, что формируемые представления у учащегося окажутся ошибочными и закрепятся надолго, делает целесообразным перемещение зачетного мероприятия с заключительного этапа в каждом модуле программы пропедевтики на его начальный этап. Такой перенос вступает в конфликт с традиционной оценкой степени усвоения материала и ее выражением в баллах, но эти функции контроля здесь ничего не значат, на первый план выходят мобилизующая и ориентирующая функции. Статус контрольного мероприятия с регистрацией (промежуточного) результата подталкивает учащихся к большей активности в усвоении предложенной порции материала; а увеличение доли самостоятельности облегчает педагогу диагностику узких мест в подготовке, в организации учебной деятельности и представлениях учащихся, что позволяет ему давать точные, адресные рекомендации по дальнейшей работе над заданием. В этом случае ориентирующий контроль станет некоторой модификацией эвристической беседы, но к ней учащиеся будут предметно готовиться заранее.

На основе возросшей активности учащегося, пережившего успех в преодолении трудного учебного препятствия, освоение им последующих ступеней пропедевтической лестницы может пойти легче и быстрее. Настоящие трудности для педагога и учащихся сосредотачиваются на первой ступени, когда для развертывания продуктивной совместной деятельности у учащегося может не оказаться никакой начальной базы. Более того, если педагог приступает к работе с учащимися, обучение которых ранее проходило на основе формального подхода, то ему придется столкнуться с их превратными представлениями о понятиях и связях между ними, с перегруженностью памяти второстепенными фактами, с косностью их знаний. В этом случае стратегия корректирующего воздействия на учащегося должна измениться.

Попытка подвести его к адекватному усвоению нового факта посредством некоторого упорядочения уже имеющихся у него сведений может оказаться безрезультатной, добавляющиеся сведения будут падать, как говорят, на прежнюю структуру, ничего в ней не меняя.

Наряду с явлениями, описанными и проанализированными П.А. Сорокиным, суть этой проблемы хорошо иллюстрирует теория исследовательских программ И. Лакатоса, согласно которой у каждой такой программы существует «защитный слой» новых гипотез, препятствующий слому ее жесткого ядра при появлении аномальных для нее фактов. Соответственно при приеме первых заданий главной целью педагога должен стать прорыв этого защитного слоя, а средством – настойчивое оппонирование ответам учащегося, например, при помощи перехода к обсуждению все более мелких деталей доказательств. Учитывая близкое к фрактальному строение математического знания в «завершенной» (по терминологии Г. Фройденталя) математике, переходить к более мелким деталям можно достаточно долго. Делать это нужно до тех пор, пока у учащегося не закончится запас заранее заготовленных текстов и ему придется достраивать свои обоснования непосредственно в процессе беседы с преподавателем, раскрывая при этом то, что М. Полани назвал личностным знанием.

Для того чтобы опосредовано корректировать разные грани личностного знания студентов, консолидирующегося при их встрече с понятием общего метрического пространства, и не навязывать им каких-либо готовых словесных формулировок, нами было заготовлено около 150 примеров метрических пространств. Они играли роль фактов, альтернативных ошибочным представлениям об этом понятии, и использовались в меру необходимости – иногда в очень малой части. Разумеется, если не ставить перед собой задачу решительной активизации самодеятельности студентов, то хватило бы и нескольких примеров. Соблазн отказа от этой задачи усиливается из-за дефицита времени и немалого числа промежуточных фактов, ведущих к ключевому критерию непрерывности отображений метрических пространств на языке открытых множеств, а от него к понятию топологии на множестве. Но именно в этих обстоятельствах активизация самостоятельного мышления студентам крайне нужна.

В целом встречные вопросы педагога, оппонирующего ответам учащегося, предъявление контрпримеров, повышенные требования к качеству обоснований должны привести и без того обрывочный, косный массив сведений, удерживаемых учащимся, к еще большей фрагментации. Тогда и откроется возможность для их упорядочения на новой более надежной основе.

Естественность этих переходов подтверждается и в разных культурах, и в творческой деятельности. Так, говоря о психической культуре чань, Н.В. Абаев пишет: «Перед своим внезапным прорывом к «просветлению», означавшим переход на качественно новый психический уровень, чаньский адепт должен был пережить символическую смерть, когда хаотическое душевное состояние, вызванное «великим сомнением» (*да-и*), достигало своего апогея. За «великой смертью» (*да-сы*) следовало «великое пробуждение» (*да-цзюэ*), т. е. возвращение к новой жизни, которое вполне закономерно знаменовалось «великой радостью» (*да-лэ*) [10, с. 94].

В чаньской культуре «просветлению», как правило, «предшествовал период тяжелых испытаний, мучительных сомнений и напряженной внутренней работы, который сопоставим с рекреационным процессом в архаическом обряде инициации» [10, с. 93]. При этом во время обряда инициации психика молодого члена архаического коллектива подвергалась очень суровому испытанию, примером которого может служить чаньская «шокотерапия».

Заметим, что понятия высокого уровня абстрактности всей массой свернутых в них сведений сами по себе подвергают учащегося суровому учебному испытанию, так что других форм «шокотерапии» в диалоге с педагогом не требуется. Объясняющей метафорой могут служить снимки из космоса, на которых изображены разрушения звезд вблизи черных дыр.

Проблемой остается формирование у учащегося нового «жесткого ядра» представлений для упорядочения информации, максимально фрагментированной на предшествующем этапе взаимодействия с педагогом. Время наступления соответствующей ага-реакции, вообще говоря, неизвестно. Данное Э.В. Ильенковым публицистически яркое описание практической стадии «первоначального очеловечения» слепоглухого ребенка в известном эксперименте А.И. Мещерякова и И.А. Соколянского демонстрирует, насколько важен этот момент для последующего развития ребенка и насколько внимателен должен быть воспитатель, чтобы не пропустить его и своевременно перестроить свое руководящее воздействие [11, с. 35].

Обратим внимание также на то, что даже по-настоящему творческие люди говорят об анализе намного подробнее и детальнее, чем о сборке элементов в новую целостность. Так, режиссер А. Эфрос, отвечая на вопрос журналиста, сказал, что драматург приносит нечто живое, но его «нужно анатомировать “страшным образом”, чтобы понять, как все работает, увидеть все причинные связи – все, все. ... А потом все должно снова обрасти мясом, кровью, жилами. И стать живым» [12]. В то же время, легко догадаться, что этому синтезу помогают сверхзадачи, которые ставят перед собой сценарист и режиссер в плане воздействия на слушателей данным спектаклем. То же самое можно сказать и о пропедевтике сложного понятия, которая вынужденно является многоступенчатой, но одновременно и целенаправленной.

Механизм возможного опосредованного содействия усилиям учащегося в синтезе элементов во внутреннем плане раскрыл Ж. Адамар. Доказывая в качестве демонстрационного примера теорему «Последовательность простых чисел не ограничена», он в своей книге «Исследование психологии процесса изобретения в области математики» описал соответствующие образы, возникающие в его мозге. На естественный вопрос, какая может быть польза от такого странного и неопределенного представления, он ответил: «Оно мне необходимо для того, чтобы единым взглядом охватить все элементы рассуждения, чтобы их объединить в одно целое – наконец, чтобы достичь того синтеза, о котором мы говорили... Этот механизм не раскрывает мне ни одного звена в цепи рассуждения (т. е. не содержит никаких свойств делимости или простых чисел), но он мне напоминает о том, как эти звенья должны быть соединены» [13, с. 60]. Остается заметить, что при прохождении программы пропедевтики сложного понятия логические цепи обоснований удлиняются и названные проблемы будут возникать перед учащимися постоянно. Поэтому добиваться одномоментного формирования адекватных новых опорных образов не нужно, можно рассчитывать на их поэтапное развитие и коррекцию.

Соответственно и личностное развитие учащегося получит новую продуктивную основу, которая будет позитивно сказываться долго. Особая ценность последствий от вынуждаемой обстоятельствами реализации описанных корректирующих мероприятий вблизи понятия высокого уровня сложности позволяет говорить о локальной (сингулярной) подсистеме системы развивающего обучения, а происходящее на первой ступени пропедевтической лестницы оправдывает выделение еще и микролокальной теории развивающего обучения.

Снятие остроты в проблеме обеспечения личностной составляющей открывает возможность вернуться к не менее насущным для общества и государства содержательным аспектам управления образовательными процессами. При переходе на нелинейные модели управления противоречие между названными подходами легко разрешается путем их простого разведения во времени. В результате на малых временных участках будут происходить колебания, которые до сих пор можно было наблюдать на больших промежутках. Например, А. Фуше в книге «Педагогика математики» (М.: Просвещение, 1969) указал на чередование эвристического и догматического методов обучения и назвал его поразительным и длящимся на протяжении всей истории педагогики математики. Теперь в условиях общего ускорения мировых процессов оно должно стать более быстрым.

При всех потенциальных возможностях методологического и методического прозрения педагогов в процессе решения названного тугого клубка неординарных педагогических задач, порождаемых сингулярностями информационного пространства культуры, нельзя рассчитывать на то, что эти возможности реализуются сразу в практике всех учителей и преподавателей вузов, в теориях ученых и в работе представителей управления. Эти сомнения подкрепляются также властвующими над умами парадигмальными представлениями, выражающимися, в частности, в идеализации простейших (линейных) моделей управления. Поэтому для развития и широкого распространения идей и методов, связанных с сингулярными и микролокальными аспектами развивающего обучения, требуется специальная организационная поддержка. Ее могут оказывать региональные инновационные научно-практические Центры активных методов педагогической коррекции, концепция которых предложена в статье [14].

Участие специалистов разного профиля в проведении практической коррекционной работы, организуемой в тех или иных классах и поддерживаемой сотрудниками данного Цен-

тра, поможет им дополнить свои разработки недостающими элементами инвариантной теории развивающего образования, которая тоже будет последовательно развиваться. Тогда и требуемое межпредметное взаимодействие при подготовке учителей будет восстанавливаться и в теории, и на практике.

Литература

1. Ермаков, В. Г. Методология межпредметного взаимодействия при подготовке учителя-предметника в условиях кризиса системы образования / В. Г. Ермаков // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2013. – № 3 (78). – С. 60–66.

2. Майданов, А. С. Интеллект решает неординарные проблемы / А. С. Майданов. – М. : ИФРАН, 1998. – 321 с.

3. Ермаков, В. Г. Инновационное образование как объект теории / В. Г. Ермаков, Н. Н. Нечаев // Вестник МГЛУ. Сер. «Педагогическая антропология». Сб. «Психолого-педагогические аспекты развития образования». – 2008. – Вып. 539. – С. 96–113.

4. Яковленко, С. И. Философия незамкнутости / С. И. Яковленко // Вопросы философии. – 1996. – № 2. – С. 41–50.

5. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.

6. Энциклопедия семейного воспитания и обучения / П. Ф. Каптерев (ред.). – М. : Типография Е. Евдокимова, 1898. – Вып. 1. – 42 с.

7. Андрианов, И. В. Асимптотология : идеи, методы, результаты / И. В. Андрианов, Л. И. Маневич. – М. : АСЛАН, 1994. – 160 с.

8. Ермаков, В. Г. Топология информационного пространства культуры и проблема устойчивости образовательных процессов / В. Г. Ермаков // Вестник Казахстанско-Американского Свободного Университета. – 2019. – Вып. 1. Педагогика и психология. – С. 24–33.

9. Ермаков, В. Г. Функции и структура задач при локальном обращении аксиоматических теорий / В. Г. Ермаков // Известия Гомельского . ун-та им. Ф. Скорины. – 2012. – № 2 (72). – С. 45–52.

10. Абаев, Н. В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае / Н. В. Абаев. – 2-е изд. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. – 272 с.

11. Ильенков, Э. В. Учитесь мыслить смолоду / Э. В. Ильенков. – М. : Знание, 1977. – 64 с.

12. Эфрос, Анатолий. Я – за такой театр... / Анатолий Эфрос // Литературная газета. – 1988. – № 38. – С. 8.

13. Адамар, Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики / Ж. Адамар. – М. : МЦНМО, 2001. – 128 с.

14. Ермаков, В. Г. Концепция регионального инновационного научно-практического Центра активных методов педагогической коррекции / В. Г. Ермаков // Россия : тенденции и перспективы развития : ежегодник / РАН. ИНИОН. – М., 2019. – Вып. 14, ч. 2. – С. 731–735.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 19.01.2021

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 37.013.42:364.781.2-057.874

Результаты эмпирического исследования по выявлению обучающихся из категорий социального риска[1]

Ф.В. Кадол, В.П. Горленко, Л.И. Селиванова, Н.Н. Зенько

В статье представлены результаты эмпирического исследования по выявлению обучающихся из категорий социального риска. Результаты исследования позволили зафиксировать воздействия факторов социального риска на развитие и саморазвитие подростков, произвести первичное выявление учащихся из категорий социального риска, выяснить уровень выраженности их жизнестойкости, потребности в саморазвитии и нравственном самосовершенствовании.
Ключевые слова: социализация, социальная среда, социальный риск, обучающийся, подросток, педагогическая диагностика, признаки, показатели.

The article presents the results of the empirical study to identify students from the categories of social risk. The results of the study made it possible to formalize the impact of social risk factors on the development and self-development of adolescents, to make the primary identification of students from the categories of social risk and find out the level of expression of their resilience, the need for self-development and moral self-improvement.
Keywords: socialization, social environment, social risk, student, teenager, pedagogical diagnostics, signs, indicators.

Социализация человека – это естественный непрерывный процесс, который начинается с рождения и продолжается на протяжении всей жизни. Вместе с тем нормы поведения и социальные ограничения меняются так стремительно, что школьники всех возрастов иногда с трудом адаптируются к современной жизни. Психологи называют это явление «стрессогенной социализацией», которая связана с духовным вакуумом, порождаемым отсутствием четких ориентиров и универсальных ценностей [1, с. 154]. Растущая относительность общественного устройства усиливает противоречивость индивидуального выбора школьника и склоняет его в пользу непринятия обязательств по отношению к социуму. Социальные ориентиры все чаще обесцениваются, а включение в общественную жизнь, в глобальном смысле, теряет свое значение. «Неправильная (неадекватная) социализация или расстройство социализации, – пишет Е.И. Холостова, – ведет к кризису личности, но также создает кризисное напряжение в обществе» [2, с. 20].

На появление неадекватной социализации и неэффективной социализированности обучающихся оказывают влияние многие объективные и субъективные неблагоприятные факторы. Объективно эти факторы могут проявляться в ограничении способностей выполнять социальные функции, в разрыве социальных связей, субъективно – в искажении системы внутренних норм и установок, в поведении, не соответствующем должному. Среди факторов, обусловливающих дефекты социализации обучающихся, можно назвать, с одной стороны, социально-экономические и социально-демографические факторы (малообеспеченность и бытовая неустроенность семьи, многодетная или неполная семья, опекунская или приемная семья и др.), с другой – социально-психологические и социально-педагогические факторы (трудности внутрисемейных контактов, слабая психологическая поддержка ребенка, предоставление детям излишней самостоятельности, уклонение родителей от надлежащего воспитания ребенка и др.). Именно наличие этих факторов позволяет более или менее объективно выделить группы обучающихся из категорий социального риска.

[1]Статья подготовлена в рамках выполнения проекта «Создание модели педагогического пространства для нравственного саморазвития обучающихся из категорий социального риска» (договор с БРФФИ № Г18-136, № госрегистрации 20181189).

Необходимым элементом эмпирического исследования по выявлению обучающихся из категорий социального риска является *педагогическая диагностика*. Она рассматривается как методический инструмент, дающий специалисту необходимые знания, на основании которых ставится социальный диагноз проблемы, выбираются технологии образовательного процесса, позволяющие разрешать имеющиеся трудности в жизнедеятельности детей из категорий социального риска. Педагогическая диагностика включает в себя совокупность методов и приемов и предполагает способность педагога распознавать личностные ресурсы обучающегося, резервные возможности его социального окружения, обеспечивающие достижение успехов в отношениях с родителями, педагогами и одноклассниками, саморазвития и самореализации в различных сферах.

Цель исследования – выявление обучающихся из категорий социального риска. **Задачи исследования** – фиксация воздействия факторов социального риска на обучающихся; первичное выявление подростков из категорий социального риска; выяснение выраженности жизнестойкости обучающихся; установление уровня реализации потребности в саморазвитии у обучающихся; определение степени сформированности у обучающихся качеств и свойств личности, способствующих нравственному саморазвитию. **Методы исследования** – беседа, наблюдение, тестирование, анкетирование, оценивание.

Диагностический инструментарий. В качестве диагностического инструментария по выявлению обучающихся из категорий социального риска выступали: а) методика первичной диагностики и выявления детей «группы риска» (М.И. Рожков, М.А. Ковальчук) [3]; б) индивидуальная диагностическая карта «Факторы социального риска» для выявления обучающихся из категорий социального риска (Л.И. Селиванова, Н.Н. Зенько) [4]. Диагностическое исследование проводилось на базе средних школ № 2, № 15, № 26, № 59 г. Гомеля. В исследовании принимали участие 408 подростков 11–14 лет, из них 213 мальчиков и 145 девочек. Обобщенные результаты исследования можно представить в следующих характеристиках.

1. Результаты исследования по методике первичной диагностики и выявления детей «группы риска» (М.И. Рожков, М.А. Ковальчук). Данная методика предназначена для определения особенностей развития личности, своевременного выявления факторов риска и использования полученных результатов в практике коррекционной работы. Методика основана на существовании объективных факторов, характеризующих условия микросоциальной среды, и субъективных, включающих индивидуально-психологические особенности личности детей и подростков, которые служат предпосылками различных асоциальных форм поведения. В исследовании использовалась форма методики из 50 вопросов, предназначенных для подросткового возраста. Ответы испытуемых сверялись с ключом. Далее проводился подсчет совпадений по 5 шкалам: отношения в семье, агрессивность, недоверие к людям, неуверенность в себе, акцентуации. Суммарный балл по каждой шкале показывает степень выраженности соответствующего показателя и позволяет выявить вероятность отнесения ребенка к группе риска.

Шкала «*Отношения в семье*». Результаты исследования указывают на наличие 42 обучающихся, которых по этой шкале можно отнести к группе риска. Они составляют 10 % от общего количества выборки. О нарушении внутрисемейных отношений, негативно влияющих на социализацию, указывают такие суждения испытуемых подростков: родители возражают против общения с друзьями; сложившаяся неблагоприятная психологическая атмосфера в семье вызывает желание убежать из дома; чрезмерная требовательность и недовольство поведением ребенка вызывают у него чувство страха; отстранение родителей от проблем ребенка связывается с недостаточной любовью к нему; неправильная оценка родителями поступков ребенка приводит к одиночеству и отчуждению от семьи. Кроме того, в ответах учащихся фиксируются такие показатели, как непонимание ребенка отцом или матерью, желание остаться одному дома без родителей, зависть к более счастливым семьям своих друзей, появление чувства раздражения на слова и действия родителей. Некоторые сомнения вызывают категоричные суждения учащихся об отсутствии ссор и конфликтов в семье, стабильной материальной обеспеченности в неполных и многодетных семьях, полном отсутствии наказаний детей, безразличном отношении детей к недостатку денег в семье. На наш взгляд, подобные суждения подростков связаны с боязнью навредить семье, желанием скрыть явно имеющиеся недостатки во внутрисемейных отношениях.

Шкала «*Агрессивность*». По данной шкале к группе риска относятся 67 обучающихся или 16 % от общего количества испытуемых. Так, от 5 до 6 баллов получили те подростки, которым нравится нарушать установленные правила в школе и дома, которые раздражаются по любому поводу и которые легко вступают в драку с одноклассниками. Агрессивность выражается через враждебность, недоброжелательность, мстительность, дерзость по отношению к окружающим. Это подтверждается утвердительными ответами по поводу того, что подросток может ударить человека, угрожать одноклассникам, родителям и учителям, по-настоящему ненавидеть кого-либо. Среди личностных факторов, которые могут стать причиной агрессии, можно назвать негативные поведенческие сценарии в социальных ситуациях, агрессивные стимулы, дискомфорт в общении с родителями, провокации со стороны асоциальных групп.

Шкала «*Недоверие к людям*». Высокие баллы были выявлены у 110 учащихся (27 %). Это может указывать на наличие таких личностных особенностей, как сильно выраженное недоверие к окружающим людям, подозрительность, враждебность. Такие подростки часто бывают пассивными и застенчивыми в общении со сверстниками из-за боязни быть отвергнутыми. Обычно это сопровождается коммуникативной некомпетентностью, неумением устанавливать дружеские взаимоотношения с другими людьми. Все это в значительной степени определяет личные выборы или модели поведения, которые могут быть основополагающими при возникновении социальных отклонений.

Шкала «*Неуверенность в себе*». По данной шкале высокие баллы показали 150 обучающихся (37 %). Для нашего исследования важны такие, связанные с проявлением неуверенности, качества подростков, как: застенчивость, замкнутость, недовольство собой и своими достижениями, отсутствие чувства собственной значимости и аутосимпатии (они видят в себе преимущественно недостатки), необъективная критичность в отношении к себе, склонность к самообвинению и самонепринятию, низкий уровень самопонимания и личностной рефлексии. Расхождение между Я-реальным и Я-идеальным считается тревожным симптомом, поскольку, по мнению ряда исследователей, ведет к нарушениям поведения и социально-психологической адаптации ребенка.

Шкала «*Акцентуации*». Признаки *гипертимного* типа акцентуации показали 309 (76 %) учащихся. Для воздействия неблагоприятных социальных факторов значимы такие качества подростков с гипертимной акцентуацией, как большая подвижность, общительность, болтливость, раздражительность, вспышки гнева, неустойчивость в интересах, чрезмерная самостоятельность, склонность к риску, прожектерству, аморальным поступкам, недостаток дисциплинированности, разборчивости в знакомствах, чувства дистанции в отношениях. Подростки с признаками *истероидного* типа акцентуации составили 251 человек, т. е. 61 % от общего числа обследованных. Для них характерны упорство, инициативность, коммуникативность, активная жизненная позиция. Для нашего исследования важны такие негативные качества подростков с истероидным типом акцентуации, как легкая смена увлечений, ярко выраженный эгоцентризм, жажда быть в центре внимания, боязнь быть осмеянными, склонность к демонстративному суициду (парасуициду).

Подростки с наличием признаков *эмоционально-лабильного* типа акцентуации составили 36 % респондентов (146 человек). Такие подростки характеризуются крайне непредсказуемой изменчивостью настроения, от которого зависят сон, аппетит, работоспособность и общительность. Люди с лабильной акцентуацией имеют богатую эмоциональную сферу, весьма чувствительны к знакам внимания, тянутся к своим сверстникам, но довольствуются ролью опекаемого. Слабые их стороны проявляются при отвержении со стороны близких людей, утрате близких и разлуке с теми, к кому они привязаны. Наименьшую группу составили подростки с признаками *шизоидного* типа акцентуации: 24 % от общего числа обследованных (96 человек). Неблагоприятному влиянию факторов социального риска могут способствовать следующие характеристики подростков с шизоидным типом акцентуации: замкнутость, отгороженность от других людей, неумение понимать состояние другого человека, устанавливать эмоциональные контакты, недостаток умения сопереживать.

2. Результаты исследования с помощью диагностической карты «Факторы социального риска» (Л.И. Селиванова, Н.Н. Зенько). Обобщенная характеристика ситуации развития обучающихся получена в результате заполнения классными руководителями *индиви-*

дуальных диагностических карт по заранее составленной форме. Противоречивые данные уточнялись социальными педагогами учреждений образования путем наблюдений за учащимися, бесед с ними, использования уже имеющихся результатов социально-педагогической и психологической диагностики. Полные данные, фамилия, имя, отчество ребенка фиксировались в списке респондентов. Бланк индивидуальной диагностической карты обучающегося содержал показатели социального риска, сформулированнные в закрытой форме в виде вопросов и суждений, которые были составлены исследователями с учетом действующих нормативных актов и теоретических выводов. Оценка *влияния факторов социального риска* осуществлялась по наличию зафиксированных экспертами в бланках диагностической карты объективных показателей жизнедеятельности обучающихся и их окружения.

Социально-экономические факторы риска [5]. Группу риска по социально-экономическому фактору составляют 70 учащихся (17 %). Общее количество выборов показателей, характеризующих данный фактор, составило 142, т. е. 3 % от максимального. По частоте встречаемости показатели выглядят следующим образом: один из родителей временно не работает – 32 (8 %) учащихся; работа родителей является низкооплачиваемой – 25 (6 %) учащихся; семья имеет статус малообеспеченной – 22 (5 %) учащихся; продукты питания имеются в ограниченном количестве – 17 (4 %) учащихся; длительное отсутствие ремонта жилья – 15 (4 %) учащихся; у ребенка отсутствуют постоянное место для сна, учебных занятий и игр – 11 (3 %) учащихся; один или оба родителя уклоняются от содержания ребенка – 9 (2 %) учащихся; имеется задолженность по оплате коммунальных услуг – 8 (2 %) учащихся; ребенок находится на государственном обеспечении – 3 (1 %) учащихся. Показатель «одежда и обувь ребенка не соответствует возрасту и сезону» не был отмечен никем из экспертов.

Социально-демографические факторы риска [6]. Они занимают лидирующую позицию – 234 (6 % от возможного количества выборов). К категории социального риска по влиянию данного фактора следует отнести 156 (38 %) учащихся. Частоту выборов по данному фактору можно представить в следующем виде: семья является неполной – 74 (18 %) учащихся; семья является многодетной – 53 (13 %) учащихся; семья образована в результате повторного брака – 41 (10 %) учащийся; у ребенка имеются сводные братья и сестры – 28 (7 %) учащихся; брак родителей не зарегистрирован – 18 (4 %) учащихся; в отношении семьи ставился вопрос о лишении родительских прав – 7 (2 %) учащихся; ребенок временно проживает с родственниками (знакомыми) – 4 (1 %) учащихся; ребенок воспитывается в опекунской или приемной семье – 4 (1 %) учащихся; члены семьи имеют ярко выраженные религиозные предпочтения – 2 (1 %) учащихся. Данных о семьях, временно пребывающих на территории Республики Беларусь, не зафиксировано.

Медико-социальные факторы риска [7]. Общее количество учащихся, у которых отмечен один или несколько показателей, характеризующих медико-социальный фактор, составляет 105 (26 % учащихся). Общее количество отмеченных показателей данного фактора по всей выборке составило 142 (3 %). По частоте встречаемости показатели распределились в следующем порядке: один или оба родителя курят – 48 (12 %) учащихся; ребенок имеет хронические заболевания – 41 (10 %) учащийся; родители работают во вредных условиях – 14 (3 %) учащихся; ребенок имеет особенности психофизического развития – 10 (2 %) учащихся; один или оба родителя имеют хронические заболевания – 7 (2 %) учащихся; один или оба родителя являются инвалидами – 7 (2 %) учащихся; ребенок имеет инвалидность – 6 (1 %) учащихся; один или оба родителя являются алкоголиками – 5 (1 %) учащихся; состояние жилья не соответствует санитарно-гигиеническим нормам – 4 (1 %) учащихся.

Социально-педагогические факторы риска [8]. Результаты показали, что 115 (28 %) подростков указали на обусловленность ситуаций социального риска социально-педагогическими факторами, что отмечено 210 выборами (5 %). Наиболее выраженными из них оказались: во взаимодействии школы и родителей инициаторами являются педагоги – 44 (11 %); родители постоянно ограждают ребенка от трудностей и забот – 35 (9 %); родители всегда выполняют пожелания ребенка – 37 (9 %) выборов. Проблемными являются показатели осведомленности родителей об увлечениях детей и организации нравственно или интеллектуально насыщенного досуга: родители слабо осведомлены об увлечениях и интересах ребенка – 14 (3 %); ребенок не всегда сообщает родителям, где и с кем проводит свободное

время – 19 (5 %). Можно предположить, что именно этот факт провоцирует увлеченность детей компьютерными играми, которые, как следует из результатов проведенного исследования, составляют весьма значимую часть досуга опрошенных подростков – 35 (9 %) учащихся. В воспитании 8 (2 %) учащихся применяются методы принуждения и (или) наказания, в семьях 11 (3 %) детей имеются некоторые различия в требованиях к ребенку, у 7 (2 %) учащихся один или оба родителя уклоняются от воспитания ребенка, один ребенок интересуется ценностями и атрибутикой неформальных молодежных групп.

Социально-психологические факторы риска [9]. По частоте встречаемости показателей этот фактор является самым распространенным – 238 (6 % от возможного количества выборов). Это подтверждает вывод о том, что в общем механизме влияния факторов социального риска на обучающихся он выступает сопутствующим, фоновым, создавая тем самым феномен «сочетанности действия». Влияние данного фактора выявлено у 113 (28 %) обучающихся. Также данный фактор – единственный, в котором все имеющиеся показатели были отмечены экспертами. Полученные результаты позволяют проранжировать показатели по частоте выборов в следующем порядке: ребенок проводит в социальных сетях, интернете более 2 часов – 58 (14 %) учащихся; реакции ребенка часто непредсказуемы – 35 (9 %) учащихся; ребенок испытывает трудности в общении с людьми – 25 (6 %) учащихся; нарушено взаимопонимание между родителями и ребенком – 21 (5 %) учащийся; ребенок часто проявляет упрямство и негативизм – 21 (5 %) учащийся; у ребенка наблюдаются проявления тревожности или страха – 21 (5 %) учащийся; ребенок склонен к конфликтному поведению в школе – 17 (4 %) учащихся; ребенок имеет статус изолированного или отверженного в коллективе класса – 15 (4 %) учащихся; ребенок склонен к проявлению агрессии – 14 (3 %) учащихся; в отношениях между членами семьи преобладает противоборство мотивов и взглядов – 11 (3 %) учащихся.

Криминогенные факторы социального риска [10]. В исследовании зафиксировано 3 респондента с пренебрежительным отношением членов его семьи к правовым нормам. По данным анкетирования, у 5 учащихся родители привлекались к административной или уголовной ответственности, по 2 несовершеннолетним отмечены факты связи с асоциальными группами, 3 учащихся проявляют интерес к криминальной лексике и атрибутике, у 2 человек круг знакомых включает нарушителей общественного порядка. Эксперты отметили 1 учащегося, в семье которого допускается жестокое обращение с несовершеннолетними, у 3 респондентов отмечены случаи физического наказания ребенка, 2 несовершеннолетних подвергались физическому или психическому насилию со стороны сверстников или взрослых лиц. Эксперты отметили только 1 ученика, родители которого регулярно употребляют алкогольные напитки, а также 4 несовершеннолетних, у которых знакомые употребляют алкогольные напитки или психоактивные вещества. Как видим, в группу риска по воздействию криминогенных факторов вошли 16 (4 %) учащихся с количеством выборов 23, т. е. 1 % от максимально возможного.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить обучающихся группы риска и зафиксировать наличие показателей воздействия на них неблагоприятных социальных факторов. Результаты первичной диагностики и выявления детей «группы риска» по методике М.И. Рожкова и М.А. Ковальчук показали наличие достаточно высоких показателей по шкалам «недоверие к людям», «неуверенность в себе», «отношения в семье», «агрессивность». При этом у обследованных подростков были обнаружены практически все типы акцентуации характера. Диагностическое исследование с использованием индивидуальной диагностической карты также позволило выявить группы учащихся, находящихся в большей степени под влиянием социально-демографических, социально-психологических и социально-педагогических факторов. На основании результатов исследования можно сделать вывод, что в процессе воспитания обучающихся следует предусмотреть отказ от активного авторитарного воздействия на них со стороны педагогов и родителей. Приоритетным следует считать организацию конструктивных деловых и личных взаимоотношений. Именно отношения духовно-нравственного сотрудничества и содержательной морально-этической коммуникации будут выражать сущность стимулирующего фактора для развития и саморазвития обучающихся в ситуациях социального риска.

Литература

1. Авдулова, Т. П. Психология подросткового возраста : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / Т. П. Авдулова. – М. : Издательский центр «Академия», 2012. – 240 с.

2. Холостова, Е. И. Социальная работа с дезадаптированными детьми : учеб. пособие / Е. И. Холостова. – 2-е изд. – М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2006. – 280 с.

3. Рожков, М. И. Профилактика наркомании у подростков : учеб.-метод. пособие / М. И. Рожков, М. А. Ковальчук. – М. : Издательство ВЛАДОС, 2018. – 142 с.

4. Селиванова, Л. И. Диагностика нравственного саморазвития личности обучающихся из категорий социального риска / Л. И. Селиванова // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2019. – № 7. – С. 17–21.

5. Горленко, В. П. Малообеспеченность семьи как фактор риска социализации обучающихся / В. П. Горленко // Проблемы и перспективы развития современной науки в странах Европы и Азии : сб. науч. работ / редкол.: В.П. Коцур [и др.]. – Переяслав–Хмельницкий, 2018. – С. 44–46.

6. Горленко, В. П. Социально-демографические факторы риска социализации детей: многодетная семья / В. П. Горленко // Сучасні тенденції розвитку освіти й науки: проблеми та перспективи : зб. наук. праць : в 2 т. / упорядник Ю. Т. Коліснік-Гуменюк. – Київ–Львів–Бережани–Гомель, 2018. – Вип. 4, т. 1. – С. 46–51.

7. Зенько, Н. Н. Особенности влияния факторов социального риска на социализацию обучающихся / Н. Н. Зенько // Вісник Національного університету «Чернігівський колегіум» ім. Т. Г. Шевченка. – 2019. – № 2. – С. 122–128.

8. Кадол, Ф. В. Содержание и особенности влияния на обучающихся социально-педагогических факторов в ситуациях социального риска / Ф. В. Кадол // Педагогика многообразия. Инклюзивный подход к организации образовательного процесса в гетерогенной среде : сб. науч. тр. / под общ. ред. И. В. Журловой. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2019. – С. 276–281.

9. Зенько, Н. Н. Социально-психологические риски социализации обучающихся в коллективе сверстников / Н. Н. Зенько // Сучасні тенденції освіти й науки: проблеми та перспективи : зб. наук. праць / упорядник Ю. Т. Коліснік-Гуменюк. – Київ–Львів–Бережани–Гомель, 2019. – Вип. 5. – С. 102–107.

10. Селиванова, Л. И. Криминогенные факторы социального риска для обучающихся / Л. И. Селиванова // Педагогика многообразия. Инклюзивный подход к организации образовательного процесса в гетерогенной среде : сб. науч. трудов / под общ. ред. И. В. Журловой. – Мозырь : МГПУ им. И. П. Шамякина, 2019. – С. 326–334.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 08.10.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 796.093.64: 796.015-055.2

Индивидуализация в подготовке квалифицированных спортсменок, специализирующихся в комплексных видах многоборий

С.В. Севдалев, М.С. Кожедуб, Е.А. Алейник

В статье проанализированы сведения, полученные в результате детального изучения современных литературных источников, освещающих проблематику индивидуализации в спорте. Авторами представлены данные анкетного опроса квалифицированных тренеров, чьи спортсменки специализируются в комплексных видах легкоатлетических многоборий и современном пятиборье. Рассмотрены определенные аспекты планирования учебно-тренировочного процесса квалифицированных спортсменок в связи с биоритмологическими особенностями их организма.
Ключевые слова: квалифицированные спортсменки, индивидуализация, биоритмологические особенности, легкоатлетические многоборья, современное пятиборье.

The information obtained as a result of a detailed study of literary sources covering the problems of the individualization in sports is analyzed. The authors present the data of a questionnaire survey of qualified coaches, whose athletes are engaged in complex types of athletic all-around and modern pentathlon. The aspects of planning the educational-training process of qualified athletes in connection with the biorhythmological characteristics of their organism are considered.
Keywords: qualified athletes, individualization, biorhythmological characteristics, athletic all-around, modern pentathlon.

Введение. Проблемы оптимизации тренировочного процесса и поиск оптимальных путей, направленных на повышение его качества и эффективности, в течение последних десятилетий остаются остроактуальными в сфере современного женского спорта. Подготовка высококвалифицированных спортсменок представляет собой многогранный процесс интеграции множества компонентов спортивной деятельности. При этом индивидуальный подход, предусматривающий комплекс морфологических, физиологических и психологических изменений, характеризующий биоритмологические особенности организма спортсменок, выступает ключевым фактором, ориентированным на достижение наивысшего результата в избранном виде спорта [1]–[4].

Рассмотрим и проанализируем мнения специалистов о сущности принципа индивидуализации, которые широко представлены в современной научно-методической литературе.

Многие исследователи определяют индивидуальный подход как принцип организации занятий, в частности Н.Г. Озолин [5] отмечает, что при наличии природной одаренности и правильной системы тренировок высокий рост подготовленности может быть достигнут в сроки вдвое короче обычных. По его мнению, все составляющие системы подготовки следует подбирать в соответствии с полом и возрастом, уровнем функциональных возможностей организма, спортивной подготовленностью и состоянием здоровья, с учетом психических качеств и др.

А.А. Гужаловским [6] выделено несколько основных направлений в решении проблемы индивидуализации:

– индивидуальный подход в процессе отбора и спортивной ориентации;
– индивидуализация средств и методов тренировки;
– индивидуализация тренировочной нагрузки.

Шапошникова В.И. определяет индивидуальный подход как метод улучшения спортивного результата за счет планирования тренировочной нагрузки [7].

Г.С. Туманян [8] акцентирует внимание на следующих показателях, характеризующих индивидуальные особенности спортсмена: технические, физические, тактические, теоретические и морально-волевые.

А И.А. Тер-Ованесян [9] при индивидуализации тренировочного процесса предлагает учитывать особенности телосложения, физическую подготовленность, психические особенности и специфику перенесения тренировочной нагрузки.

В свою очередь ряд авторов рассматривает фактор индивидуализации в связи с особенностями вида спорта и предлагают индивидуализировать тренировочный процесс, учитывая индивидуальные особенности противника [10], [11].

Важно отметить, что, по мнению многих исследователей, индивидуализацию следует рассматривать как одну из наиболее перспективных и эффективных форм управления подготовкой высококвалифицированных спортсменов. В данном аспекте предлагается учитывать особенности нервной системы [1], [2], [12], [13], индивидуально-морфологические признаки [4], [14], уровень и темпы физического развития двигательных качеств [15], физиологические особенности организма [16], [17].

При этом, характеризуя сущность принципа индивидуализации, специалисты, в большей степени, ограничиваются рекомендациями о необходимости учета индивидуальных особенностей, а также об обеспечении соответствия величины тренировочных воздействий половым, возрастным и функциональным возможностям организма [18]–[20].

В этой связи индивидуализация, укрепляя сегодня свои позиции в области теории спорта, выступает необходимым условием построения тренировочного процесса высококвалифицированных спортсменок. Очевидно, что планирование их тренировочных программ, выбор средств и методов совершенствования физических способностей должны быть индивидуализированы и направлены на улучшение динамики работоспособности, функциональных возможностей основных систем организма и протекания восстановительных процессов с учетом биоритмологических особенностей женского организма [21]–[23].

Многочисленными исследованиями в области оптимизации подготовки женщин выявлены существенные гендерные различия, обусловливающие необходимость индивидуализации подготовки спортсменок и планирования для каждой конкретных физических нагрузок, в зависимости от особенностей её организма [24]–[26].

Известно, что основной биологической особенностью женского организма является наличие репродуктивной функции, которая находит отражение в овариально-менструальном цикле (ОМЦ), сложной по своей нейрогуморальной регуляции, что существенно влияет на состояние как целостного организма, так и его отдельных систем и органов [27], [28].

На наш взгляд, индивидуализация подготовки спортсменок должна заключаться в перераспределении запланированной нагрузки с учетом функциональных возможностей в разные фазы биоритмики их организма.

Характерно, что практически все доступные нам современные литературные источники, рассматривающие особенности индивидуализации тренировочного процесса в женском спорте, посвящены индивидуальным, реже спортивным играм. Работ, изучающих данное направление в комплексных видах многоборий, в открытой печати явно недостаточно. Виды многоборий отличаются повышенными требованиями к проявлению спортсменами всех аспектов спортивной подготовленности, так как им необходимо в течение соревнований показать высокие результаты в различных по кинематической и динамической структуре двигательных действиях [29].

Цель исследования: изучить основные подходы тренеров к планированию учебно-тренировочного процесса квалифицированных спортсменок, специализирующихся в комплексных видах многоборий.

Методы исследования: теоретический анализ и обобщение данных научно-методической литературы; анкетирование, педагогическое наблюдение и методы статистической обработки полученного материала.

Исследования проводились на базе научно-исследовательской лаборатории олимпийских видов спорта Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, в анкетировании участвовали 29 квалифицированных тренеров, чьи спортсменки специализируются в комплексных видах легкоатлетических многоборий и современном пятиборье и достигли высоких спортивных достижений (МС-МСМК). Тренерский стаж респондентов от 7 до 45 лет, четыре специалиста имеют звание «Заслуженный тренер Республики Беларусь».

Основная часть. Нами было изучено более 100 современных литературных источников, опубликованных в период с 2015 по 2020 гг., освещающих проблематику индивидуализации в спорте.

Так, И.А. Сабирова, Г.Н. Германов, А.В. Кайдакова, исследуя особенности индивидуализации подготовки квалифицированных спортсменок, специализирующихся в пулевой стрельбе, определили неравномерность их психофизических состояний на протяжении менструального цикла, что можно использовать для планирования подготовки к основным стартам [30].

Ю.В. Киреевой и Л.Е. Игнатьевой на основе показателей динамики функционального состояния, созданы групповые и индивидуальные модельные характеристики спортсменок-биатлонисток высокого класса, а также модель элитного спортсмена [31].

Е.П. Врублевский, С.В. Шеренда, С.В. Лашкевич разработали и внедрили варианты индивидуализированного мезоцикла в тренировочном процессе квалифицированных футболисток с учетом биоритмики их организма [32].

Вопросам индивидуализации в легкой атлетике посвящено, пожалуй, наибольшее количество научных работ. Так, Е.Н. Ирхина с соавторами в своих исследованиях, направленных на реализацию принципа индивидуализации в подготовке бегуний на короткие дистанции, предложили методику индивидуализации, основанную на учете индивидуальных особенностей двигательной подготовленности спортсменок и соответствия их модельным требованиям [15].

В основу дифференцированной методики индивидуализации подготовки квалифицированных бегуний на короткие дистанции вошло использование гендерно-дифференцированного подхода [33].

Проблемные вопросы реализации принципа индивидуализации в процессе тренировки спортсменок в легкой атлетике описали Е.А. Якимова и Н.В. Натахина Исследователями изучены функциональные изменения, происходящие в организме женщин на протяжении ОМЦ [34].

В.А. Боровая с соавторами предложили экспериментальную методику подготовки легкоатлеток, специализирующихся в метании копья. Методика включает в себя использование специальных средств в измененных и в обычных условиях [35].

М.С. Носков, А.А. Горелов, А.А. Третьяков разработали модельные характеристики высококвалифицированных пловцов-спринтеров на основе соматических и функциональных показателей специальной работоспособности [36].

С.Н. Зверев представляет теоретическое обоснование необходимости создания эффективной педагогической системы, обоснованной концепции индивидуализации тренировки биатлонисток, моделирование динамики подготовленности спортсменок с учетом биоэнергетических типов [14].

Вопросам индивидуализации подготовки в спортивных играх посвящены исследования Костюкевич В., Щепотиной Н. и Пономаревой И. В своих работах авторы обосновали построение тренировочного процесса спортсменов командных игровых видов спорта в годичном цикле подготовки на основе модельных тренировочных заданий [37], [16].

Н.Д. Нененко, Л.В. Дзюбинская, М.В. Стогов в своих исследованиях изучили влияние занятий водным поло на особенности соматического развития и адаптивные возможности кардиореспираторной системы спортсменок-подростков с различными вариантами биологического развития в годичном цикле подготовки [38].

Е.И. Тарасенко предлагает обеспечивать индивидуализацию тренировочных нагрузок с учётом фаз специфического биологического цикла и на основе регулярного комплексного контроля за самочувствием спортсменок [39].

Д.Д. Сафарова, М.Д. Пулатова, Ю.А. Султанова на основе изученных взаимосвязей показателей гемодинамики с проявлением физической работоспособности выявили наиболее интегративные показатели тренированности и функционального состояния дзюдоисток различных весовых категорий в процессе тренировочного цикла [40].

И.Ю. Костючик, исследуя возрастную динамику изменений антропометрических и физиологических показателей, определяет возрастные закономерности развития спортсменок, занимающихся плаванием [17].

В ряде работ авторы рассматривают индивидуализацию психологической подготовки спортсменок. Так, Ю.Н. Подгорная, занимаясь проблемой психологической подготовки в художественной гимнастике, разработала методику индивидуализации на основе учета соционических типов личности спортсменок [41].

А.Н. Николаевым представлены аспекты, определяющие основные психологически важные качества гребцов, оказывающие влияние на готовность спортсменов к основным соревнованиям. Разработаны рекомендации по подбору средств психологической подготовки с использованием индивидуального подхода [42].

Л.Е. Наконечная и Е.В. Романина, изучая вопросы индивидуализации психологической подготовки в игровых видах спорта, предлагают рекомендации и программы индивидуализации психологической подготовки спортсменок высокой квалификации в мини-футболе, построенной с использованием интегративного подхода [43].

Индивидуализацию подготовки спортсменок-паралимпийцев с поражениями опорно-двигательного аппарата в своих работах рассматривает Д.Г. Степыко В соответствии с полученными результатами исследования автором предложено индивидуализировать тренировочный процесс спортсменов-паралимпийцев, специализирующихся в легкой атлетике, применяя системный подход к оценке уровня физической, функциональной и психологической подготовленности, в основе которого лежит использование программно-аппаратных комплексов [44].

По мнению ученых, индивидуализация процесса тренировки в значительной мере требует разработки новых средств управления и контроля тренировочным процессом на основе использования современных информационных технологий. С.Д. Карпов, проведя анализ различных средств контроля тренировочного процесса, реализованных на основе информационных технологий, выявил, что систематизация и дальнейшее проведение всестороннего анализа данных, получаемых в процессе тренировочной и соревновательной деятельности, эффективна на примере использования электронного дневника тренера [45].

Изучены и основные подходы тренеров-практиков к подготовке квалифицированных спортсменок с учетом биоритмологических особенностей их организма [46], [47]. В результате опроса ведущих тренеров спортсменок, специализирующихся в беге на средние и длинные дистанции, получены следующие данные: более 9 % респондентов в своей работе не учитывают фазовость ОМЦ спортсменок; 28,2 % учитывают их частично; 62,6 % тренеров используют сведения об индивидуальных особенностях протекания биоритмологических процессов при составлении плана подготовки. Более 72 % специалистов считают обязательным проведение тренировочных занятий в менструальную фазу, 12 % не изменяют запланированный объём и интенсивность нагрузки.

Наиболее значимым научным трудом, выполненным в направлении индивидуализации подготовки квалифицированных спортсменок, вышедших в свет в период 2015–2020 гг., на наш взгляд, можно считать монографию «Технология индивидуализации подготовкой квалифицированных спортсменок: теоретико-методические аспекты», подготовленную авторским коллективом под руководством профессора Е.П. Врублевского [4].

По итогам проведенного нами анкетного опроса можно констатировать следующее. 82,7 % респондентов отмечают сложность работы с женским контингентом, в отличие от мужчин. 26,3 % опрошенных в своей работе не учитывают периоды фазы ОМЦ спортсменок; 31,5 % учитывают их частично; 42 % учитывают индивидуальные особенности протекания ОМЦ у своих учениц.

На вопрос о необходимости проведения занятий в менструальную фазу 89,5 % специалистов ответили, что считают обязательным проведение тренировочных занятий. Не однозначными были ответы при рассмотрении вопроса, касающегося коррекции запланированных объемов и интенсивности нагрузки в менструальную фазу ОМЦ. Так, 47,4 % тренеров не уменьшают объем нагрузки, 31,5 % уменьшают его в зависимости от состояния занимающихся и только 21,1 % индивидуально планируют нагрузку каждой спортсменки. Однако 94,8 % респондентов снижают интенсивность нагрузки в менструальную фазу ОМЦ.

При подборе средств спортивной тренировки 57,8 % специалистов рекомендуют спортсменкам в менструальную фазу циклические упражнения на уровне ПАНО, также – развивающие гибкость, и 21 % –общефизической направленности; 21,2 % корректируют выбор запланированных средств подготовки в зависимости от состояния спортсменки.

На вопрос о непосредственном влиянии первой фазы ОМЦ на спортивный результат респонденты ответили не однозначно: 57,8 % специалистов не отмечают изменений в выступлении своих спортсменок, 42,2 % наблюдали ухудшение результатов на соревнованиях в период месячных. Практически все респонденты отметили сложности при выполнении скоростно-силовых видов многоборий в данной фазе ОМЦ.

Тренеры, работающие с представительницами легкоатлетических многоборий, выделили сложнокоординационные виды, в частности, барьерный бег и прыжковые виды, как наиболее подверженные снижению результатов в предменструальную фазу ОМЦ. Представители современного пятиборья определяют фехтование как наиболее зависимый от фаз ОМЦ вид многоборья.

Ряд специалистов (57,8 %) заметили некоторое смещение цикличности фаз ОМЦ в соревновательном периоде подготовки, 26,3 % выявили подобные изменения при выполнении объёмных или наиболее интенсивных нагрузок. Все респонденты отмечают раздражительность и реже психологическую неуравновешенность спортсменок в предменструальной фазе.

Результаты анкетирования показали, что при проведении тренировочного процесса с женщинами необходимо учитывать целый ряд факторов, связанных с особенностями самочувствия, работоспособности и эмоционального состояния спортсменок в различные фазы биоритмики их организма.

Заключение. Проведенный опрос тренеров и собственные педагогические наблюдения свидетельствуют о том, что у специалистов-практиков нет единого мнения в подходе к планированию учебно-тренировочного процесса спортсменок в связи с биоритмологическими особенностями их организма.

Подавляющее большинство тренерского состава, работающего с женским контингентом, при планировании тренировочного процесса не учитывают весь спектр особенностей протекания ОМЦ. В основном дозирование тренировочных нагрузок осуществляется только после непосредственного обращения спортсменки, порой интуитивно. Объем и интенсивность нагрузки корректируется лишь в менструальную фазу, реже в предменструальную.

В связи с вышесказанным можно констатировать, что в системе подготовки квалифицированных спортсменок, специализирующихся в видах комплексных многоборий, не в полной мере используется индивидуализированный подход, что, на наш взгляд, недопустимо, в виду того, что пренебрежение необходимыми и элементарными сведениями о текущем состоянии спортсменки отрицательно сказывается на спортивных результатах, спортивном долголетии и прежде всего репродуктивном здоровье, что противоречит приоритетам государственной политики Республики Беларусь.

Литература

1. Sevdalev, S. V. Biorhythm-based individualization of training of female different distance runners. / S. V. Sevdalev, M. S. Kozhedub, E. P. Vrublevskiy, E. D. Mitusova // Theory and Practice of Physical Culture. – 2020. – № 5. – P. 83–85.

2. Кожедуб, М. С. Принципиальная схема построения базового мезоцикла подготовки квалифицированных легкоатлеток / М. С. Кожедуб // Мир спорта. – 2018. – № 3 (72). – С. 11–16.

3. Vrublevskiy, E. Influence of the organism biorhytmics of the qualified women-runners for short distances on their movement abilities dynamics. Pedagogical sciences : theory, history and innovative / E. Vrublevskiy, M. Kozhedub, S. Sevdaliev // Technologies. – 2018. – T. 3, № 77. – P. 38–45.

4. Технология индивидуализации подготовки квалифицированных спортсменок (теоретико-методические аспекты): монография / Е. П. Врублевский [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2016. – 223 с.

5. Озолин, Н. Г. Современная система спортивной тренировки / Н. Г. Озолин. – М., 1970. – 479 с.

6. Гужаловский, А. А. Проблема «критических» периодов онтогенеза и ее значение для теории и практики физического воспитания / А. А. Гужаловский // Очерки по теории физической культуры. – М. : ФиС, 1984. – С. 211–214.

7. Шапошникова, В. И. Индивидуализация и прогноз в спорте / В. И. Шапошникова. – М. : ФиС, 1984. – 158 с.

8. Туманян, Г. С. Телосложение и спорт (основы индивидуализации физической подготовки спортсменов различных соматических групп) : автореф. дис. … д-ра пед. наук : 13.00.00 / Г. С. Туманян. – М., 1971. – 40 с.

9. Тер-Ованесян, И. А. Исследование некоторых путей индивидуализации тренировочного процесса у спортсменов высокой квалификации : автореф. дис. … канд. пед. наук : № 13734 / И. А. Тер-Ованесян. – М., 1971. – 24 с.

10. Пилоян, Р. А. Индивидуализация подготовки спортсменов в видах единоборств : дис…. д-ра пед. наук : 13.00.04 / Р. А. Пилоян. – М., 1985. – 348 с.

11. Kenney, L. W. Physiology of sports and exercise / L. W. Kenney, J. H. Wilmore, D. L. Costill // Champaign, IL : Human Kinetics, 2012. – 621 p.

12. Сальников, В. А. Возрастные и индивидуальные особенности физического развития на различных этапах спортивного совершенствования : дис…. д-ра пед. наук : 13.00.04 / В. А. Сальников. – СПб., 1994.– 406 с.

13. Методико-биологические аспекты проблемы совершенствования спортивной подготовки женщин / А. Р. Радзиевский, Л. Г. Шахлина, З. Р. Ященко [и др.] // Медико-биологические основы подготовки квалифицированных спортсменок : сб. науч.тр. – Киев, 1986. – С. 94–107.

14. Зверев, С. Н. Теоретическое обоснование индивидуализации планирование в женском биатлоне / С. Н. Зверев // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2014. – № 4–3. – С. 155–160.

15. Ирхина, Е. Н. Особенности реализации принципа индивидуализации в подготовке бегуний на короткие дистанции / Е. Н. Ирхина, Ю. С. Гвоздевских, Е. Н. Каверин, Т. И. Князева, И. Н. Коваленко, Л. Т. Пронина // Медико-биологические и педагогические основы адаптации, спортивной деятельности и здорового образа жизни : сб. научных статей VII Всероссийской заочной научно-практической конференции с международным участием. – Воронеж, 2018. – С. 503–509.

16. Пономарева, И. А. Физиологические и социально-педагогические аспекты нормирования тренировочных нагрузок девушек в игровых видах спорта / И. А. Пономарева // Материалы XXIII съезда Физиологического общества им. И. П. Павлова с международным участием. – М., 2017. – С. 2060–2062.

17. Костючик, И. Ю. Индивидуализация тренировочного процесса: закономерности соматического и функционального развития спортсменок, занимающихся плаванием в возрасте 11–15 лет / И. Ю. Костючик // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2019. – № 2. – С. 43–47.

18. Верхошанский, Ю. В. Программирование и организация тренировочного процесса / Ю. В. Верхошанский. – М. : ФиС, 1985. – 176 с.

19. Рыбаков, В. В. Метатеоретическое исследование проблемы управления спортивной подготовкой / В. В. Рыбаков / Теория и практика физической культуры. – 2003. – № 2. – С. 2–5.

20. Врублевский, Е. П. Программирование индивидуализированной подготовки квалифицированных спортсменок, специализирующихся в скоростно-силовых видах спорта / Е. П. Врублевский / Вестник Московского государственного областного социально-гуманитарного института. – 2016. – № 4 (24). – С. 42–47.

21. Vrublevskiy, E. P. Individualization of selection and training of female athletes in speed-power athletics from the perspective of gender identity / E. P.Vrublevskiy, A. A. Skrypko, R. Asienkiewicz // Physical education of student. – 2020. – № 4. – P. 135–142.

22. Vrublevskiy, E. Dynamics of development of physical qualities for OMC in female athletes / E. Vrublevskiy, M. Kozhedub, S. Sevdalev // Sports Bulletin of the Dnieper. – 2017. – № 2. – P. 44–49.

23. Vrublevskiy, E. Individualization of training process of runners at various distances depending on biorhythmics of their body / E. Vrublevskiy, M. Kozhedub, S. Sevdalev // Sports Bulletin of the Dnieper. – 2018. – № 3. – P. 10–16.

24. Vrublevskiy, E. The level of specyfic motor properties in the individual phases of the menstrual cycle among young sportswomen practicing sprints / E. Vrublevskiy, M. Kozhedub // Rocznik Lubuski. – 2018. – T. 44, № 2A. – P. 105–115.

25. Врублевский, Е. П. Моделирование соревновательной деятельности квалифицированных бегунов на короткие дистанции с учетом их индивидуальной особенности / Е. П. Врублевский, С. В. Севдалев, С. В. Лашкевич, А. С. Геркусов // Физическое воспитание студентов. – 2019. – № 6. – С. 320–326.

26. Индивидуализация тренировочного процесса бегуний на различные дистанции в зависимости от биоритмики их организма / Е. П. Врублевский, М. С. Кожедуб, С. В. Севдалев // Основи побудови тренувального процесу в циклічних видах спорту : зб. наукових праць [Електронний ресурс]. – Харків : ХДАФК, 2018. – Вип. 2. – Режим доступу : http://journals.uran.ua/cvs_konf/issue/archive. – Дата доступу : 27.03.2020.

27. Шахлина, Л. Я.-Г. Медико-биологические основы спортивной тренировки женщин / Л. Я.-Г. Шахлина. – Киев : Наукова думка, 2001. – 326 с.

28. Радзиевский, А. Р. Анатомо-физиологические особенности женского организма / А. Р. Радзиевский, Г. Лоза, А. М. Гашумов // Женский спорт : сб.науч.тр. – Киев, 1975. – С. 10–34.

29. Купчинов, Р. И. Управление многолетней подготовкой спортсменов-многоборцев : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.04 / Р. И. Купчинов. – Мн., 1998. – 386 с.

30. Сабирова, И. А. Индивидуализация подготовки женщин в пулевой стрельбе / И. А. Сабирова, Г. Н. Германов, А. В. Кайдакова // Физическая культура, спорт и здоровье в современном обществе : сб. научных статей Всероссийской с международным участием очно-заочной научно-практической конференции ; под ред. Г. В. Бугаева, О. Н. Савинковой. – Воронеж, 2017. – С. 139–144.

31. Киреева, Ю. В. Индивидуализация тренировочного процесса биатлонисток на основе динамики функционального состояния в ходе многолетней тренировки / Ю. В. Киреева, Л. Е. Игнатьева // Глобальный научный потенциал. – 2020. – № 1 (106). – С. 59–62.

32. Врублевский, Е. П. Индивидуализация тренирующих воздействий футболисток в подготовительном периоде / Е. П. Врублевский, С. В. Лашкевич, С. В. Шеренда // Игровые виды спорта: актуальные вопросы теории и практики : сб. научных статей 2-ой Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти ректора ВГИФК Владимира Ивановича Сысоева / под ред. А. В. Сысоев, О.Н. Савинкова[и др.]. – Воронеж : Изд-во ООО «РИТМ», 2019. – С. 39–45.

33. Костюченко, В. Ф. Методика индивидуализированной подготовки спортсменок в годичном цикле, специализирующихся в спринтерском беге / В. Ф. Костюченко, Е. П. Врублевский, М. С. Кожедуб // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2017. – № 10 (152). – С. 115–121.

34. Якимова, Е. А. Индивидуализация тренировочного процесса спортсменов в легкой атлетике / Е. А. Якимова, Н. В. Натахина // Science Time. – 2015. – № 4 (16). – С. 854–859.

35. Боровая, В. А. Методика применения специальных упражнений для формирования параметров структуры соревновательного упражнения в метании копья / В. А. Боровая, В. Ф. Костюченко, Е. П. Врублевский, Л. Г. Врублевская // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2012. – № 11 (93). – С. 7–12.

36. Носков, М. С. К вопросу индивидуализации тренировочного процесса пловцов-спринтеров высшей квалификации / М. С. Носков, А. А. Горелов, А. А. Третьяков // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2015. – № 1. – С. 18–20.

37. Костюкевич, В. Модельные тренировочные задания как инструмент построения тренировочного процесса спортсменов командных игровых видов спорта / В. Костюкевич, Н. Щепотина // Наука в олимпийском спорте. – 2016. – № 2.– С. 24–31.

38. Нененко, Н. Д. Динамика морфофункциональных показателей юных ватерполисток с различными вариантами биологического развития в годичном цикле подготовки / Н. Д. Нененко, Л. В. Дзюбинская, М. В. Стогов // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2020. – № 2 (180). – С. 277–282.

39. Тарасенко, Е. И. Учет особенностей женского организма как фактор грамотного планирования тренировочного процесса / Е. И. Тарасенко / Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 2 (69). – С. 292–293.

40. Сафарова, Д. Д. Взаимоотношения показателей гемодинамики с проявлением физической работоспособности у спортсменок-дзюдоисток / Д. Д. Сафарова, М. Д. Пулатова, Ю. А. Султанова // Наука и спорт : современные тенденции. – 2017. – Т. 14, № 1 (14). – С. 89–93.

41. Подгорная, Ю. Н. Индивидуализация психологической подготовки в художественной гимнастике на основе учета соционических типов личности спортсменок / Ю. Н. Подгорная // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2017. – № 12 (154). – С. 348–355.

42. Николаев, А. Н. Эффективность индивидуализации психологической подготовки спортсменов / А. Н. Николаев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2017. – Т. 6, № 1. – С. 69–75.

43. Наконечная, Л. Е. Аспекты психологической подготовки спортсменов высокой квалификации / Л. Е. Наконечная, Е. В. Романина // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. – 2017. – № 4 (146). – С. 303–305.

44. Степыко, Д. Г. Особенности научно-методического обеспечения подготовки спортсменов-паралимпийцев с поражением опорно-двигательного аппарата в беговых дисциплинах легкой атлетики / Д. Г. Степыко // Наука и спорт : современные тенденции. – 2018. – Т. 18, № 1 (18). – С. 50–56.

45. Карпов, С. Д. Индивидуализация тренировочного процесса с применением информационных технологий / С. Д. Карпов // Конвергенция в сфере научной деятельности: проблемы, возможности, перспективы : материалы Всероссийской научн. конф., Ижевск, 11 декабря 2018 г. ; А. М. Макаров (отв. ред.). – Ижевск, 2018. – С. 401–404.

46. Кожедуб, М. С. Роль индивидуального подхода тренера в подготовке квалифицированных легкоатлеток / М. С. Кожедуб, Е. П. Врублевский // Физическое воспитание и детско-юношеский спорт. – 2018. – № 1. – С. 20–22.

47. Врублевский, Е. П. Дифференцированная методика индивидуализации подготовки бегуний на короткие дистанции / Е. П. Врублевский, М. С. Кожедуб // Спорт и туризм : администрирование и развитие (СТАР-2017) : материалы Междунар. научн.-практ. конф., Калининград, 13–15 октября 2017 г. – Калининград, 2017. – С. 36–58.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 01.12.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 811.161.1’23’243

Феномен раппорта в преподавании РКИ

Г.В. Сериков

Организационный момент занятий предусматривает создание благоприятной атмосферы для плодотворного взаимодействия преподавателя и слушателей. Продуктивное эмоционально-психологическое состояние коммуникатора и группы, определяющееся как раппорт, или резонансное состояние, позволяет настроить и поддерживать творческий тонус занятий. Одним из путей введения слушателей в это состояние является использование в процессе обучения лексики их родного языка.
Ключевые слова: суггестология, состояние раппорта, РКИ, нейролингвистическое программирование, вербальный контакт, мотивация, иностранные слушатели, активизация внимания, резонансное состояние.

The organizational moment of the classes provides the creation of a favorable atmosphere for fruitful interaction between the teacher and students. The productive emotional and psychological state of the communicator and the group, defined as rapport, or resonance state, allows you to tune and maintain the creative tone of the classes. One of the ways to introduce students to this state is to use the vocabulary of their native language in the learning process.
Keywords: suggestionology, rapport state, Russian as a foreign language, neurolinguistic programming, verbal contact, motivation, foreign listeners, activation of attention, resonance state.

Чтобы выйти за рамки привычного,
не следует дожидаться разрешения от науки,
иначе мы превращаем науку в очередную религию.
Джо Диспенза.

Вопросы, касающиеся скорейшего и прочного усвоения иностранного языка, весьма не новы. Многие отечественные и зарубежные учёные, посвятившие себя исследованиям в самых различных областях знания, не переставали и не перестают задаваться вопросами мнемоники, работы памяти, деятельности мозга, феномена гипноза, разрабатывают различные методики нейролингвистического программирования и т. д. [1]–[10]. В контексте преподавания русского языка как иностранного (РКИ) заслуживающим внимания явлением в лингводидактике до сих пор являются плоды научной деятельности болгарского учёного Георгия Лозанова (1926–2012), применившего методы суггестологии к преподаванию английского языка в Софийском университете [10]. Именно он ввёл в научное употребление термин *суггестопедия*, ставший производным от *суггестологии* и педагогики, восходящий к латинскому корню: «Суггестивность [<лат. suggestio внушение, намёк] активное воздействие на воображение, эмоции, подсознание читателя посредством отделённых тематических, образных, ритмических, звуковых ассоциаций в поэзии» [3, с. 772]. «Суггестопедия – [<лат. suggestio внушение, намёк + др.-греч. παιδεία обучение] ускоренное обучение при помощи гипноза» [3, с. 772].

Исходя из известного афоризма французского учёного Рене Декарта (1596–1650), «мыслю, следовательно, существую», вполне логичным следовало бы предположить, что всё то, о чём мыслит человек (мечтает, фантазирует, мысленно представляет образы), существует *в принципе*, или, как выражается Вадим Зеланд, в бесконечном «пространстве вариантов» [4]. Следовательно, пока лишь обнадёжим себя той мыслью, что открытие революционного метода «полной загрузки» в память человека интересующих его иностранных языков ещё впереди (возможно, и в недалёком уже будущем), хотя многие и утверждают, что быстрого способа выучить иностранный язык не существует. Поэтому на данном этапе развития лингводидактической методологии нам остаётся фокусировать внимание на некоторых продуктивных приёмах активизации внимания учащихся и повышения их мотивации, опираясь на эффективные суггестивные прикладные техники, положительно зарекомендовавшие себя в самых разнообразных сферах человеческой деятельности.

Преподавание РКИ слушателям подготовительных отделений предполагает хотя бы какие-то начальные знания языка-посредника самим преподавателем, работающим с данной группой иностранцев. Как правило, это английский язык, давно получивший статус языка международного общения. Преподаватель РКИ, владеющий английским хотя бы на уровне А2, вполне справится с поставленными в современных учебных программах задачами и успешно обучит доверенных ему учащихся русскому языку. Как показывает наша практика преподавания РКИ, процесс обучения будет протекать гораздо плодотворней, если на первых занятиях проявить интерес к *родному* языку иностранных слушателей и стараться, по возможности, пользоваться терминологией именно этого языка (а не языка-посредника, т. е. английского или французского) для сообщения своим подопечным начальных сведений, касающихся основных грамматических категорий – рода, числа, падежа, спряжения, времени, вида. На сегодняшнем этапе развития цифровых технологий не составляет труда налаживать вербальный контакт вообще без всякого знания языка собеседника, пользуясь лишь соответствующими голосовыми мобильными переводными приложениями многих языков мира.

Практика обучения РКИ слушателей из Конго, где официальным языком в силу исторического колониального наследия является французский, а родным – лингáла (нгáла), свидетельствует о том, что живой интерес преподавателя к языковедческой терминологии этого языка и практическое использование этой терминологии на занятиях по РКИ в огромной степени способствует установлению *раппóрта* как индивидуального, так и группового, что является необходимой предпосылкой для дальнейшего успешного взаимодействия и обучения. Итак, большинство преподавателей (и не только РКИ) даже не осознаёт того, почему именно те или иные занятия были проведены ими на положительном эмоциональном подъёме, с воодушевлением, легко и эффективно. Это происходит исключительно по той причине, что с первых минут каким-то образом спонтанно, т. е. неосознанно, установилась некая неуловимая доверительная атмосфера между группой и преподавателем, которая закрепилась благодаря конструктивному общению и заинтересованностью темой, – собственно говоря, тот самый раппóрт. Заглянем в словарь иностранных слов и выражений: «Раппóрт [фр. rapport < rapporter приносить обратно] повторяющаяся часть (мотив) рисунка на ткани, обоях и т. п.» [3, с. 681]. В современном переосмыслении практических психологов *раппóрт* – это психологическое «*присоединение и ведение*» собеседника путём зеркального копирования его кинесики [5, с.с. 99–100], т. е., действительно, повторение «рисунка внешнего поведения» собеседника. В данном случае мы наблюдаем вызванное объективной реальностью расширение значения термина путём метафоризации его прямого значения. В большинстве случаев раппорт налаживается (если, конечно, налаживается) с группой бессознательно. Группа учащихся принимает нового преподавателя «по одёжке», когда ведущее значение имеет его внешний вид и манера поведения. Спустя некоторое время внимание учеников переключается на богатство знаний преподавателя, его умение удивить новыми научными сведениями и преподнести свой предмет просто, доступно, но научно и прочно, а его внешний вид почти перестаёт играть какое-либо значение. В данном случае мы наблюдаем тягу «коллективного мозга» к новизне, открытиям, свежести взглядов. Мозг вообще не любит рутины и скуки: что-либо освоив, он, как правило, откладывает освоенное в сторону и ищет новых впечатлений, как некоего тонуса, обусловливающего его дальнейшее развитие и жизнеспособность. Иногда же занятия «не удаются» по обратной причине: с первых минут не было налажено состояние раппорта, не произошло психологического сближения с академической группой, занятия протекают «казённо и сухо». И это тоже обусловлено рядом причин. Умение преподавателя «оставлять за дверью аудитории» своё мрачное настроение играет огромную роль, и оно должно быть постоянно осознаваемо и тренируемо как залог успешно проведенных занятий. Эту же мысль следует непрестанно доводить и до учащихся в отношении *их* поведения.

Итак, для успешного взаимодействия с группой обучаемых необходимо целенаправленно и осознанно создавать продуктивное состояние раппорта в самые первые минуты занятий. Состояние раппорта с собеседником и способы его достижения подробно, доступно и увлекательно описывает в своих трудах мастер экстремального НЛП Надежда Владиславова [5]. В свете же заявленной темы статьи предлагаем рассмотреть один из положительно зарекомендовавших себя и эффективных инструментов достижения состояния раппорта преподавателя с группой. Речь идёт, повторимся, о регулярном применении на занятиях преподавателем РКИ лингвистической терминологии из *родного языка* иностранцев.

У иностранных слушателей преподаватели обычно узнают, как произносятся на их родном языке слова и выражения приветствия, прощания, благодарения и этим, как правило, всё ограничивается. Мы предлагаем пойти преднамеренно дальше. Вначале выясняем правильное звучание самых простых слов на их родном языке – утверждения и отрицания соответственно: ***иё*** ‘да’, ***тэ*** ‘нет’ (на языке лингала для слушателей из Анголы, Габона, Заира и Конго). Для установления раппорта и пребывания в этом состоянии на протяжении всего занятия у слушателей из Конго мы предварительно узнаём, что на их языке термин *единственное число* звучит как *мóко*, а *множественное число – эбилѝ*. (Применение кирилличной транслитерации для записей слов языка лингала считаем вполне уместным, оправданным и достаточным для этих целей). Мужской род – *мобалѝ*, женский род – *муассѝ*. В процессе изложения учебного материала преподаватель по разумной необходимости продвигается дальше в деле декодировки значений и, используя эффект интуитивного развёртывания по принципу Windows, узнаёт перевод необходимых терминов или слов на родной язык конголезцев: *сикóю* ‘настоящее время’, *элекá* ‘прошедшее время’ и т. д. При изучении личных местоимений русского языка последние полезно представить в виде следующей схемы:

Единственное число *(мóко)*	Множественное число *(эбилѝ)*
1. **я** *(нга)*	1. **мы** *(бисó)*
2. **ты** *(ё)*	2. **вы** *(бѝну)*
3. **он, она, оно** *(е)*	3. **они** *(бангó)*

При знакомстве с названиями дней недели, например, также нелишними будут соответствующие языковые параллели:

Дни недели *(миколёямпóсу)*

понедельник	*(моколёялибосó)*
вторник	*(моколёямибалé)*
среда	*(моколёямисатó)*
четверг	*(моколёяминэй)*
пятница	*(моколёямитáну)*
суббота	*(моколёямитóба)*
воскресенье	*(моколёялюмингу)*

В процессе преподавания РКИ неизбежно приходится давать свою оценку уровню подготовки и старательности слушателей. Для выражения уместной, заслуженной похвалы и оценки успехов учащихся правильным будет высказывать это на их языке, тут же давая русские соответствия: маляму – ‘хорошо’; мабѝ – ‘плохо’; макасѝ – ‘очень’, => маляму макасѝ – ‘очень хорошо’; мабѝ макасѝ – ‘очень плохо’.

Безусловно, данная предварительная подготовка вначале занимает некоторое время, но потом, надлежащим образом оформленная в виде презентаций, много лет служит преподавателю для достижения самой важной составляющей любых занятий – установления доверительного отношения и полного эмоционально-психологического продуктивного контакта с данной языковой аудиторией. В этом случае учащиеся как бы подсознательно оказываются очень благодарными и способными учениками, поскольку, видя, что к их родному языку проявлен интерес, они осознают, что «если этот иностранец (преподаватель в их глазах) запомнил какие-то наши слова, то неужели мы хуже?» Данным приёмом преподаватель демонстрирует, что он тоже находится в равных условиях с обучаемыми и тоже стремится научиться чему-то новому. В этом случае в коммуникативной системе «преподаватель – студент» появляется интегральное ощущение тождественности смыслов, облачённых лишь в разные фонетические упаковки, что абсолютно не препятствует взаимопониманию сути изучаемых вещей. В такие (очень ценные!) минуты преподаватель даёт возможность своим слушателям самим побывать в роли преподавателей, корректирующих артикуляцию своего «ученика». Конечно, такие интерлингвальные упражнения для создания и поддержания раппорта накладывают известную ответственность на преподавателя РКИ: ему тоже нужно самому записывать и запоминать новые для себя слова и их значения, чтобы уместно применять их буквально назавтра, личным примером ненавязчиво доказывая своим подопечным, что «языку мы учимся вместе: я – вашему, а вы – моему, и этот процесс не так уж сложен». В перспективе же, имея в наличии подобные записи на разных языках (китайском, арабском, турецком, туркменском и др.) и работая в новых группах слушателей, преподаватель как бы невзначай может свободно пользоваться добытой ранее терминологией, накануне повторенной перед конкретным занятием. Можно также загодя непосредственно почерпнуть необходимые лингвистические сведения из соответствующего учебника [6]. Состояние раппорта

достигается в этом случае гораздо быстрее и отличается бóльшей прочностью. Не следует думать, что это занятие по запоминанию новых слов чересчур обременительное, поскольку требует «лишней работы» мозга. Дело в том, что всякая творческая умственная работа – а это доказано многими учёными – благоприятно и даже терапевтически влияет на мозг, отдаляя от него известные болезни. А задать работе мозга творческий ритм – наша выгодная и просто-напросто спасительная во всех отношениях обязанность.

Итак, возвращаясь к описанию состояния раппорта, скажем, что это очень ценное эмоционально-психологическое резонансное состояние в дидактике, переживаемое как бессознательно, так и осознанно преподавателем и его учениками на протяжении определённого времени в рамках занятия. Спонтанно состояние раппорта может возникнуть на любой стадии урока: начальной, основной или заключительной. Осознанно это продуктивное состояние вхождения в общее интегральное поле опытным преподавателем вызывается намеренно при использовании зеркального эффекта взаимодействия с группой на вербальном и невербальном уровнях. В случае осознанного применения раппорта преподаватель «включает» его с первых минут занятия (путём «присоединения» к группе) и стремится не только пребывать в этом состоянии вместе с учениками на протяжении всего урока, но и поддерживать установившийся творческий тонус группы (путём её «ведения»), как бы отождествляя себя с ней, но постоянно помня, что именно он, преподаватель, является ведущим, а группа – ведомой. Признаки, характеризующие установившееся состояние раппорта: открытость при вербальном контакте (характерные позы слушателей), взаимное доверие при общении, потеря счёта времени и игнорирование физиологических потребностей тела (потеря телесных ощущений, когда «все мысли – там, в идее»), переживание творческого, духовного, «невесомого» состояния ума, жаждущего новой значимой информации. В качестве одного из наиболее очевидных признаков вхождения в раппорт и пребывания в нём Надежда Владиславова многократно упоминает покраснение лица собеседника – появление на нём лёгкого или ярко выраженного румянца [5]. Это сродни тому образу продуктивных занятий, когда у группы учащихся «горят глаза».

Подводя итог сказанному, позволим себе настоять на следующем:

1) успех предстоящих занятий закладывается с первых минут вступительной стадии урока, называемой в методике преподавания «организационным моментом»;

2) самой главной задачей организационного момента является введение группы учащихся в состояние раппорта;

3) в состояние раппорта группа иностранных слушателей, изучающих РКИ, вводится путём спорадического параллельного использования лингвистической терминологии и отдельных лексем, проявляющихся в контексте данных занятий, на русском и родном языке реципиентов;

4) успешное поддержание состояния раппорта обусловливается искренней вовлечённостью в процесс коммуникации самого преподавателя как ведущего;

5) физическое проявление очевидных признаков раппорта даёт преподавателю сигнал о сообщении новой значимой лингвистической информации своим ученикам.

Литература

1. Бехтерева, Н. П. Магия мозга и лабиринты жизни / Н. П. Бехтерева. – М. : АСТ, 2020. – 383 [8] с.

2. Бехтерева, Н. Мозг человека – сверхвозможности и запреты / Н. Бехтерева // Наука и жизнь. – 2001. – № 7. – С. 14–21.

3. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн. : Современный литератор, 2007. – 976 с.

4. Зеланд, В. Трансерфинг реальности. Ступень I–V / В. Зеланд. – СПб. : ИГ «Весь», 2009. – 608 с.

5. Владиславова, Н. Базовые техники NLP и хорошо сформированный результат / Н. Владиславова. – М. : ООО Издательство «София», 2013. – 288 с.

6. Топорова, И. Н. Язык лингала / И. Н.Топорова. – М. : Наука, 1973. – 100 с.

7. Диспенза, Д. Сила подсознания, или Как изменить жизнь за 4 недели / Д. Диспенза ; пер. с англ. А. Петренко. – М. : Издательство «Э», 2017. – 480 с.

8. Мэрфи, Дж. Телепсихика / Дж. Мэрфи ; пер. с англ. С. Э. Борич. – Мн. : Попурри, 2013. – 256 с.

9. Бэндлер, Р. Большая энциклопедия НЛП. Структура магии / Р. Бэндлер, Д. Гриндер. – М., 2015. – 445 с.

10. Лозанов, Г. Сугестология / Г. Лозанов. – София : Наука и изкуство, 1973. – 517 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 15.01.2021

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 796.092.293

Темпы прироста двигательных способностей как фактора отбора и прогноза в многолетней системе подготовки молодых легкоатлетов-десятиборцев 10–19 лет

И.Л. Сиводедов

В статье представлены данные о темпах прироста двигательных способностей спортсменов, специализирующихся в отдельных видах легкой атлетики (в беге на короткие, средние и длинные дистанции, в прыжках, метаниях и десятиборье) и не занимающихся спортом в возрасте от 10 до 19 лет. Развитие и темпы прироста для каждой рассматриваемой двигательной способности характеризуются переменчивостью и зависят в основном от возрастного периода и, в частности, от направленности двигательной деятельности. На основе исследований разработана схема определения потенциальных возможностей легкоатлетов на основе качественных критериев оценки на основе исходного уровня развития двигательных способностей (готовность в отдельном возрасте) и темпов прироста этих способностей в отдельном возрастном периоде.
Ключевые слова: легкоатлеты-десятиборцы, двигательные способности, темпы прироста.

The article presents data on the growth rates of the motor abilities of athletes specializing in certain types of athletics (running for short, medium and long distances, jumping, throwing and decathlon) and not going in for sports at the age of 10 to 19 years. Development and growth rate for each considered motor ability are characterized by variability and depend mainly on the age period and, in particular, on the direction of motor activity. On the basis of the research, a scheme has been developed for determining the potential capabilities of athletes on the basis of qualitative assessment criteria based on the initial level of development of motor abilities (readiness at a particular age) and the growth rate of these abilities in a particular age period.
Keywords: decathletes athletes, motor abilities, growth rate.

Введение. Стремительный прогресс спортивных достижений в современном спорте и возрастающее обострение конкуренции на международной арене обусловили актуальность проблематики поиска новых средств и методов подготовки высококвалифицированных спортсменов. Однако достижения мирового уровня доступны только спортсменам, обладающими особенными природными задатками к избранному виду спортивной деятельности и сумевшие их реализовать в процессе многолетней подготовки. Все это требует от спортсмена предельной мобилизации функциональных резервов и психологической устойчивости тренировочной и соревновательной деятельности. Данное положение обусловило разработку проблемы отбора.

Теоретико-методологические аспекты спортивного отбора в разные годы изучались такими учеными, как В.Н. Платонов [1], Л.П. Матвеев [2], З.П. Сирис [3], В.П. Филин [4], Ю.В. Верхошанский [5]. В настоящее время рядом исследований [4], [6], [7] доказано, что высокие достижения в легкоатлетических видах зависят от трех основных факторов. Первым и определяющим фактором является отбор спортсменов, отвечающих по своим двигательным способностям структуре соревновательной деятельности конкретного вида легкой атлетики. Вторым по значимости фактором является управление учебно-тренировочным процессом в многолетней спортивной подготовке. Третий фактор – профессиональное мастерство тренера.

Отбор спортсменов, способных к высоким достижениям в конкретном виде легкой атлетики, тесно связан с многолетней тренировкой, т. е. процессом подготовки от новичка до спортсмена высокого класса [6], [8].

Поэтому содержание каждого этапа многолетней тренировки имеет прямую связь с диагностикой пригодности для занятий, с выполнением повышающихся требований каждого последующего этапа тренировки и оценкой достижений спортсмена в связи с проделанной работой.

Чтобы не ошибиться в отборе ученика, тренер должен внимательно следить за возрастной динамикой развития психофизического состояния юного спортсмена. Только при этом условии можно выявить сильные и слабые стороны каждого легкоатлета, определить их перспективность и характер индивидуализации подготовки [6], [9], [10].

Разрозненные данные по отдельным возрастным периодам, касающиеся темпов прироста показателей двигательных способностей, имеются в многочисленной литературе [6], [10]. Однако, в ряде случаев авторы при оценке величин приростов объединяют несколько возрастов или, наоборот, касаются только двух–трех. Рассмотрение закономерностей развития и темпов прироста двигательных способностей по возрастным группам (включающим два года рождения) не совсем точно отражают процесс формирования двигательных способностей в период онтогенеза. Анализ паспортного возраста участников различных соревнований по легкой атлетике показал, что индивидуальные отклонения от среднегруппового возраста составляют ± 6,6 месяцев, а разница между минимальным и максимальным возрастом участников составляет 14,3 месяца.

Полученные авторами данные по приросту двигательных способностей пока еще недостаточно объединены и систематизированы. Между тем определение возрастных периодов, наиболее благоприятных для развития двигательных способностей, и представляют важную информацию для многолетнего управления подготовкой молодых легкоатлетов [8], [11], [12].

Основной направленностью данных исследований была проверка выдвинутой гипотезы о том, что динамика двигательных способностей подчинена общим закономерностям возрастного развития организма в онтогенезе, а различная двигательная активность накладывает определенный отпечаток на уровень и темпы их прироста.

Цель исследования – научно-методическая разработка оптимизации многолетней системы отбора и прогноза в подготовке молодых легкоатлетов-многоборцев 10–19 лет на основе темпов прироста ведущих физических способностей.

Организация исследований. При изучении темпов прироста двигательных способностей обследовались занимающиеся различной двигательной активностью.

Данные показатели исследовались в трех группах. Первая группа, условно обозначенная как специализирующаяся в отдельных видах легкой атлетики, разделена на 4 подгруппы: а) бегуны на короткие дистанции; б) бегуны на средние и длинные дистанции; в) прыгуны в длину, высоту, тройным; г) метатели диска, копья и толкатели ядра. Вторая группа – десятиборцы (юные многоборцы). Третью группу составили школьники и студенты, не занимающиеся спортом, но регулярно посещающие занятия по физическому воспитанию.

Ретроспективному и сопоставительному анализам были подвергнуты собственные динамические и многоразовые исследования, проведенные в период 1990–2015 гг. Также анализу были подвергнуты результаты, представленные в более чем 150 работах авторов, изучающих возрастные закономерности развития двигательных способностей.

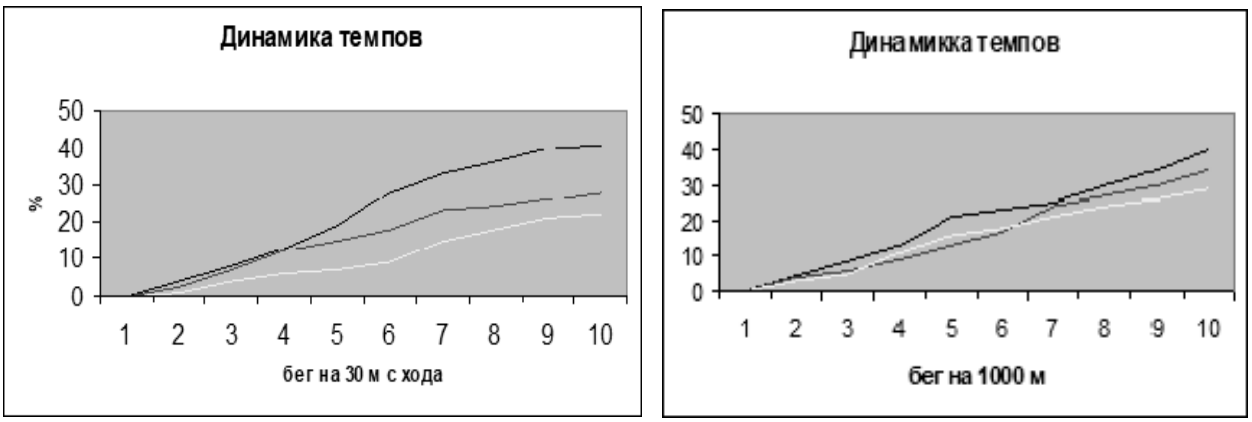
Темпы прироста были рассмотрены по четырем тестам, преимущественно характеризующие основные двигательные способности: скорость (беговая) – бег на 30 м с хода; взрывная сила «ног» (прыжковый фактор) – тройной прыжок с места; взрывная сила «рук» (метательный фактор) – бросок ядра двумя руками снизу вперед; выносливость – бег на 1000 м.

Методы исследования. Анализ литературных источников позволил определить состояние вопроса по исследуемой проблеме, а также теоретически обосновать выбранные в работе направления и правильно объяснить результаты исследований: педагогические наблюдения, метод экспертных оценок, изучение тренировочных документов, эмпирический анализ результатов соревновательной деятельности спортсменов, специализирующихся в различных видах легкой атлетики, педагогические контрольные испытания, математико-статистические методы анализа. Для оценки отдельных сторон подготовленности спортсменов были разработаны и использованы различные оценочные шкалы.

Темпы прироста определялись по формуле, предложенной С. Броди [9].

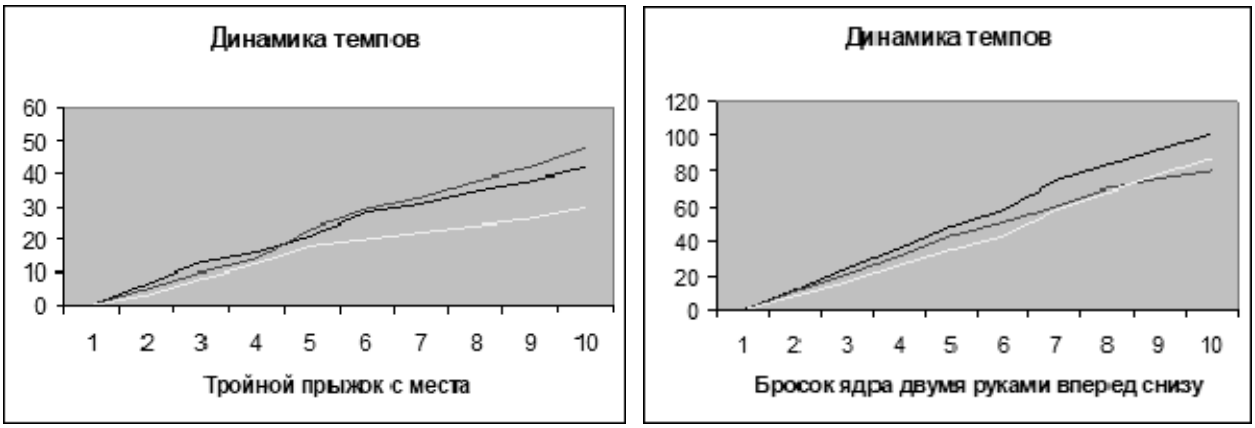
Основная часть. Результаты обработки темпов прироста показали, что все показатели, преимущественно характеризующие основные двигательные способности, во всех рассматриваемых группах возрастают. Однако развитие и темпы прироста для каждой двигательной способности характеризуются переменчивостью и находятся в зависимости от возрастного периода и направленности двигательной деятельности.

На рисунках 1 и 2 представлены темпы прироста основных двигательных способностей различных возрастных групп.



--------- специализирующиеся в видах легкой атлетики (спринт, средние дистанции);
--------- десятиборцы;
--------- не занимающиеся спортом.

Рисунок 1 – Динамика темпов прироста двигательных способностей у спортсменов и не занимающихся спортом



--------- специализирующиеся в видах легкой атлетики (спринт, средние дистанции);
--------- десятиборцы;
--------- не занимающиеся спортом.

Рисунок 2 – Динамика темпов прироста двигательных способностей у спортсменов и не занимающихся спортом

Полученные данные свидетельствуют о том, что во всех рассматриваемых группах у мужского контингента от 10 до 19 лет результаты в контрольных тестах возрастают и подчинены единой закономерности, которая выражается в параллельном темпе приростов во всех трех рассматриваемых группах и наличием определенной трехгодичной периодики. Рассматривая суммарные показатели темпов прироста, можно отметить наличие в возрастах 13, 16, 19 лет резко выраженных «скачков» в приросте результатов в контрольных упражнениях.

Однако, в трехгодичном периоде каждая отдельно взятая двигательная способность изменяется по-разному, проходя иерархически три уровня темпов прироста: большой прирост, малый и стабилизации прироста, когда отмечается незначительный абсолютный рост результатов. Так, рассматривая беговую скорость в возрасте 11, 14, 17 лет, отмечается стабилизация прироста; в 12, 15, 18 лет – малый темп прироста; а в возрасте 13, 16, 19 лет отмечен наибольший темп за трехгодичный период. Аналогичная картина в темпах прироста отмечается в скоростно-силовых способностях, характеризующихся бросковыми тестами.

Для скоростно-силовых способностей, характеризующихся прыжковыми тестами, в возрасте 11, 14, 17 лет отмечается малый прирост; в 12, 15, 18 лет – большой прирост; в 13, 16, 17 лет прирост результатов стабилизируется.

Для тестов общей выносливости характерна схема: 11, 14, 17 лет – большой прирост; 12, 15, 18 стабилизация темпов прироста; 13, 16, 19 – малый прирост.

Рассмотрение средних темпов прироста за трехлетний период независимо от направленности двигательной деятельности (таблица 1) выявило, что наибольшие темпы прироста в показателях, характеризующих беговую скорость и общую выносливость, отмечены от 10 до 13 лет и составляют в скоростных показателях 12,5 %, выносливости 12,1 %, в последующие возрастные периоды темпы прироста замедляются и, соответственно, составляют от 13 до 16 лет – 9,8 % и 10,1 %; от 16 до 19 лет – 5,6 % и 6,7 %.

Для скоростно-силовых способностей, характеризующихся прыжковыми и бросковыми тестами, в возрастном периоде от 10 до 13 лет результаты увеличиваются, соответственно, на 13,3 % и 16,6 %. В последующий возрастной период от 13 до 16 лет отмечается наибольший прирост в этих показателях, который составляет 16,8 % и 22,5 %; к 19 годам темпы замедляются и, соответственно, составляют 10,1 % и 14,4 %.

С возрастом от 10 до 19 лет величины темпов прироста результатов изменяются между специализирующимися в отдельных видах легкой атлетики с преимущественным проявлением двигательных способностей и регулярно занимающимися физическим воспитанием (рисунки 1 и 2).

Так, в беге на 30 м с хода разность в темпах прироста составляет в 13 лет – 7,2 %, к 16 годам возрастает до 18,6 %, сохраняется до 19 лет и составляет 18,4 % в пользу специализирующихся в спринтерском беге. В беге на 1000 м разность в 13 лет составляет только 3,2 %, к 16 годам увеличивается до 4,1 %, к 19 годам увеличивается значительно и составляет 10,2 % в пользу специализирующихся в беге на средние и длинные дистанции.

Более значимого преимущества в темпах прироста добиваются спортсмены, специализирующиеся в прыжках и метаниях, по сравнению с регулярно занимающимися физическим воспитанием.

Динамика разности темпов прироста в тройном прыжке с места от 10 до 19 лет развивается следующим образом: к 13 годам составляет только 2,6 %, к 16 годам разность составляет 13,0 % и к 19 годам увеличивается до 23,4 % в пользу специализирующихся в легкоатлетических прыжках (высота, длина, тройной).

Наиболее значимая разность темпов прироста между рассматриваемыми группами от 10 до 19 лет отмечена в тесте метание набивного мяча (ядра) двумя руками снизу вперед.

Отмечена следующая динамика: к 13 годам – 1,3 %, к 16 годам – 9,4 %, к 19 годам значительно увеличивается и составляет 30,6 %.

Сопоставление темпов прироста у спортсменов, специализирующихся в отдельных видах легкой атлетики, и десятиборцев выявило к 19 годам следующее преимущество в пользу специализирующихся в отдельных видах легкой атлетики: в беге на 30 м с хода – 11,9 %; в прыжковых тестах – 8,0 %; в бросковых тестах – 17,5 %; в тестах на выносливость – 5,6 %. Следует отметить, что в этих тестах при сравнении разность темпов прироста от 10 до 19 лет между десятиборцами и регулярно занимающимися физическим воспитанием, соответственно, составило: 6,1 %, 15,2 %, 13,1 %, 4,6 %, в пользу многоборцев.

Исследования темпов прироста двигательных способностей показало, что их динамика подчинена общим закономерностям и не зависит от разницы исходного среднего уровня результата исследуемых групп. Средние групповые исходные результаты в 10 лет в беге на 30 м с хода у спринтеров составляли 4,11 с; десятиборцев – 4,27 с, не занимающихся спортом – 4,41 с. В беге на 1000 м у бегунов на средние и длинные дистанции – 3.48,0 с, многоборцев – 4.18,9 с, не занимающихся спортом – 4.47,8 мин. с. В тройном прыжке с места у прыгунов – 607 см, многоборцев – 574 см, не занимающихся спортом – 527 см. В метании набивного мяча (ядра) двумя руками снизу вперед у метателей исходный уровень составил – 6,78 м, многоборцев – 5,71 м и у не занимающихся спортом – 4,80 м.

Ретроспективный анализ индивидуальных темпов прироста двигательных способностей имеет специфический уровень приростов у каждого отдельного занимающегося, которые оцениваются как «высокие», «средние», «низкие» (таблица 1) и не зависят от исходного уровня, а также от направленности двигательной деятельности.

Сопоставление полученных результатов в трех исследуемых группах с различной двигательной направленностью выявило, что в период онтогенеза от 10–19 лет динамика темпов прироста включает три составляющие: естественно-биологический прирост, вследствие комплексной многоборной подготовки и прирост в результате использования специализированных средств подготовки.

Следует отметить стабильность естественно-биологического прироста и прироста комплексной подготовки по отношению к увеличению возраста. Темпы прироста в абсолютных показателях в группах, использующих специализированные тренировочные средства, имеют незначительные отклонения от общей закономерности роста двигательных способностей и статистически недостоверны.

Таблица 1 – Темпы прироста двигательных способностей у легкоатлетов 10–19 лет (в процентах)

Показатели, характеризующие двигательные способности	Темпы прироста	Возраст (лет)									Суммарные приросты		
											Возрастные периоды		
		11	12	13	14	15	16	17	18	19	От 10 до 13 лет	От 13 до 16 лет	От 16 до 19 лет
Скоростные способности (бег на 30 м с хода)	Высокие	3,4*	4,7	6,3	2,4	3,6	5,4	1,7	2,3	3,0	14,4	11,4	7,0
	Средние	2,9	4.1	5,5	2,0	3,1	4,7	1,4	1,8	2,4	12,5	9,8	5,6
	Низкие	2,5	3,6	3,6	1,7	2,6	4,1	1,1	1,4	1,9	9,7	8,4	4,4
	Уровень	С**	М	Б	С	М	Б	С	М	Б	Б	М	Н
Скоростно-силовые (прыжковые тесты)	Высокие	5,2	6,5	3,4	5,7	8,6	4,2	3,6	5,0	3,0	15,1	18,5	11,6
	Средние	4,8	5,8	2,7	5,2	8,1	3,5	3,2	4,3	2,6	13,3	16,8	10,1
	Низкие	4,4	5,4	2,1	4,8	7,6	3,0	2,8	3,7	2,1	11,9	15,4	8,6
	Уровень	М	Б	С	М	Б	С	М	Б	С	М	Б	Н
Скоростно-силовые (бросковые тесты)	Высокие	4,0	6,8	7,8	6,6	7,8	10,1	3,6	5,1	7,2	18,6	24,5	15,9
	Средние	3,5	6,0	7,1	6,1	7,2	9,2	3,2	4,6	6,6	16,6	22,5	14,4
	Низкие	3,0	5,2	6,5	5,6	6,6	8,5	2,7	4,0	5,9	14,4	20,7	12,6
	Уровень	С	М	Б	С	М	Б	С	М	Б	М	Б	Н
Общая выносливость (бег на 1000 м)	Высокие	7,3	5,7	3,4	5,8	4,7	3,4	4,0	2,9	3,5	16,4	13,9	10,4
	Средние	5,6	4,2	2,4	4,3	3,3	2,5	2,7	1,4	2,1	12,2	10,1	6,2
	Низкие	4,0	2,9	1,4	3,0	2.7	1,7	1,5	0,8	1,1	8,3	8,3	3,4
	Уровень	Б	С	М	Б	С	М	Б	С	М	Б	М	Н

Примечание: * – процент прироста от возраста к возрасту; ** – уровень прироста: Б – большой, М – малый, С – стабилизация, Н – низкий.

Изучение индивидуальных темпов прироста двигательных способностей указывает на то, что уровень прироста их зависит от индивидуальных темпов полового созревания. Это подтверждается данными большой группы исследователей, которые указывают на то, что в подростковом возрасте у юношей 11–16 лет существенное влияние на особенности физического развития, функциональных возможностей и формирование двигательных способностей оказывает такой важный критерий, как индивидуальные темпы полового созревания. Степень полового созревания (биологический возраст) характеризуется значительными индивидуальными колебаниями у подростков, составляет +/- 5,3 месяца для юношей одинакового паспортного возраста.

Анализируя исследования различных аспектов, обуславливающих двигательную подготовленность человека, можно отметить, что ее в основном обеспечивают три фактора. Ведущим фактором является наследственная предрасположенность. Вторым по значимости фактором является исходный уровень двигательных способностей для конкретного возраста. Третий фактор – темпы прироста двигательных способностей.

Большинство исследований [4], [6] обращают внимание на неудовлетворительное состояние практики отбора перспективных спортсменов из-за низкой эффективности тренировки в детско-юношеском возрасте. Например, в большинстве видов спорта лишь 20–25 % чемпионов и рекордсменов юношеского возраста сохраняют свои позиции при переходе в категорию взрослых спортсменов. Эти потери могут быть сокращены, внедрив в практику научно обоснованную систему отбора, понимая под спортивным отбором длительный процесс поиска наиболее одаренных людей.

В настоящее время обсуждается необходимость ранней специализированной тренировки молодых спортсменов. Специализированная подготовка молодых спортсменов имеет риск травм и выгорания, в то время как степень специализации положительно коррелирует с увеличением серьезного риска травмирования. Факторы риска травматизма у молодых спортсменов, которые специализируются на одном виде спорта, включают круглогодичную спор-

тивную тренировку в отдельном виде, участие в большем количестве соревнований, снижением возрастного влияния игры, что требуют раннего развития технических навыков, и возникновением различных «барьеров» [14]. Таким образом, более эффективная многоборная подготовка в соответствии со специфическим развитием комплексного свойства двигательных способностей позволит более эффективно строить тренировочный процесс.

Результаты теоретического анализа и собственные исследования установили, что каждый из этих этапов от 10 до 19 лет имеет свою специфику, связанную с возрастными особенностями физического развития, функциональными возможностями, исходным уровнем двигательных способностей, темпами прироста этих способностей и ростом спортивной квалификации. Задачей каждого этапа является дальний прогноз, т. е. определение у молодых легкоатлетов потенциальных способностей, обеспечивающих высокие достижения в зрелом возрасте. Основу достижения выдающихся результатов составляют: высокий исходный уровень двигательных способностей для данного вида и их высокие темпы прироста, реализуемые через эффективное техническое мастерство.

Литература

1. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и ее практическое приложения: учеб. для тренеров : в 2 кн. / В. Н. Платонов. – М. : Олимп. лит., 2015. – Кн. 2. – 752 с.

2. Матвеев, Л. П. Теория и методика физического воспитания / Л. П. Матвеев. – М. : ФиС, 2006. – 254 с.

3. Сирис, П. З. Отбор и прогнозирование способностей в легкой атлетике / П. З. Сирис, П. М. Гайдарская, К. И. Рачев. – М. : ФиС, 1983. – 103 с.

4. Филин, В. П. Воспитание физических качеств у юных спортсменов / В. П. Филин. – М. : ФиС, 2014. – 175 с.

5. Верхошанский, Ю. В. Основы специальной физической подготовки спортсменов / Ю. В. Верхошанский. – М. : ФиС, 2008. – 135 с.

6. Купчинов, Р. И. Управление многолетней подготовкой легкоатлетов-десятиборцев / Р. И. Купчинов. – Минск : МГЛУ, 1996. – 89 с.

7. Нариманов, А. Прогнозирование и отбор / А. Нариманов // Легкая атлетика. – 1987. – № 5. – С. 169.

8. Камышов, В. Я. Управление подготовкой юных спортсменов / Под ред. В. Я. Камышова. – Волгоград : Волгоградский ГИФК, 2013. – 147 с.

9. Благуш, П. К. Теория тестирования двигательных способностей / П. К. Благуш – М. : ФиС, 1982. – 318 с.

10. Попов, В. Б. Юный легкоатлет / В. Б. Попов, Ф. П. Суслов. – М. : ФиС, 2009. – 224 с.

11. Система подготовки спортивного резерва / Под общ. ред. В. Г. Никитушкина. – М., 1993. – 319 с.

12. Система подготовки спортивного резерва / Под общ. ред. В. Г. Никитушкина. – М., 1993. – 319 с.

13. Harre, D. Kraftahigkeite / D. Harre // Trainingswissenschaft. – Berlin : Sportferiag, 1994. – S. 159–167.

14. Шинкарук, О. А. Отбор спортсменов и ориентация их подготовки в процессе многолетнего совершенствования (на материале олимпийских видов спорта) / О. А. Шинкарук. – К. : Олимп. лит., 2011. – 360 с.

Белорусский государственный университет
физической культуры

Поступила в редакцию 01.12.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 342.722.1:342.733(476)

Inequality in education in the Republic of Belarus

I.M. SINITSA

Based on the analysis of statistical data and current legislation, the problematic issues of the education system in the Republic of Belarus are considered. It is concluded that the education system of Belarus as a whole meets high standards, but certain problems that cause or contribute to discrimination against some categories of people remain unresolved.
Keywords: education, socio-economic status, school resources, gender, disabilities, higher education.

На основе анализа статистических данных и действующего законодательства рассмотрены проблемные вопросы системы образования в Республике Беларусь. Сделан вывод о том, что система образования Беларуси в целом соответствует высоким стандартам, но определенные проблемы, которые вызывают или способствуют дискриминации в отношении некоторых категорий людей, остаются нерешенными.
Ключевые слова: образование, социально-экономическое положение, школьное обеспечение, гендер, инвалидность, высшее образование.

1. Introduction. The importance of education in the life of society is difficult to overestimate. First, education of the population acts as an instrument of economic growth – the higher the level of education, the higher the economic growth, the scientific and technical potential of society. Secondly, the increase in the level of education affects the level of income of people who receive it. Thirdly, education is one of the few channels of upward social mobility. Thus, a high level of education is generally good for society.

In this regard, the problems of inequality in people's opportunities in the educational sphere are of particular importance. The lack of equal access to education actually means the consolidation of economic, social and cultural inequalities, closing the way to the upper strata for children from the bottom layers. Therefore, the identification of population groups that have lower chances of access to education and lower indicators that characterize its quality requires special study. The policy of equal opportunities should create conditions at the output where conditions of inequality of results are associated only with individual effort, and not with environmental factors, i. e. will be treated as fair.

In this context, the role of the school, which in fact faces a new challenge, is very important. The school should not just educate, but compensate for the shortcomings that some schoolchildren have and others do not. Only in this case, the country's educational system can overcome part of the inequality that is invested in society.

In the Republic of Belarus, the literacy rate of the adult population is 99,7 %, the coverage of the basic, general secondary and vocational education of the employed population is 98 % [1]. In terms of enrollment in primary and secondary schools, the number of students in higher education institutions, Belarus is at the level of developed countries in Europe and the world. Every third citizen of the republic studies.

The state policy in the sphere of education is based on strengthening the leading principles of the development of the Belarusian school, among which: state-public nature of management; ensuring the principle of fairness, equal access to education; improving the quality of education for everyone. Priority is also given to the development of a network of institutions of vocational, secondary and higher education.

Currently, more than 8,000 educational institutions of all levels work in the country, where more than 3 million children, students, students and listeners are studying. Training provides about 430 thousand employees of the education system [2].

The number of children receiving primary education since 2000 is 100 percent. The dynamics of the enrollment of children with a common basic and general secondary education is positive. So, if in 2005/2006 academic year the coverage of children with a general basic education was 95,3 percent (to the total population aged 6–14 years), in the 2013/2014 academic year – 99,5 percent [3].

The Republic of Belarus in the rating of the states on the index of human development on indicators in the sphere of education refers to states with a very high level of human development.

2. Statistics, analysis and monitoring of situation. According to the study «Realization of the rights of children in the Republic of Belarus. Situation Analysis», conducted jointly by the Republic of Belarus and the United Nations Children's Fund (UNICEF) in 2014, the right of the child to education and development at an early age is realized in the Republic of Belarus. There is no inequality of children by gender, place of residence and social status [3]. Further, the statistical data presented in this study are used, as well as on the website of the State Statistical Committee of the Republic of Belarus.

The right of the child to a quality education is realized in the Republic of Belarus. The development of the national education system corresponds to the world trends and is built on the basis of providing broad guarantees and opportunities for obtaining quality education for each child. There are no restrictions on obtaining education on the basis of gender, nationality, social status, place of residence. The Code of the Republic of Belarus on Education (2011) was developed and adopted, systematically representing the entire legal framework for regulating relations in the field of education.

The total enrollment ratio in primary education is about 100 percent.

The Republic of Belarus has one of the lowest levels of social stratification in Eastern Europe. The «Gini coefficient» calculated for it (a statistical indicator of the degree of stratification of the society of a given country or region relative to any studied feature) is 28 % (in Russia, for example, this coefficient is about 45 %) [4]. However, the problem lies in the standard of living of the majority of the population. If the income level of a simple worker allows him to have a high quality of life, then it does not play a big role, what is the «Gini coefficient» in the country. In the course of numerous sociological surveys, it was found out that 2/3 of the polled residents of the Republic of Belarus are concerned about the low level of their incomes.

In 2019–2020 academic year, 3,003 state institutions of general secondary education function (in 2017–2018 academic year the number was 3,067 state institutions of general secondary education function, including 1,426 in urban areas, and 1641 in rural areas).

The rating of educational institutions in the Republic of Belarus is not published.

Financing of education is provided at a fairly high level (about 5 percent of GDP). It should be noted that the legal regulation of the financing of education has worsened. Until 2011 it was legislatively fixed that it is necessary to spend at least 10 % of GDP on education (but this requirement of the law was not fulfilled). In 2011, this rule was excluded from the Education Code of the Republic of Belarus.

In the Republic of Belarus there is the State Program «Education and Youth Policy» approved by the Decree of the Council of Ministers of the Republic of Belarus of January 29, 2021 № 57. The state program is developed in accordance with the Code of the Republic of Belarus on Education, the Law of the Republic of Belarus of December 7, 2009 «On the Fundamentals of State Youth Policy», etc. The State Program defines the main directions and priorities of the activities of the republican government bodies and other state organizations. The objectives of the State Program are to improve the quality and accessibility of education in accordance with the needs of the innovative economy, the requirements of the information society, the educational needs of citizens, the development of the potential of youth and its involvement in socially useful activities.

In addition, Resolution № 710 of the Council of Ministers of the Republic of Belarus on September 22, 2017 approved the National Plan of Action for the Improvement of the Situation of Children and Protection of Their Rights for 2017–2021, which is a program document aimed at implementing the provisions of the United Nations Convention on the Rights of the Child by the Republic of Belarus, creation of conditions for the protection of the rights and legitimate interests of children.

The Republic of Belarus in 2018 for the first time took part in the international program for the evaluation of educational achievements of students (PISA). The results of PISA-2018 showed that Belarus performed below the OECD average in all areas of literacy: reading, mathematics, and science. Among the 79 PISA-participating countries, Belarus is ranked 36th in reading, 38rd in mathematics, and 37th in science [5].

3. Problematic issues that contribute to discrimination against citizens in the field of education in the Republic of Belarus.

3.1. Socio-economic status. The financial position of citizens is the most obvious differentiating feature. In the Republic of Belarus, no relevant studies were conducted in the region of education. However, one cannot deny the influence on the possibility of education of such factors as the origin of the city or rural area, the financial situation of the family, the territorial accessibility of educational facilities, etc.

Inequality in access to education (meaning quality education, its high level, that is giving opportunities for social mobility) remains an important problem of society. Obviously, to get a high-quality education – in good schools and universities, in prestigious specialties – are much more likely for those whose parents can pay for studying in a non-class school, for preliminary pre-university training, for training in a riot.

The socio-economic status (SES) is an economic and sociological integrated indicator of the work experience, economic, cultural and social status of the individual's family. The importance of this factor is shown, for example, by PISA studies: in all countries schoolchildren with higher SES have higher achievements.

The SES index of students can include one or several components, such as the level of education of parents, the professional status of parents, the level of family income, etc.

One of the mechanisms of SES influence on educational outcomes is that parents from high social strata can send their children to private schools, hire tutors, provide them with sufficient educational resources. In addition to material resources, the family is also a bearer of cultural heritage, which can be expressed in relation to education. Thus, depending on a number of characteristics of the family, students can demonstrate different results.

In general, citizens of the Republic of Belarus have the right to receive free pre-school, general secondary, vocational and special education in state educational institutions, and on a competitive basis – free secondary specialized higher education, if the corresponding education at the expense of the republican and (or) local budgets they receive for the first time, and post-graduate education.

There is social support for the families of students: free travel for schoolchildren is saved (the decision is made by local authorities). For vulnerable categories of students, the use of textbooks and teaching aids is free.

For the Republic of Belarus, the problem of preparing for introductory tests using the services of repatchers is topical. According to a study by the National Institute of Education, in the academic year 2015/2016 classes with tutors are attended by 30 % of tenth-form students, in the 2014/2015 academic year, there were 42 % [6]. Experts believe that the reason for the decrease in the number of people using rehabilitators is not in improving the school's preparation, but in the economic crisis that does not allow many families to find money for additional education of children. Very few people enter prestigious specialties without preliminary training with tutors; most of the applicants do not have enough education at school.

This means that you can get a high-quality higher education only by paying for the average. This is contrary to the constitutional foundations and guarantees of the right to free secondary education.

Moreover, in schools, paid circles are created to prepare for centralized testing, which creates conditions for social inequality: someone can afford such training more qualitatively, some less qualitatively, and some cannot afford to pay for additional classes.

3.2. School resources and school location. As sources, the inequality of educational results is not only family characteristics, but also features of the school environment. In particular, for example, such characteristics of the school as location, material resources and characteristics of the teaching staff, etc. Since the sixties there has been a discussion about the extent to which the characteristics of a school can determine the inequality of educational outcomes, on the one hand, and compensate for insufficient family characteristics, on the other.

Thus, the realization of the right to receive quality education largely depends on the development of the material and technical base of schools. A significant achievement of Belarus in this context is the mass connection of schools to the Internet: the proportion of schools with access to the network has increased from 87,4 percent in the 2010/2011 school year to 98 percent in the 2013/2014 academic year [7]. In 2010, only 9 % of rural schools in Belarus had broadband Internet.

In the Republic of Belarus, based on the analysis of the results of centralized testing, it was stated that schoolchildren who live in rural areas have practically the same results as their urban peers in testing. In this connection, a separate competition for rural and urban entrants was canceled. Today, all applicants are placed in the same conditions and benefits for rural residents are absent.

At the same time, in 2017, 82 graduates of Minsk educational institutions received the maximum possible 100 points based on the results of centralized testing, 87 more people from district centers, and 9 applicants from rural areas [8].

For the Republic of Belarus, the problem of closing small schools in villages is topical. In some cases, the mere fact of closing the school puts into question the prospects for the continued existence

of the settlement. The decision to close is necessarily made taking into account the analysis of the demographic situation in the region. As the result of optimizing of schools in September 2000, there were 4,772 schools in the country, and at the beginning of the 2019 academic year – 3,035 [9].

3.3. Limited opportunities. The possibility of obtaining higher education for persons with disabilities is closely related to the disability group, with the degree and type of disability (physical, mental, intellectual or sensory impairment). The state policy of creating favorable conditions for the education of children with disabilities and psychophysical development is consistently implemented in the Republic of Belarus.

Institutional support for the implementation of the law has been ensured, a reliable system of social protection of children, families with children, social protection of children living in the territories affected by the Chernobyl catastrophe has been established, rehabilitation and adaptation of children with psychophysical development, taking into account their functional capabilities, – individuals, a set of measures for their social rehabilitation is being implemented.

Teaching of adolescents with disabilities and features of psychophysical development (including intellectual deficiency, disorders of musculoskeletal functions, visual and hearing impairment) is carried out in 85 institutions of vocational education, 65 institutions of secondary specialized education, as well as in higher education institutions of the Republic Belarus.

One of the most priority areas for the development of the social protection system for citizens with certain restrictions should be the strengthening of the ongoing work in the country to create a barrier-free environment. This will ensure the availability of social facilities for the satisfaction of vital interests, development, learning, inclusion in the life of society, for children with restrictions on movement, vision, hearing, and intellect.

At the same time, in the Republic of Belarus, there are regulatory restrictions on the admission of citizens with disabilities to certain faculties and specialties. In the Education Code, quotas for admission to universities and colleges for persons with disabilities are not established in the Republic of Belarus (unlike Ukraine and Russia).

Persons with diseases of the organs of vision and hearing, due to the specific nature of the diseases, are very limited in the possibilities of obtaining information in the usual sense. Universities in the country are provided with a minimum of special training facilities and methods, they do not have teachers who have received special training to work with this category of students.

As a rule, the budget classification of higher education institutions does not establish separate expenditure items for the modernization of special educational programs for people with visual and hearing impairments. This fact makes it virtually impossible to participate in the educational process for persons with disabilities with visual and hearing impairments. This unsatisfactory solution to the problem of access to higher education institutions for people with visual and hearing impairments takes the form of a significant violation of the constitutional right to education.

Likewise, the opportunities for obtaining education by citizens moving in wheelchairs, etc., are limited, since universities are not equipped with a barrier-free environment.

In general, it is possible to single out the following reasons that hinder the receipt of higher education by people with disabilities: state of health; the need for constant extraneous care (unresolved issue of their escort); low level of income; absence of barrier-free environment both on the way from home to the establishment of education, and in the educational buildings themselves; intolerant attitude of people around to people with visible signs of disability; lack of a distance learning system, equal in quality to a daily training form financed from the budget; low level of motivation for higher education, since people with disabilities have to overcome barriers to receive it independently, including many because of the extreme complexity (temporary) of combining training with work; lack and / or lack of assistive technologies and training materials; lack of qualified specialized personnel (sign language interpreters, tutors), etc.

3.3. Gender. There are no restrictions on the receipt of education on the basis of gender in the Republic of Belarus. Regardless of the level of education, the education of both sexes is shared. Boys and girls in different localities and at all levels of education are trained in the same programs, use the same textbooks and manuals, receive the same documents about education, have the same conditions for orientation in choosing a profession or specialty.

At the same time, only 8 women occupy the post of rector of the university [10], so we can state the presence of gender imbalance in administrative and scientific activities.

In addition, there is an obligatory distribution of students in the Republic of Belarus after graduation from the university. Practice shows that preference for employment in law enforcement bodies is given to males.

Applicants are more difficult to enroll in such a specialized educational institution as the Academy of the Ministry of Internal Affairs, which previously girls were not accepted at all and currently retains restrictions on the admission of women.

The status of women in Belarus, despite the high level of education and professional qualifications, is not adequate to their leading role in the structure of employment.

3.4. The language of instruction. Education institutions of Belarus have the right to study in one of the two obligatory state languages – Belarusian and Russian. The formal legal equality of the two state languages is stipulated by the Belarusian Constitution and other laws. In accordance with Article 2 of the Law «On Languages in the Republic of Belarus», the state must ensure the comprehensive development and functioning of the Belarusian and Russian languages in all spheres of public life. According to part 1 of article 90 of the Education Code, the Belarusian and Russian languages are the main languages of education and upbringing. At the same time, the state guarantees the right to choose education and upbringing in one of the two state languages. The language of instruction and upbringing is determined by the founder of the educational institution.

However, the Belarusian state does not provide in practice equality for obtaining a full-fledged education in the Belarusian language at all levels for those residents of the country who in the public practice prefer the Belarusian language.

In modern Belarus there is no higher education institution where all the training was conducted in the Belarusian language. This largely reflects the situation in the secondary school, where the proportion of students in the Belarusian language is insignificant.

At the same time, it should be noted that in the Republic of Belarus the rights of citizens who belong to national minorities, to learn the native language, culture and traditions of their people are ensured.

3.5. Training prisoners for deprivation of liberty. In the Education Code, there are no provisions governing the education of prisoners sentenced to deprivation of liberty, although the right to education of this category of persons and the organization of their education, in our opinion, require special legal regulation. In general, the receipt of education by this category of convicts would help achieve the educational goal of criminal responsibility and further resocialize them in society.

This issue has special significance in relation to this category of convicts, such as minors.

The issues of education of prisoners sentenced to deprivation of liberty are regulated by the Criminal Executive Code of the Republic of Belarus. In particular, correctional institutions organize the receipt by convicts of general secondary, vocational education and vocational training for imprisonment.

The possibility of obtaining higher education, including distance education, is directly mentioned in the article. Those sentenced to deprivation of liberty, especially minors, do not have the opportunity to continue their education by enrolling in higher educational institutions, although all citizens of the Republic of Belarus have the right to receive free higher education for all on a competitive basis. Equal access to higher education for various categories of youth is ensured through the use of a single independent evaluation procedure – centralized testing. However, the issues of conducting centralized testing for persons sentenced to deprivation of liberty, admission to higher education institutions, etc., have not been legally regulated.

4. Conclusions. The educational system of Belarus as a whole meets high standards, but some problems that lead or contribute to discrimination of some categories of persons remain unresolved. From this point of view, it needs changes.

It is noteworthy that there is no judicial practice in resolving cases concerning the discrimination of individuals, which we could start from when studying the topic under consideration.

Actual for many other countries issues of discrimination based on race, nationality, sexual orientation, etc. in the Republic of Belarus are not raised and we can say that at this stage they are absent.

References

1. Official website of the President of the Republic of Belarus [Electronic resource] // The President of the Republic of Belarus. – Mode of access : https://president.gov.by/ru/belarus/social/education. – Date of access : 23.02.2020.

2. Official website of the Ministry of Education of the Republic of Belarus [Electronic resource] // The Ministry of Education of the Republic of Belarus. – Mode of access : https://edu.gov.by/about-ministry/obshchaya-informatsiya/. – Date of access : 23.02.2020.

3. Realization of the rights of children in the Republic of Belarus. Situation Analysis [Electronic resource] // UNICEF in Belarus. – Mode of access : https://www.unicef.by/uploads/models/2015/09/2014_sitan_child_rights_in_belarus.pdf. – Date of access : 23.02.2020.

4. Belarus Human Development Report [Electronic resource] // UNDP Belarus. – Mode of access : http://www.by.undp.org/content/belarus/ru/home/library/poverty/NHDR2015full/. – Date of access : 23.02.2020.

5. Основные результаты международного сравнительного исследования PISA-2018 [Электронный ресурс] // The State Educational Institution «Republican Institute for Knowledge Control». – Режим доступа : https://rikc.by/pisa/556-osnovnye-rezultaty-mezhdunarodnogo-sravnitelnogo-issledovanija-pisa-2018.html. – Дата доступа : 23.02.2020.

6. Листопадов, В. Реформа образования: когда белорусская школа закончит сталинскую десятилетку? [Электронный ресурс] / В. Листопадов // Общество. – Режим доступа : https://news.tut.by/society/492550.html. – Дата доступа : 23.02.2020.

7. Доступ в интернет имеют 99 % учреждений образования Беларуси [Электронный ресурс] // BelTA. – Режим доступа : https://www.belta.by/society/view/dostup-v-internet-imejut-99-uchrezhdenij-obrazovanija-belarusi-387509-2020/. – Дата доступа : 23.02.2020.

8. Статистика ЦТ 2017 [Электронный ресурс] // Адукар. – Режим доступа : https://adukar.by/news/statistika-ct-2017. – Дата доступа : 23.02.2020.

9. State statistical reporting [Electronic resource] // The Ministry of Education of the Republic of Belarus. – Mode of access : https://edu.gov.by/statistics/. – Date of access : 23.02.2020.

10. Council members of the Republican Council of Rectors of Higher Education Institutes [Electronic resource] // The Republican Council of Rectors of Higher Education Institutes. – Mode of access : http://srrb.niks.by/члены-совета#gsc.tab=0. – Date of access : 23.02.2020.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 20.11.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 796.412+796-055.2

Индивидуальные особенности биоритмики организма женщин различного соматотипа, занимающихся шейпингом

А.А. Скидан

В статье представлены отличительные соматотипические особенности морфофункционального статуса женщин 21–35 лет. Определены специфические особенности динамики отдельных двигательных способностей у женщин различного соматотипа на протяжении овариально-менструального цикла. Учет сопряженности индивидуальных соматотипических особенностей и фазности специфического биологического цикла в тренировочном процессе женщин первого периода зрелого возраста указывает на необходимость применения индивидуально-дифференцированного подхода к организации и содержанию групповых оздоровительных занятий шейпингом.
Ключевые слова: женщины, соматотип, овариально-менструальный цикл, оздоровительный шейпинг.

The article presents the distinctive somatotypic features of the morphofunctional state of women aged 21–35. The specific features of the dynamics of individual motor abilities of women of various somatotypes during their ovarian-menstrual cycle have been determined. Accounting of the contiguity of individual somatotypic characteristics and the phasing of a specific biological cycle in the training process of women of the first period of adulthood indicates the need of using an individually differentiated approach to the organization and content of the group health-improving shaping classes.
Keywords: women, somatotype, ovarian-menstrual cycle, health-improving shaping.

Введение. Современная социокультурная ситуация ориентирует различные группы населения на формирование, укрепление и сохранение здоровья. Комплекс воздействия экологических, социальных и биологических факторов определяет активный поиск возможностей создания благоприятных условий в пользу не только здоровьесбережения, но и развития [1, с. 200].

Фитнес сегодня стал мейнстримом (основным течением) в сфере оздоровительной физической культуры. Социокультурный запрос современного общества в здоровых и красивых людях является внешним импульсом для создания новых физкультурно-оздоровительных услуг. Многогранность фитнес-деятельности обладает такими свойствами, как интегративность и комбинаторность, предлагает свободу выбора разнонаправленных, индивидуально приемлемых форм занятий, объединяя в себе эффективные для оздоровления виды двигательной активности [1, с. 200], [2, с. 33], [3, с. 96].

Женщины являются основными потребителями фитнес-услуг, возрастная группа от 20 до 35 лет наиболее активная часть клиентов фитнес центров. Данный контингент занимающихся ориентирован на совершенствование своей телесности, культ спортивной, стройной фигуры является современным символом успеха, инструментом самовыражения и социального взаимодействия [3, с. 96]. Женщины преимущественно среднего возраста стремятся конструировать свою телесность согласно господствующего стандарта стройности, основанного на принципах гедонизма и связанного с эстетически модным, рекламным образом. Проблема тирании стройности у женщин часто коррелирует с опасностью для здоровья и многочисленными патологическими эффектами [4, с. 15].

Многообразие предлагаемых фитнес-программ не в полной мере позволяет решить оздоровительные задачи, стоящие перед процессом физического воспитания с данным контингентом занимающихся. Физкультурно-оздоровительная деятельность женщин и здоровьесбережение в целом должно строится на индивидуальной основе, с учетом особенностей организма каждой занимающейся [5, с. 47].

Одним из подходов к прогнозированию здоровья является оценка соматической конституции человека. Конституционная типология имеет важное диагностическое и прогностическое значение в физкультурно-оздоровительной практике женщин, реализация которой оптимизирует выбор стратегии физиологического сопровождения тренировочного процесса на принципах реализации индивидуально-дифференцированного подхода [1, с. 200], [6, с. 91].

Женский организм отличается специфическими биологическими ритмами, связанными с детородной функцией. В практике фитнес-тренировок отсутствует объективная оценка фаз овариально-менструального цикла (ОМЦ), сопряженная с общим состоянием женщин, что значительно затрудняет адаптацию женского организма к физическим нагрузкам и в последующем негативно сказывается на функционировании ряда систем организма, в том числе и репродуктивной. Понимание данных закономерностей дает возможность оптимизации структуры и содержания тренировочных программ для женщин, обеспечит значительное повышение эффективности физкультурно-оздоровительного процесса в целом [1, с. 200], [7, с. 160], [8, с. 70].

Воспроизводство здоровьесберегающей среды для женщин зрелого возраста требует модернизации в разработке более качественной стратегии и современной методологии в данной сфере педагогического управления. Инновационные преобразования дают возможность раскрыть огромные резервы оздоровительной физической культуры, посредством которых возможно обеспечить сохранение здоровья женщин зрелого возраста и создать устойчивый интерес к физической культуре на протяжении всей жизни [1, с. 200], [4, с. 15], [6, с. 91].

Цель исследования – выявление индивидуальных особенностей биоритмики организма женщин 21–35 лет различного соматотипа, влияющих на эффективность оздоровительных занятий шейпингом.

Основная часть. Исследование проводилось на базе научно-исследовательской лаборатории современных физкультурно-оздоровительных и рекреативных технологий при Гомельском государственном университете им. Ф. Скорины (2016–2017 гг.). В эксперименте принимали участие женщины ($n = 48$) возрастной категории 21–35 лет (первый период зрелого возраста) желающие заниматься шейпингом.

Конституция человека является важнейшим фактором, определяющим реактивность организма и его профиль индивидуального развития. В качестве основы конституционной диагностики выступает соматический тип (соматотип), который представляет собой своеобразный анатомический паспорт, позволяющий дать комплексную характеристику индивида и выявить его характерные особенности [9, с. 119].

Антропометрическое обследование и определение соматотипа проводилось по методике М.В. Черноруцкого с использованием индекса Пинье [9, с. 119]. По результатом соматодиагностики установлено распределение обследуемых женщин по соматотипическим группам: нормостеники – 37,5 %, гиперстеники – 33,3 %, астеники – 29,2 %.

В настоящем исследовании осуществлялось сопоставление показателей морфофункционального статуса женщин разных типологических категорий между собой, что позволило выявить отличительные соматотипические особенности (рисунок 1).

Анализ полученных результатов исследования показал статистически достоверные различия ($p < 0,05$) во всех исследуемых морфологических показателях между разными соматотипическими группами. При сопоставлении смежных соматотипов: астеники – нормостеники, нормостеники – гиперстеники, установлено, что наиболее близким по антропометрическим значениям к нормостеническому типу является гиперстенический тип телосложения. Астенический тип отличается большим отклонением по всем антропометрическим показателям от нормостенического типа. В свою очередь, различия между крайними соматотипами (астенического и гиперстенического) носят преимущественно достоверный ($p < 0,05$) характер.

Так, при сравнении показателя массы тела выявлено, что у женщин-гиперстеников отличие от женщин-астеников составляет 16,6 кг ($p < 0,05$), а от нормостеников 7,3 кг ($p < 0,05$). Масса тела женщин-астеников меньше данного параметра женщин-нормостеников на 9,3 кг ($p < 0,05$). Анализ показателей индекса массы тела (ИМТ) женщин свидетельствует, что у астенического и нормостенического типов индекс соответствует норме. При этом значения астеников отмечаются на нижней границе нормы, что указывает на возможность возникновения недостаточности (дефицита) массы тела. В то же время у женщин-гиперстеников значения данного индекса оцениваются как избыточная масса тела (предожирение).

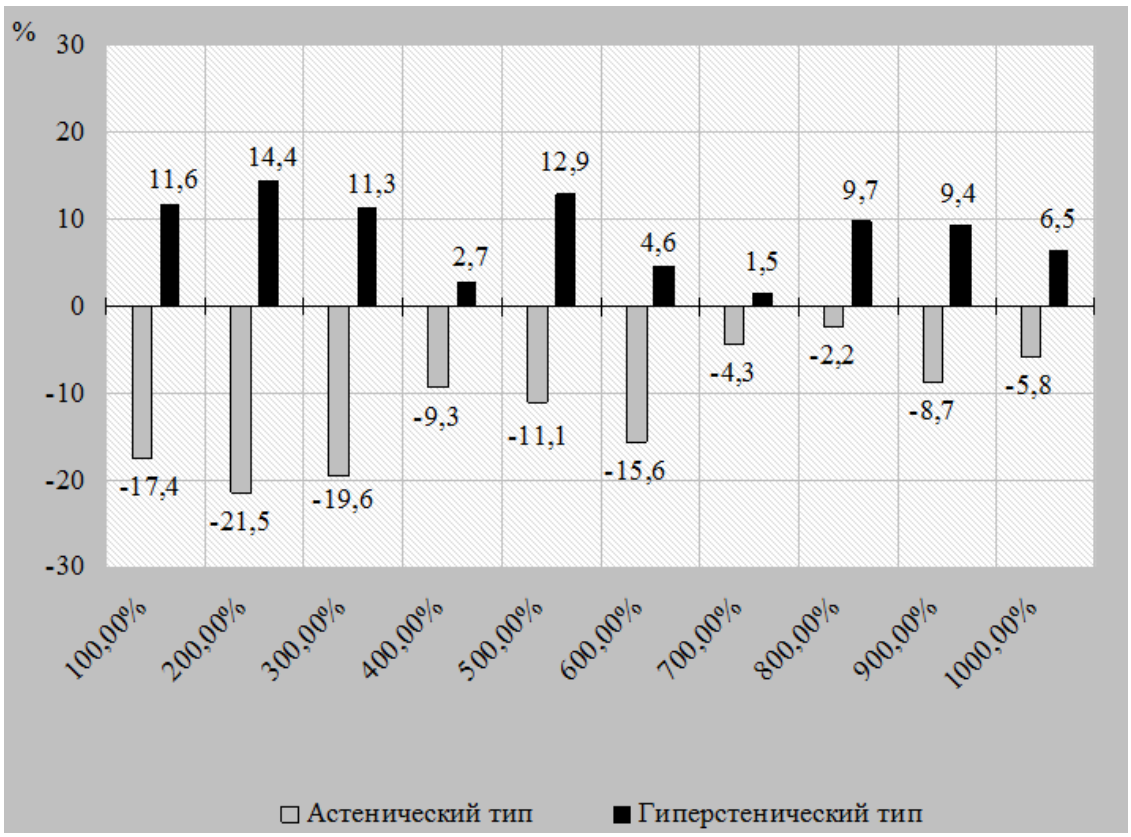


Рисунок 1 – Наиболее значимые типологические различия (%) показателей морфофункционального статуса женщин 21–35 лет

Примечание: за нулевую отметку взяты морфофункциональные показатели нормостенического типа.

Анализ обхватных размеров тела женщин также позволил выявить соматотипологические отличия ($p < 0,05$) и общую тенденцию для большинства изучаемых обхватных показателей (запястья, шеи, грудной клетки, груди, талии, ягодиц, бедра, голени, щиколотки) – увеличение средних значений в направлении от астенического типа к гиперстеническому типу телосложения.

Оценка компонентного состава тела конкретизирует физическое развитие женщин, отражает состояние обменных процессов в организме и является значимым параметром для оптимизации тренировочного режима [10, с. 389]. Сравнительный анализ показателей состава тела у представительниц различного соматотипа позволил выявить существенные различия и отклонения от оптимальных значений. Женщины-астеники отличаются самыми низкими значениями мышечной и жировой массы по сравнению с двумя другими соматотипами. Так, процентное выражение мышечной массы в вариантах астеник-нормостеник (А-Н), астеник-гиперстеник (А-Г) и нормостеник-гиперстеник (Н-Г) составило 15,6 % ($p < 0,05$), 20,9 % ($p < 0,05$) и 4,6 % ($p < 0,05$). У женщин-гиперстеников отмечаются самые высокие значения жировой массы: А-Г – 25,4 % ($p < 0,05$), Н-Г – 12,9 %. Известно, что высокое процентное содержание жира в организме является фактором риска многих заболеваний, таким образом, лица гиперстенического типа находятся в «зоне потенциального риска».

Активная клеточная масса (АКМ) является важным показателем для оценки основного обмена веществ, характеризует содержание в организме метаболически активных тканей [10, с. 389]. Сравнительный анализ АКМ позволил выявить статистически значимые ($p < 0,05$) различия между разными конституционными типами, так женщины гиперстенического типа статистически значимо отличаются большими значениями на 9,5 % от нормостенического типа и на 18,7 % от астенического типа.

Функциональный анализ основных показателей сердечно-сосудистой системы (ССС) – частоты сердечных сокращений (ЧСС), артериального давления систолического и диастолического (САД, ДАД) показал, что у лиц астенического типа они отличаются от гиперстени-

ческого типа на 9,1 уд/мин ($p < 0,05$), 22,1 и 9,8 мм рт. ст. ($p < 0,05$), от лиц нормостенического типа на 1,7 уд/мин ($p > 0,05$), 10,2 и 4,5 мм рт. ст. ($p < 0,05$). В свою очередь отличия между двумя последними соматотипами также имеются – ЧСС на 7,4 уд/мин ($p < 0,05$), САД на 11,9 мм рт. ст. ($p < 0,05$) и ДАД на 5,3 мм рт. ст. ($p < 0,05$). В результате астенический тип характеризуется более экономичным функционированием ССС.

Сопоставляя значения жизненного индекса представительниц различного соматотипа с оценочными шкалами, можно выявить, что у астеников результаты относятся к уровню «выше среднего», у нормостеников и гиперстеников – к «среднему» и «ниже среднего» уровням.

С целью оценки учета в тренировочном процессе женщин первого периода зрелого возраста сопряженности индивидуальных соматотипических особенностей и фазности специфического биологического цикла проведено дополнительное исследование динамики проявления отдельных двигательных способностей на протяжении овариально-менструального цикла (ОМЦ). Следует отметить, что измерение уровня базальной температуры тела (БТТ) является одним из самых простых и доступных методов выявления индивидуальных границ фаз ОМЦ.

В рамках исследования проводилась оценка скоростно-силовой способности по результатам прыжка вверх со взмахом рук по Абалакову, который выполнялся перед шейпинг-тренировками женщинами 21–35 лет с учетом фаз ОМЦ.

Результаты тестирования показали, что в каждой соматотипической группе женщин показатели прыжка вверх колеблются в разные дни цикла, так в астенической группе от 16,8 см до 21,4 см, в нормостенической от 15,5 см до 20,1 см и гиперстенической от 18,4 см до 23,8 см. При этом выявлен волнообразный характер динамики проявления двигательных способностей от фазы к фазе ОМЦ у женщин всех соматотипов. Установлено, что более высокий уровень проявления двигательных способностей приходится на постменструальную (II) и постовуляторную (IV) фазы, а наименьший на менструальную (I), овуляторную (III) и предменструальную (V) фазы. У женщин астенического типа наибольшая ($p < 0,05$) разница показателей прыжка отмечается только в менструальную (I) и постменструальную (II) фазах, в III, IV и V фазах различия статистически незначимы ($p > 0,05$). У лиц нормостенического и гиперстенического типа высокие ($p < 0,05$) значения вариативности показателей в менструальной (I) и постменструальной (II), постовуляторной (IV) и предменструальной (V) фазах. Что касается овуляторной фазы, то различия прыжка несущественны ($p > 0,05$) и не отличаются от показателей постменструальной (II) фазы ОМЦ (таблица 1).

Таблица 1 – Разница показателей высоты прыжка вверх со взмахом рук по фазам ОМЦ у женщин первого (21–35 лет, n = 48) периода зрелого возраста различного соматотипа

Соматотип	А-тип (n = 14)			Н-тип (n = 18)			Г-тип (n = 16)		
Фазы ОМЦ	между фазами		p	между фазами		p	между фазами		p
	см	%		см	%		см	%	
I–II	**–3,8**	22,6	**< 0,05**	**–4,2**	27,1	**< 0,05**	**–4,7**	25,5	**< 0,05**
II–III	0,9	4,3	> 0,05	3,5	17,7	> 0,05	3,3	14,2	> 0,05
III–IV	–1,7	8,6	> 0,05	**–3,9**	24,1	**< 0,05**	**–4,0**	20,2	**< 0,05**
IV–V	2,5	11,6	> 0,05	**4,2**	20,9	**< 0,05**	**4,4**	18,4	**< 0,05**
V–I	2,1	11,1	> 0,05	0,4	2,5	> 0,05	1,0	5,1	> 0,05

Примечания:
1) А – астенический тип; Н – нормостенический тип; Г – гиперстенический тип;
2) I – менструальная фаза; II – постменструальная фаза; III – овуляторная фаза; IV – постовуляторная фаза; V – предменструальная фаза;
3) жирным шрифтом отмечены достоверные различия на уровне значимости $p < 0,05$.

В тоже время установлены специфические особенности варьирования показателей двигательных способностей в фазах ОМЦ у представительниц различного соматотипа. Наиболее значительное варьирование показателей прыжка в фазах ОМЦ наблюдается у женщин нормостенического типа – коэффициент вариации равен 12,7 %, у гиперстенического типа – 11,4 %. Астенический тип отличается наименьшей вариабельностью – 9,0 %.

Заключение. Данные проведенного исследования свидетельствуют о наличии соматической индивидуальности морфофункциональных, физиологических и двигательных характеристик женщин 21–35 лет. Установлена статистически значимая ($p < 0,05$) соматотипическая дифференцировка основных морфофункциональных показателей у женщин, что требует не единого обобщенного тренировочного воздействия, а целенаправленного планирования физкультурно-оздоровительного процесса с применением индивидуально-дифференцированного подхода к организации и содержанию групповых занятий шейпингом. Специфические особенности, выявленные в динамике отдельных двигательных способностей у женщин различного соматотипа на протяжении ОМЦ, указывают на необходимость применения избирательно-специфической нагрузки для представительниц конкретного соматотипа с учетом их биоритмологических фаз цикла, что во многом определяет эффективность оздоровительного процесса в целом.

Литература

1. Савин, С. В. Оздоровительная тренировка лиц зрелого возраста: направленность, содержание, методики : монография / С. В. Савин, О. Н. Степанова, В. С. Соколова, И. В. Николаев. – М. : МПГУ, 2017. – 200 с.

2. Зимницкая, Р. Э. Фитнес-тренировка как практическая сторона фитнеса / Р. Э. Зимницкая, Д. А. Якубовский // Мир спорта. – 2016. – № 1. – С. 33–37.

3. Гусинец, Е. В. Особенности потребительских предпочтений, занимающихся в фитнес-клубах г. Гомеля / Е. В. Гусинец // Эпоха науки. – 2020. – № 21.– С. 96–108.

4. Vrublevskiy, E. P. Pedagogical designing of lessons by shaping with women of the mature age / E. P. Vrublevskiy, A. A. Skidan, S. V. Sevdalev // Спортивний вісник Придніпровья. – 2018. – № 2. – P. 15–20.

5. Скидан, А. А. Мониторинг психофизических кондиций женщин зрелого возраста в процессе занятий шейпингом / А. А. Скидан, Е. П. Врублевский // Мир спорта. – 2018. – № 1 (70). – С. 47–51.

6. Венгерова, Н. Н. Физкультурно-оздоровительные технологии кондиционной направленности : учеб. пособие / Н. Н. Венгерова, Л. Т. Кудашова, Л. В. Люйк. – СПб., 2015. – С. 91.

7. Дмитриева, К. В. Биоритмы в жизни женщины / К. В. Дмитриева. – СПб. : ИК «Невский проспект», 2003. – 160 с.

8. Романенко, Н. И. Методика физического воспитания женщин зрелого возраста с использованием средств оздоровительной физической культуры : учеб.-метод. пособие / Н. И. Романенко. – Краснодар, 2017. – 70 с.

9. Мартиросов, Э. Г. Применение антропологических методов в спорте, спортивной медицине и фитнесе / Э. Г. Мартиросов, С. Г. Руднев, Д. В. Николаев. – М. : Физическая культура, 2010. – 119 с.

10. Павлова, М. В. Оценка композиционного состава тела женщин первого зрелого возраста, занимающихся оздоровительным фитнесом / М. В. Павлова // Актуальные проблемы теории и методики физической культуры, спорта и туризма. – М., 2008. – Т. 1. – 389 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 27.11.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 796.034-05

Контроль двигательной активности ветеранов спорта с использованием приложений мобильных устройств

В.Ю. Усович, Г.И. Нарскин, С.В. Севдалев

В статье представлены результаты анализа мониторинга двигательной активности ветеранов спорта, членов Гомельской областной организации Белорусского общественного объединения «Ветераны физической культуры и спорта», выполненного с использованием мобильных приложений Sports Tracker и Strava, установленных на смартфонах ветеранов. Полученная нами информация об отношении ветеранов спорта к использованию мобильных приложений к смартфонам для контроля двигательной активности свидетельствует о целесообразности их применения при подготовке индивидуально ориентированных рекомендаций по построению и содержанию занятий физкультурно-оздоровительной направленности с ветеранами спорта в современных условиях.
Ключевые слова: ветераны спорта, двигательная активность, мониторинг, мобильные приложения, физкультурно-оздоровительные занятия, физические упражнения.

The article presents the results of the analysis of monitoring the physical activity of sports veterans, members of the Gomel regional organization of the Belarusian public association «Veterans of Physical Culture and Sports», carried out using the Sports Tracker and Strava mobile applications installed on the veterans' smartphones. The information received by us about the attitude of sports veterans to the use of mobile applications to smartphones to control physical activity testifies to the expediency of their use in the preparation of individually oriented recommendations for the construction and content of physical culture and health related training with sports veterans in modern conditions.
Keywords: sports veterans, physical activity, monitoring, mobile applications, health and fitness classes, exercise.

Введение. В современных социально-экономических условиях особое значение приобретают вопросы укрепления физического и духовного здоровья человека. В настоящее время формируется активный интерес к здоровому образу жизни, можно даже говорить о том, что возникает новый социальный феномен, выражающийся в острой экономической заинтересованности граждан в сохранении своего здоровья как основы материального благополучия [1], [2], [3].

Захлестнувшая весь мир пандемия коронавируса COVID-19 заставила многих людей осознать насколько важно для здоровья иметь хороший иммунитет, чтобы противостоять вирусным инфекциям. При этом самой уязвимой категорией населения являются граждане старшей возрастной группы, которые требуют особой заботы и внимания со стороны общества. В своем стремлении к здоровому образу жизни многие люди проходят тернистый путь проб и ошибок, ведь далеко не все из них обладают специальными знаниями в этой области. В то же время именно ветераны спорта, как никто другой, могут являться отличным примером для подражания к выполнению физических упражнений оздоровительной направленности, тем самым способствуя приобщению широких масс населения к здоровому образу жизни. Ведь давно известно, что основным средством, надежно обеспечивающим профилактику многих заболеваний, являются именно грамотно подобранные и правильно выполняемые физические упражнения [4], [5], [6].

В условиях пандемии, когда соблюдение мер социального дистанцирования уже стало привычной нормой, многие ветераны спорта предпочитают индивидуальные физкультурно-оздоровительные занятия аэробной направленности. Вместе с тем, необходимость грамотного и рационального дозирования физической нагрузки ставит вопрос о применении современных средств контроля за тем, как часто ветераны спорта выходят на занятия, сколько они длятся по времени и с какой интенсивностью проходят, а также какие маршруты при этом используют.

Цель исследования: выявить отношение ветеранов спорта к использованию современных средств контроля – мобильных приложений Sports Tracker и Strava, установленных на смартфонах ветеранов для мониторинга показателей их двигательной активности.

Материалы и методы исследования. Для достижения поставленной цели нами использовались следующие методы: изучение и анализ отечественной и зарубежной научно-методической литературы, опрос (в форме анкетирования) ветеранов спорта, педагогические наблюдения и методы математико-статистического анализа.

Проведенное на первом этапе анкетирование членов Гомельской областной организации Белорусского общественного объединения «Ветераны физической культуры и спорта», в котором приняли участие 128 человек, позволило уточнить возрастной состав ветеранов спорта, среди которых: 4 человека в возрасте 35–45 лет; 19 – 46–55 лет; 44 – 56–65 лет; 50 – 66–75 лет и 11 – старше 75 лет. Спортивная квалификация ветеранов, представителей 24 видов спорта, составила: 3 мастера спорта международного класса, 18 мастеров спорта, 43 кандидата в мастера спорта и 64 разрядника [7].

На втором этапе проводились индивидуальные беседы с ветеранами спорта, мужчинами старше 65 лет для изучения их отношения к физкультурно-оздоровительным занятиям [8].

На третьем, основном этапе, проводились педагогические наблюдения за ветеранами спорта, которые использовали мобильные приложения Sports Tracker и Strava, установленные на своих смартфонах, для мониторинга показателей двигательной активности аэробной направленности.

Основная часть. Анализируя морфофункциональные особенности сердечно-сосудистой системы ветеранов спорта, В.В. Сагитова [9] указывает на то, что у спортсменов после прекращения профессиональной деятельности сохраняется сформировавшаяся, в зависимости от специализации вида спорта, определенная модель спортивного сердца. При этом она подчеркивает, что ветераны спорта, прекратившие по каким-либо причинам систематические занятия физической культурой, имеют достаточно высокую степень развития сердечно-сосудистых заболеваний – 26 %. В то же время у продолжающих занятия спортом степень развития сердечно-сосудистых заболеваний составляет только 4,5 %.

Изучая образ жизни и физкультурно-спортивную деятельность ветеранов спорта С.В. Калмыков и другие [10] констатирует, что значительная их часть не прекращает занятий физической культурой и спортом, а также ведет активный образ жизни, что подтверждается и нашими исследованиями.

Согласно полученным нами данным, после завершения профессиональной спортивной карьеры продолжили активные занятия физической культурой 59 % опрошенных ветеранов спорта, при этом 71 % отметили постоянное улучшение своего физического состояния после занятий, 23 % назвали улучшения эпизодическими и всего 6 % опрошенных не заметили никаких улучшений.

В нынешних условиях большинство ветеранов предпочитает выполнять физкультурно-оздоровительные упражнения на свежем воздухе и, по возможности, в ранние утренние часы или вечером, когда в парках и скверах не так много народа.

Необходимо отметить, что занятия аэробной направленности, как правило, превалируют в недельном оздоровительном цикле ветеранов спорта, при этом среди предпочтений явно лидирует ходьба, которую выбрали 44 % респондентов. Далее, по убывающей, следует езда на велосипеде – 15 %, иная нагрузка – 15 %, плавание – 14 % и бег – 12 % (рисунок 1).

Несомненно, как вид двигательной активности, обычная ходьба имеет массу достоинств. Как отмечает Е.С. Григорович, это самая доступная мышечная нагрузка, при которой в работу включается более 50 % мускулатуры тела человека. При этом нужно отметить, что за счет увеличения интенсивности ходьбы можно получить тренировочный эффект не только для мышц, но и для сердечно-сосудистой системы, что крайне необходимо для ветеранов спорта.

Вместе с тем важно осуществлять постоянный контроль за нагрузкой, так как механизмы, способствующие укреплению и совершенствованию сердечно-сосудистой системы у лиц среднего возраста и старше, стабилизируются при выполнении упражнений умеренной интенсивности и продолжительности в строгом соответствии с функциональными возможностями организма.

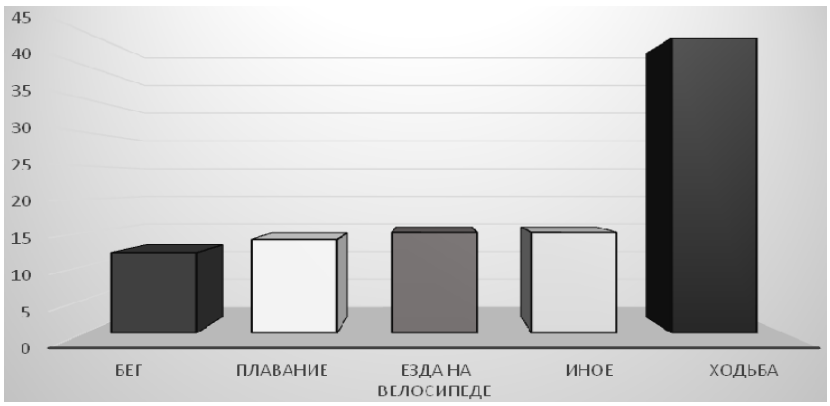


Рисунок 1 – Предпочтения ветеранов спорта к видам аэробной нагрузки

Принимая во внимание, что ходьба бывает разная, в зависимости от ее скорости, ветеранам, в соответствии со степенью физической подготовленности и целями занятия, требуется подобрать для себя оптимальную нагрузку в определенный промежуток времени.

К основным разновидностям ходьбы можно отнести:

– медленную, примерно 60–70 шагов в минуту, соответствует скорости 2,5–3 км/час и ее, как правило, рекомендуют людям, выздоравливающим после перенесенных болезней;

– среднюю – 70–90 шагов в минуту, соответствует скорости 3–4 км/час и оказывает тренирующий эффект;

– быструю, примерно 90–110 шагов в минуту, что соответствует скорости 4–5 км/час. Этот вариант ходьбы оказывает значительный тренирующий эффект и может быть рекомендован всем здоровым людям;

– очень быструю – 110–130 шагов в минуту, при этом скорость соответствует 5–6 км/час. Такая ходьба оказывает очень хорошее тренирующее влияние на организм, однако не все могут выдерживать такой темп ходьбы продолжительное время [11].

Владея теоретическими аспектами, на практике у ветеранов спорта есть необходимость осуществления контроля за скоростью и темпом ходьбы, а также за общим расстоянием, пройденным за занятие.

В наш век IT технологий на помощь любителям здорового образа жизни приходят простые и удобные в обращении мобильные приложения к смартфонам (рисунок 2).

А (Sports Tracker) Б (Strava) В(Sports Tracker)

Рисунок 2 – Маршруты на набережной, отражаемые на смартфонах ветеранов спорта

Так, исследуя данные, полученные со смартфонов ветеранов спорта, которые использовали мобильные приложения Sports Tracker и Strava, мы отметили некоторые популярные и распространенные среди любителей здорового образа жизни маршруты.

Наши исследования показали, что в Гомеле наиболее излюбленными и востребованными местами для физической активности горожан является набережная реки Сож в Гомель-

ском городском парке, а также заречная зона отдыха, где находится городской пляж и обустроены площадки для занятий физической культурой. Там же проходит и множество различных маршрутов для пеших прогулок, а также для езды на велосипеде. Время для занятий ветераны спорта выбирают различное: здесь можно встретить любителей здорового образа жизни как ранним утром, так и в вечерних сумерках [12].

Одним из самых простых и распространенных является маршрут по набережной реки Сож в Гомельском городском дворцово-парковом ансамбле, протяженность которого в одну сторону составляет 2350 метров без значительных перепадов высот и градиентов (рисунок 2А).

Как показали наши исследования, данный маршрут часто используется многими ветеранами спорта для пеших прогулок, при этом скорость, темп ходьбы и пройденное расстояние, как правило, зависят от индивидуального физического состояния ветеранов и длины шага каждого из них (таблица).

Таблица 1 – Анализ контроля двигательной активности ветеранов спорта

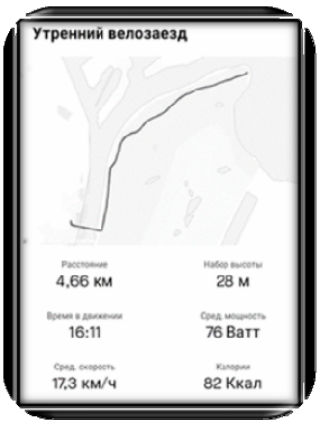
Параметры	Медленная ходьба n = 4	Средняя ходьба n = 12	Быстрая ходьба n = 7	Очень быстрая ходьба n = 3
Средняя скорость, (км/ч)	2,7 ± 0,2	3,5 ± 0,4	4,6 ± 0,3	5,6 ± 0,1
Темп ходьбы, (шаг/мин)	65 ± 2	82 ± 5	103 ± 3	114 ± 1
Пройденное расстояние, (км)	4,4 ± 1	4,9 ± 0,3	4,6 ± 0,3	4,5 ± 0,1

Достаточно популярен этот маршрут и у тех любителей здорового образа жизни, кто в качестве аэробной нагрузки выбирает езду на велосипеде. При этом определенную часть пути, от дома до набережной и обратно, ветераны едут в медленном темпе, а непосредственно во время занятия поддерживают скорость от 15 до 25 км/ч, проезжая за одну тренировку от 10 км и более (рисунок 2Б).

Вместе с тем, те ветераны спорта, которые имеют хорошую функциональную подготовку, не довольствуются перемещением по ровной поверхности, а стараются также включать в свой тренировочный маршрут и участки с градиентами. Как показали данные проведенного нами исследования, подобные маршруты используются многими ветеранами для пеших прогулок, при этом средняя скорость составляет 4,0–5,6 км/ч, темп ходьбы 90–120 шагов в минуту, а пройденное расстояние зависит от функциональной подготовки ветеранов спорта (рисунок 2В).

Необходимо также отметить один из самых интересных и очень популярный у любителей здорового образа жизни маршрут, который начинается у пешеходного моста через реку Сож, а затем уходит по левой стороне реки вдоль центрального городского пляжа через лесопарковую полосу и, захватывая часть лыжной трассы, идет к месту расширения реки Сож. Как показали наши исследования, этот маршрут часто используется многими ветеранами спорта для пеших прогулок, при этом скорость составляет 4,5–5,7 км/ч, темп ходьбы 90–115 шагов в минуту, а расстояние, при однократном прохождении, составляет 4,7 километра (рисунок 3А). При этом следует указать, что популярен он и у любителей велосипедного спорта (рисунок 3Б).

А (Sports Tracker)



Б (Strava)

Рисунок 3 – Маршруты в зоне отдыха, отражаемые на смартфонах ветеранов спорта

В личных беседах многие ветераны спорта отметили несомненное удобство использования мобильных приложений к смартфонам, таких как Sports Tracker и Strava, для контроля своей суммарной двигательной активности за определенный промежуток времени. В условиях

вынужденного социального дистанцирования, когда многие из ветеранов предпочитают заниматься обособленно, применение современных технологий в физкультурно-оздоровительных занятиях несомненно принесет ощутимую пользу любителям здорового образа жизни.

Заключение. Проведенное нами исследование позволяет отметить, что применение мобильных приложений к смартфонам, таких как Sports Tracker и Strava, представляет возможность проводить качественный индивидуальный мониторинг двигательной активности ветеранов спорта и, что немаловажно, в приложениях сразу отражается как тип проведенной активности, так и ее показатели (скорость, время, темп, расстояние).

В условиях, когда распространение коронавирусной инфекции и вынужденные меры социального дистанцирования приобрели повсеместный характер, использование современных мобильных приложений позволяет ветеранам спорта не только контролировать показатели своей собственной двигательной активности, но также и обмениваться информацией с единомышленниками, ведущими здоровый образ жизни.

Полученная нами информация об отношении ветеранов спорта к использованию мобильных приложений к смартфонам, таких как Sports Tracker и Strava, для контроля собственной двигательной активности наглядно свидетельствует о целесообразности использования подобных приложений при подготовке и разработке индивидуально ориентированных рекомендаций по построению и содержанию занятий физкультурно-оздоровительной направленности с ветеранами спорта в современных условиях пандемии коронавирусной инфекции.

Литература

1. Бубновский, С. М. 1000 ответов на вопросы, как вернуть здоровье / С. М. Бубновский. – М. : Эксмо, 2015. – 256 с.

2. Ильиных, И. С. Пропаганда физической культуры как основы здорового стиля жизни / И. С. Ильиных, Н. В. Надюк // Современные технологии физического воспитания и спорта в практике деятельности физкультурно-спортивных организаций : сб. науч. тр. Всероссийской науч.-практ. конф. и Всероссийского конкурса научных работ в области физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности, Елец, 26 апреля 2019 г. ; под общ. ред. А. А. Шахова. – Елец : Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2019. – С. 46–50.

3. Нарскин, Г. И. Влияние занятий оздоровительной физической культурой на компонентный состав тела женщин среднего возраста / Г. И. Нарскин, М. С. Кожедуб // Вестник Мозырского гос. пед. ун-та им. И. П. Шамякина. – 2015. – № 1 (45). – С. 42–47.

4. Амосов, Н. М. Физическая активность и сердце / Н. М. Амосов, Я. А. Бендет. – 3-е изд. перераб. и доп. – Киев : Здоровья, 1989. – 216 с.

5. Никитушкин, В. Г. Потребностно-мотивационные ориентации ветеранов спорта к занятиям физической культурой / В. Г. Никитушкин, Е. Н. Чернышов // Вестник спортивной науки. – 2016. – № 3. – С. 48–51.

6. Cooper, K. Running without fear / K. Cooper. – New-York, 1985. – 125 p.

7. Усович, В. Ю. К вопросу об особенностях физического состояния и двигательной активности ветеранов спорта / В. Ю. Усович, Г. И. Нарскин // Мир Спорта. – 2020. – № 2 (79). – С. 85–89.

8. Усович, В. Ю. Об особенности занятий физкультурно-оздоровительной направленности с ветеранами спорта / В. Ю. Усович // Современные проблемы физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности : сб. науч. тр. Всероссийской науч.-практ. конф. и VII Всероссийского конкурса научных работ в области физической культуры, спорта и безопасности жизнедеятельности, Елец, 24 апреля 2020 г. ; под общ. ред. А. А. Шахова. – Елец : Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2020. – С. 93–101.

9. Сагитова, В. В. Морфофункциональные особенности сердечно-сосудистой системы у ветеранов спорта / В. В. Сагитова // Новые медицинские технологии. – 2011. – № 10. – С. 32–42.

10. Калмыков, С. В. Образ жизни и физкультурно-спортивная деятельность ветеранов спорта / С. В. Калмыков, Ц. Б. Гулгенов, А. С. Сагалеев // Вестник Бурятского гос. ун-та. – 2009. – № 13. – С. 39–42.

11. Григорович, Е. С. Двигательная активность для людей зрелого и старших возрастов: метод. рекомендации / Е. С. Григорович, В. А. Переверзев, К. Ю. Романов. – М. : БГМУ, 2006. – 32 с.

12. Усович, В. Ю. О некоторых факторах, сдерживающих участие ветеранов спорта в соревновательной деятельности и избирательно влияющих на их двигательную активность / В. Ю. Усович, Г. И. Нарскин // Физическая культура и спорт в XXI веке: актуальные проблемы и их решения : сб. материалов Всероссийской с международным участием науч.-прак. конф. (онлайн-формат), Волгоград, 21–22 октября 2020 г. ; под общей ред. В. В. Горбачевой, Е. Г. Борисенко. – Волгоград : «ВГАФК», 2020. – Т. 2. – С. 49–56.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 01.12.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

Право

УДК 343.140.02

Преюдиция в уголовном процессе: отдельные проблемы и пути совершенствования правового регулирования

В.А. Воробьёв

Преюдиция в уголовном процессе представляет собой одну из малоисследованных теоретико-прикладных проблем в науке уголовного процесса Беларуси. В результате проведенного исследования были выявлены отдельные проблемы реализации преюдиции и пути их решения, которые изложены в настоящей статье. Важно отметить, что при отсутствии достаточно ясной нормативной правовой базы в части правового регулирования преюдиции представляется затруднительным процесс доказывания, который является основой уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи особую весомость приобретает проблематика, связанная с определением места и роли преюдиции в производстве по материалам и уголовному делу, признанием преюдициально значимыми обстоятельств, установленных в рамках предшествующих производств, а также их юридической оценки, в том числе в рамках апелляционного производства.
Ключевые слова: уголовный процесс, преюдиция, оценка, пределы, апелляция.

Prejudice in criminal proceedings is one of the scantily explored theoretical and applied problems in the science of criminal proceedings in Belarus. Certain problems of the implementation of prejudice and the ways to solve them, which are set out in this article, were identified as a result of the study. It is important to note that in the absence of a sufficiently clear regulatory legal framework in terms of legal regulation of prejudice, the process of proving, which is the basis of criminal procedural activity seems to be difficult. In this regard, the problems associated with the determination of the place and role of prejudice in the proceedings on the materials and in the criminal case, the recognition of the prejudicially significant circumstances established in the framework of the previous proceedings, as well as their legal assessment, including in the framework of the appeal proceedings, acquire special significance.
Keywords: criminal procedure, prejudice, assessment, limits, appeal.

Введение. Преюдиция в уголовно-процессуальном праве нашла свое закрепление в ст. 106 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) [1]. Нормы указанной статьи регламентируют применение в уголовном процессе ранее установленных обстоятельств и значение данной им ранее оценки для органа, ведущего уголовный процесс. В то же время в научной литературе и правоприменительной практике отсутствуют общие подходы к пониманию данного правового феномена. Не выработаны четкие пределы реализации преюдиции, а это в свою очередь усложняет реализацию закрепленных в ст. 7 УПК задач уголовного процесса, предусматривающих быстрое и полное расследование преступлений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности виновных.

Основная часть. Анализ истории становления и развития законодательной регламентации преюдиции показывает, что как термин «преюдиция», так и его содержание впервые нашли свое закрепление в римском праве, которое явилось прообразом правовых систем целого ряда современных государств, в первую очередь европейских. Исходя из оценки юридических памятников средневековья, закрепляющих правовое регулирование общественных отношений на территории современной Беларуси, можно констатировать, что на общем фоне рецепции отечественное право в минимальном объеме заимствовало те или иные нормы. В итоге, норма о преюдиции впервые появилась только в 1864 г., когда были приняты Судебные уставы Российской империи, в состав которой в данный период входила Беларусь. При этом за основу было принято законодательство Франции, но только в части так называемой

предсудимости. Уголовно-процессуальное законодательство советского периода вплоть до 1960 г. ограничивало содержание преюдиции рамками обязательности для суда ранее вынесенных решений по гражданским делам в отношении вопроса, имело ли место определенное событие или деяние, но не в отношении виновности подсудимого, а с 1960 г. вообще не предусматривало правила преюдиции. Первоначальное закрепление рассматриваемого термина, а также его содержания произошло в УПК Республики Беларусь 1999 г., причем соответствующая норма до настоящего времени существует в неизменном виде [2, с. 180–186].

Выявленные исторические особенности становления и развития законодательной регламентации преюдиции свидетельствуют о том, что возникновение термина «преюдиция», содержание которой заключалось в обязательном учёте установленных обстоятельств, изложенных в предшествующих судебных решениях и влияющих на принятие последующих судебных решений, восходит к периоду существования права Древнего Рима, нормы которого впоследствии активно заимствовались при формировании правовых систем большинства европейских государств. Научно-прикладное становление и трансформация данного термина включало следующие хронологические периоды:

120 г. до н.э – конец 3 в. н.э – в законодательстве Римской империи впервые был закреплен термин «преюдиция», в буквальном смысле слова означающий «предрешение».

1397–1840 гг. – нормы отечественного происхождения, исходя из анализа таких исторических памятников права, как «Прывілей вялікага князя Літоўскага і караля ПольскагаУладзіслава (Ягайлы)» 1397 г., «Агульназемскі прывілей вялікага князя Літоўскага Жыгімонта Казіміравіча» 1506 г., Статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг., отличались минимальной подверженностью влиянию зарубежного права, вследствие чего норма о преюдиции не нашла своего закрепления в законодательстве, действовавшем на территории современной Беларуси.

1855 г. – впервые во Франции понятие «преюдиция» получило законодательное закрепление, при этом преюдициальный характер носили только обстоятельства, установленные в резолютивной части приговора или решения.

1864–1917 гг. – период становления нормативной правовой базы, регламентирующей порядок доказывания с применением правила преюдиции. В этот исторический период не давалась дефиниция преюдиции, однако она фактически устанавливалась в виде правила предсудимости, определяющего очередность разрешения судебных споров. Нормы о преюдиции закреплялись в ст. 27–31 Устава уголовного судопроизводства.

1923–1960 гг. – в период действия первых УПК РСФСР и УПК БССР законодательное определение термина «преюдиция» также отсутствовало, а ее суть сводилась к обязательности в ограниченных пределах решений по гражданским делам для субъектов, ведущих уголовное судопроизводство. В УПК БССР 1960 г. правило преюдиции включено не было.

1960–2000 гг. – данный период характерен тем, что в уголовно-процессуальном законодательстве Беларуси не было закреплено правило преюдиции либо схожая по смыслу норма.

Конец XX в. – до настоящего времени – только в УПК Республики Беларусь 1999 г. законодатель впервые ввел термин «преюдиция» и раскрыл её содержание в отдельной статье, установив обязательную силу некоторых судебных актов, выносимых в рамках уголовного и гражданского судопроизводства для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по уголовному делу. До настоящего времени указанная норма существует в неизменном виде.

Обозначенные эволюционные тенденции позволяют судить об отсутствии поступательного и преемственного развития правового регулирования преюдиции в уголовном процессе, которая до сих пор не получила системно завершенной регламентации ввиду недостаточного учета современного состояния отраслевых институтов доказательственного права и ряда основных положений уголовно-процессуального закона.

Сравнительно-правовой анализ положений о преюдиции в уголовно-процессуальном законодательстве стран на постсоветском пространстве позволил сделать следующие выводы:

– в законодательстве стран СНГ, за некоторым исключением, не нашли своего полного отражения положения, касающиеся преюдиции, закреплённые в Модельном УПК;

– ни в одном из рассмотренных уголовно-процессуальных кодексов зарубежных государств на постсоветском пространстве не представлено определения понятия преюдиции, а содержание соответствующих норм имеет различия;

– практически во всех рассматриваемых УПК возможность применения преюдиции существует только для вступившего в законную силу приговора суда;

– в рамках межотраслевой преюдиции в уголовном процессе практически все страны, которые закрепили нормы о преюдиции в уголовно-процессуальном законе, признают в качестве преюдициальных обстоятельства, установленные решениями в рамках арбитражного (хозяйственного) и административного судопроизводства [3, с. 3–11].

Существующие законодательное ограничение пределов преюдиции в уголовном процессе соответствующими группами обстоятельств не отвечает современному уровню регламентации отраслевых институтов доказательственного права, что предполагает необходимость расширения указанных пределов.

В целях формирования единого научного подхода к определению границ реализации преюдиции при производстве по материалам и уголовному делу, обеспечения единообразия правоприменения в данной части предлагается включать в пределы действия преюдиции следующий круг обстоятельств: а) любые обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела, в том числе их юридическая оценка, зафиксированные в описательно-мотивировочной и резолютивной частях вступившего в законную силу приговора по другому уголовному делу; б) обстоятельства совершения конкретным лицом предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния, повлекшего причинение вреда в том или ином размере, за исключением их юридической оценки, установленные решением суда по гражданскому делу; в) обстоятельства, явившиеся основанием для вынесения в отношении конкретного лица определения (постановления) суда о прекращении производства по уголовному делу, постановлений органа дознания, следователя, прокурора о прекращении производства по уголовному делу или постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Их значение для органа, ведущего уголовный процесс, опосредуется тем, что они являются неотъемлемой частью предмета доказывания или служат цели его установления, а также они, вне связи с предметом доказывания, могут лечь в основу принятия решения о прекращении деятельности по материалам и уголовному делу [4, с. 138–144].

Первая и третья группы обстоятельств не подразумевают связи ранее разрешенных уголовных дел и уголовных дел, находящихся в производстве органа, ведущего уголовный процесс, исключительно в части установления наличия общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом: они могут относиться к каждому элементу предмета доказывания, служить цели его установления либо, вне связи с ним, детерминировать прекращение уголовно-процессуальных правоотношений. Данный вывод должен послужить основой для уточнения пределов преюдиции и реального обеспечения единообразного ее применения.

Оценивая вышеназванный круг обстоятельств, следует исходить из того, что он, несмотря на соответствие законодательно очерченным пределам преюдиции, не отвечает современному уровню регламентации отраслевых институтов доказательственного права, в силу чего актуализируется необходимость расширения указанных пределов за счет обстоятельств, устанавливаемых в рамках рассмотрения экономических споров и дел об административных правонарушениях.

Применение правила преюдиции органами дознания, следователем, прокурором и судом органично вписывается в единый на всех этапах производства по материалам и уголовному делу процесс доказывания. Процедура вовлечения в уголовный процесс преюдициально значимых обстоятельств должна заключаться в получении (истребовании) и приобщении к материалам уголовного дела процессуальных актов, которыми они признаются установленными, то есть достоверными, на основе доказательств, собранных, проверенных и оцененных в рамках производства по другому делу. Соответствующие процессуальные акты должны быть проанализированы и оценены с точки зрения определенных УПК критериев, за исключением критерия достоверности ранее установленных обстоятельств.

В ходе проведенного исследования были выявлены следующие пробелы в правовом регулировании преюдиции в уголовном процессе: невозможность придания преюдициального значения всем, помимо приговора и решения, вступившим в законную силу судебным постановлениям, а также отсутствие требования признавать достоверность ранее установленных обстоятельств при производстве по материалам.

Нормативно-правовое придание преюдициального значения для органа, ведущего уголовный процесс, судебным постановлениям суда, рассматривающего экономические дела, и постановлениям суда, органа, ведущего административный процесс, о прекращении дела об административном правонарушении, которыми устанавливаются факт и обстоятельства совершения самого общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, лица, его совершившего, а также о размере вреда, причиненного таким деянием, правовая оценка которых не может предрешать выводы о виновности или невиновности обвиняемого, позволит обеспечить как процессуальную экономию, так и оптимальное решение задач уголовного процесса.

При определении приоритета правила преюдиции и принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению следует исходить из того, что содержанием указанного принципа охватываются отдельные ограничения свободы в оценке доказательств, обусловленные требованием руководствоваться в ее рамках законом, а значит, в частности, презумпцией невиновности, правилами признания доказательств недопустимыми, правилом преюдиции. Роль решающего фактора в отдаче предпочтения последнему правилу должна служить необходимость достижения правовой определенности судебных постановлений, предполагающей, помимо прочего, их стабильность, обеспечение единства судебной практики. В качестве оптимального пути разрешения коллизий между правилом преюдиции и оценкой доказательств по внутреннему убеждению представляется целесообразным предоставить право органам, ведущим уголовный процесс, без приостановления производства по материалам и уголовному делу инициировать проверку вступивших в законную силу преюдициально значимых судебных постановлений [5, с. 79–84].

Устранения вышеуказанный пробелов возможно путем изложения ст. 106 УПК в новой редакции:

«1. Вступившие в законную силу судебные постановления по уголовному делу, а равно неотмененные постановления органа дознания, следователя, прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении производства по уголовному делу обязательны для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по материалам и уголовному делу в отношении как установленных обстоятельств, так и их юридической оценки.

2. Вступившие в законную силу постановления по гражданскому делу, судебные постановления суда, рассматривающего экономические дела, постановления суда, органа, ведущего административный процесс, о прекращении дела об административном правонарушении обязательны для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по материалам и уголовному делу только по вопросу о том, имело ли место само общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, о размере вреда и не могут предрешать выводы о виновности или невиновности обвиняемого».

3. В случае наличия сомнений в законности и обоснованности процессуальных решений, указанных в частях 1 и 2 настоящей статьи, орган, ведущий уголовный процесс, вправе внести представление о разрешении в установленном законом порядке вопроса об их отмене уполномоченным на то должностным лицам. Внесение представления не приостанавливает производство по материалам и уголовному делу.».

В продолжение анализа правового регулирования преюдиции в уголовном процессе интерес представляет вопрос о применения преюдиции в суде апелляционной инстанции.

Согласно ч. 1 ст. 7 УПК задачами уголовного процесса являются защита личности, ее прав и свобод, интересов общества и государства путем быстрого и полного расследования преступлений, общественно опасных деяний невменяемых, изобличения и привлечения к уголовной ответственности виновных; обеспечение правильного применения закона, с тем чтобы каждый, кто совершил преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

На обеспечение решения указанных задач направлена норма ч. 2 ст. 378 УПК, предусматривающая, что при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке суд не связан доводами апелляционных жалоб или протеста и проверяет дело в полном объеме в отношении всех обвиняемых, в том числе и тех, которые жалоб не подали и в отношении которых не был принесен апелляционный протест.

Указанная норма уголовно-процессуального закона о проверке судом при рассмотрении уголовного дела в апелляционном порядке законности, обоснованности и справедливости приговора не только на основании доводов, изложенных в апелляционных жалобах или протестах, но и посредством проверки дела в полном объеме основана на принципах законности и публичности уголовного процесса (ст. 8 и 15 УПК), вытекающих из положений ст. 1, 2, 7, 21, 59 и 137 Конституции Республики Беларусь.

Одно из наиболее существенных отличий апелляционного производства от существовавшего до этого в уголовном процессе кассационного производства по пересмотру приговоров, определений и постановлений, не вступивших в законную силу, заключается в предоставлении суду второй инстанции права непосредственно исследовать имеющиеся в материалах уголовного дела и дополнительно полученные доказательства, что нашло законодательное закрепление в п. 1, 2 и 4 ч. 1 ст. 380, ст. 384, п. 2 и 3 ч. 7 ст. 385, ч. 2 ст. 387 УПК. Одновременно данное право является важным процессуальным средством, призванным обеспечить высокий уровень качества апелляционного производства с целью гарантирования законности, обоснованности и справедливости приговора.

Так, в соответствии со ст. 384 УПК в подтверждение или опровержение доводов, приведенных в жалобе или протесте, лица, указанные в ст. 370 УПК, вправе представить в апелляционную инстанцию дополнительные материалы как до рассмотрения уголовного дела, так и во время его рассмотрения; дополнительные материалы, если они имеют значение для разрешения уголовного дела, могут послужить основанием для изменения приговора или его отмены с прекращением производства по уголовному делу; в случаях, когда дополнительные материалы требуют проверки и оценки судом первой инстанции, приговор отменяется, а уголовное дело направляется на новое судебное разбирательство.

При рассмотрении уголовного дела суд апелляционной инстанции по ходатайству сторон или по собственной инициативе вправе исследовать доказательства, имеющиеся в уголовном деле, которые не были исследованы судом первой инстанции, и дать им оценку, а также дать оценку доказательствам, исследованным судом первой инстанции, но не получившим оценку в приговоре, если для этого не требуется проведение судебного разбирательства по первой инстанции (п. 2 и 3 ч. 7 ст. 385 УПК).

Указанный законодательный подход основывается на положении ст. 26 Конституции Республики Беларусь, согласно которому никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда, поскольку суд апелляционной инстанции не подменяет суд первой инстанции, который решает вопрос о виновности обвиняемого и назначении ему наказания, тогда как предметом апелляционного производства является проверка судом апелляционной инстанции правильности установления фактических обстоятельств уголовного дела и применения уголовного закона, а также соблюдения при рассмотрении и разрешении уголовного дела судом первой инстанции норм уголовно-процессуального закона.

В то же время можно сделать вывод о том, что суд апелляционной инстанции не связан преюдициально установленными обстоятельствами. На данное обстоятельство не обратил внимание и Верховный Суд. В п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 сентября 2019 г. № 3 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих апелляционное производство» дается разъяснение судам, что приговор может быть признан соответствующим фактическим обстоятельствам уголовного дела, когда такие обстоятельства судом первой инстанции установлены правильно, а приведенные в обоснование выводов суда доказательства проверены и оценены в соответствии с требованиями ст. 104 и 105 УПК [6], но без учета положений ст. 106 УПК. Правило преюдиции в уголовном процессе должно быть обязательным и для суда апелляционной инстанции, что должно найти свое закрепление в тексте уголовно-процессуального закона.

В целях исключения противоречия между нормами гл. 40 УПК и ст. 106 УПК, в части оценки доказательств, представляется целесообразным п. 2 и п. 3. ч. 7 ст. 385 УПК «Порядок

рассмотрения уголовного дела и полномочия суда апелляционной инстанции по исследованию и оценке доказательств» изложить в следующей редакции:

«2) исследовать доказательства, имеющиеся в уголовном деле, которые не были исследованы судом первой инстанции, и дать им оценку, с учетом положений статьи 106 настоящего Кодекса, и для этого не требуется проведения судебного разбирательства по первой инстанции;

3) дать оценку доказательствам, исследованным судом первой инстанции, но не получившим оценку в приговоре, с учетом положений статьи 106 настоящего Кодекса, и для этого не требуется проведения судебного разбирательства по первой инстанции».

Заключение. Исторический экскурс показывает, что, начиная со времен Древнего Рима и заканчивая сегодняшним днем, законодатель придавал преюдиции различное смысловое значение ввиду неоднозначного к ней отношения, генезис ее правового регулирования не имел преемственного характера и отличался дискретностью.

Выявленные в результате исследования особенности преюдиции в уголовном процессе позволят расширить теоретические представления о ее роли и месте в процессе доказывания.

Предложенные изменения в уголовно-процессуальное законодательство могут содействовать повышению результативности деятельности органов уголовной юстиции, а также способствовать экономии времени и средств, затраченных на уголовное судопроизводство.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

2. Воробьёв, В. А. История развития правового регулирования преюдиции в уголовном процессе Беларуси / В. А. Воробьёв // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2013. – № 3 (78). – С. 180–186.

3. Воробьёв, В. А. Сравнительный анализ правового регулирования преюдиции в уголовно-процессуальном законодательстве Беларуси и отдельных стран на постсоветском пространстве / В. А. Воробьёв // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2012. – № 3 (72). – С. 3–11.

4. Воробьёв, В. А. О пределах применения преюдиции в процессе доказывания по уголовному делу / В. А. Воробьёв, В. С. Соркин // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. – 2019. – Том 9, № 3. – С. 138–144.

5. Воробьёв, В. А. Соотношение правила преюдиции и принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению в уголовном процессе / В. А. Воробьёв // Право.by. – 2020. – № 6 (68). – С. 79–84.

6. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих апелляционное производство [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верх. суда Респ. Беларусь, 26 сент. 2019 г., № 3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 01.02.2021

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 343.14

Нормативно-правовое значение преюдиции и основания её классификации в уголовном процессе

В.А. Воробьёв[1], В.С. Соркин[2]

Результаты исследования, изложенные в настоящей статье, направлены на оптимизацию правоприменительного процесса в части уяснения сущности преюдиции в уголовном процессе. На основе анализа имеющихся в науке определений преюдиции предложена авторская дефиниция и классификация преюдиции, которые опираются на нормативно закрепленные положения и имеют научно-практическое значение, позволяющее уточнить пределы реализация преюдиции.
Ключевые слова: преюдиция, дефиниция, классификация**,** уголовный процесс.

The research results, presented in this article, are aimed at optimizing the law enforcement process in terms of understanding the essence of prejudice in the criminal process. Based on the analysis of the definitions of prejudice available in science, the authors' definition and classification of prejudice is proposed, which are based on normatively fixed provisions and have scientific and practical significance, which makes it possible to clarify the limits for the implementation of prejudice.
Keywords: prejudice, definitions, classification, criminal process.

Введение. Спор учёных, связанный с терминологической и смысловой оценкой значения преюдиции в уголовном процессе, зародился на территории современной Беларуси с момента ее включения в Устав уголовного судопроизводства Российской империи в конце XIX в.

В ходе реформирования уголовно-процессуального законодательства Беларуси в конце XX в. и включения в текст Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) ст. 106 «Преюдиция» глубокого научного осмысления понятия преюдиции в уголовном процессе не проводилось.

Изначально в уголовном судопроизводстве преюдиция употреблялась в значении предсудимости. Например, В.К. Случевский утверждал, что преюдициальным или предсудимым в уголовном процессе признавался такой вопрос права, который удовлетворял следующим условиям: 1) предметом его должно было быть обстоятельство, обусловливающее наличие преступного деяния; 2) вопрос должен быть разрешён другим судом, а не судом, решающим вопрос о виновности [1, с. 224].

Современные исследователи не пришли к единому пониманию преюдиции в уголовном процессе. Более того, в рамках уголовно-процессуального законодательства Беларуси отсутствует понятия преюдиции.

Стоит согласиться с мнением, что только правильное определение используемых в законе терминов делает понятным сам текст закона, помогает установлению сферы его действия, уяснению природы правовых институтов и тем самым обеспечивает его эффективность [2, с. 194].

Основная часть. В настоящее время существуют попытки дать определение преюдиции в уголовном процессе. В этой связи интерес представляют нижеследующие дефиниции.

А.С. Березин указывает, что правило о преюдиции – это обычная правовая норма, регулирующая ситуации возникающей правовой неопределенности. В своей диссертационной работе автор отмечает, что применение преюдиции является мерой вынужденной и в то же время необходимой. Поскольку в ряде предусмотренных законом случаев происходит неизбежное дробление процесса на несколько самостоятельных производств, возникает необходимость их согласования в части установления фактических обстоятельств и применения правовых норм для исключения противоречий между итоговыми процессуальными решениями [3, с. 10].

А.Г. Гореликова признает преюдицию правилом, освобождающим от доказывания обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором, которые признаются в ходе производства по другому уголовному делу [4, с. 9].

С.В. Фидельский считает, что под преюдицией следует понимать совокупность обстоятельств, не нуждающихся в доказывании, поскольку они установлены вступившим в законную силу судебным решением по ранее рассмотренному делу [5, с. 7].

И.В. Чащина понимает преюдицию как «элемент процесса доказывания, выражающийся в признании судом, прокурором, следователем и дознавателем без дополнительной проверки обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором либо иным решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, если они не опровергаются доказательствами собранными, проверенными и оцененными в ходе производства по уголовному делу в порядке, предусмотренном законом» [6, с. 7].

У.М. Юсубова обосновывала такое понимание преюдиции, в котором подчеркивается возможность (а не обязанность) для суда, органа расследования использовать ранее вынесенное решение без проверки правильности установленных в нем выводов. Помимо этого, она считает, что преюдиция является «институтом не материального, а процессуального права» [7, с. 10–11]. Однако ею не учитывалось, что, во-первых, преюдиция не является правовым институтом; во-вторых, преюдиция не может относиться исключительно к области процессуального либо материального права.

Обобщая вышеизложенное можно прийти к выводу, что большинство процессуалистов под преюдицией понимают правило, освобождающее от доказывания обстоятельств, установленных вступившим в законную силу приговором, которые признаются в ходе производства по другому уголовному делу. Значение преюдиции заключается в том, чтобы исключить противоречия между судебными актами в целях соблюдения их общеобязательности, ускорить и облегчить процесс установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также способствовать процессуальной экономии.

М.А. Шостак указывает, что в процессе доказывания важное значение имеет уголовно-процессуальная преюдиция. Преюдиция, по его мнению, это обязательность решения суда по гражданскому или уголовному делу для органа, ведущего уголовный процесс, при производстве по другому уголовному делу [8, с. 128].

Стоит отметить, что в нормативных правовых актах нет четкого закрепления понятия преюдиции в уголовном процессе. В настоящее время можно руководствоваться комментарием к УПК, где под преюдицией понимается обязательность для органа уголовного преследования и суда при производстве по конкретному уголовному делу решений суда по гражданскому делу, а также по другому уголовному делу, вступивших в законную силу [9, с. 291].

Белорусская юридическая энциклопедия содержит сразу несколько статей, посвященных преюдиции: преюдиция (преюдициальность); преюдиция (в гражданском и хозяйственном процессе); преюдиция (в уголовном праве). В.В. Шпак полагает, что преюдиция (преюдициальность) (от лат. praejudicio – предрешение), обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств фактов, ранее установленных вступившим в законную силу судебным решением или приговором по какому-либо другому делу [10, с. 255].

В словаре юридических терминов под редакцией доктора юридических наук А.М. Абрамовича преюдиция (в рамках уголовного процесса) – вступивший в законную силу приговор по другому уголовному делу обязателен для органа ведущего уголовный процесс, при производстве по уголовному делу как в отношении установленных обстоятельств, так и их юридической оценки [11, с. 354].

Все приведенные определения, во-многом, являются интерпретацией текста ст. 106 УПК.

С учетом вышеизложенного можно предложить дефиницию авторского определение преюдиции, которую целесообразно закрепить в ст. 6 УПК Республики Беларусь, где разъяснены основные понятия и наименования, содержащиеся в УПК:

Преюдиция в уголовном процессе – это предрешение вопроса о достоверности ранее установленных вступившим в законную силу судебным постановлением, решением иных уполномоченных органов и должностных лиц обстоятельств, имеющих значение для материалов и уголовного дела, которые находятся в производстве органа, ведущего уголовный процесс.

Не менее важным условием уяснения сущности преюдиции является вопрос её классификации, стоит отметить, что исследователи предлагали её классификацию по совершенно разнообразным основаниям.

Н.Б. Зейдер делит преюдиции на обязательные и необязательные в зависимости от того, является ли данная преюдициальная связь обязательной в силу прямого требования закона или же такая обязательность преюдициальных отношений отсутствует [12, с. 146].

А.В. Карданец предлагает классифицировать преюдицию (преюдиции) в зависимости от сферы действия в рамках системы права на общеправовые, межотраслевые, отраслевые. Характерной особенностью общеправовых преюдиций является то, что они распространяют своё действие на все отрасли права [13, с. 59].

Он же предлагает классифицировать преюдиции в зависимости от функции в механизме правового регулирования на реализующие регулятивную функцию права и на реализующие охранительную функцию права.

Данная точка зрения разделяется и другими учёными, в частности, О.Ю. Гай пишет, что уголовно-процессуальная преюдиция возникает при возникновении рецидива [14, с. 22].

В то же время есть авторы, которые не считают возможным связывать применение преюдиции с предшествующей судимостью. Например, А.Г. Гореликова утверждает, что предсудимость при буквальном толковании можно расценивать как предшествующую судимость, которая связана с такими понятиями, как рецидив, неоднократность, а последние по своей правовой природе отличны от преюдиции [4, с. 18].

По нашему мнению, эта позиция более верна, так как невозможно слишком расширительно трактовать применение преюдиции при доказывании по той причине, что обстоятельства в рамках реализации указанного правила в уголовном процессе обязательно должны быть каким-то образом взаимосвязаны. В случае совершении преступления повторно, применяются иные инструменты уголовного права и процесса при доказывании его вины, квалификации деяний лица и назначения ему наказания, но, безусловно, отсутствует преюдициальная связи между событиями совершения преступлений пусть и одним и тем же лицом, но в разное время и при различных обстоятельствах.

П.А. Скобликов выделяет преюдиции межотраслевые и внутриотраслевые.

«Межотраслевая» преюдиция имеет место тогда, когда установленные судом факты и (или) сделанные им юридические оценки в процессе одного вида (например, в уголовном) обязательны для суда, рассматривающего дело в процессе другого вида (например, в административном или гражданском).

«Внутриотраслевая» преюдиция имеет место тогда, когда установленные судом факты и (или) сделанные им юридические оценки в процессе одного вида, обязательны для суда, рассматривающего дело в процессе того же вида [15, с. 69–70].

В юридической литературе встречаются и другие классификации. Так, в зависимости от результата реализации преюдиции делят на разрешающие и запрещающие.

Преюдиция реализуется в процессе правоприменения и влечёт определённые юридические последствия, в частности, устанавливает возможность применения правовой нормы либо запрещает её применение.

Разрешающие преюдиции применяются в том случае, когда вступил в законную силу судебный акт, в котором отражены как установленные обстоятельства, являющиеся условием применения соответствующей нормы права [16, с. 155].

Для запрещающих преюдиций характерно то, что они применяются в тех случаях, когда вступившим в законную силу решением суда установлены фактические обстоятельства, являющиеся ограничением (запретом) для использования правовой нормы.

В качестве примера запрещающей преюдиции приводится, например, прекращение уголовного преследования при наличии в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению [13, с. 90–91].

На этом примере можно убедиться, что правоприменителю не требуется доказывать или подвергать дополнительной проверке обстоятельства, установленные соответствующими решениями. Условием законности применения таких «запрещающих» правовых норм является фактическое наличие указанных в них решений, вступивших в законную силу.

Классификация преюдиции может быть основана на разных признаках, которые характеризуют её сущность и значение для расследования и судебного рассмотрения уголовных дел.

По итогам рассмотрения уголовного дела суд может вынести не только приговор, но и принять иное решение, в этой связи некоторые учёные утверждают, что преюдиция распространяется и на такие судебные акты. Например, Ю.Г. Новикова считает, что подобные решения обладают преюдициальной силой при дальнейшем судебном рассмотрении [17, с. 87–88].

Рассмотренные классификации выделяют некоторые признаки и отличия различных видов преюдиции, однако авторы мало уделяли внимание преюдициальному значению в уголовном процессе процессуальных решений иностранных государств.

Вместе с тем определение статуса решений судебных органов иностранных государств при реализации преюдиции вызывает научный интерес.

Применительно к уголовному процессу можно сказать, что в ст. 106 УПК предусмотрена безусловная преюдиция для всех субъектов её реализации.

Вместе с тем, надо заметить, что характерной особенностью преюдиции в современном белорусском уголовном процессе является то, что её действие не ограничено никакими условиями.

Таким образом, в уголовно-процессуальной норме закреплена межотраслевая, безусловная, не ограниченная преюдиция для всех субъектов доказывания.

По общему правилу, на территории Республики Беларусь признаются и предъявляются к исполнению процессуальные решения лишь тех государств, с которыми имеется международный договор.

Совершенно неприемлем в рамках белорусского права вывод, что преюдициальное значение могут иметь лишь те фактические обстоятельства, которые установлены вступившим в законную силу приговором, принятым в рамках «отечественного» (национального) уголовного процесса.

Во-первых, некоторые международные договоры о борьбе с отдельными видами преступлений прямо указывают на наличие преюдиции. К примеру, суды могут принимать во внимание в качестве обстоятельств, отягчающих правонарушения на основании п. «h» ч. 5 ст. 3 Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20 декабря 1988 г., «предыдущее осуждение, особенно за аналогичные правонарушения, за рубежом или в своей стране, насколько это допустимо в соответствии с национальным законодательством» [18].

Во-вторых, ст. 8 Уголовного кодекса прямо указывает на преюдициальное значение совершения преступления на территории иностранного государства, указывая, что судимость и иные уголовно-правовые последствия совершения лицом преступления на территории иностранного государства имеют уголовно-правовое значение для решения вопроса об уголовной ответственности этого лица за преступление, совершенное на территории Республики Беларусь, при этом должны учитываться нормы, установленные международными договорами Республики Беларусь [19].

Помимо этого в УПК предусмотрена специальная норма о юридической силе доказательств, полученных компетентными органами иностранного государства в соответствии с его внутренним законодательством. Так, согласно ч. 3 ст. 88 УПК доказательства, полученные на территории иностранного государства по просьбе органа, ведущего уголовный процесс, об оказании международной правовой помощи по уголовному делу на основе принципа взаимности или в соответствии с международными договорами Республики Беларусь, заверенные и переданные в установленном порядке этому органу, имеют такую же юридическую силу, как если бы они были получены на территории Беларуси.

К доказательствам, полученным иностранными компетентными органами и должностными лицами, предъявляются определённые требования. Они должны быть получены с применением законов, не противоречащих Конституции Беларуси; с соблюдением условий, предусмотренных сторонами; в рамках взаимодействия сторон, предусмотренных международным договором или соглашением; удостоверены компетентными органами иностранного государства.

Заключение. По результатам исследования мы можем констатировать следующее:

1) Понятие и классификация преюдиции позволяет уточнить терминологическое и смысловое значение данного правового феномена, что будет способствовать повышению эффективности правоприменительной практики.

2) В связи с наличием возможности применения процессуальных решений иностранных государств для признания некоторых обстоятельств установленными, опираясь на современную редакцию ст. 106 УПК, можно предложить следующую классификацию преюдиции в зависимости от органа, принимающего итоговое решение по делу:

а) обстоятельства, установленные белорусским органом, ведущим уголовный процесс, либо судом по гражданскому делу;

б) обстоятельства, установленные иностранным органом, ведущим уголовный процесс, либо судом по гражданскому делу.

Литература

1. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса / В. К. Случевский ; под ред. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало, 2008. – Т. 2. – 488 с.

2. Нашиц, А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / А. Нашиц ; пер. с румын. – М. : Прогресс, 1974. – 256 с.

3. Березин, А. С. Преюдиции в отечественном уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. С. Березин. – Н. Новгород, 2006. – 245 л.

4. Гореликова, А. Г. Преюдиции в уголовном процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. Г. Гореликова. – М., 2010. – 205 л.

5. Фидельский, С. В. Преюдиция в уголовно-процессуальном праве: нормативное закрепление и порядок реализации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. В. Фидельский. – М., 2011. – 200 л.

6. Чащина, И. В. Преюдиция в уголовном процессе России и зарубежных стран (сравнительно-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. В. Чащина – М., 2011 – 189 л.

7. Юсубова, У. М. Преюдиции в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / У. М. Юсубова. – М., 1979. – 225 л.

8. Шостак, М. А. Уголовный процесс : учеб. пособие / М. А. Шостак. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2004. – 284 с.

9. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н. И. Андрейчик [и др.] ; под науч. ред. М. А. Шостака. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 1230 с.

10. Белорусская юридическая энциклопедия : в 4 т. / редкол.: С. А. Балашенко [и др.]. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – Т. 3. – 623 с.

11. Словарь юридических терминов / Под ред. А. М. Абрамовича ; сост. С. Д. Василенко [и др.]. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь : Информ.-правовое агентство «Регистр» , 2000. – 531 с.

12. Зейдер, Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н. Б. Зейдер. – М., 1966. – 192 с.

13. Карданец, А. В. Преюдиции в российском праве. Проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. В. Карданец. – Н. Новгород, 2002. – 181 л.

14. Гай, О. Ю. Преюдициальность приговора / О. Ю. Гай // Юрист. – 1999. – № 11. – С. 18–23.

15. Скобликов, П. А. Преюдиция актов арбитражных судов в уголовном процессе: новое прочтение / П. А. Скобликов // Журнал российского права. – 2009. – № 2. – С. 69–82.

16. Штутин, Я. Л. Предмет доказывания в советском гражданском процессе / Я. Л. Штутин. – М., 1963. – 186 с.

17. Новикова, Ю. Г. Особенности уголовного судопроизводства по делам о взаимосвязанных преступлениях : монография / Ю. Г. Новикова. – Екатеринбург : Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2005. – 130 с.

18. Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

19. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

[1]Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

[2]Гродненский государственный
университет им. Я. Купалы

Поступила в редакцию 01.02.2021

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 340.1

Системные связи института юридической ответственности и политики

А.И. Глинда

В статье предлагается анализ взаимодействия института юридической ответственности с политикой и формулируется состав системных связей данных явлений на примере уголовного законодательства Республики Беларусь и нормативных правовых актов «особой необходимости». Предлагается сравнительно-исторический анализ изменений норм об ответственности, действовавших на территории Республики Беларусь, на основании которого, а также с учетом доктринальных суждений о влиянии политики на положения права, автор приходит к выводу о системном взаимодействии института юридической ответственности и политики посредством системных связей преобразования и развития, а также генетических связей, базирующихся на порождении необходимости охраны политических отношений и интересов.
Ключевые слова: институт юридической ответственности, политика, системное взаимодействие, системные связи координации, генетические системные связи, функциональные системные связи преобразования и развития.

The analysis of the interaction of the institution of legal responsibility with politics is offered. The composition of the system bonds between these phenomena under the criminal legislation of the Republic of Belarus and the normative legal acts of «special necessity» is formulated. A comparative historical analysis of the changes in the norms on liability in force on the territory of the Republic of Belarus is offered. Based on the analysis, as well as taking into account doctrinal judgments about the influence of politics on the provisions of law, the author comes to the conclusion about the systemic interaction of the institution of legal responsibility and politics through systemic links of transformation and development, as well as genetic links based on the generation of the need to protect political relations and interests.
Keywords: institution of legal responsibility, policy, system interaction, system bonds of coordination, genetic system bonds, functional system bonds of transformation and development.

В свете постоянного ускорения ритма общественной жизни и расширения политического участия, распространения и доступности информации особенно актуально исследование системных связей института юридической ответственности с политической реальностью.

Являясь открытой адаптивной системой, институт юридической ответственности чутко реагирует на внешние изменения среды, в том числе изменения, касающиеся иных социальных регуляторов.

Важность исследования характера взаимоотношений института юридической ответственности и политики вытекает из его охранительно-правовой природы. Политическая сила, ставшая государственной, имеет высокий уровень доступа к системе правотворчества и оказывает свое влияние, в том числе на институт юридической ответственности.

Как право с другими системами социального регулирования действует в одной реальности, но параллельно, по другим направлениям, так и институт юридической ответственности, как способ охраны правовых отношений, связан нитями координации по принципу «невмешательства» в отношения нравственного характера, воздаяние и предупреждение в сфере которых достигается собственными приемами и способами [1]. Такой способ связи представляется идеальным и во взаимодействии института юридической ответственности с политической составляющей социального регулирования. Однако степень участия политики в правовом регулировании заметно выше, что отражается и на отношениях ответственности.

В теории права предлагаются классификации взаимозависимостей в рамках системы юридической ответственности. Так, исходя из степени и результатов интенсивности, И.А. Кузьмин предлагает разграничивать три формы правовых взаимодействий с участием юридической ответственности: взаимодействия низкой степени интенсивности (в процессе таких взаимодействий ни юридическая ответственность, ни иные правовые явления не претерпевают явных существенных изменений, для выявления эффекта нужны длительные наблюдения); взаимодействия средней степени интенсивности (подобного рода взаимодействия производят явный эффект, при котором участвующие во взаимодействиях юридическая ответственность и/или иные правовые явления претерпевают фиксируемые изменения за непродолжительный промежуток времени);

взаимодействия высокой степени интенсивности (результатом данного вида взаимодействий выступают быстрые и принципиальные изменения взаимодействующих юридической ответственности и/или иных правовых явлений, вследствие чего нередко могут наблюдаться существенные деформации и изменения в их содержании и структуре) [2, с. 60–61].

На основе сравнительно-исторического анализа действующего белорусского законодательства рассмотрим характер взаимодействия и определим виды системных связей института юридической ответственности с политикой.

Существующая система социального регулирования досталась нам в наследство от советского общества, в условиях которого был осуществлен насильственный переход от религиозно (православно)-морального к политико-центристскому типу социального регулирования [3]. Эта специфика естественным образом находит отражение, в том числе и в институте юридической ответственности.

Институт юридической ответственности, как часть системы права, которая формируется также и посредством развития законодательства, подвержен влиянию политического настроения в текущий момент времени, а ввиду законодательного закрепления, предполагающего некоторую процедуру внесения изменений, – может сохранять влияние текущего политического запроса и после потери его актуальности.

В силу государственного принудительного элемента в механизме воздействия на правоотношения институт юридической ответственности может отражать как защиту действующего политического строя, так и инициативные проявления воздействия на общественные отношения путем изменения норм об ответственности в сторону послаблений или усиления в интересах сохранения власти.

Наличие такой связи наиболее заметно по истечении времени, как правило, после смены расстановки политических сил, когда «политические» нормы начинают отмирать, отменяться, или заменяться новыми, актуальными текущей политической ситуации.

Яркие примеры наглядно можно наблюдать, если проанализировать уголовно правовые акты позднего дореволюционного периода и двигаться к современному белорусскому уголовному закону.

Исследуя историю развития уголовного законодательства Беларуси о классификации преступлений по уровню их общественной опасности, С.В. Сыс отмечает важные моменты, свидетельствующие о взаимосвязи писанного уголовного права и политики.

Автор указывает, что в истории российского уголовного права вопрос о классификации уголовно-наказуемых деяний нашел свое отражение в законотворческой идеологии и практике Российской Империи в XVIII в. В оборот входят понятия «преступление» и «проступок». Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. сохранило деление уголовно-наказуемых деяний на преступления и проступки. Преступление предполагало посягательство на интересы Императора и государства, а также на наиболее охраняемые интересы общества и подданных, предоставленные законом. В свою очередь проступок предполагал «нарушение правил», а также не был связан с посягательством на интересы Императора и государства.

Октябрьская революция 1917 г. коренным образом изменила подходы к уголовному законодательству. Новая советская власть не прислушивалась к представителям старой школы, отвергала предыдущий опыт развития уголовного права [4, с. 111].

Как отмечает С.Н. Сноп, в связи с отменой законов Российской империи и слабой законодательной базой советского государства в уголовном праве широко использовалось так называемое «революционное правосознание». Но главной причиной широкого использования революционного сознания являлась необходимость ведения гражданской войны и вооруженного подавления всякого сопротивления советской власти. В связи с этим законность подменялась революционной целесообразностью и революционным правосознанием [5].

Принятый Советом народных депутатов 22 ноября 1917 г. Декрет «О суде» № 1 классифицировал преступления по подсудности, в зависимости от опасности для революции [6].

Источниками уголовного права БССР в этот период были правовые акты России (постановления Съездов советов, декреты ВЦИК, декреты СНК, циркуляры и постановления НКЮ), а после создания БССР – соответствующие акты республиканских органов власти.

Минимальный и максимальный сроки лишения свободы не были определены, имели место приговоры к лишению свободы «до окончания гражданской войны». Зачастую не указывались вид и размер наказаний, а использовались указания на кару «по всей строгости революционных законов» или на «уголовную ответственность» [5].

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. распространял своё действие и на территорию БССР, а с 1924 г. он стал именоваться Уголовным кодексом БССР. В силу ст. 27 данного кодекса преступления классифицировались по наличию пределов наказания, при этом такой предел зависел от наличия признака посягательства на советскую власть: «направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемых ею наиболее опасными, по которым определённый Кодексом низший предел наказания не подлежит понижению судом» и «все остальные преступления, по которым установлен высший предел определяемого по суду наказания» [7].

Уголовный кодекс БССР 1928 г. также различал преступления направленные против основ советского строя и «все остальные».

Политическая направленность прямо декларировалась при формулировании задач кодекса, которые состояли в правовой защите государства трудящихся и революционного правопорядка от преступлений и от общественно-опасных элементов [8, ст. 5].

В Уголовном кодексе БССР 1960 г. «политический элемент» не очевиден на уровне законодательной классификации преступлений, однако его наличие проявляется через виды наказаний, которые нетипичны для действующего в настоящее время законодательства, а равно составы преступлений, характеризующих политически строй.

Термин «контрреволюционные преступления» был заменен термином «особо опасные государственные преступления». Государственным преступлением, например, являлась антисоветская агитация и пропаганда. Имущественные преступления были разделены на преступления против государственной (общественной) и против личной собственности, причем первые наказывались значительно строже [5].

Такие составы Уголовного кодекса БССР 1960 г., как «Измена Родине» (ст. 61), «Вредительство» (ст. 66), «Антисоветская агитация и пропаганда» (ст. 67), «Незаконный выезд за границу и незаконный въезд в СССР» (ст. 80), «Нарушение законов об отделении церкви от государства, и школы от церкви» (ст. 139), «Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество» (ст. 150), «Спекуляция» (ст. 151), «Побег с места ссылки» (ст. 182) ,«Самовольное возвращение высланного в места, запрещенные для проживания» (ст. 183), «Побег из места заключения или из-под стражи» (ст. 184) [9], отражают дух политической эпохи, указывают на отношение действующей власти к нарушениям, затрагивающим привнесенную идеологию и посягающим на факт функционирования самой этой власти. Впоследствии они были декриминализированы.

Уголовный кодекс Республики Беларусь 1999 г. (далее – УК 1999 г.) значительно отличается демократической и гуманистической направленностью. При этом неразрывная связь политики с институтом юридической ответственности проявляется и сегодня.

Так, например, введение в период с 2003 по 2011 гг. в главу «Преступления против порядка управления» УК 1999 г. новых статей, в частности 369^1–369^3, 371^1, 371^2 [10], свидетельствует о новых угрозах государству в области внешней политики.

Помимо существующей ст. 369, предусматривающей наказание за оскорбление представителей власти, в 2005 г. УК 1999 г. дополнен ст. 369^1, которая устанавливает наказание за предоставление иностранному государству, иностранной или международной организации сведений, дискредитирующих Республику Беларусь или ее органы власти.

В 2011 г. введена в действие ст. 369^2 УК 1999 г., имеющая административную преюдицию. Ответственность полагается за получение, а равно хранение, перемещение иностранной безвозмездной помощи для осуществления экстремистской деятельности или других деяний, запрещенных законодательством Республики Беларусь, либо финансирования политических партий, союзов (ассоциаций) политических партий, подготовки или проведения выборов, референдумов, отзыва депутата, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, организации или проведения собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования, забастовок, изготовления или распространения агитационных материалов, проведения семинаров или других форм политической и агитационно-массовой работы среди населения.

В том же 2011 г. в соответствии со ст. 369^3 УК 1999 г. введена уголовная ответственность за нарушение порядка организации или проведения массовых мероприятий.

Еще два состава, попавших в УК 1999 г. в 2003 г. предполагают уголовное наказание за деяния, связанные с незаконными действиями, направленными на пересечение иностранными гражданами или лицам без гражданства границы Республики Беларусь (ст. 371^1 «Организация незаконной миграции» и ст. 371^2 «Нарушение срока запрета въезда в Республику Беларусь».

Яркой демонстрацией связи института юридической ответственности с политикой на примере действующего законодательства Республики Беларусь является возможность «срочного вмешательства» в нормативное ее регулирование со стороны исполнительной власти путем принятия временных нормативных правовых актов.

Так, в соответствии со ст. 101 Конституции Республики Беларусь в силу особой необходимости Президент по своей инициативе либо по предложению Правительства может издавать временные декреты, имеющие силу закона [11].

К примеру, Декретом Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» задан новый правоприменительный вектор в системе юридической ответственности в рамках осуществления предпринимательской деятельности.

В целях развития предпринимательской инициативы, стимулирования деловой активности определено, что взаимодействие государственных органов, иных государственных организаций, их должностных лиц с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями основывается на следующих принципах:

– приоритетной направленности работы контролирующих (надзорных) органов на профилактику правонарушений, а не исключительно на привлечение к ответственности за совершенные субъектами хозяйствования нарушения;

– персонализации ответственности руководителя за надлежащую организацию деятельности субъекта хозяйствования, исключающую причинение вреда государственным или общественным интересам, окружающей среде, жизни, здоровью, правам и законным интересам граждан;

– соразмерности наказания характеру совершенного субъектом хозяйствования правонарушения и наступившим в результате его совершения последствиям.

Декрет предусмотрел корректировку мер уголовной ответственности:

– максимальный отказ от назначения наказания в виде лишения свободы за совершение экономических преступлений;

– перевод отдельных составов экономических преступлений из категорий тяжких или менее тяжких в категории менее тяжких или не представляющих большой общественной опасности соответственно с учетом объективной общественной опасности совершения таких преступлений;

– минимизацию количества деяний с формальными составами;

– максимальный отказ от рассмотрения в отношении экономических преступлений такого обстоятельства, как «совершение преступления группой лиц или организованной группой», в качестве квалифицирующего признака, влекущего повышенную уголовную ответственность;

– увеличение крупного и особо крупного размеров ущерба, влекущего более строгую ответственность;

– исключение использования неоднозначных и оценочных определений в рамках уголовного законодательства [12].

Причины указанных новаций необходимо исследовать во взаимосвязи с социальной действительностью и изменяющимся укладом общественных отношений в экономической сфере, вместе с тем, форма закрепления, избранная для таких принципиальных решений (некая особая необходимость, на что указывает Конституция), свидетельствует о его политических предпосылках.

Таким образом, необходимо констатировать, что институт юридической ответственности неотделим от политики, несмотря на некоторое противоречие такого положения дел принципу справедливости. Эта зависимость вполне естественна, учитывая доступ политической силы, которую составляет власть, к нормотворческому процессу. Однако сама идея изменяемости закона делает тезис о правильном понимании юридической ответственности с акцентом на принцип законности (в данном случае через принцип стабильности) практически недостижимым.

В научных исследованиях при признании политики и права регулятивными, взаимозависимыми системами общества, отмечается, что четкое разделение сферы и функций политики и права может иметь весьма существенное значение – способствовать преодолению некоторых опасных тенденций в развитии общества и его властных структур [13, с. 17].

Возможность использования писаного права в угоду политическим интересам замечена как в юриспруденции, так и в политологии. Как отмечает профессор Н.В. Сильченко, путем закрепления в законе форм собственности, избирательной системы, системы прав и обязанностей, других юридических приемов, можно обеспечить (и довольно надежно) государственную власть соответствующим социальным группам, имеющим вполне определенные

идеалы, которые они будут отстаивать как государственные идеалы, ссылаясь при этом на право и закон [14, с. 17–19]. Г.И. Козырев указывает, что политика, как особый вид регуляции социальной жизни, необходима для того, чтобы согласовывать интересы различных социальных слоев и групп, вырабатывать общие, обязательные для всех правила и нормы и осуществлять контроль за их выполнением. Вместе с тем в реальной жизни политика может быть использована как для всеобщего блага всех слоев общества, так и для защиты интересов господствующего класса в ущерб другим членам общества [15].

Важность коллективной (с участием представителей социальных групп) проработки вопросов, составляющих властную компетенцию, очевидна представителям и других направлений научной мысли. Так, исследователь в области философии техники Х. Ленк отмечает, что политикам, ученым, инженерам, проектировщикам и т. д. следовало бы осознать огромную значимость того положения, что эффективное междисциплинарное обеспечение и принятие во внимание множества перспектив, содействие универсалистов могут помочь нам уверенно, во всеоружии встретить опасности, связанные с односторонней деятельностью специалистов, с сиюминутными установками политиков, выработанными ими только «применительно» к периоду пребывания у власти на выборный срок. Это позволит требовать, чтобы политические решения не принимались по технократическим рецептам и непременно придерживались принципов гуманности, свободы и ответственности» [16, с. 22].

Институт юридической ответственности встроен в систему правового регулирования общественных отношений и неизбежно отражает взаимодействие общества и государства. Как отмечалось выше, характер данного взаимодействия в идеальном варианте выражается в системных связях координации, когда социальные регуляторы действуют сообща, но не вмешиваются в сферу действия друг друга. Юридическая ответственность, как институт системы права, построенный во многом на общем моральном представлении о добре и зле, характеризуется устойчивостью и во взаимосвязи с политикой не должен отступать от данного принципа, в то время как изменчивость крайне характерна для политики. В таком смысле связь координации должна быть уверенно прочной и бескомпромиссной, в целях недопущения использования института юридической ответственности в качестве инструмента политической игры.

Следует согласиться с профессором Н.В. Сильченко в утверждении, что закон должен быть гарантией тех экономических, политических и идеологических основ общества, которые он может отражать, смотря по обстоятельствам, иногда хорошо, а иногда и плохо. Рассуждения о гарантиях закона есть идеологически завуалированная форма оправдания несостоятельности и бессилия законодателя, вольно или невольно снимают с него ответственность за непродуманные, а иногда и просто «преступные» законы [14, с. 29–30].

Проведенный анализ показал, что связь политики и института юридической ответственности носит характер ситуативного преобразующего генетического воздействия, устанавливаются функциональные связи развития.

Фактически взаимосвязь политики и права проявляется таким образом, что политика и право выполняют общие функции и свои отдельные особые, специфические задачи. Так, право является своеобразным инструментом осуществления политики, который регулирует общественную жизнь, используя для этого принудительную силу государства.

Во взаимодействии института юридической ответственности и политики наблюдается генетическая связь, а также, в некоторой степени, иерархическое подчинение в рамках связей субординации и преобразования.

Функциональная роль права заключается в том, что оно выражает общечеловеческие интересы, определенные социальные стремления, волю большинства граждан общества или его доминирующей части, определяет права, свободы и обязанности граждан. Доступ к правотворчеству политических сил позволяет нормативно закреплять именно их интересы, что неизбежно находит отражение и в институте юридической ответственности.

В заключение предлагаются следующие выводы о системном взаимодействии института юридической ответственности и политики:

1. Взаимоотношения института юридической ответственности и политики следует отнести к взаимодействию высокой степени интенсивности.

2. Взаимодействие базируется на устойчивых внешних функциональных системных связях преобразования и развития, что заключаются в комплексном нормотворческом воздействии политических реалий на правовой институт, а также на генетических связях, основанных на порождении необходимости охраны посредством норм об ответственности политических отношений и интересов.

3. Связи координации, характерные для системного взаимодействия института юридической ответственности с иными (помимо права) системами социального регулирования, во взаимодействии с политикой значительно ослаблены и подвержены замещению связями преобразования.

Литература

1. Глинда, А. И. Связи комплексности в институте юридической ответственности [Электронный ресурс] / А. И. Глинда // Правовая культура в современном обществе. – Режим доступа : http://www.institutemvd.by/components/com_chronoforms5/chronoforms/uploads/2019010815 5122_pdf. – Дата доступа : 21.09.2020.

2. Кузьмин, И. А. Системная модель юридической ответственности : монография / И. А. Кузьмин. – Иркутск : Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; Тип. «Иркут», 2018. – 186 с.

3. Сильченко, Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы [Электронный ресурс] / Н. В. Сильченко. – Режим доступа : https://www.elibrary.ru/download/elibrary_26280701_24779031.pdf. – Дата доступа : 22.08.2020.

4. Сыс, С. В. История развития уголовного законодательства Беларуси о классификации преступлений по уровню их общественной опасности / С. В. Сыс // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2016. – № 2 (95). – С. 110–116.

5. Сноп, С. Н. Уголовное право. Общая часть : консп. лекций [Электронный ресурс] / С. Н. Сноп. – Режим доступа : http://ebooks.grsu.by/yg_pravo_konspekt/kontsevoj-titulnyj-ekran.htm. – Дата доступа : 22.08.2020.

6. Декрет о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. [Электронный ресурс] // Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. – Режим доступа : http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_sude1.htm. – Дата доступа : 28.08.2020.

7. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : http://www.pravo.by/sm_full.aspx?guid=171023. – Дата доступа : 28.08.2020.

8. Уголовный кодекс Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс] : утвержден ЦИК БССР VIII созыва 23 сентября 1928 г., введен в действие с 15 ноября 1928 г. – Режим доступа : https://www.pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf. – Дата доступа : 22.08.2020.

9. Об утверждении Уголовного кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 29 декабря 1960 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : https://pravo.by/ImgPravo/pdf/UK_BSSR_1960.pdf. – Дата доступа : 22.08.2020.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 09 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.11.2019 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900275&q id=2263723. – Дата доступа : 22.08.2020.

11. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.) [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/. – Дата доступа : 22.08.2020.

12. О развитии предпринимательства [Электронный ресурс] : Декрет Президента Республики Беларусь, 23 ноября 2017 г., № 7. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700007&p1=1. – Дата доступа : 24.08.2020

13. Ирхин, Ю. В. Взаимосвязь политики, морали и права / Ю. В. Ирхин // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. – 1999. – № 1. – С. 7–15.

14. Сильченко, Н. В. Законотворчество. Закон. Правовая система : избранные труды / Н. В. Сильченко. – Мн. : Право и экономика, 2020. – 200 с. – (Сер. «Научные труды белорусских ученых»).

15. Козырев, Г. И. Политическая конфликтология : учебное пособие / Г. И. Козырев. – М. : ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М (Высшее образование), 2008. – 432 с.

16. Ленк, Х. Размышления о современной технике / Х. Ленк ; пер. с нем. под ред. В. С. Степина. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 183 с.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 26.09.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 341.95

Трудовые мигранты в Республике Беларусь

Е.А. Ковалёва

В статье проводится анализ статистических данных, международных норм, трудового законодательства и законодательства о миграции, касающихся заключения и оформления трудовых отношений с трудящимся-иммигрантом на территории Республики Беларусь. Исследуются условия и сведения, которые должны содержаться в трудовых договорах (контрактах) с иностранными работниками, включая и возможность работать дистанционно с использованием информационно-коммуникационных технологий. В результате сделаны выводы и предложены отдельные пути совершенствования нормативных правовых актов.
Ключевые слова: дистанционный труд, законодательство о миграции, иностранный работник, информационно-коммуникационные технологии, специальное разрешение, трудящийся-иммигрант, трудовой договор (контракт).

The statistical data, international norms, labor legislation and migration legislation concerning the conclusion and registration of labor relations with an immigrant worker in the territory of the Republic of Belarus are analyzed. The conditions and information that should be contained in labor contracts (contracts) with foreign employees, including the ability to work remotely using information and communication technologies, are investigated. As a result, conclusions are drawn and certain ways of improving regulatory legal acts are proposed.
Keywords: remote work, migration legislation, foreign worker, information and communication technologies, special permit, immigrant worker, labor contract.

Характерной особенностью и одной из основных причин современной миграции является ее экономический характер – отсутствие постоянной работы и заработка. По данным Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь в 2019 г. в нашу страну для занятия трудовой деятельностью прибыло свыше 20,8 тыс. иностранцев. Это на 4,7 тыс. больше, чем в 2018 г. Наибольшее количество прибывших в Беларусь трудовых мигрантов составили россияне – 6,7 тыс. или каждый третий специалист. Почти каждый пятый трудоустроенный – гражданин Китая (4,3 тыс.). В тройку стран по числу прибывших к нам на работу иностранцев вошла Украина (3,1 тыс.).

В качестве площадки для трудоустройства Беларусь также выбирают граждане Узбекистана, Казахстана, Армении, Азербайджана, Турции и Литвы. Реже – жители Буркина-Фасо, Камеруна, Конго, Мавритании, Уругвая, Тринидад и Тобаго, из этих стран для работы в Беларусь прибыло по одному специалисту.

Более 5,6 тыс. трудящихся-иммигрантов имели рабочие специальности, более 3 тыс. человек – квалифицированные работники и специалисты, свыше 1,3 тыс. иностранцев задействованы в сфере обслуживания и торговли, 428 – в сельском хозяйстве. Более 1,2 тыс. приезжих занимали должности руководителей.

Подавляющее большинство мигрантов были заняты в столице, Гродненской и Минской областях. Менее всего трудоустроенных иностранных граждан в Могилевской области.

Число иностранцев, нарушивших порядок занятия трудовой деятельностью, в 2019 г. снизилось. Так, если в 2018 г. к административной ответственности за несоблюдение законодательства в этой сфере привлечено 522 мигранта, то в 2019 г. – 443 [1].

Таким образом, масштабы трудовой миграции в Республике Беларусь постоянно растут, и в этот процесс вовлечены многие страны. Эксперты обращают внимание, что уже через непродолжительное время перед всем миром, включая Беларусь, возникнет проблема отсутствия трудовых ресурсов из-за имевшего место снижения рождаемости в 90-х гг. прошлого века. Для восполнения естественной убыли населения и возмещения трудовых ресурсов потребуется труд мигрантов. С помощью международной трудовой миграции государство

может на различных этапах социально-экономического развития решать проблемы обеспеченности рынка труда трудовыми ресурсами, снижать безработицу, увеличивать инвестиции страны, то есть направлять потоки трудовых мигрантов в интересах экономического и демографического развития [2, с. 65].

В соответствии с Программой деятельности Правительства Республики Беларусь на период до 2025 г. в целях создания предпосылок для роста демографического потенциала страны на новую пятилетку Совет Министров запланировал сокращение миграционного оттока, стимулирование притока в страну высококвалифицированных специалистов для различных сфер экономики, обеспечение ежегодного положительного сальдо миграции на уровне не менее 3 тыс. человек. Для реализации указанных целей на 2021 г. предполагается изменение законодательства о миграции, касающегося создания привлекательных условий для переезда в страну высококвалифицированных специалистов, предоставления членам их семей гарантий и возможностей для трудоустройства [3].

В настоящее время порядок и условия трудоустройства иностранных граждан в Республике Беларусь осуществляются в соответствии с Законом Республики Беларусь от 30 декабря 2010 г. № 225-З «О внешней трудовой миграции» (далее – Закон о миграции) [4].

Статья 23 Закона о миграции закрепляет условие осуществления трудящимися-иммигрантами трудовой деятельности в Республике Беларусь: если занятие свободных рабочих мест (вакансий) не может быть обеспечено гражданами и иностранцами, постоянно проживающими в Республике Беларусь. В плане законопроектной деятельности на 2021–2025 гг. зафиксировано формирование перечней дефицитных профессий в целях их заполнения иностранными специалистами с предоставлением им упрощенного порядка осуществления трудовой деятельности, частичная компенсация расходов на переезд иностранцам, получившим разрешение на постоянное проживание в Республике Беларусь в качестве работников и специалистов [3].

Для осуществления трудовой деятельности иностранным работником необходимо получение специального разрешения на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь и заключение трудового договора. Специальное разрешение выдает подразделение по гражданству и миграции ГУВД Мингорисполкома или УВД облисполкома с учетом заключения комитета по труду, занятости и социальной защите областного (Минского городского) исполнительного комитета о возможности осуществления иностранцем, не имеющим разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, трудовой деятельности по трудовому договору (ч. 3 ст. 29 Закона о миграции).

Специальное разрешение выдается по заявлению нанимателя Республики Беларусь в отношении иностранного гражданина для занятия трудовой деятельностью по определенной должности (профессии) на указанный в нем срок. По общему правилу срок рассмотрения заявления составляет 15 дней с момента подачи заявления, а разрешение выдается на 1 год. При осуществлении трудовой деятельности у нескольких нанимателей иностранный гражданин обязан получить специальное разрешение для работы у каждого из них. Срок действия специального разрешения может быть однократно продлен. После однократного продления наниматель вправе обратиться за получением нового специального разрешения (ст. 29 Закона о миграции).

Однако из вышеназванного правила найма иностранцев имеется исключение. На основании ст. 97 Договора о Евразийском экономическом союзе, подписанном в г. Астане 29 мая 2014 г., наниматели вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов (Российская Федерация, Республика Казахстан, Республика Армения, Кыргызская Республика) без учета ограничений по защите национального рынка труда. При этом таким трудящимся не требуется получение разрешения на осуществление трудовой деятельности в государстве трудоустройства [5].

После получения специального разрешения нанимателю Республики Беларусь необходимо заключить трудовой договор с иностранным гражданином (ст. 32 Закона о миграции). Законодательство предусматривает ряд условий и сведений, которые должны содержаться в трудовом договоре. Их можно разделить на группы:

1) предусмотренные Трудовым кодексом Республики Беларусь (ТК);

2) содержащиеся в законодательстве о миграции;

3) имеющиеся в ином законодательстве.

Согласно ст. 19 ТК трудовой договор должен содержать в качестве обязательных следующие сведения и условия:

– данные о работнике и нанимателе, заключивших трудовой договор;

– место работы с указанием структурного подразделения, в которое работник принимается на работу;

– трудовая функция, т. е. работа по одной или нескольким должностям служащих (профессиям рабочих) с указанием квалификации в соответствии со штатным расписанием, должностной (рабочей) инструкцией, технологическими картами и другими документами;

– основные права и обязанности работника и нанимателя;

– срок трудового договора (для срочных трудовых договоров);

– режим труда и отдыха;

– условия оплаты труда.

Трудовой договор может предусматривать дополнительные условия, не ухудшающие положения работника по сравнению с законодательством и коллективным договором [6].

Закон о миграции предусматривает обязательное включение в трудовой договор с иностранным работником порядок, основания прекращения, изменения и продления, срок трудового договора, условия переезда в Республику Беларусь, питания, проживания, медицинского обслуживания трудящегося-иммигранта (ст. 32), а также месячная заработная плата в размере не менее 15-кратной величины месячной минимальной заработной платы, установленной в Республике Беларусь для мигрантов из числа высококвалифицированных специалистов (ст. 1).

Также к условиям трудового договора с трудящимся-мигрантом можно отнести их включение в систему государственного социального страхования и уплату страховых взносов. Статьи 1 и 7 Закона Республики Беларусь от 31 января 1995 г. № 3563-XII «Об основах государственного социального страхования» распространяют его действие и на иностранных работников [7].

Таким образом, с одной стороны трудовой договор содержит условия и сведения не только о труде, но и нахождении иностранца на территории Беларуси, его питании, медицинском обслуживании и т. д., а с другой – в нем не указаны важные условия для его заключения, гарантирующие права иностранного работника в принимаемом государстве. Например, о сроке действия специального разрешения на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь, с которым ч. 3 ст. 32 Закона о миграции связывает срок действия трудового договора. Без соблюдения указанного требования наниматель может быть привлечен к административной ответственности за использование иностранного гражданина для осуществления трудовой деятельности без специального разрешения на право занятия трудовой деятельностью в Республике Беларусь и (или) заключения трудового договора (ч. 5 ст. 24.35 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) [8].

Исходя из содержания законодательства о миграции Беларуси с трудящимся-мигрантом можно заключить только срочный трудовой договор. В международных актах содержится альтернативный подход: трудовая деятельность иностранца оформляется трудовым договором или контрактом. В Законе о миграции термин «контракт» не употребляется, однако по данным Департамента по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь с иностранными работниками заключаются как трудовые договоры, так и контракты [9].

Одним из основных условий трудового договора ст. 32 этого Закона прописывает его продление. Вопрос о продлении трудового договора или контракта может возникнуть при продлении специального разрешения. На практике трудовые договоры с иностранцами заключаются только на срок действия специального разрешения и не продляются. С учетом изложенного, представляется целесообразным уточнить ст. 32 Закона о миграции и далее по тексту Закона положением о том, что между трудящимся-иммигрантом и нанимателем Республики Беларусь может заключаться как трудовой договор, так и контракт.

Кроме того, ч. 2 ст. 36 Закона о миграции обязывает нанимателя зарегистрировать в подразделении по гражданству и миграции трудовой договор с трудящимся-иммигрантом, заключенный на территории Республики Беларусь, в месячный срок со дня его заключения, а также при его изменении и (или) дополнении. Однако указанная норма не регламентирует вопрос о продлении трудового договора, необходимо ли в таком случае его регистрировать. Полагаем, что нужно, поскольку в данном случае изменяется условие о сроке действия трудового договора. Во избежание недопонимания, единообразного применения законодательства представляется уместным дополнить ч. 2 ст. 36 Закона о миграции словом «продления» [10].

В соответствии с ч. 4 ст. 32 Закона о миграции трудовой договор или контракт между трудящимся-иммигрантом и нанимателем Республики Беларусь должен быть оформлен на русском и (или) белорусском языках, а также на родном или ином понятном для иностранного гражданина языке, если русский или белорусский языки не являются родными или понятными для иностранного гражданина.

В 2020 г. в связи с пандемией COVID-19 и закрытием границ все больше иностранцев, работающих с информацией, вынуждены выполнять работу дистанционно. В настоящее время ст. 307-1 ТК допускает выполнение работы дистанционно вне места нахождения нанимателя с использованием для выполнения этой работы и осуществления взаимодействия с нанимателем информационно-коммуникационных технологий. В таком трудовом договоре помимо условий труда необходимо предусмотреть условия обмена между сторонами электронными документами или сообщениями в электронном виде (в том числе СМС-сообщениями, файлами и записями), содержащими:

– письменные задания и иную информацию для исполнения трудовых обязанностей;

– результаты выполненной работы;

– заявления, объяснения работника, уведомления, приказы и иные документы нанимателя, связанные с изменением и прекращением трудового договора [6].

С изменением трудового законодательства вполне возможно иностранцам выполнять работу дистанционно, закрепив такое условие в трудовом договоре с оговоркой, что иностранному работнику не нужно пересекать государственные границы для выполнения работы, что разрешено ч. 1 ст. 36 Закона миграции [4]. Именно трудовой договор и надлежащее оформление его условий являются гарантом социальной защищенности трудящего-мигранта, работающего дистанционно.

Но для трудоустройства требуется обязательно соблюдать общие правила осуществления трудящимися-иммигрантами трудовой деятельности в Республике Беларусь:

– получение специального разрешения на осуществление трудовой деятельности иностранным работником в подразделении по гражданству и миграции с учетом заключения комитета по труду, занятости и социальной защите населения о возможности осуществления иностранцем, не имеющим разрешения на постоянное проживание в Республике Беларусь, трудовой деятельности по трудовому договору (ч. 3 ст. 29 Закона);

– регистрация трудового договора в подразделении по гражданству и миграции (ч. 1 ст. 36 Закона).

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1. В целях совершенствования законодательства о трудовой миграции представляется целесообразным уточнить ст. 32 Закона о миграции положением о том, что между трудящимся-иммигрантом и нанимателем Республики Беларусь может заключаться как трудовой договор, так и контракт, а также закрепить необходимость регистрации в подразделении по гражданству и миграции не только изменение или дополнение трудового договора с трудящимся-иммигрантом, заключенного на территории Республики Беларусь, но и его продление.

2. Для информационного пространства характерно и возникновение новых отношений, признаками которых является наличие «виртуального» рынка труда, и возможность трудиться удаленно для заказчиков из любой страны мира. Главным механизмом такого рынка становится информация. Любой гражданин, предметом труда которого является информация, может реализовать свои способности к труду посредством информационно-

коммуникационных технологий. В то же время Международная организация труда, провозгласив Декларацию о социальной справедливости в целях справедливой глобализации, [11] традиционно стоит на защите прав мигрантов, которые могут пострадать от глобализации и современных коммуникационных технологий, но не закрепляет возможности развития труда мигрантов в информационном мире. Но этот процесс неизбежен и ждет своего решения.

Литература

1. Татура, А. Т. В Беларуси трудовых мигрантов стало больше [Электронный ресурс] / А. Т. Татура. – Режим доступа : https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2020/february/45660/. – Дата доступа : 20.01.2021.

2. Тихонова, Л. Е. Трудовая миграция и миграционная политика Республики Беларусь в рамках интеграции в Евразийский экономический союз / Л. Е. Тихонова, Е. С. Красинец // Журнал международного права и международных отношений. – 2015 – № 2. – С. 65–71.

3. Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на период до 2025 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Республики Беларусь, 24 дек. 2020 г., № 758 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22000758&p1=1&p5=0. – Дата доступа : 14.11.2020.

4. О внешней трудовой миграции [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 30 дек. 2010 г., № 225-З, с изм. и доп. по сост. на 05.01.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

5. Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г., с изм. и доп. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01400176. – Дата доступа : 14.11.2020.

6. Трудовой кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. с изм. и доп. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

7. Об основах государственного социального страхования [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 31 янв. 1995 г., № 3563-XII, с изм. и доп. по сост. на 09.01.2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

8. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 18 дек. 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 дек. 2020 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0300194. – Дата доступа : 14.11.2020.

9. О трудовой миграции на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://centr.minsk.gov.by/sfery-deyatelnosti/zakonnost-i-pravoporyadok/pravookhranitelnye-organy/ruvd-tsentralnogo-rajona-g-minska/novosti-ruvd-tsentralnogo-rajona-g-minska/6710-o-trudovoj-migratsii-na-territorii-respubliki-belarus. – Дата доступа : 20.01.2021.

10. Ковалёва, Е. А. Трудовой договор с трудящимся-мигрантом [Электронный ресурс] / Е. А. Ковалёва // Международно-правовое регулирование миграции и национальные интересы Республики Беларусь в контексте устойчивого развития: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 17–18 мая 2019 г. / Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: И. И. Эсмантович [и др.]. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

11. О социальной справедливости в целях справедливой глобализации: Декларация Международной организации труда [Электронный ресурс] : принята на 97-й сессии Международной конференцией труда, Женева, 10 июня 2008 г. – Режим доступа : http://test.safe-work.ru/Bibl/BibOT/MOT/m080610.html. – Дата доступа : 10.12.2020.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 17.11.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 349.225.65:349.227

Неоднократные нарушения работником трудовых обязанностей в соответствии с Трудовым кодексом Республики Беларусь

Т.В. Ковалёва

В статье исследуются неоднократные нарушения работником трудовых обязанностей по Трудовому кодексу Республики Беларусь, за которые предусмотрено прекращение трудового договора. Рассматриваются вопросы определения неоднократных нарушений трудовых обязанностей, их виды, некоторые моменты процедуры увольнения за такие нарушения. В результате исследования даются конкретные предложения об изменении отдельных норм Трудового кодекса Республики Беларусь.
Ключевые слова: дисциплинарная ответственность, дисциплинарное взыскание, неоднократное нарушение, увольнение, прекращение трудового договора, трудовые обязанности, предоставление сведений, рассмотрение обращений.

The repeated violations by an employee of labor duties under the Labor Code of the Republic of Belarus are examined. For repeated violations, the termination of the labor contract is provided. The issues of definition of repeated violations of labor duties, their types and some aspects of the procedure for dismissal for such violations are considered. As a result of the study, specific proposals are made on changing certain norms of the Labor Code of the Republic of Belarus.
Keywords: disciplinary liability, disciplinary sanction, repeated violation, dismissal, termination of an labor contract, labor duties, provision of information, consideration of appeals.

Добросовестное исполнение трудовых обязанностей для работника является одной из важнейших обязанностей, закрепленной в п. 1 ч. 1 ст. 53 Трудового кодекса Республики Беларусь (далее – ТК) [1]. Однако не во всех случаях данное требование выполняется. В связи с чем, наниматель вправе прекратить с таким работником трудовые отношения.

В ст. 42 ТК перечисляются конкретные основания прекращения трудового договора по инициативе нанимателя как за виновные действия, так в связи с иными обстоятельствами (состоянием здоровья, уровнем подготовки работника и др.). Как обращал внимание К.Л. Томашевский, законодатель более последовательно разграничил в ст. 42 ТК так называемые невиновные основания увольнения (пп. 1–5) и виновные, дисциплинарные основания (пп. 6–11) [2, с. 418]. В данной работе будут раскрыты более подробно основания увольнения за неоднократные нарушения трудовых обязанностей.

С точки зрения русского языка неоднократно означает несколько раз; более чем один раз. В связи с этим, к неоднократным нарушениям работниками трудовых обязанностей можно отнести следующие:

1) неисполнение без уважительных причин трудовых обязанностей работником, имеющим неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание (п. 6 ст. 42 ТК).

Формулировка данного основания увольнения изложена в новой редакции. По мнению К.Л. Томашевского, в п. 6 ст. 42 ТК более удачно сформулировано основание, ранее именовавшееся как «систематическое неисполнение работником без уважительных причин обязанностей…», которое приводило к различным вариантам токования со стороны ученых-юристов и руководящей судебной практики (п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде») [2, с. 420].

В соответствии с новой редакцией ТК для увольнения по данному основанию необходимо:

– *неисполнение трудовых обязанностей работником*.

Трудовые обязанности содержатся в трудовом договоре, правилах внутреннего трудового распорядка, положениях и инструкциях по охране труда и других локальных правовых актах, а также должностных (рабочих) инструкциях.

Исходя из буквального толкования ст. 42 ТК, уволить работника по данному основанию можно только за неисполнение трудовых обязанностей. Однако в соответствии со ст. 197 ТК основанием привлечения к дисциплинарной ответственности могут являться как неисполнение, так и ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей. Данное положение также отражено в абз. 1 п. 31 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде»: нарушением трудовой дисциплины является противоправное, виновное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей [3].

При этом под неисполнением трудовых обязанностей следует понимать бездействие, отказ или уклонение от исполнения чего-либо, а под ненадлежащим исполнением – выполнение действий не так, как это требуется, с нарушением определенных правил.

Кроме того, в абз. 2 п. 31 названного постановления в качестве примеров нарушений указаны различные «отказы работников», «отсутствие работника», «нахождение не на своем рабочем месте» и т. д., т. е. отказ или уклонение от исполнения трудовых обязанностей [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что при ненадлежащем исполнении трудовых обязанностей работником, имеющим неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание, уволить его по п. 6 ст. 42 ТК наниматель не имеет права.

В целях более точного формулирования основания прекращения трудового договора и приведения его в соответствие с другими нормами ТК считаем необходимым в п. 6 ст. 42 ТК после слова «неисполнение» добавить слова «или ненадлежащего исполнения».

– *неисполнение обязанностей без уважительных причин*.

В ТК не дается определения уважительных причин. Наниматель к каждой ситуации нарушения трудовой дисциплины должен подходить индивидуально и самостоятельно определять, что относить к ним. Работник также заинтересован в установлении причин неисполнения обязанностей как уважительных, подтвердив их наличие документально. При этом должно учитываться, что в случае спора суд проверяет правильность применения соответствующего основания увольнения и может признать причины неисполнения трудовых обязанностей уважительными в отличие от нанимателя. Исходя из правоприменительной практики к уважительным причинам относят:

а) отказ от выполнения работы, не входящей в круг трудовых обязанностей работника;

б) отказ от выполнения работы, выполнение которой противопоказано по состоянию здоровья;

в) отказ от выполнения общественного поручения [4];

г) болезнь работника;

д) сбои в работе общественного транспорта;

е) аварии;

ж) не создание нанимателем условий для прохождения медицинского осмотра;

з) не проведение инструктажей, стажировок и проверок знаний по вопросам охраны труда и др.

– *работник имеет неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание*.

Из этого следует, во-первых, что увольнение допускается за повторное, второе нарушение трудовой дисциплины в виде неисполнения трудовых обязанностей, а во-вторых, если уже применялась одна из мер дисциплинарного взыскания, которая не погашена и не снята в установленном порядке.

Погашение дисциплинарного взыскания происходит через год со дня его применения. Это осуществляется автоматически, и не требуется издание приказа, распоряжения, постановления, решения, протокола. Снятие дисциплинарного взыскания происходит по инициативе лица, применившего дисциплинарное взыскание, по ходатайству иных уполномоченных лиц, а также самого работника. Для этого требуется обязательное издание соответствующего документа.

С момента погашения или снятия дисциплинарного взыскания работник считается не подвергавшимся дисциплинарному взысканию.

При увольнении по п. 6 ст. 42 ТК наниматель не вправе учитывать те нарушения, которые допущены работником, но в связи с совершением которых наниматель никаких приказов не из-

давал либо налагал взыскания, не отнесенным к числу дисциплинарных (например, работнику было объявлено предупреждение, строгий выговор). Также не могут приниматься во внимание и иные меры воздействия, как лишение или уменьшение премии, изменение даты предоставления отпуска, в связи с тем, что они не являются видами дисциплинарного взыскания [5].

2) неоднократное (два и более раза в течение шести месяцев) нарушение установленного законодательством порядка рассмотрения обращений граждан и юридических лиц (п. 9 ч. 1 ст. 42 ТК).

Согласно ч. 3 ст. 5 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц» руководители организаций несут персональную ответственность за ненадлежащую работу с обращениями. Возможно делегирование полномочий по рассмотрению обращений другим работникам на основе приказа руководителя организации или путем закрепления обязанностей в должностной инструкции. Например, к должностным обязанностям заместителя руководителя организации по идеологической работе относится рассмотрение в пределах своей компетенции обращений работников организации и граждан [6]. Таким образом, представляется, что круг работников, которые могут быть уволены по данному основанию, ограничен руководителем организации или уполномоченным им должностным лицом. В связи с этим видится целесообразным перенесение данного основания в ст. 47 ТК.

При работе с обращениями граждан необходимо установить:

– имеет ли право орган или организация давать ответ на обращение. Рассмотрение обращения осуществляется только в пределах компетенции соответствующего органа или организации;

– дан ли ответ на обращение по существу, т. е. рассмотрены ли все изложенные в обращении вопросы, приняты надлежащие меры по защите, обеспечению реализации, восстановлению прав, свобод и (или) законных интересов заявителя;

– дан ли ответ в соответствующей форме;

– обоснован и мотивирован ли ответ, при необходимости со ссылками на нормы права, содержит ли конкретные формулировки, опровергающие или подтверждающие доводы заявителей;

– изложен ли ответ на языке обращения;

– в установленные ли сроки дан ответ и др.

При наличии неоднократных нарушений указанных пунктов наниматель вправе уволить работника.

3) неоднократное (два и более раза в течение шести месяцев) представление в уполномоченные органы неполных либо недостоверных сведений (п. 11 ч. 1 ст. 42 ТК).

При этом данная норма не дает ответа, кто должен предоставить сведения: работник о себе или уполномоченное лицо нанимателя.

Предоставление информации может являться как правом организации, так и ее обязанностью. О том, что это обязанность должно быть прямо указано в законодательстве. В частности, необходимо представлять следующие данные:

– отчетность о деятельности банка (ст. 119 Банковского кодекса Республики Беларусь) [7];

– доступ к коммерческой тайне (ч. 2 ст. 11 Закона Республики Беларусь от 5 января 2013 г. № 16-З «О коммерческой тайне») [8];

– годовую индивидуальную отчетность (ст. 16 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 57-З «О бухгалтерском учете и отчетности») [9].

Также предоставление неполных или недостоверных сведений должно быть в уполномоченные государственные органы, которые имеют право требовать соответствующую информацию, а не любые, которые в принципе могут запрашивать какие-либо сведения [10, с. 419]. Например, согласно абз. 2 ч. 5 ст. 34 Банковского кодекса Республики Беларусь Национальный банк при осуществлении банковского надзора вправе запрашивать и получать от государственных органов и иных организаций информацию, необходимую для осуществления банковского надзора. При этом сам Национальный банк устанавливает объем и содержание отчетности и иной необходимой для целей банковского надзора информации о деятельности банка, порядок ее составления и представления [7].

В то же время, в соответствии со ст. 17 Закона Республики Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» адвокат

вправе запрашивать справки, характеристики и иные документы, необходимые в связи с оказанием юридической помощи, у государственных органов и иных организаций, которые обязаны в установленном порядке выдавать эти документы или их копии [11]. Однако он не обладает правом свободного доступа к информации, распространение и (или) представление которой ограничено законодательством, в частности:

– информация о частной жизни физического лица и персональные данные;

– сведения, составляющие государственные секреты;

– служебная информация ограниченного распространения;

– информация, составляющая коммерческую, профессиональную, банковскую и иную охраняемую законом тайну и др. [12].

Перечень субъектов, которым организация обязана представлять определенные сведения, четко урегулирован соответствующими нормативными правовыми актами. Например, доступ к коммерческой тайне предоставляется только по требованию:

– суда общей юрисдикции – по находящимся в его производстве уголовным, гражданским, экономическим делам и делам об административных правонарушениях;

– прокурора или его заместителя;

– органов дознания и предварительного следствия – по находящимся в их производстве материалам и уголовным делам;

– органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность;

– органов Комитета государственного контроля Республики Беларусь;

– налоговых и таможенных органов;

– антимонопольных органов;

– других государственных органов и иных лиц, определенных законодательными актами [8].

Также следует отметить, что предоставление неполных либо недостоверных сведений бухгалтерской отчетности, данных государственной статистической отчетности влечет за собой привлечение и к административной ответственности [13], а сведений о деятельности банка – приостановление или отзыв лицензии [7].

Как и при увольнении по п. 9 ст. 42 ТК, не все работники являются уполномоченными лицами нанимателя, обязанными предоставлять сведения в соответствующие органы. В связи с этим, считаем необходимым перенесение данного основания в ст. 47 ТК.

В соответствии с ч. 4 ст. 34 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» основанием увольнения государственных должностных и приравненных к ним лиц является непредставление декларации о доходах и имуществе или внесение в нее неполных и (или) недостоверных сведений [14].

Таким образом, имеются основания полагать, что уволить работника по п. 11 ст. 42 ТК наниматель вправе и при неоднократном непредставлении или неполном предоставлении сведений работником о себе, так и при нарушении указанных требований уполномоченным лицом нанимателя.

При увольнение по п. 9 и 11 ст. 42 ТК необходимо обратить внимание на следующее.

1. Данные основания увольнения ранее действовали только в отношении лиц, заключивших с нанимателем контракт. В настоящее время они распространяются на работников, вне зависимости от вида заключенного с ними трудового договора, в том числе контракта [15, с. 339].

2. Неоднократно ученые указывали на то, что увольнение по данным основаниям возможно только для специальных субъектов, а сами основания необходимо перенести в ст. 47 ТК [15, с. 340], [16, с. 357], [2, с. 421].

3. Указанные увольнения являются дисциплинарными, и требуется соблюдение порядка привлечения к ответственности. При этом нанимателю необходимо установить, что работником допущены нарушения неоднократно, т. е. два и более раза в течение шести месяцев. Законодателем не установлено, требуется ли привлечение к ответственности за ранее совершенный проступок. С нашей точки зрения, если факт нарушения будет установлен нанимателем, то неоднократность можно подтвердить ранее примененным взысканием. Если нарушения были выявлены, например, в результате проверки уполномоченными государственными органами или нанимателем, то, считаем, что он вправе уволить работника без привлечения к дисциплинарной ответственности за неоднократное нарушение установленных требований.

Прекращение трудового договора по указанным выше двум основаниям может подпадать под п. 6 ст. 42 ТК, т. к. надлежащее рассмотрение обращений и предоставление сведений является трудовой обязанностью отдельных категорий работников. Если за ранее совершенный проступок работник привлекался к дисциплинарной ответственности и шестимесячный срок уже истек, то наниматель в течение года вправе уволить работника по п. 6 ст. 42 ТК, но не по п. 9 и 11 ст. 42 ТК.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1) в ТК закреплено только три основания прекращения трудового договора, связанных с неоднократными нарушениями трудовых обязанностей;

2) некоторые названные в ст. 42 ТК (п. 9 и 11) основания увольнения являются дополнительными, в связи с чем, целесообразно их перенесение в ст. 47 ТК;

3) в некоторых случаях основания увольнения по п. 9 и 11 ст. 42 ТК могут в полной мере соответствовать основанию прекращения трудового договора по п. 6 ст. 42 ТК;

4) требуется уточнение формулировки основания прекращения трудового договора по п. 6 ст. 42 ТК и приведения его в соответствие с другими нормами ТК, а именно после слова «неисполнение» добавить слова «или ненадлежащего исполнения».

Литература

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г., № 296-З [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Томашевский, К. Л. Изменения в Трудовой кодекс Республики Беларусь: проблемы применения некоторых оснований прекращения трудового договора / К. Л. Томашевский // Право. Экономика. Социальное партнерство : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», Минск, 26 марта 2020 г. : в 2 ч. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: В. В. Лосев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО, 2020. – Ч. 1. – С. 417–422.

3. О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 29 марта 2001 г., № 2, с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. О практике применения судами законодательства о трудовой дисциплине и дисциплинарной ответственности работников [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 28 июня 2012 г., № 4, с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Калиновская, Ж. В. Увольнение работника по п. 4 ст. 42 ТК: систематическое неисполнение работником без уважительных причин обязанностей, возложенных на него трудовым договором или правилами внутреннего трудового распорядка, если к работнику ранее применялись меры дисциплинарного взыскания [Электронный ресурс] / Ж. В. Калиновская // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

6. Об обращениях граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 18 июля 2011 г., № 300-З, с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

7. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 октября 2000 г., № 441-З : принят Палатой представителей 3 октября 2000 г. : одобр. Советом Респ. 12 октября 2000 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

8. О коммерческой тайне [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 5 января 2013 г., № 16-З, с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

9. О бухгалтерском учете и отчетности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 12 июля 2013 г., № 57-З, с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

10. Липень, Л. И. Комментарий к ст. 42 главы 4 «Прекращение трудового договора» Трудового кодекса Республики Беларусь : в 2 т. / Л. И. Липень // Коллектив авторов ; под общ. ред. Л. И. Липень. – Минск : Амалфея, 2020. – Т. 1. – С. 350–419.

11. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 30 декабря 2011 г., № 334-З, с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

12. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 10 ноября 2008 г., № 455-З, с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

13. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 6 января 2021 г., № 91-З : принят Палатой представителей 18 декабря 2020 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 2020 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

14. О борьбе с коррупцией [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 15 июля 2015 г., № 305-З, с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

15. Волк, Е. А. Основания расторжения трудового договора по инициативе нанимателя: дискуссионные новеллы / Е. А. Волк // Право. Экономика. Социальное партнерство : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», Минск, 26 марта 2020 г. : в 2 ч. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: В. В. Лосев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО, 2020. – Ч. 1. – С. 339–343.

16. Ковалёва, Т. В. Некоторые вопросы дисциплинарных увольнений / Т. В. Ковалёва // Право. Экономика. Социальное партнерство : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», Минск, 26 марта 2020 г. : в 2 ч. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: В. В. Лосев (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО, 2020. – Ч. 1. – С. 356–360.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 17.11.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 342.9

Положительный опыт участия населения Нидерландов в охране общественного порядка

С.С. Колеско

В статье рассматривается опыт Нидерландов по взаимодействию полиции с гражданами, общественными организациями по обеспечению общественного порядка в стране. Отмечены основные направления возможности практического применения зарубежного опыта по взаимодействию общественных институтов с правоохранительными органами в сфере охраны общественного порядка в Республике Беларусь. Отмечены вопросы профилактической деятельности общественности, различные программы добровольного сотрудничества с полицией, формы взаимодействия между полицией и гражданами, тактика работы с населением по поддержанию правопорядка в обществе (реабилитация вместо тюремного заключения).
Ключевые слова: правопорядок, общественный порядок, общественная безопасность, граждане, полиция, сотрудничество, общественные организации.

The experience of the Netherlands in the interaction of the police with citizens, public organizations to ensure public order in the country is examined. The main directions of the possibility of practical application of foreign experience in the interaction of public institutions with law enforcement agencies in the field of public order protection in the Republic of Belarus are noted. The issues of prevention activities of the public, various programs of voluntary cooperation with the police, forms of interaction between the police and citizens, tactics of working with the population to maintain law and order in society (rehabilitation instead of imprisonment) are noted.
Keywords: law and order, public order, public security, citizens, police, cooperation, public organizations.

Введение. События, которые происходят в Республике Беларусь с 9 августа 2020 г. после выборов Президента Республики Беларусь дают понять, что без участия гражданского общества обеспечить общественный порядок, прийти к согласию всех участников конфликта очень сложно.

В ходе происходящих уличных протестов возросли требования к обеспечению защиты прав и законных интересов граждан, усилению охраны общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

В любом государстве состояние общественного порядка и общественной безопасности во многом зависит от того, насколько граждане проявляют активность в борьбе с преступлениями и правонарушениями. В тоже время масштабы ухудшения состояния общественной безопасности в нашей стране формирует у граждан чувство неуверенности и тревоги за свою личную и имущественную безопасность. Подрывается доверие граждан к органам государственной власти и, в частности, к органам внутренних дел.

Реалии сегодняшнего дня таковы, что государственная правоохранительная система нуждается в помощи граждан для обеспечения надлежащего порядка и общественной безопасности. Об этом 29 октября 2020 г. высказался Президент Беларуси Александр Лукашенко, требуя активизировать работу народных дружин, которые поспособствуют поддержанию общественного порядка и безопасности [1].

Для решения задач в сфере поддержания общественного порядка особую ценность представляет анализ зарубежного опыта взаимодействия полиции с гражданами. Одной из таких стран, которая добилась в сравнительно короткие сроки положительных результатов в поддержании правопорядка с участием граждан, являются Нидерланды.

Основная часть. Уровень преступности в Нидерландах очень сильно снизился за последние двадцать лет. И все благодаря тому, что правоохранительные органы избрали новую тактику работы с населением по поддержанию правопорядка в обществе, а также профилактическую работу с правонарушителями (реабилитация вместо тюремного заключения).

В последние годы полиция этой страны добилась значительных успехов в борьбе с преступностью, в обеспечении общественной безопасности [2, с. 65].

Реализуя договоренности Маастрихтского, Амстердамского и Лиссабонского договоров, правоохранительные органы Нидерландов подверглись значительному реформированию. Реорганизация полиции стала заметным шагом на пути дальнейшего развития страны в области обеспечения безопасности [3, с. 20], [4, с. 59].

Согласно проведенной реформе организационная структура полиции Нидерландов в 2000-х гг. подверглась существенным преобразованиям. Из 300 управлений полиции в стране осталось только 25 [5]. Но даже при такой очевидной тенденции к укрупнению, полиция Нидерландов управляется и регулируется на местном уровне.

Вся работа полиции в Нидерландах направлена на охрану общества и заботу о нем. Полицейские служат обществу, гражданам и это является основой во всех вопросах организации работы ведомства. Общество и отдельные граждане являются центральным местом в работе полиции.

Вся работа по обеспечению общественной безопасности и снижению уровня преступности происходит через совместную работу и постоянное тесное сотрудничество полиции, местной администрации, общества, социальных негосударственных институтов. Они вместе обсуждают возникающие проблемы, составляют планы их реализации, распределяют права и обязанности, закрепляя все это в подписываемом ими специальном договоре. Дальше каждая из сторон отвечает за свой участок работы при постоянном взаимодействии [5].

В соответствии с основными положениями реформы центральное место в ней отводилось разработке программы взаимодействия полиции с гражданами по поддержанию правопорядка. Основные аргументы эффективности программы взаимодействия полиции с гражданами по поддержанию правопорядка заключались в следующем.

Во-первых, поддержание правопорядка с участием граждан основывается на создании разветвленной сети полиции и ее помощников. Это означает, что каждый полицейский охраняет отдельный небольшой участок. Полицейскому знакомы характеристики участка из-за постоянного присутствия на нем, он знает жителей этого участка, они в свою очередь знают своего полицейского, и это побуждает жителей этого района к тесному контакту со своим офицером полиции. Полицейский получает всю полноту необходимой информации на своем участке, и, следовательно, он лучше понимает причины происходящих событий и происшествий.

Граждане – «глаза и уши» полиции, потому что они знают, что происходит в районе, в котором они живут. Поэтому поддержание правопорядка с участием граждан, прежде всего, означает индивидуальный подход к ним. Такой подход также допускает, что граждане могут самостоятельно решать возникшие конфликтные ситуации, вместо того, чтобы вызывать полицию. Полицейский всего лишь может оказать поддержку гражданам в возникшем конфликте. Такие меры экономят время полицейского, а граждане могут самостоятельно урегулировать свои проблемные вопросы [6].

Во-вторых, зная свой участок и его жителей, полицейский упреждает многие происшествия и правонарушения, что во многом способствует безопасности и спокойствию в подконтрольном районе [5].

Особенно интересно, что отношения между полицией Нидерландов, с одной стороны, и гражданами, с другой, представляют собой основу поддержания правопорядка с участием граждан. По сути, функцией полиции в обществе является оказание помощи и защита граждан. Поэтому дистанция между полицией и обществом в этой стране небольшая. Это способствует повышению авторитета полиции в обществе и доверия к ней [7, с. 185].

Разработка данной модели поддержания правопорядка с участием граждан при одновременном реформировании полиции Нидерландов была направлена на то, чтобы совершенствовать безопасность и качество жизни в обществе и государстве в целом. Одновременно государством преследовались следующие цели:

1. Эффективность реформирования полиции с вовлечением в ее деятельность населения страны. Когда присутствие полиции оказывается видимым, количество происшествий снижается. Более того, из-за упреждения совершается меньше преступлений, а знание своего участка помогает полицейскому выбрать наиболее эффективные меры вмешательства в ситуацию, при необходимости задействовать помощь граждан для решения проблемы.

2. Создание разветвленной сети полиции и ее помощников. Сотрудник полиции создает сеть, в которую входят граждане, организации и другие ведомства в пределах своего участка,

чтобы с ее использованием как минимум упреждать и не допускать наступление негативных последствий. Располагая такой сетью, полицейский может намного эффективнее контролировать общественный порядок, обеспечивать общественную безопасность, контролировать уровень преступности на своем участке.

3. Повышение уровня доверия к полиции. Полицейский, действующий в рамках поддержания правопорядка с участием граждан, – это человек, которому граждане сообщают о проблемах, возникающих на участке. Результаты проведенной реформы показали, что местные органы власти оказывают большое влияние на административное управление полицией. Они решают вопросы о составлении бюджета полиции, и это прямо показывает, какое отношение в конкретном регионе к своей полиции [8, с. 41].

Более близкие физические и психологические рамки между полицией и гражданами формируют взаимную уверенность и поддержку. Полицейский, присутствующий на своем участке, разговаривая с гражданами, обнаружит больше проблем самостоятельно, а граждане, обнаружив, что полицейский находится в поле доступа, с готовностью будут обращаться к нему с проблемами.

Приоритетом в работе полиции Нидерландов является профилактика правонарушений и преступлений. Проводя реформу полиции, государство понимало, что борьба с преступлениями важна и нужна, но она не дает устойчивого результата, если выполняется обыденный порядок работы системы: совершено преступление (правонарушение), преступник пойман, наказан, отсидел, совершил новое преступление и т. д. А вот грамотно выстроенная совместная с населением работа по профилактике позволит снизить уровень преступности.

Так, прежде всего, полицейские пытаются решить проблемы конкретного нарушителя закона. То есть, если у преступника проблемы с наркотиками, то его лечат от зависимости, если он слишком агрессивен, то специалисты учат его управлять гневом, ну а если у заключенного проблемы с деньгами, то его ждут консультации по задолженности. То есть, основная задача правоохранительных органов – устранить первопричину преступления. Как показали последние десятилетия, метод оказался очень эффективен [9].

Для профилактики краж, других имущественных преступлений совместными усилиями администрации и полиции готовятся рекомендации и пособия для владельцев магазинов с правилами и советами, как сделать бизнес более безопасным, защищенным от воровства и других вмешательств. С владельцами проводятся консультации, им оказывается помощь в приведении магазинов в более безопасное состояние. Если владелец магазина готов следовать правилам безопасности, которые рекомендуют полиция и местная администрация, то полиция всячески это поощряет [5].

В работе полиции активное участие принимают волонтеры. Существует система СМС-оповещения волонтеров о произошедших нарушениях и приметах нарушителей. Это означает, что в городе, например, с населением 100 тыс. человек порядка 2 тыс. жителей одновременно получают СМС, где написано, что полиция разыскивает такую-то машину, с такими-то номерами, приметы водителя или пассажира такие-то, что безусловно помогает более оперативно найти нарушителей [5].

Особенно тесно полиция Нидерландов сотрудничает с волонтерскими организациями, которые могут продолжать оказывать поддержку гражданам, когда возможности полиции исчерпываются. Таковыми организациями являются:

– «Consultatiebure au Byp» и «Novadic» – организации по уходу и профилактике людей, зависимыми от наркомании и алкоголизма [10];

– «Reclassering Nederland» – организация по работе с условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы людьми [11];

– «Raad voor de Kinderbescherming» – организация содействия благополучию детей и семей, участвующих в судах по семейным делам [12];

– организации по работе с людьми с психическими отклонениями (для людей, которые хотят покончить жизнь самоубийством или представляют опасность для общества) [13];

– организации по работе с людьми, пострадавшими от домашнего насилия [13].

Так же полицейские подразделения Нидерландов начали внедрять в свою профессиональную деятельность модель поддержания правопорядка с участием граждан. Это была модификация программы «Наблюдай за домом соседа» [8].

Особого внимания заслуживают взаимоотношения полиции с заключенными. Как и в любой другой стране, в Нидерландах есть определенные проблемы с заключенными и тюрь-

мами. Но в то время как весь остальной мир борется с переполненностью мест лишения свободы, Нидерланды пытаются заполнить свои тюрьмы и даже сдают камеры в аренду соседним странам. Тюрьмы закрываются по всей стране, превращаются в жилые комплексы и отели [9].

Да и сами тюрьмы Нидерландов весьма специфичны. Во многих из них есть лужайки со столами для пикников, сетки для волейбола, баскетбольные площадки и т. д. Заключенные выращивают для себя овощи, домашних птиц, готовят пищу сами. При этом заключенные регулярно работают с ножами, правда, ножи прикреплены к рабочей поверхности, так что взять с собой их невозможно. Заключенным разрешается ходить без сопровождения в столовую или библиотеку [9].

Такая самостоятельность, регулярные прогулки и занятия на свежем воздухе помогают встать на путь исправления и уже не сходить с этой дороги.

И результат ошеломляющий: меньше десяти процентов заключенных в Нидерландах возвращаются в тюрьму. Как следствие, вдвое упал и уровень преступности [9].

Только с 2013 г. в Нидерландах закрыли 19 тюрем, а часть своих камер они сдают Норвегии и Бельгии. Некоторые тюрьмы переделали в жилье для людей, другие стали отелями и жилыми комплексами [9].

Так, тюрьма «Het Arresthuis» в Рурмонде открылась в 1863 г., и почти через полтора века, в 2007 г., ее закрыли. Сейчас в ней находится гостиница на 40 номеров [9].

Одной из проблем в организации взаимодействия полиции и граждан в вопросах охраны общественного порядка является защита и охрана граждан, которые проходят свидетелями по уголовным и административным делам. Используя опыт зарубежных государств, Нидерланды разработали свою программу защиты свидетелей.

Так, граждане, которые опасаются мести со стороны нарушителей закона, либо их родственников или знакомых и для которых допрос или выступление на суде связано с определенными трудностями, подпадают под программу «Crime Stoppers» («Борцы с преступностью») [14].

Для работы полиции важно, что думает общество и отдельные граждане о безопасности, насколько они чувствуют себя защищенными и спокойными.

Одним из способов оценки результатов поддержания правопорядка с участием граждан является изучение в чувстве безопасности у граждан и изменений в нем [15, с. 54].

Оценка и планирование деятельности полиции базируется на двух основных составляющих:

– объективная статистика по уровню преступности, пресечению, расследованию преступлений;

– уровень спокойствия общества, получаемый через опросы общественного мнения.

Насколько общество чувствует себя в безопасности? Какие проблемы и вопросы в первую очередь беспокоят граждан? Где именно ощущение безопасности снижено? Ответы на эти актуальные вопросы ложатся в основу договора между полицией и администрацией и в основу планов на ближайшие месяцы и год.

Полицейские считают, что их постоянное участие в жизни местного сообщества способствует повышению безопасности, повышению чувства защищенности, они регулярно участвуют в тех или иных мероприятиях: чаепития с пожилыми жителями, безалкогольные вечеринки для подростков и т. д.

Сегодня Нидерланды по праву считаются одной из безопасных стран в мире. Согласно глобального индекса миролюбия (Global Peace Index) в 2020 г. Нидерланды расположилась на 23 позиции среди самых безопасных стран в мире из 163 представленных [16].

Заключение. Таким образом, взаимодействие полиции Нидерландов с гражданами и организациями по обеспечению правопорядка однозначно приносит положительные результаты. Однако нам важно выделить положительный опыт исходя из этого сотрудничества. Поэтому сформулируем следующие выводы:

1. Проведенное реформирование полиции в Нидерландах представляет собой модель поддержания общественной безопасности и общественного порядка силами полиции с обязательным участием граждан. Полиция Нидерландов открыта обществу, она служит обществу, она активно сотрудничает с обществом.

2. Несмотря на невысокую численность сотрудников полиции в пересчете на 100 тыс. человек населения страны, Нидерланды считаются одной из самых безопасных стран в мире. Это достигается вовлечением широких масс граждан страны в совместное с полицией выполнение обязанностей по охране общественного порядка.

3. Низкий уровень преступности в стране кроется в приоритете политики профилактики правонарушений и преступлений. Грамотно выстроенная совместная с населением работа по профилактике позволила снизить уровень преступности.

4. Качество работы полиции Нидерландов непосредственно связано с мнением граждан. Политика поддержания правопорядка с участием граждан способна улучшить отношения между полицией и гражданами путем интеграции полиции в общество и тем самым оказать положительное влияние на формирование доверия и положительного отношения к стражам порядка.

5. Концепция поддержания правопорядка с участием граждан в Нидерландах имеет далеко идущие последствия для отношений между полицией и гражданами, а также для дальнейшего совершенствования качества полицейской службы.

Литература

1. «Они могут нам здорово помочь» – Лукашенко поручил сделать не формальной работу народных дружин [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство (БелТА). – Режим доступа : https://www.belta.by/president/view/oni-mogut-nam-zdorovo-pomoch-lukashenko-poruchil-sdelat-neformalnoj-rabotu-narodnyh-druzhin-413202-2020. – Дата доступа : 30.10.2020.

2. Кислухин, В. А. Ответственность за незаконный оборот наркотиков в Нидерландах / В. А. Кислухин // Российское правосудие. – 2009. – № 10. – С. 64–68.

3. Энтин, М. Л. Евросоюз: договор о реформе / М. Л. Энтин // Журнал общественно-политических исследований «Современная Европа». – 2007. – № 4. – С. 19–32.

4. Потемкина, О. Ю. Конституционный тупик или продолжение реформы? / О. Ю. Потемкина // Журнал общественно-политических исследований «Современная Европа». – 2008. – № 4. – С. 59–72.

5. Голландия – страна велосипедов и добрых полицейских [Электронный ресурс] // Платформа профессиональной журналистики Republic. – Режим доступа : https://republic.ru/posts/1463743. – Дата доступа : 28.01.2020.

6. 10 самых профессиональных полицейских структур разных стран мира [Электронный ресурс] // Интернет-журнал Novate.Ru – Режим доступа : https://novate.ru/blogs/270316/35664. – Дата доступа : 28.01.2020.

7. Кобец, П. Н. Положительный опыт привлечения гражданского населения к совместному выполнения служебных обязанностей по охране правопорядка полицейскими Нидерландов / П. Н. Кобец // Научный журнал «Наука. Мысль: электронный периодический журнал». – 2017. – № 2. – С. 182–193.

8. Кобец, П. Н. Опыт и некоторые проблемы полиции Голландии и Российской Федерации в сфере поддержания правопорядка и охраны общественной безопасности, осуществляемые с участием населения / П. Н. Кобец // Научный журнал «Полицейская деятельность». – 2017. – № 1. – С. 39–46.

9. Как Нидерланды победили преступность, и почему тюрьмы превращаются в отели и квартиры [Электронный ресурс] // Электронный журнал travelask.ru. – Режим доступа : https://travelask.ru/blog/posts/15161-kak-niderlandy-pobedili-prestupnost-i-pochemu-tyurmy-prevras. – Дата доступа : 28.01.2020.

10. Consultatiebureau [Electronic resource] // Википедия : свобод. энцикл. – Mode of access : https://nl.wikipedia.org/wiki/Consultatiebureau. – Date of access: 28.01.2020.

11. Reclassering in Nederland [Electronic resource] // Википедия : свобод. энцикл. – Mode of access : https://nl.wikipedia.org/wiki/Reclassering_in_Nederland. – Date of access : 28.01.2020.

12. Raad voor de Kinderbescherming [Electronic resource] // Википедия: свобод. энцикл. – Mode of access : https://nl.wikipedia.org/wiki/Raad_voor_de_Kinderbescherming. – Date of access : 28.01.2020.

13. Правоохранительные органы Нидерландов – Law enforcement in the Netherlands [Электронный ресурс] // Википедия : свобод. энцикл. – Режим доступа : https://ru.qaz.wiki/wiki/Law_enforcement_in_the_Netherlands. – Дата доступа : 28.01.2020.

14. Добровольные помощники полиции [Электронный ресурс] // Википедия страхования – Режим доступа : http://wiki-ins.ru/wiki/Добровольные_помощники_полиции. – Дата доступа : 28.01.2020.

15. Захарова, Н. В. ЕС: от Лиссабонской стратегии к Лиссабонской программе / Н. В. Захарова // Журнал общественно-политических исследований «Современная Европа». – 2008. – № 3. – С. 43–57.

16. Глобальный индекс миролюбия [Электронный ресурс] // Википедия : свобод. энцикл. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Глобальный_индекс_миролюбия. – Дата доступа : 28.01.2020.

Военная академия
Республики Беларусь

Поступила в редакцию 04.03.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 94:349.24:378.147(476)"19/20"

Формирование и развитие законодательства Беларуси о совмещении работы с получением образования в постсоветский период

И.В. Колодинская

В работе рассматривается формирование и развитие законодательства Беларуси о совмещении работы с получением образования в постсоветский период. Характеризуются положения Трудового кодекса Республики Беларусь, регулирующие отношения о совмещении работы с получением основного и дополнительного образования взрослых, и Кодекса Республики Беларусь об образовании. Анализируются нормативные правовые акты, направленные на реализацию норм указанных кодексов.
Ключевые слова: правовое регулирование, совмещение работы с получением образования, профессиональная подготовка, основное образование, дополнительное образование взрослых, переподготовка, повышение квалификации, стажировка.

The formation and development of Belarusian legislation on combining work with getting education in the post-Soviet period is considered. The provisions of the Labor Code of the Republic of Belarus regulating relations on combining work with obtaining basic and additional education for adults, and the Code of the Republic of Belarus on Education are characterized. Normative legal acts aimed at the implementation of the norms of these codes are analyzed.
Keywords: legal regulation, combining work with education, vocational training, basic education, additional education for adults, retraining, advanced training, internship.

Постсоветский период развития белорусского законодательства о совмещении работы с получением образования следует отсчитывать с момента принятия Верховным Советом БССР 27 июля 1990 г. Декларации «О государственном суверенитете БССР».

В связи с приобретением политической независимости, процессами демократизации политической системы общества и постепенным переходом к экономике рыночного типа в бывших республиках СССР в начале 90-х годов актуальным стал вопрос обновления и перестройки правовой базы, формирования собственного национального законодательства [1, с. 29]. С момента обретения суверенитета только на уровне Главы государства и Правительства Республики Беларусь было принято более 50 нормативных правовых актов, непосредственно относящихся к сфере образования. Несмотря на большую проделанную работу по созданию законодательной базы, отсутствовало регулирование специальными законами ряда уровней основного и дополнительного образования. Например, дошкольного, среднего специального, послевузовского образования; внешкольного воспитания и обучения; повышения квалификации и переподготовки кадров [2].

Полагаем, что процесс формирования и развития законодательства Беларуси о совмещении работы с получением образования в постсоветский период складывается из трех основных этапов.

Первый этап (1991–1999 гг.) – формирование и развитие системы поощрений и гарантий для работников, совмещающих работу с получением образования. Начало данного этапа мы связываем с принятием Закона Республики Беларусь от 15 декабря 1992 г. «О внесении изменений и дополнений в кодекс законов о труде Республики Беларусь» (далее – Закон 1992 г.) были внесены существенные изменения в Кодекс законов о труде БССР от 23 июня 1972 г. (далее – КЗоТ), которым Кодекс по существу излагался в новой редакции. Данные изменения затронули институт совмещения работы с получением образования. Законом 1992 г. были внесены существенные коррективы в гл. XIII «Льготы для рабочих и служащих, совмещающих работу с обучением». Отныне предоставление сокращенного времени и сохранение заработной платы в размере пятидесяти процентов, установленные ранее, рассматривались как минимальные гарантии. Льготы, предусмотренные гл. XIII, стали предоставляться работникам только при наличии направления (заявки) нанимателя либо в соответствии заключенными с ними договорами (на подготовку, коллективным или трудовым).

Необходимо отметить, что изменения, внесенные Законом 1992 г., повлекли отсутствие единообразия терминологии КЗоТ. Производственное обучение, которое включало профессиональную подготовку и повышение квалификации, в ст. 190 КЗоТ было заменено на профессиональное обучение на производстве. При этом ст. 187 и 191 по-прежнему оперировали термином «производственное обучение». В ст. 191 КЗоТ слова «повышение квалификационных разрядов» было заменено словами «установление более высокой квалификации (разряда, класса, категории и иной) по профессии», а в ст. 189 КЗоТ применялся термин «присвоение определенной квалификации».

Новые политические и социально-экономические реалии, связанные с распадом СССР и появлением независимых государств, положили начало трансформационным процессам в белорусской системе образования. Обретение Республикой Беларусь суверенитета, поиск путей решения социально-экономических проблем в условиях развивающихся рыночных отношений, курс на создание социально ориентированного государства актуализировали необходимость разработки стратегии развития образования в новых условиях. В 90-е годы в Республике Беларусь шел процесс создания новой нормативной правовой базы, регулирующей механизмы функционирования образовательной системы с учетом новых реалий. Был принят Закон от 29 октября 1991 г. № 1202–XII «Об образовании в Республике Беларусь» (далее – Закон 1991 г.), который пришел на смену Закону БССР от 25 декабря 1974 г. «О народном образовании» (далее – Закон 1974 г.). В Законе 1991 г. были сформулированы принципы государственной политики в области образования, цели и задачи национальной системы образования, ее структура, виды образования (основное и дополнительное) [3]. Законом 1991 г. повышение квалификации и переподготовка были включены в систему дополнительного образования.

В связи с выросшим в 90-е годы престижем высшего образования, увеличением конкурса в вузы было принято постановление Совета Министров Республики Беларусь от 12 июня 1997 г. № 699 «Об утверждении Положения о порядке получения второго высшего образования в высших учебных заведениях Республики Беларусь». Второе и последующее высшее образование могло быть получено только при полной оплате обучения юридическими или физическими лицами. Сфера платных услуг в образовании определялась наличием спроса населения, уровнем жизни, интересами отдельных групп населения, реальными возможностями удовлетворения спроса (состоянием материально-технической базы учебных заведений, наличием квалифицированных кадров) [4]. Важным моментом в модернизации системы образования на данном этапе являлась разработка документов, нормативных правовых актов, концепций, регулирующих и определяющих деятельность звеньев системы непрерывного образования. Это, в частности: Концепция образования и воспитания в Беларуси (1993 г.), Концепция развития высшего образования в Республике Беларусь (1996 г.), Концепция воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь (1999 г.). В указанных документах получили отражение новая образовательная политика государства, передовые взгляды на образование и воспитание подрастающего поколения, а также на подготовку кадров в новых социокультурных условиях [3]. Для ускорения социально-экономического развития страны и совершенствования всех сторон жизни общества проводимая политика в стране была направлена на полное удовлетворение потребностей народного хозяйства республики в высококвалифицированных специалистах [5].

Значимую роль в подготовке таких специалистов сыграл ТК, который пришел на смену действовавшему более четверти столетия КЗоТ [6]. В ТК нормы о совмещении работы с получением образования на данном этапе было сосредоточено в гл. 15 «Совмещение работы с обучением». Данная глава предусматривала поощрение и гарантии для работников, успешно совмещающих работу с получением образования. Поощрение регламентироволось ст. 205 ТК, а основные гарантии для работников предусматривались в различных статьях ТК и заключались в сокращении рабочего времени, предоставлении социальных отпусков в связи с получением образования, оплате проезда к месту нахождения учреждения образования и др. [7 с. 270–272].

Важно отметить, что нормы, регулирующие вопросы подготовки работников на производстве, содержащиеся в КЗоТ, в ТК включены не были. В результате получилось, что отно-

шения, связанные с профессиональной подготовкой работников на производстве, ТК фактически не регулировались, а в ст. 4 ТК они определялись как отношения, регулируемые ТК.

Второй этап (2000–2010 гг.) – совершенствование системы поощрений и гарантий для работников, совмещающих работу с получением образования. Данный этап формирования и развития законодательства о совмещении работы с получением образования в постсоветский период мы связываем с принятием Закона Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 272-З «О внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Беларусь» (далее – Закон 2007 г.). Законом 2007 г. был предусмотрен 141 пункт изменений и дополнений в ТК; им затрагивалось более 2/3 статей данного кодекса. Некоторые главы были полностью исключены из ТК, другие – изложены практически в новой редакции, третьи – изменены концептуально [8].

В гл. 15 ТК «Совмещение работы с обучением» многие статьи были полностью исключены, а оставшиеся подвергнуты серьезным изменениям: продолжительность отпуска для работников, получающих профессионально-технического образование в вечерней или заочной форме получения образования, стала зависеть от курса, на котором обучался работник (ст. 211 ТК); минимальные гарантии, предусмотренные ст. 214–216 ТК, предоставлялись работникам при получении ими только первого высшего образования; работникам, совмещающим работу с получением среднего специального, высшего и послевузовского образования, при отсутствии направления (заявки) от нанимателя, договора на подготовку специалистов или же оснований, указанных в коллективном или трудовом договоре, предоставлялся отпуск без сохранения заработной платы, продолжительность которого была предусмотрена ст. 216 ТК; работникам, получающим второе и последующее среднее специальное и высшее образование, также предоставлялся отпуск без сохранения заработной платы; уменьшилась продолжительность отпуска работникам, допущенным к вступительным испытаниям при приеме в учреждения, обеспечивающие получение послевузовского образования (ст. 219 ТК) и др.

Необходимо отметить, что в ст. 216 ТК законодателем были допущены серьезные технико-юридические ошибки: в ч. 1 отпуск на период экзаменационной сессии в учебном году был предусмотрен только работникам, которые успешно обучались в учреждениях, обеспечивающих получение среднего специального образования, в вечерней форме получения образования только со второго курса (работникам, обучающихся на первом курсе, такой отпуск предусмотрен не был); использование союза «или» вместо прежнего «и» в ч. 2 и ч. 3 предоставляло возможность работникам, обучающимся в учреждениях, обеспечивающих получение среднего специального и высшего образования, в вечерней и заочной форме, воспользоваться отпуском только на одной из сессий – установочной или лабораторно-экзаменационной [7].

В.В. Подгруша отмечала, что некоторые корректировки норм гл. 15 ТК носили скорее редакционный характер. К примеру, в новой редакции ст. 205 ТК «Поощрение работников, совмещающих работу с обучением» профессиональное обучение на производстве было расширено до профессиональной подготовки, повышения квалификации, прохождения стажировки и переподготовки [9, с. 52], а в определенной мере пробел в правовом регулировании отношений, связанных с профессиональной подготовкой, повышением квалификации, стажировкой и переподготовкой работников, восполнен путем введения в ТК новой ст. 220^1 [9, с. 62].

В.И. Кривой считал, что подробному правовому регулированию профессиональной подготовки, повышению квалификации, стажировке и переподготовке работников должна быть посвящена специальная глава ТК. По его мнению, наличие такой главы в ТК обусловлено необходимостью постоянного развития человеческих ресурсов в сфере трудовых и связанных с ними отношений [10, с. 15].

В постсоветский период профессиональная подготовка, повышение квалификации, прохождение стажировки и переподготовки регламентировались различными нормативными правовыми актами: постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 мая 2007 г. № 599 «Об утверждении Положения о непрерывном профессиональном обучении рабочих (служащих)»; постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 марта 2008 г. № 379 «Об утверждении положения о порядке осуществления повышения квалифи-

кации, стажировки и переподготовки работников»; постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 24 января 2008 № 101 «Об утверждении Положения о гарантиях при направлении на профессиональную подготовку, переподготовку, повышение квалификации и стажировку»; постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 30 января 2003 № 3 «Об утверждении Положения об учреждении (его подразделении), обеспечивающем повышение квалификации и переподготовку кадров» и др.

Третий этап (с 2011 г. – по настоящее время) – дальнейшее совершенствование законодательства о совмещении работы с получением образования. Данный этап развития законодательства о совмещении работы с получением образования в постсоветский период мы связываем с принятием 13 января 2011 г. Кодекса Республики Беларусь об образовании (далее – Кодекс об образовании), Закона Республики Беларусь от 8 января 2014 г № 131-З «О внесении изменений и дополнений в Трудовой кодекс Республики Беларусь» (далее – Закон 2014 г.) и Закона Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-З «Об изменении законов» (далее – Закон 2019 г.)

Следует отметить, что до принятия Кодекса об образовании ключевое место в национальном законодательстве об образовании занимал Закон 1991 г. Принятие Кодекса об образовании было продиктовано необходимостью обеспечить полное и системное регулирование правовых норм, на основе которых осуществляется образовательный процесс на всех уровнях образования. Кроме этого, в сфере образования требовалось совершенствование законодательства для более эффективного обеспечения инновационного развития страны, а также формирования общего образовательного пространства Союзного государства Беларуси и России, стран участников СНГ, стран участников ЕврАзЭС, вхождения в «европейское пространство высшего образования» [2]. 14 мая 2015 г. Беларусь официально стала участником Болонского процесса – процесса гармонизации европейского пространства высшего образования.

Пунктом 5 ст. 11 Кодекса об образовании была определена система образования, в которую в том числе включены система общего среднего образования, система профессионально-технического образования, система среднего специального образования, система высшего образования, система послевузовского образования, система дополнительного образования детей и молодежи, система дополнительного образования взрослых, система специального образования [11].

Новое законодательство об образовании включило в систему дополнительного образования взрослых не только повышение квалификации и переподготовку (что имело место в Законе 1991 г.), но и профессиональную подготовку и стажировку. О наличие таких видов образования свидетельствует ст. 242 «Образовательные программы дополнительного образования взрослых». Вместе с тем Кодекс об образовании не содержал нормы, определяющей виды дополнительного образования взрослых, как это имело место в Законе 1991 г.

На наш взгляд, отсутствие такой нормы не является препятствием для выделения профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации и стажировки в качестве отдельных видов дополнительного образования взрослых. В частности, ч. 3 ст. 220^1 ТК устанавливает обязанность нанимателя создавать работникам, проходящим профессиональную подготовку, повышение квалификации, стажировку и переподготовку, необходимые условия для совмещения работы с получением соответствующего образования. Из словосочетания «для совмещения работы с получением соответствующего образования» однозначно вытекает то, что профессиональная подготовка, переподготовка, повышение квалификации и стажировка являются отдельными видами образования. Порядок организации образовательного процесса при освоении содержания образовательных программ дополнительного образования взрослых регулируется постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2011 г. № 954 «Об отдельных вопросах дополнительного образования взрослых».

Законом 2014 г. в гл. 15 ТК были внесены существенные изменения и дополнения. Так, название ст. 205 ТК и ее содержание были изложены в новой редакции [11]. В названии ст. 205 ТК слово «обучением» было заменено на словосочетание «получением образования». По аналогии со ст. 205 ТК название и содержание ряда других статей ТК также были изложены в новой редакции, соответствующей терминологии, используемой в Кодексе об обра-

зовании. В частности, гарантии, предусмотренные ст. 206 ТК, стали предоставляться работникам при условии успешного освоения ими содержания соответствующих образовательных программ; в ч. 1 ст. 207 слова «обучающихся в вечерних школах и в учреждениях, обеспечивающих получение профессионально-технического образования» было заменено словами «получающих общее среднее образование, специальное образование на уровне общего среднего образования, профессионально-техническое образование»; в названии ст. 211 ТК слово «обучением» было заменено на слова «получением образования», вместо слов «учреждения, обеспечивающие получение» стали использоваться слова «учреждения образования для получения»; в ч. 1 ст. 208 слова «обучающимся в вечерних школах» и «за уровень» были заменены соответственно словами «получающим общее среднее образование, специальное образование на уровне общего среднего образования в вечерней или заочной форме получения образования» и «при получении»; в ч. 2 ст. 208 слова «итоговой аттестации в порядке экстерната за уровень» и «итоговой аттестации за уровень» были заменены словами «аттестации в порядке экстерната при получении»; в ст. 214 ТК было исключено условие, ограничивающее получение гарантий, предусмотренных ст. 215–216 ТК, работниками, получающими только первое высшее образование; в п. 1 ч. 1 ст. 216 ТК дополнительно устанавливалось предоставление отпуска до 10 календарных дней в период экзаменационной сессии работникам, успешно осваивающим содержание образовательных программ при получении среднего специального образования, в вечерней форме получения образования не только на втором, но и на первом курсе.

Вместе с тем А. А. Греченков отмечал, что в ряде статей, посвященных гарантиям для работников в период отпуска (ч. 1 ст. 150, ч. 1 ст. 183, ст. 189–192), ошибочно используется термин «заработная плата», а не «средний заработок» [12, с. 18].

Важную роль в развитии законодательства о совмещении работы с получением образования на данном этапе и в постсоветском периоде в целом сыграл Закон 2019 г. Данным Законом в гл. 15 ТК был внесен ряд очередных изменений. В частности, в ст. 215 название статьи было дополнено словами «и успешно осваивающих содержание образовательных программ», часть 1 после слова «образования» была дополнена словами «и успешно осваивающие содержание образовательных программ».

Рассмотрев формирование и развитие законодательства Беларуси о совмещении работы с получением образования в постсоветский период, можно сделать следующие основные выводы:

1. Процесс формирования и развития законодательства Беларуси о совмещении работы с получением образования в постсоветский период складывается из трех основных этапов.

2. Принятие ТК сыграло важнейшую роль в формировании и развитии национального законодательства о труде Республики Беларусь после распада СССР, закреплении системы поощрений и гарантий для работников, совмещающих работу с получением образования.

3. Принятие Закона 2007 г. способствовало совершенствованию системы поощрений и гарантий для работников, совмещающих работу с получением образования, закреплению регулирования отношений, связанных с профессиональной подготовкой, повышением квалификации, стажировкой и переподготовкой работников, на уровне ТК.

4. Включение в 2011 г. Кодексом об образовании дополнительного образования взрослых (повышение квалификации, переподготовка, профессиональная подготовка и стажировка) в общегосударственную систему образования, а также корректировки ТК, внесенные законами 2014 г. и 2019 г., способствовали дальнейшему совершенствованию законодательства об образовании и законодательства о труде, регулирующего совмещение работы с получением образования.

Литература

1. Трудовое право и право социального обеспечения в Беларуси, России и Украине (формирование и развитие) : учеб.-метод. пособие / Н. Н. Вапнярчук, А. А. Войтик [и др.] ; под общ. ред. А. М. Куренного, К. Л. Томашевского, О. Н. Ярошенко. – Минск : Дикта, 211. – 252 с.

2. Маскевич, С. Кодекс – это «Конституция» в образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://praleska-red.by/articles/sergej-maskevich-kodeks-eto-konstituciya-v-obrazovanii/. – Дата доступа : 20.09.2020.

3. Система образования в Республике Беларусь (90-е гг. XX в. – начало XXI в.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://studref.com/360664/pedagogika/sistema_obrazovaniya_respublike_belarus_nachalo. – Дата доступа : 20.09.2020.

4. Об утверждении Положения «О порядке получения второго высшего образования в высших учебных заведениях Республики Беларусь» : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 12 июня 1997 г., № 699 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1997. – 5/7212 (утратил силу).

5. Об утверждении Концепции государственной кадровой политики Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь, 18 июля 2001 г., № 399 : в ред. Указа Президента Республики Беларусь от 12.11.2003 г., № 509 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2001. – 1/2863.

6. Томашевский, К. Л. Очерки трудового права (История, философия, проблемы систем и источников) : монография / К. Л. Томашевский ; науч. ред. О. С. Курылева. – Минск : «Изд. центр БГУ», 2009. – 334 с.

7. Греченков, А. А. Трудовое право : учеб пособие / А. А. Греченков. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 376 с.

8. Очерки трудового права история, философия, проблемы систем и источников [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://os.x-pdf.ru/20yuridicheskie/369091-3-ocherki-trudovogo-prava-istoriya-filosofiya-problemi-sistem-istochn.php. – Дата доступа : 20.09.2020.

9. Подгруша, В. Совмещение работы с обучением: утверждены новые подходы / В. Подгруша // Налоговый вестник. – 2007. – № 19 (188). – С. 52–62.

10. Кривой, В. И. Профессиональная подготовка, повышение квалификации, стажировка и переподготовка работников. Комментарий к новой статье 220[1] Трудового кодекса Республики Беларусь / В. И. Кривой // Кадровая служба. – 2008. – № 6. – С. 15–23.

11. Кодекс Республики Беларусь об образовании : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Республики 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2014 г., № 126-З // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2010. – 2/2669.

12. Греченков, А. А. Планируемые изменения норм Трудового кодекса Республики Беларусь о рабочем времени и времени отдыха: скромные успехи и нерешенные проблемы / А. А. Греченков // Трудовое и социальное право. – 2018. – № 3 (27). – С. 17–21.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 25.09.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 343.131

Участие адвоката в обеспечении прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве

В.В. Конин[1], Е.В. Марковичева[2], И.И. Эсмантович[3]

В статье рассматривается особая форма участия адвоката в производстве по уголовному делу в России и Беларуси. Авторами анализируются отдельные законодательные и правоприменительные проблемы обеспечения участия адвоката в обеспечении прав несовершеннолетних потерпевших и свидетелей.
Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, уголовное судопроизводство, право на защиту, защита, несовершеннолетний потерпевший, несовершеннолетний свидетель.

A special form of participation of a lawyer in criminal proceedings in Russia and Belarus is considered. The authors analyze certain legislative and enforcement problems of ensuring the participation of a lawyer in ensuring the rights of child victims and witnesses.
Keywords: lawyer, advocacy, criminal proceedings, right to defense, defense, child victim, child witness.

В XXI в. общей тенденцией в трансформации уголовного судопроизводства стало усиление процессуальных гарантий прав и законных интересов потерпевших, что связано с закономерным отходом от собственно карательной парадигмы и признанию преимуществ восстановительного правосудия. Хотя идеи восстановительного правосудия являются предметом достаточно острой научной дискуссии и, безусловно, не могут решить все уголовно-процессуальные проблемы, так или иначе связанные с участием несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого либо подсудимого, они заслуживают внимания законодателя и правоприменителя. Согласимся с исследователями, подчеркивающими, что «с материальной точки зрения восстановительное уголовное правосудие предполагает своей целью не привлечение виновного к уголовной ответственности, а восстановление прав потерпевшего, возмещение вреда, причиненного преступлением, и восстановление социальных связей. С процессуальной точки зрения реализация таких целей, безусловно, требует иных, помимо традиционных для уголовной юстиции, неофициальных механизмов урегулирования конфликтов, вызванных преступлением» [1, с. 304]. Элементы восстановительного правосудия стали внедряться в уголовный процесс многих государств и показали определенную эффективность применительно к отдельным видам производств, например, к производству на уровне мировой юстиции или к производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних правонарушителей [2, с. 42–44].

В контексте развития восстановительного правосудия многие государства вполне оправданно стали рассматривать в качестве приоритетного направления уголовной политики создание такой модели уголовного правосудия, которая будет не только продуктивна в качестве соразмерной альтернативы уголовному преследованию в отношении несовершеннолетних правонарушителей, но и дружелюбна к несовершеннолетним потерпевшим и свидетелям. В итоге концепция «child-friendly justice» достаточно быстро перешла из сферы теоретического обсуждения в сферу реального правоприменения. В частности, еще в 2010 г. Комитет Совета Европы сформулировал соответствующие Рекомендации для государств, входящих в Совет Европы [3]. В соответствии с последними не только несовершеннолетний обвиняемый, но и несовершеннолетний потерпевший и свидетель наделяются важными процессуальными правами, обеспечение которых требует специальных процедурных правил и дополнительных гарантий.

Речь идет о правах ребенка быть услышанным, получать медицинскую, психологическую и юридическую помощь, социальную поддержку, адекватном его возрасту информировании о его процессуальном положении в ходе производства по уголовному делу. Следует отметить, что в последние годы на обеспечение этих прав несовершеннолетних, являющихся участниками уголовного судопроизводства, стали ориентироваться и иные государства, не входящие в Совет Европы. За последнее столетие в рамках международного права для этого оформилась достаточная система общепризнанных стандартов и принципов, закрепленных в,

первую очередь, в Конвенции о правах ребенка [4]. Однако наблюдается определенная вариативность в принятии государствами обязательств по обеспечению стандартов уголовного судопроизводства, отвечающих стандартам дружественного ребенку правосудия.

В России основные направления государственной политики, обеспечивающей такое правосудие, были обозначены в Национальной стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. [5]. Для реализации данной Национальной стратегии в уголовном процессе российская судебная система стала оправданно (и достаточно успешно) использовать тот потенциал, который был создан за годы экспериментального внедрения ювенальных технологий в деятельность судов общей юрисдикции [6].

В Республике Беларусь защита прав несовершеннолетних является также одной из составляющих государственной политики. Декрет Президента Республики Беларусь «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» [7], Закон о правах ребенка [8] учитывают не только общемировые тенденции, но и национальные традиции Беларуси. Несовершеннолетним обеспечивается широкий круг прав и законных интересов.

Составляющей государственного механизма защиты детей должна стать и деятельность правоохранительных органов по рассмотрению уголовных дел в случаях, если противоправные действия совершаются в отношении несовершеннолетних либо если несовершеннолетние становятся свидетелями преступлений [9].

Нормативные основы для привлечения в уголовный процесс педагогов, психологов и иных специалистов, наделенных соответствующими компетенциями в области социально-психологического сопровождения несовершеннолетних, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, использование современных технологий позволило некоторым государствам совершенствовать процедуру допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей с тем, чтобы снизить уровень негативного воздействия уголовного процесса на ребенка. Как правило, речь идет о серии организационных мероприятий, получающих поддержку местных властей и институтов гражданского общества («голубые комнаты» для беседы с несовершеннолетним в ряде европейских государств, «зеленые комнаты» для допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в ряде регионов России, общенациональная детская телефонная линия и дружественные детям помещения для их опроса в Республике Беларусь и т. д.).

Белорусская общенациональная детская телефонная линия – инструмент, который позволяет ребенку не только получить психологическую помощь, но и заявить о случаях совершения в отношении его преступления. С октября 2012 г. поступающая на линию информация о совершенных в отношении детей противоправных действиях доводится до сведения Следственного комитета Республики Беларусь. Применение комнат допроса в Беларуси остается дискуссионным вопросом среди ученых и практиков с точки зрения точного соблюдения нормы закона. Видеозапись допроса используется только как вещественное доказательство. Поскольку по всей Беларуси уже создана соответствующая материально-техническая база, назрела реальная потребность во внесении соответствующих изменений в уголовно-процессуальный закон [9].

В Российской Федерации процедуры щадящего допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, правила проведения видеозаписи и другие значимые вопросы пока в большей мере регулируются на уровне региональных и ведомственных нормативных правовых актов и не получили соответствующего закрепления на уровне уголовно-процессуального закона.

Однако вопросы социально-психологического сопровождения несовершеннолетних потерпевших и свидетелей преступлений можно считать достаточно разработанными в отличие от проблематики обеспечения права ребенка, вовлеченного в сферу уголовного правосудия, на квалифицированную юридическую помощь. Хотя ориентация на юридическую поддержку и сопровождение несовершеннолетних жертв и свидетелей преступления присуща уголовно-процессуальной политике многих государств, возможности в ее обеспечении часто ограничены в силу целого ряда причин. Среди последних и определенная автономность института адвокатуры от государства, и проблемы оплаты труда адвоката, оказывающего несовершеннолетнему юридическую помощь, и неразвитость практики адвокатской специализации, и целый ряд других. Это проявляется в частности в том, что ввиду сложившейся системы распределения заявок адвокатам, участвующим в уголовном судопроизводстве по назначению, не предусматривает возможность целенаправленного назначения в качестве представителя несовершеннолетнего потерпевшего наиболее опытного адвоката.

Следует обратить внимание и на то, что приверженность государства международным стандартам прав ребенка может приводить к так называемой позитивной дискриминации одной группы несовершеннолетних по сравнению с другой. Приведем один наглядный пример. В 2013 г. Российская Федерация ратифицировала два значимых с точки зрения защиты прав несовершеннолетних международных документа: Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии [10] и Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия от 25 октября 2007 г. (Лансаротская конвенция) [11]. Имплементация закрепленных в данных документах норм международного права в российское уголовно-процессуальное законодательство привела к появлению в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) положения о праве несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, на адвоката-представителя, с возложением расходов на федеральный бюджет [12]. К сожалению, иные категории несовершеннолетних потерпевших в России не получили соответствующей процессуальной возможности для получения квалифицированной юридической помощи, что нередко осложняет доступ несовершеннолетнего потерпевшего к правосудию. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК Беларуси) право несовершеннолетних потерпевших на адвоката-представителя отдельно не регламентируется.

Однако и применительно к указанным категориям несовершеннолетних потерпевших регулирование участия адвоката-представителя носит фрагментарный характер. Отсутствие детализации процессуальных полномочий такого представителя в нормах уголовно-процессуального закона приводит к закономерным попыткам закрыть данный пробел на подзаконном уровне. В частности, на подзаконном уровне регламентируется порядок оплаты труда адвоката, а на уровне отдельных регионов адвокатские палаты принимают положения, регламентирующие порядок оказания несовершеннолетним потерпевшим юридической помощи. Примечательно то, что адвокатское сообщество понимает некую ограниченность закрепленной в УПК РФ конструкции, поэтому нередко расширяет категорию несовершеннолетних, имеющих права на бесплатную юридическую помощь по соглашению с органами исполнительной власти региона. Однако такой путь закрытия пробелов в уголовно-процессуальном регулировании является ущербным и справедливо критикуется исследователями, как не позволяющий четко определить процессуальный статус адвоката-представителя потерпевшего и регламентировать его процессуальные отношения как с представляемым лицом, так и с иными субъектами, в том числе, с законным представителем несовершеннолетнего [13, с. 82–88], [14, с. 50], [15, с. 105–106]. Не определены и процессуальные полномочия должностных лиц органов уголовного преследования, связанные с обеспечением реализации права несовершеннолетнего потерпевшего.

Открытым и недостаточно урегулированным в российском законодательстве остается вопрос представительства такого участника уголовно-процессуальных отношений как несовершеннолетнего свидетеля. В УПК Беларуси только в 2018 г. было закреплено право свидетеля на юридическую помощь адвоката при проведении процессуальных действий по уголовному делу (ст. 60-1), речь об особенностях правового статуса адвоката несовершеннолетнего свидетеля пока вообще не идет.

Не получила распространения практика повышения квалификации адвокатов, обеспечивающая более высокий и более качественный уровень их участия в производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних как потерпевших, так и несовершеннолетних, привлекаемых к уголовной ответственности.

Таким образом, обеспечение права несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля на квалифицированную юридическую помощь требует разработки четкого процессуального механизма его обеспечения с определением прав и обязанностей адвоката-представителя несовершеннолетнего, уточнением процессуального статуса иных участников и созданием действенного механизма компенсации оказанием юридической помощи негативного воздействия на несовершеннолетнего всей уголовно-процессуальной деятельности.

Представляется, что законодатель должен пересмотреть все спорные положения, возникающие в процессе оказания квалифицированной юридической помощи несовершеннолетним

потерпевшим, вне зависимости от категории преступления, совершенного в отношении несовершеннолетнего, и гарантировать доступ несовершеннолетнего потерпевшего к квалифицированной юридической помощи с возложением расходов на государственный бюджет.

Литература

1. Петрова, О. В. Восстановительное правосудие: новое направление в решении задач уголовного процесса / О. В. Петрова // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2009. – № 1. – С. 302–310.

2. Конин, В. В. Некоторые вопросы применения восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей / В. В. Конин // Российская юстиция. – 2010. – № 7. – С. 42–44.

3. Guidelines of the Committee of Ministers of the Council of Europe on child-friendly justice [Electronic resource] : adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 17 November 2010 and explanatory memorandum. – Access mode : https://rm.coe.int/16804b2cf3. – Access date : 15.11.2020.

4. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс] : одобр. Ген. Ассамблеей ООН 20.11.1989 : вступила в силу для СССР 15.09.1990 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2000.

5. О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента РФ, 01.06.2012 г., № 761 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2012.

6. Марковичева, Е. В. К вопросу об участии в уголовном судопроизводстве по делам в отношении несовершеннолетних социальных работников / Е. В. Марковичева // Вопросы ювенальной юстиции. – 2013. – № 2. – С. 11–15.

7. О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях : Декрет Президента Республики Беларусь, 24.11.2006 г., № 18 : в ред. Декрета Президента Республики Беларусь от 23.02.2012 г., № 2 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006. – № 198. – 1/8110.

8. О правах ребенка : Закон Республики Беларусь, 19.11.1993 г., № 2570-XII // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. – 1993. – № 33. – Ст. 430.

9. Петрова, О. В. Совершенствование законодательного регулирования и правоприменительной деятельности при производстве по уголовным дела с участием несовершеннолетних потерпевших и свидетелей [Электронный ресурс] / О. В. Петрова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2015.

10. О ратификации Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии [Электронный ресурс] : Федеральный закон РФ, 07.05.2013 г., № 75-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2013.

11. О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия [Электронный ресурс] : Федеральный закон РФ, 07.05.2013 г., № 76-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2013.

12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] : Федеральный закон, 28 декабря 2013 г., № 432-ФЗ «» // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2013.

13. Виноградова, В. А. О праве потерпевшего на «бесплатного адвоката»: эволюция законодательства и доктрины; стагнация практики / В. А. Виноградова // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2019. – Т. 1, № 1 (1). – С. 82–88.

14. Исакова, Т. В. Восстановительное правосудие: проблемы правоприменения / Т. В. Исакова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2013. – № 1 (4). – С. 46–51.

15. Эсмантович, И. И. Социальное сопровождение несовершеннолетних, совершивших преступление / И. И. Эсмантович // Вопросы ресоциализации осужденных : сб. ст. студентов, преподавателей, практ. работников. – Гомель, 2009. – С. 105–106.

[1]Северо-Западный филиал Российского
государственного университета правосудия

[2]Научный центр исследования проблем правосудия
Российского государственного
университета правосудия

[3]Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 12.01.2021

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 340.5

Сравнительно-правовой анализ законодательства государств-участников СНГ по вопросам создания и деятельности временных научных коллективов

С.А. Минич

В статье проводится сравнительно-правовой анализ законодательства государств-участников СНГ по вопросам создания и деятельности временных научных коллективов. Рассматривается законодательное закрепление научных коллективов среди субъектов научной деятельности в каждой из стран Содружества. Проведенный анализ показывает, что процесс выбора коллективных организационных форм для решения научных задач среди государств-участников СНГ неравномерен. Это связано с особенностями развития национальных правовых систем и науки в целом.
Ключевые слова: временные научные коллективы, научная деятельность, научный поиск, субъекты научной деятельности, коллективные формы организации научной деятельности.

A comparative legal analysis of the legislation of the CIS member States on the establishment and activities of temporary research teams is provided. The legislative consolidation of research teams among the subjects of scientific activity in each of the Commonwealth countries is considered. The analysis shows that the process of choosing collective organizational forms for solving scientific problems is uneven among the CIS member States. This is due to the peculiarities of the development of national legal systems and science in general.
Keywords: temporary scientific collectives, scientific activity, scientific search, subjects of scientific activity, collective forms of organization of scientific activity.

Развитие временных организационных форм для эффективного проведения научных исследований и разработок является важным направлением для любого государства и способствует более успешной реализации научного потенциала общества и страны в целом. Появление временных научных коллективов, в рамках которых может осуществляться научная деятельность, позволяет на высоком уровне, объединив усилия специалистов различных областей, выполнять целенаправленный научный поиск и получать положительные результаты в короткие сроки и с меньшими затратами. Целесообразность применения временных научных формирований очевидна, поскольку научная задача отождествляется с коллективом, созданным специально для ее решения. Однако немногие страны для успешного развития национальной науки видят необходимость в такой форме организации научной деятельности, как временный научный коллектив (далее – ВНК), а, следовательно, не имеют правовой базы для регулирования вопросов ВНК, что представляется не совсем обоснованным.

Изучение вопросов создания и деятельности ВНК в государствах-участниках СНГ показывает, что в большинстве стран данный институт не получил своего активного развития, и это при том, что государствами-участниками Межпарламентской Ассамблеи СНГ принимались модельные законы [1]–[2], регламентирующие вопросы научной сферы. Общеизвестно, что модельные законы имеют форму рекомендаций, но все же являются свидетельством общности интересов стран Содружества в подходах к правовому регулированию определенной области общественных отношений. Однако анализ организационных форм проведения научных исследований и разработок в государствах-участниках СНГ показывает, что они многообразны, и это объясняется особенностями развития национальных правовых систем.

Несмотря на то, что Модельный закон «О научной и научно-технической деятельности» [1] устанавливает, что субъектами коллективной научной и научно-технической деятельности, наряду с научными организациями и учреждениями, могут быть ВНК, в законодательстве большинства стран Содружества они не встречаются в числе субъектов научной деятельности.

На наш взгляд, можно выделить три группы стран по уровню формирования правовых и организационных основ для осуществления научной деятельности временными научными коллективами.

Первую группу образуют государства, в которых не определен правовой статус ВНК, – Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан, Туркменистан, Украина. Ко второй группе относятся страны, которые находятся на стадии формирования законодательства, регламентирующего деятельность ВНК, – Азербайджанская Республика, Республика Армения. Третья группа – государства, которые совершенствуют механизм проведения научных исследований с помощью ВНК, – Республика Беларусь, Республика Молдова.

Дадим краткую характеристику каждой из обозначенных стран в представленных группах по вопросам создания и функционирования ВНК.

В действующем Законе Республики Казахстан «О науке», в ст. 6, устанавливающей перечень субъектов научной и (или) научно-технической деятельности, закреплено, что «субъектами научной и (или) научно-технической деятельности являются физические и юридические лица, осуществляющие научную и (или) научно-техническую деятельность» [3]. Как видим, ВНК не входит в число субъектов научной и (или) научно-технической деятельности. В связи с тем, что ВНК не является ни физическим, ни юридическим лицом, нельзя его отнести ни к одной из указанных выше категорий субъектов. Соответственно, можно заключить, что в Республике Казахстан для проведения научных исследований такая коллективная организационная форма, как ВНК, не используется.

Анализ законодательства о науке Кыргызской Республики показывает, что законодатель к субъектам научной и научно-технической деятельности относит научных и научно-технических работников и организации, а также физических и юридических лиц, принимающих участие в процессе научных исследований, разработках и внедрениях научной и научно-технической продукции и технологий [4].

В п. 2 ст. 15 Закона Кыргызской Республики «О науке и об основах государственной научно-технической политики», где речь идет о независимости научных и научно-технических работников, закреплено следующее: «научные и научно-технические работники вправе свободно и самостоятельно объединяться в коллективы, создавать юридические лица и научные объединения, общественные и иные организации» [4]. Так, в комментируемой статье мы встречаемся с указанием на возможность научных работников объединяться в коллективы. Однако законодатель не пошел дальше в данном вопросе и не регламентировал механизм создания и деятельности упомянутых коллективов, не установил их правовой статус, что позволяет говорить о том, что ВНК в Кыргызской Республике не получили своего дальнейшего развития.

Аналогичную позицию в отношении ВНК занимает и украинский законодатель. В ведущем нормативном правовом акте Украины в области науки, а именно: в Законе Украины «О научной и научно-технической деятельности» в ст. 5, 7 и в ст. 23, где заключены права ученых, научных учреждений и общественных научных организаций, мы находим нормы, предоставляющие перечисленным субъектам возможность создавать ВНК для решения отдельных научных задач [5]. При этом в представленном Законе отсутствует ссылка на иной нормативный правовой акт, который бы позволил проследить порядок образования и функционирования ВНК.

В законодательстве Российской Федерации и в законодательстве Туркменистана на сегодняшний день также отсутствуют нормативные правовые акты, которые бы регулировали деятельность ВНК. В частности, действующий Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» [6] и Закон Туркменистана «О государственной научно-технической политике» [7] не содержат понятия ВНК, не относят к субъектам научной и (или) научно-технической деятельности какие-либо научные коллективы.

Однако необходимо отметить и некоторые планируемые изменения в правовом регулировании научной сферы Российской Федерации, связанные с разработкой нового системообразующего нормативного правового акта, основная цель которого – регламентация отношений в научной, научно-технической и инновационной области. Речь идет о проекте Федерального закона «О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации» (далее – проект Федерального закона) [8]. В официально опубликованной

концепции проекта Федерального закона закреплено понятие «научные коллективы», кроме того, важно отметить, что в проекте указанного Закона установлено, что научный коллектив признается субъектом научной деятельности.

В ст. 29 рассматриваемого проекта Федерального закона дается определение научных коллективов, где указано, что научные коллективы не являются юридическими лицами. Это объединение ученых, инженерно-технических и иных специалистов, которые создаются в целях реализации научного или научно-технического проекта, инновационного проекта и действуют на основании договора, заключаемого между всеми членами научного коллектива [8]. Отсюда следует, что научные коллективы являются договорным объединением физических лиц. Такое толкование научных коллективов во многом схоже с белорусским законодательством, регламентирующим вопросы ВНК [9, с. 228]. В связи с вышесказанным можно подчеркнуть, что в ходе грядущей модернизации законодательства Российской Федерации в сфере науки и приведения его в соответствие со сложившейся новой системой общественных взаимоотношений, значение научных коллективов для повышения эффективности использования научного потенциала страны и сокращения сроков проведения научных исследований и разработок существенно возрастет.

Более того, в ряде субъектов Российской Федерации имеются отдельные законы, регулирующие вопросы науки, где определены правовые основы функционирования ВНК. Например, в Законе Республики Бурятия «О науке и научно-технической политике в Республике Бурятия» ст. 10 полностью посвящена ВНК [10]. Она раскрывает понятие ВНК, цель и принципы их создания, а также определяет, что основанием для объединения научных работников и специалистов служит договор о совместной деятельности, который регулируется нормами Гражданского кодекса Российской Федерации. Если сопоставить выбор вида договора для образования ВНК в белорусском законодательстве, то тут за основу взят договор о создании и деятельности ВНК, в отношении которого действует специальное правовое регулирование. Это связано с тем, что ВНК – особый субъект правоотношений, не являющийся идентичным простым товариществам.

Анализируя законодательство Республики Таджикистан в сфере науки, в частности, Закон Республики Таджикистан «О научной деятельности и государственной научно-технической политике» [11], приходим к выводу, что законодатель не фиксирует ВНК в качестве отдельного субъекта научной деятельности. К субъектам научной и научно-технической деятельности он относит исключительно физических и юридических лиц, основная деятельность которых связана с открытиями, исследованиями и применением новых научных и научно-технических достижений. В рассматриваемом Законе указано, что научная и (или) научно-техническая деятельность осуществляется физическими лицами гражданами Республики Таджикистан, а также иностранными гражданами, лицами без гражданства в пределах прав, установленных законодательством Республики Таджикистан и юридическими лицами при условии, если научная и (или) научно-техническая деятельность предусмотрена их учредительными документами [11]. Раскрывая нормы приведенного выше Закона, мы не находим среди них тех, которые бы регламентировали деятельность ВНК при осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности.

В Республике Узбекистан не разрабатывались нормативные правовые акты, где были бы закреплены правила создания и деятельности ВНК. Закон Республики Узбекистан «О науке и научной деятельности» не содержит норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в результате выполнения научных исследований силами ВНК [12]. В данной стране ВНК не признается участником правоотношений, опосредующих научную деятельность.

Переходя к обзору законодательства стран второй группы, надлежит отметить, что совершенствованию организационных и экономических условий создания и функционирования ВНК уделено уже более детальное внимание. Роль ВНК среди иных коллективных организационных форм, используемых для осуществления научной деятельности, значительно возросла.

Например, в Законе Азербайджанской Республики «О науке» при регламентации вопросов, касающихся научных учреждений и организаций, акцентируется внимание на то, что «в целях обеспечения развития науки и всестороннего научно-технического развития Государственная высшая научная организация создает научно-исследовательские и производст-

венные предприятия, научные центры, образовательные структуры, научно-технологические парки, временные научные объединения и коллективы, международные лаборатории» [13]. В структуру Государственной высшей научной организации входят, в свою очередь, научные учреждения и организации. В уставе научных учреждений и организаций должны быть предусмотрены, наряду с иными, правила создания, деятельности, реорганизации и ликвидации временных научных коллективов [13].

В ходе обзора законодательства Азербайджанской Республики в научной сфере, ВНК не выделены среди субъектов научной деятельности, несмотря на то, что данная организационная форма используется для проведения научных исследований. Порядок создания и условия деятельности ВНК регламентируются уставом научных учреждений и организаций. Что касается вопросов оплаты труда научных работников, являющихся членами научных коллективов, то она осуществляется на основе трудового договора. Это означает, что членами ВНК могут быть только физические лица, работающие по трудовому договору в конкретной организации, что накладывает определенные ограничения для включения в состав ВНК высококвалифицированных специалистов, не состоящих в трудовых отношениях с данной организацией.

По Республике Армения анализ законодательства в научной области показал следующее: основным нормативным правовым актом в научной сфере обозначен Закон «О научной и научно-технической деятельности», в котором установлено, что «субъектами, осуществляющими научную и научно-техническую деятельность, являются ученые, научные работники, работники научно-педагогической области, научные (включая общественные) организации, а также высшие учебные заведения» [14].

В ст. 5 указанного Закона, где перечисляются права и обязанности ученого и научного работника, закреплено, что ученый и научный работник имеют право «объединяться с другими учеными, научными работниками и организовывать постоянные или временные научные коллективы с целью развертывания совместной научной и научно-технической деятельности» [14]. Рассмотренные нормы подтверждают, что в Республике Армения ВНК используются для проведения коллективной научной и научно-технической деятельности, но их эффективное применение требует специального правового регулирования.

Как видим, в странах, вошедших во вторую группу, деятельность ВНК, как правило, детально регламентируется уставом конкретной научной организации. Однако при создании ВНК под выполнение определенного проекта, научные организации сталкиваются с проблемами в части выполнения трудового законодательства, а также кадрового и бухгалтерского учета. Решение видится в возможности формирования ВНК без образования нового структурного подразделения. Опыт о мерах по совершенствованию порядка создания и условий деятельности ВНК, например, Республики Беларусь, позволяет найти ответ на такого рода вопросы.

Характеризуя законодательство в научной сфере стран третьей группы, можно говорить о новом уровне его развития в направлении закрепления более рациональных организационных форм, позволяющих сконцентрировать научные силы для получения и применения новых знаний при осуществлении научной деятельности.

В Республике Молдова и в Республике Беларусь ВНК впервые получили свое специальное правовое регулирование. Кроме того, в национальном законодательстве Республики Беларусь ВНК входит в число субъектов научной деятельности, о чем указано в ст. 7 Закона Республики Беларусь «О научной деятельности» [15]. Начиная с 1995 г., Республика Беларусь постоянно совершенствовала законодательство, регулирующее создание и деятельность ВНК. Был разработан ряд нормативных правовых актов, закрепляющих понятие, порядок образования и организацию деятельности ВНК: Временное положение Министерства образования Республики Беларусь от 22.12.1995 г. «О порядке формирования и организации деятельности временных научных коллективов», Закон Республики Беларусь «О научной деятельности» 1996 г., Положение о порядке создания и условиях деятельности временных научных коллективов, утвержденное постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 03.06.1997 г. № 639, Указ Президента Республики Беларусь от 16.06.2009 № 349 «О мерах по совершенствованию порядка создания и условий деятельности временных научных коллективов» и др.

Иначе обстоит ситуация по регламентации деятельности ВНК в Республике Молдова. Кодекс Республики Молдова «О науке и инновациях» (далее – Кодекс) в первоначальной редакции предусматривал создание ВНК в области науки и инноваций, хотя и не выделял их в качестве отдельного субъекта. Например, в ст. 132 Кодекса было указано, что «для выполнения конкретных работ организация в области науки и инноваций может создавать временные научные коллективы. Учредителями временных научных коллективов могут быть физические лица и юридические лица независимо от вида собственности и организационно-правовой формы, в том числе международные и иностранные. Руководитель временного научного коллектива назначается учредителями и/или руководителем организации» [16].

Важно отметить, что отдельного нормативного правового акта, определяющего единые подходы к правовому регулированию деятельности ВНК, в Республике Молдова к тому времени не разрабатывалось. Именно кодекс содержал общие правила по формированию ВНК. более детально работа ВНК прописывалась в уставах научных организаций. Статья 145 кодекса включала нормы, предусматривающие необходимые условия к содержанию устава организации в области науки и инноваций, где, наряду с иными положениями, указывалось, что устав таких организаций должен включать порядок создания, деятельности и ликвидации временных научных коллективов.

Однако в 2017 г. в кодекс Республики Молдова «О науке и инновациях» были внесены существенные изменения. Они, в частности, затронули вопросы ВНК. Новая редакция кодекса уже не содержала нормы, касающиеся ВНК. Исчезло и само понятие «временные научные коллективы». Ему на смену пришла иная коллективная организационная форма – «исследовательские группы». Цель, порядок создания и условия деятельности исследовательской группы во многом были схожи с ВНК. Так, например, в ст. 96 Кодекса было установлено, что для реализации проектов в областях исследований и инноваций исследователи могут объединяться в исследовательские группы на период реализации проектов. Исследовательские группы могут быть созданы физическими лицами и юридическими лицами любого вида собственности и организационно-правовой формы [16]. Для сравнения: в соответствии с указом Президента Республики Беларусь от 26.06.2009 г. № 349 «О мерах по совершенствованию порядка создания и условий деятельности временных научных коллективов» ВНК формируется по инициативе организации либо по инициативе физического лица [17]. Таким образом, несмотря на то, что в кодексе Республики Молдова «О науке и инновациях» понятие ВНК было заменено на исследовательские группы, суть их работы и порядок образования остался прежним.

Таким образом, после распада СССР начался процесс реформирования науки, в ходе которого закладывались принципиально новые основы правового регулирования, мотивации и стимулирования научной деятельности. Наука проникла во все сферы жизни общества, стала более значимой и динамичной. Государства-участники СНГ, приступив к разработке основополагающих нормативных правовых актов в сфере науки, имели определенное сходство в правовом регулировании общественных отношений в данной области. Однако каждое государство самостоятельно выбирало для себя приоритетные формы организации научной деятельности. Сравнительно-правовой анализ законодательства стран Содружества показывает, что именно Республика Беларусь, еще до принятия Модельного закона «О научной и научно-технической деятельности», закрепила такую коллективную форму организации научной деятельности как ВНК, о состоятельности и перспективности которой свидетельствует практика применения законодательства Республики Беларусь о ВНК. В Республике Молдова используется схожий с Республикой Беларусь механизм создания и деятельности ВНК. В других странах-участницах СНГ законодатель не выделяет ВНК в качестве отдельного субъекта научной деятельности, в связи с чем организационно-правовая основа их создания остается либо неопределенной, либо регламентируется уставом научных учреждений и организаций, что вызывает некоторые сложности при соблюдении, например, трудового законодательства. Представляется, что позитивный правовой опыт, выработанный белорусским законодателем по вопросам ВНК, послужит ориентиром многим странам при поиске рациональных организационных форм для успешного выполнения научных исследований и разработок.

Литература

1. О научной и научно-технической деятельности [Электронный ресурс] : Модельный закон, 25 нояб. 2008 г., № 31-15 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2020.

2. О статусе ученого и научного работника [Электронный ресурс] : Модельный закон, 25 нояб. 2008 г., № 31-14 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2020.

3. О науке [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 18 февр. 2011 г., № 407-IV ЗРК : в ред. Законов Респ. Казахстан от 28.10.2019 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2020.

4. О науке и об основах государственной научно-технической политики [Электронный ресурс] : Закон Кыргызской Респ., 16 июня 2017 г., № 103 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2020.

5. О научной и научно-технической деятельности [Электронный ресурс] : Закон Украины, 26 нояб. 2015 г., № 848-VIII : в ред. Законов Украины от 04.03.2020 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2020.

6. О науке и государственной научно-технической политике [Электронный ресурс] : Федер. закон, 23 авг. 1996 г., № 127-ФЗ : в ред. Федер. закона от 25.05.2020 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

7. О государственной научно-технической политике [Электронный ресурс] : Закон Туркменистана, 1 марта 2014 г., № 39-V : в ред. Закона Туркменистана от 02.03.2019 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2020.

8. О научной, научно-технической и инновационной деятельности в Российской Федерации [Электронный ресурс] : проект Федер. закона, 13 июня 2018 г. – Режим доступа : http://aspirantura-edu.ru/uploads/docs/proekt-zakon-o-nauke-2018.pdf. – Дата доступа : 20.07.2020.

9. Минич, С. А. Место договора о создании и деятельности временного научного коллектива в системе права / С. А. Минич // Государство и право: актуальные проблемы формирования правового сознания : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 10 дек. 2019 г. / под ред. Н. В. Пантелеевой. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2020. – С. 227–229.

10. О науке и научно-технической политике в Республике Бурятия [Электронный ресурс] : Закон Респ. Бурятия, 27 нояб. 1996 г., № 418-I : в ред. Законов Респ. Бурятия от 07.03.2018 г. – Режим доступа : http://docs.cntd.ru/document/802038753. – Дата доступа : 20.07.2020.

11. О научной деятельности и государственной научно-технической политике [Электронный ресурс] : Закон Респ. Таджикистан, 18 марта 2015 г., № 1197 : в ред. Законов Респ. Таджикистан от 19.07.2019 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2020.

12. О науке и научной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Узбекистан, 29 окт. 2019 г., № ЗРУ-576 // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2020.

13. О науке [Электронный ресурс] : Закон Азербайджанской Респ., 14 июня 2016 г., № 271-VQ : в ред. Законов Азербайджанской Респ. от 08.05.2020 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2020.

14. О научной и научно-технической деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения, 26 дек. 2000 г., № ЗР-119 : в ред. Законов от 06.05.2011 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2020.

15. О научной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 21 окт. 1996 г., № 708-XIII : в ред. от 11.05.2016 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

16. Кодекс Республики Молдова о науке и инновациях [Электронный ресурс] : 15 июля 2004 г., № 259-XV : принят Парламентом : в ред. Законов Респ. Молдова от 23.11.2018 г. // Законодательство стран СНГ / ООО «СоюзПравоИнформ». – М., 2020.

17. О мерах по совершенствованию порядка создания и условий деятельности временных научных коллективов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 26 июня 2009 г., № 349 : в ред. от 02.04.2012 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Академия управления
при Президенте Республики Беларусь

Поступила в редакцию 15.07.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 349.2 + 331.07 (349.24)

Система основных принципов института надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде в правовой доктрине и законодательстве

К.А. Молчанов

Статья посвящена разработке теоретических начал построения системы основных принципов института надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде. Принципы рассматриваемого института права объединены в систему. Рассматриваемая система принципов входит в систему принципов трудового права. Выявлен главенствующий принцип рассматриваемого института права – принцип защиты трудовых прав работников и пресечения нарушений норм законодательства о труде посредством надзора и контроля. Произведено ранжирование принципов института права.
Ключевые слова: принцип права, принцип института права, институт надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде, системный подход.

The article is devoted to the development of theoretical principles for building a system of basic principles of the institution of supervision and control over compliance with labor legislation. The principles of the considered institution of law are combined into a system. The considered system of principles is included in the system of principles of labor law. The main principle of the institution of law under consideration is revealed – the principle of protection of labor rights of workers and suppression of violations of labor legislation through supervision and control. The ranking of the principles of the institution of law has been made.
Keywords: principle of law, principle of the institution of law, institution of supervision and control over the observance of labor legislation, systematic approach.

Введение. В современной теории права, как правило, не опровергается мнение, что сущность и социальное назначение права раскрываются и конкретизируются в его принципах и функциях [1, с. 151].

Принципы права, по мнению С.С. Алексеева, – это руководящие идеи, которые характеризуют содержание права, его сущность и назначение в обществе [2, с. 242]. Согласно взглядам В.А. Кучинского, под принципами права следует понимать не только руководящие идеи, но и основополагающие начала, отправные положения [3, с. 182].

Отраслевые принципы трудового права, к сожалению, не выделены в отдельную статью, т. е. не систематизированы и легально не закреплены в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК Республики Беларусь) и в иных актах трудового законодательства. Также в ТК Республики Беларусь не определены правовые принципы института надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде [4].

В целях наиболее глубокого рассмотрения и понимания правовых принципов мы будем относить к ним принципы, не только закрепленные в актах законодательства, но и незакрепленные в этих актах, т. е. существующие непосредственно в доктрине права.

Определяя содержание рассматриваемого института трудового права, необходимо отметить следующее. В настоящее время в ТК Республики Беларусь имеется гл. 39 «Надзор за соблюдением законодательства о труде. Общественный контроль за соблюдением законодательства о труде». Законодатель пошел по пути исключения из гл. 39 понятия «контроль» [4]. Исключив понятие «контроль» (кроме общественного контроля, осуществляемого профсоюзами) из ТК Республики Беларусь, законодатель тем самым фактически лишил его правового регулирования на уровне кодифицированного акта.

Однако полагаем, что в доктрине права надзор и контроль должны рассматриваться в комплексе и взаимосвязи. Такая точка зрения является традиционной в трудах как отечественных, так и зарубежных ученых [5, с. 99], [6, с. 81], [7, с. 185], [8, с. 153]. Подробному рассмотрению этой проблемы будет посвящена отдельная статья.

Основная часть. Подавляющее большинство отечественных и российских авторов применяет системный поход и традиционно классифицирует принципы права на общие для данной системы права, отраслевые, межотраслевые и принципы институтов права [9, с. 162],

[10, с. 84], [11, с. 519]. Базовым для системного подхода является понятие системы, под которой, как правило, понимается «множество взаимосвязанных элементов, выступающее как определенная целостность» [12, с. 18].

Мы также считаем необходимым рассматривать принципы института, объединяя их в систему. Эта система будет входить в виде подсистемы в систему принципов трудового права.

Понимание института надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде как межотраслевого обусловливает нашу логику использования принципов из иных отраслей права, формирующих данный межотраслевой институт, кроме отрасли, собственно, трудового права. При рассмотрении института надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде это будут, например, административное и гражданское право, а также процессуальные отрасли права.

При формулировании принципов и сведении их в систему мы выявим и учтем принципы, их связи и зависимости: а) по вертикали: общие принципы права – межотраслевые принципы права – отраслевые принципы права – принципы института; б) между принципами рассматриваемого института права и принципами иных институтов отрасли. Одним из таких институтов может стать институт трудовых споров; в) с принципами иных отраслей права.

Также при построении внутренней системы принципов института мы проранжируем принципы института права. Построение системы правовых принципов с учётом их иерархической зависимости внутри института права приводит нас к выводу о возможности и целесообразности выделения центрального (системообразующего) принципа института надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде. Этот правовой принцип должен быть взаимосвязан с целями и задачами как самого института, так и отрасли в целом.

Разработку системы правовых принципов рассматриваемого института целесообразно вести в направлении выделения и разработки детализированных правовых принципов деятельности надзорных и контрольных органов, реализующих свои полномочия в сфере труда. Другим направлением развития принципов института надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде может явиться выработка (выделение) правовых принципов отдельных видов надзорной деятельности – проверки, мониторинга и т. д.

Еще одним направлением разработки принципов института надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде нам видится также развитие правовых принципов отдельных этапов надзорно-контрольной деятельности.

Для построения системы принципов рассматриваемого института исходным будем считать отраслевой принцип обеспечения государственного надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства и охраной труда. Этот принцип Т.М. Петоченко называет среди руководящих идей, образующих в совокупности систему основных (отраслевых) принципов трудового права. По ее мнению, этот принцип означает защиту трудовых прав работников и пресечение нарушений норм трудового законодательства [13, с. 197]. Рассматриваемый принцип отвечает на вопрос о целях надзора и контроля в рассматриваемой сфере, достаточно емко определяя сущность рассматриваемого института права.

Из него выделим принцип защиты трудовых прав работников и пресечения нарушений норм законодательства о труде посредством надзора и контроля. Выделенный принцип будет главенствующим (центральным) принципом рассматриваемого института права. Из него непосредственно вытекает сразу два принципа. Во-первых, это принцип государственного функционирования инспекции труда, которая должна являться частью государственной системы управления социально-трудовой политикой, выделяемый немецким ученым-практиком, экспертом Европейского Союза В. Рихтхофеном [14, с. 8]. Данный принцип нами формулируется шире – как принцип государственного функционирования органов надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде. Логика указанного принципа подтверждается нормами ст. 462 ТК Республики Беларусь [4].

Во-вторых, это такой принцип, как создание государственных гарантий для осуществления профсоюзного контроля за соблюдением трудовых прав, формулируемый В.И. Мироновым [15, с. 86]. Основанием для его выделения мы считаем ч. 1 ст. 463 ТК Республики Беларусь, содержащую норму о наделении профсоюзов полномочиями по осуществлению общественного контроля за соблюдением законодательства о труде [4]. Нами данный принцип формулируется как принцип осуществления профсоюзами общественного контроля за соблюдением законодательства о труде.

Т.М. Петоченко одной из черт принципа государственного функционирования инспекций труда считает распространение надзора и контроля на всех нанимателей, действующих на территории Республики Беларусь [13, с. 197], т. е. всеобщность надзора и контроля. В. Рихтхофен раскрывает всеобщность надзора как тенденцию всеобщего охвата и расширения действия инспекции труда по защите и предупреждению в отношении возможно наибольшего числа трудящихся во всех областях деятельности [14, с. 8]. Всеобщность и обязательность контроля государственной инспекции труда предусматривают ст. 354 и 355 Трудового кодекса Российской Федерации (далее – ТК РФ) [16]. Т.П. Барбашова и В.И. Миронов считают, что из этого следует, что при проведении инспекций организаций любых форм собственности должностные лица государственной инспекции труда независимы и подчиняются только требованиям законодательства [17, с. 50].

Анализируя законодательство Республики Беларусь, Т.М. Петоченко одним из принципов считает независимость органов надзора и контроля при осуществлении ими своих полномочий [13, с. 197]. В. Рихтхофен выделяет сходный принцип независимости инспекторов, вытекающий из принципа государственного функционирования инспекций труда [14, с. 8]. Принцип независимости инспекторов, как отдельный принцип, отражен в ст. 359 ТК РФ. В ч. 1 ст. 355 ТК РФ фактически содержится и более широко трактуемый по субъекту принцип независимости деятельности федеральной инспекции труда и ее должностных лиц [16]. Мы этот принцип будем именовать принципом независимости деятельности органов надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде и их должностных лиц.

В свою очередь полагаем, что с принципом независимости логически связан выделяемый В.И. Мироновым принцип, предусматривающий обязанность работодателя не чинить препятствия при осуществлении государственного надзора и общественного контроля за соблюдением норм трудового права [15]. Мы сформулируем его как «обязанность нанимателя не чинить препятствия при осуществлении надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде».

Т.П. Барбашова и В.И. Миронов выделяют принцип диспозитивности, исходя из которого только работник может использовать для защиты своего субъективного права обращение в органы по надзору и контролю за соблюдением норм трудового права [17, с. 16]. Иными словами, принцип диспозитивности закрепляет за работником и нанимателем отчасти разные права. Принцип диспозитивности также проявляется и в том, что рассматриваемые отношения являются отношениями власти и подчинения, т. е. строятся на неравенстве сторон – контролирующей и контролируемой.

Принцип равенства прав и законных интересов всех проверяемых субъектов выделяет п. 3 Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ № 510) [18]. О.И. Попова рассматривает принцип равенства шире, указывая следующее: «…при проведении надзорных и контрольных действий в правоотношении также просматривается равноправие субъектов – и в отношении работодателя, и в отношении работника» [19, с. 110]. Объединяя оба принципа, сформулируем принцип юридического равенства и диспозитивности сторон надзорно-контрольного правоотношения.

Часть источников выделяет приоритет трудовых прав, жизни и здоровья работников по отношению к результатам производственной деятельности [13] либо приоритет обеспечения соблюдения трудовых прав и свобод, включая право на безопасные условия труда [15]. Такой приоритет особенно важен для трудового права и отражает специфику отрасли права. По нашему мнению, он является отраслевым принципом, который учитывается в рассматриваемом институте, но непосредственно в систему принципов института не включается.

Т.М. Петоченко выделяет принцип систематичности проведения проверок деятельности нанимателей в сфере трудовых отношений и охране труда [13, с. 197]. Фактически в своем диссертационном исследовании такую позицию разделяет А.А. Сапфирова, рассматривая «принцип приоритета комплексных обследований» [6, с. 47]. Поддерживая этот подход, укажем, что акцентуация внимания на проведении внеплановых проверок, в том числе по обращениям работников, на практике приводит к «фрагментарности» надзора и контроля, которая не дает возможности воздействовать на ситуацию целенаправленно и с широким охватом субъектов надзора и контроля. Учитывая оба подхода, с целью широкого использования в рассматриваемой деятельности различных форм надзора и контроля (а не только проверки), мы будем этот принцип понимать как принцип приоритета проведения системных надзорных и контрольных мероприятий.

В.И. Мироновым выделяются следующие связанные между собой принципы: право работников требовать устранения нарушений трудовых прав при осуществлении государственного и общественного контроля за соблюдением норм трудового права и обязанность работодателя устранять выявленные нарушения трудовых прав на основании предписаний органов государственного контроля за соблюдением трудового законодательства [15, с. 51]. По нашему мнению, оба выделяемых В.И. Мироновым принципа вытекают непосредственно из центрального принципа рассматриваемого института – принципа защиты трудовых прав работников и пресечения нарушений норм законодательства о труде посредством надзора и контроля.

Переформулируем их с учетом норм отечественного законодательства и будем именовать – право работников требовать устранения нарушений трудовых прав при осуществлении надзора и контроля и обязанность нанимателя устранять выявленные нарушения законодательства о труде на основании предписаний государственных органов надзора и контроля.

Также следует выделить принцип, который В. Рихтхофен понимает как необходимость тесного сотрудничества инспекции труда с работодателями и трудящимися [14, с. 8]. С определенными вариациями наличие такого принципа поддерживают М.Д. Собянина [20, с. 16–17] и А.А. Сапфирова [6, с. 47]. Мы считаем, что данный принцип должен звучать так, как его формулирует Т.М. Петоченко – необходимость взаимодействия надзорно-контрольных органов [13, с. 197].

О необходимости работы по предупреждению совершения правонарушений гласит п. 3 Указа № 510 [18]. В. Рихтхофен выделяет в качестве принципа ориентирование и акцентирование инспекции труда на предупреждение [14, с. 9]. А.М. Лушников и М.В. Лушникова отмечают, что превентивная функция в равной степени с другими должна присутствовать в деятельности инспекции труда [21, с. 170]. Рассматриваемый принцип мы назовем принципом профилактики нарушений законодательства о труде.

Принципы, рассматриваемые далее, будут учитываться при формулировании норм права, а также в надзорно-контрольной деятельности, без их включения в принципы института. Такой подход позволит использовать их, не дублируя в разных актах законодательства.

Нами будут учтены следующие принципы. Общеправовой принцип законности, детализированный в п. 3 Указа № 510, акцентирующий внимание на законности при назначении, проведении, оформлении результатов проверки, вынесении решений и рассмотрении жалоб на решения контролирующих (надзорных) органов, требования (предписания) об устранении нарушений, действия (бездействие) проверяющих [18]. Непосредственно из принципа законности, по нашему мнению, вытекает принцип ответственности контролирующих (надзорных) органов, их должностных лиц при осуществлении контроля (надзора) [18], также являющийся правовой гарантией реализации принципа законности в их деятельности. Этим же актом законодательства сформулирован принцип презумпции добросовестности и невиновности проверяемого субъекта [18].

В п. 3 Указа № 510 выделяется два взаимосвязанных принципа: открытости информации о включении проверяемых субъектов в координационный план контрольной (надзорной) деятельности на предстоящий период; открытости и доступности нормативных правовых актов [18].

Признавая обоснованность всех перечисленных принципов и логику порядка их систематизации в рассмотренных источниках, отметим широкие возможности вариативности понимания их сущности и взаимосвязей.

Заключение. С учетом сформулированных и уточненных нами принципов, можно сделать вывод о системе следующих основных принципов института надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде, в состав которой входят:

– защита трудовых прав работников и пресечения нарушений норм законодательства о труде посредством надзора и контроля;

– государственное функционирование органов надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде;

– осуществление профсоюзами общественного контроля за соблюдением законодательства о труде;

– всеобщность надзора и контроля;

– независимость деятельности органов надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде и их должностных лиц;

– обязанность нанимателя не чинить препятствия при осуществлении надзора и контроля за соблюдением законодательства о труде;

– юридическое равенство и диспозитивность сторон надзорно-контрольного правоотношения;

– приоритет проведения системных надзорных и контрольных мероприятий;

– право работников требовать устранения нарушений трудовых прав при осуществлении надзора и контроля и обязанность нанимателя устранять выявленные нарушения законодательства о труде на основании предписаний государственных органов надзора и контроля;

– необходимость взаимодействия надзорно-контрольных органов;

– профилактика нарушений законодательства о труде.

Литература

1. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М., 2002. – 767 с.

2. Теория государства и права : учеб. для юрид. вузов и фак. / С. С. Алексеев [и др.] ; отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. – М. : Норма : Инфра-М, 1998. – 558 с.

3. Кучинский, В. А. Современное учение о правовых отношениях / В. А. Кучинский. – Мн. : Интегралполиграф, 2008. – 317 с.

4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Красовская, Н. И. Надзор и контроль за соблюдением законодательства о труде : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Н. И. Красовская. – Мн., 1998. – 108 л.

6. Сапфирова, А. А. Современные проблемы защиты трудовых прав работников федеральной инспекцией труда / А. А. Сапфирова. – Майкоп, 2014. – 202 с.

7. Губенко, М. И. Правовое регулирование охраны труда, надзорно-контрольной деятельности за соблюдением законодательства Российской Федерации о труде и охране труда : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / М. И. Губенко. – Челябинск, 2003. – 208 л.

8. Барбашова, Т. П. Государственный надзор и контроль за соблюдением трудовых прав работников : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Т. П. Барбашова. – М., 2008. – 173 л.

9. Карташов, В. Н. Принципы права: понятие, структуры, функции / В. Н. Карташов // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 158–166.

10. Семенков, В. И. Избранные труды / В. И. Семенков. – Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2013. – 535 с. – (Наследие права).

11. Лушников, А. М. Курс трудового права : учебник : в 2 т. / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2009. – Т. 1. Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. – 879 с.

12. Садовский В. Н. Основания общей теории систем / В. Н. Садовский. – М. : Наука, 1974. – 276 с.

13. Петоченко, Т. М. Функции и принципы трудового права Республики Беларусь : общая характеристика и виды / Т. М. Петоченко // Современные проблемы правоведения : сб. научн. трудов. – Мн. : БГЭУ, 2011. – Вып. 1. – С. 186–201.

14. Рихтхофен, фон В. Инспекция труда [Электронный ресурс] : введение в профессию / В. фон Рихтхофен. – Режим доступа : www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/genericdocument/wcms_305864.pdf. – Дата доступа : 24.07.2020.

15. Миронов, В. И. Трудовое право. Учебник для вузов / В. И. Миронов. – СПб. : Питер, 2009. – 864 с.

16. Трудовой кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : от 30 дек. 2001 г., № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 21 дек. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 26 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 25.05.2020 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

17. Барбашова, Т. П. Защита трудовых прав работников / Т. П. Барбашова, В. И. Миронов. – М. : Управление Персоналом, 2007. – 104 с.

18. О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь Республики Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 : в ред. Указа от 31.12.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

19. Попова, О. И. Место и роль государственной инспекции труда в системе государственного надзора и контроля Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / О. И. Попова. – М., 2009. – 189 л.

20. Собянина, М. Д. Принципы институтов российского трудового права : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.05 / М. Д. Собянина ; Пермский гос. ун-т. – Пермь, 2006. – 19 с.

21. Лушников, А. М. Охрана труда и трудоправовой контроль (надзор): научно-практическое пособие / А. М. Лушников, М. В. Лушникова. – М. : Проспект, 2015. – 248 с.

Международный университет «МИТСО»,
Витебский филиал

Поступила в редакцию 25.09.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 94:34.01:342.4(476)«1990»

К вопросу о юридической природе «Декларации о государственном суверенитете БССР»

И.В. Немкевич

Автор считает, что тезис о рекомендательном характере «Декларации о государственном суверенитете БССР» нуждается в уточнении. В статье приведены исторические прецеденты использования деклараций в качестве конституционных актов. Представлена оценка юридической природы «Деклараций», принятых в 1990 г. в других республиках Советского Союза. Обосновано предложение рассматривать «Декларацию о государственном суверенитете БССР» в качестве нормативного акта конституционного содержания и значения.
Ключевые слова: Декларация, Верховный Совет БССР, конституция, конституционный закон, нормативно-правовой акт, юридическая сила, конституционное право, история государства и права Республики Беларусь.

The author believes that the thesis about the recommendatory nature of the «Declaration on State Sovereignty of the BSSR» needs to be clarified. The article gives historical precedents for the use of declarations as constitutional acts. An assessment of the legal nature of the «Declarations» adopted in 1990 in other republics of the Soviet Union is presented. The proposal is substantiated to consider the «Declaration on State Sovereignty of the BSSR» as a normative act of constitutional content and significance.
Keywords: Declaration, Supreme Council of the BSSR, constitution, constitutional law, normative legal act, legal force, branch of constitutional law, history of the state and law of the Republic of Belarus.

Введение. Тернистый путь Беларуси к национальной государственности отмечен едва ли ни уникальной особенностью: независимость белорусской республики в двадцатом столетии декларировалась конституционными актами четыре (!) раза – в 1918-ом, в 1919-ом, в 1920-ом и в 1990-ом гг. Уже данный факт объясняет интерес к исследованию использованных при этом учредительных нормативных актов. Особое место в ряду этих памятников истории белорусской государственности занимает «Декларация о государственном суверенитете БССР», принятая Верховным Советом БССР 27 июля 1990 г. Общепризнанной является ее оценка в качестве первого этапа процесса законодательного оформления современной белорусской государственности и важного шага на пути в Конституции независимой Беларуси. Наше внимание, однако, привлекло то обстоятельство, что отечественные конституционалисты и историки права до сих пор должным образом не уточнили места и роли этого акта в становлении и развитии национальной правовой системы и не выработали единой позиции по вопросу о юридической природе этого документа.

Основная часть. Большинство учебных пособий, энциклопедических и академических изданий по истории белорусской государственности информируют о содержании принятой в 1990 году «Декларации» без уточнения юридической ее природы. Они же констатируют далее факт придания ей 25 августа 1991 г. статуса конституционного закона (опять-таки без попыток прокомментировать данный факт в интересующем нас аспекте). Так, форма акта не уточняется в описании содержания и судьбы «Декларации» в «Нарысах гісторыі Беларусі», изданных Институтом истории АНБ в 1994–1995гг., в учебниках по истории отечественных государства и права, подготовленных профессорами Я.А. Яхо, А.Ф. Вишневским, Т.И. Довнар. Форма рассматриваемого акта не уточняется и никак не комментируется в фундаментальном академическом издании «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.». Многотомная «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» определяет «Декларацию» 1990 г. «ўрачыстым абвяшчэннем аб суверэнітэце дзяржавы», умалчивая о форме акта. Умолчание выглядит демонстративным на фоне энциклопедических определений приведенных рядом иных «Деклараций»: «канстытуцыйны акт» (о «Декларациях» Народного Собрания Западной Беларуси 1939 г. и «Декларации прав народов России» 1917 г.), «дзяржаўны акт» (о «Декларации независимости ССРБ» 1920 г.) [1, с. 336–337].

В 2012 г. в Гродненском университете была опубликована обстоятельная монография, специально посвященная классификации источников белорусского права [2]. К сожалению,

автор – известный белорусский конституционалист и теоретик права Н.В. Сильченко – не посчитал необходимым включить принятую Верховным Советом БССР в 1990 г. «Декларацию» в число рассмотренных в этой интересной работе разнообразных нормативных актов. Целый параграф, посвященный принятию «Декларации», включил в монографию «Конституция независимой Беларуси: разработка, проекты, принятие» ее автор А.В. Курьянович [3]. Исследователь скрупулезно описал процесс принятия документа, отметив «исторический характер» ее утверждения Верховным Советом БССР. Но интересующий нас вопрос о юридической квалификации акта, принятого 27 июля 1990 г., затронут при этом не был.

Заметим также, что в перечисленных публикациях ничего не говорится и о рекомендательном характере «Декларации» в момент ее принятия. Напротив, в отдельных эпизодах предложенного в них анализа содержания этого исторического акта речь идет именно о «законодательном» (!) закреплении тех или иных принципиальных положений [4, с. 386], [5, с. 250].

Обзор литературных источников позволяет констатировать, что научная общественность гласно [6, с. 248–249] или по умолчанию солидаризовалась с той оценкой юридической природы «Декларации о государственном суверенитете БССР», которую сформулировал почти два десятилетия назад авторитетнейший белорусский конституционалист Г.А. Василевич. Широко растиражированная [7, с. 39–43], [8, с. 311–314], [9, с. 140–149], [10, с. 62–70], эта позиция не признаёт «юридического значения» акта Верховного Совета БССР 27 июля 1990 г. и определяет «рекомендательный характер» данного документа в плане соотношения его с другими актами [9, с. 140]. По мнению Г.А. Василевича, провозглашенные в «Декларации» идеи «… не были облечены в ту юридическую форму, которая бы превращала их из рекомендаций в неукоснительные для соблюдения правила» [9, с. 144]. В его трактовке принятый Верховным Советом БССР акт не являлся законом вовсе: только принятые впоследствии иные нормативные акты «возводили» положения акта 27 июля 1990 г. «в ранг закона» [9, с. 146]. Столь ясно высказанная оценка, лишающая «Декларацию» статуса закона, вызывает уважение не только своей категоричностью, но и проявленным при этом научным тактом. В рассматриваемых публикациях Г.А. Василевич, возглавлявший в то время Конституционный Суд Республики Беларусь, акцентировано отмечает, что изложенная в них оценка «Декларации» является его персональным исследовательским мнением.

Воспринимая данную оговорку авторитетного ученого в качестве приглашения к дискуссии, считаю уместным высказать следующие соображения по заявленной проблеме.

Прежде всего, следует отметить, что сам Г.А. Василевич в монографии «Конституция – основа национальной правовой системы», опубликованной в 2010 г., выделяет группу «актов особой формы» и упоминает в качестве примера таковых «нетипичных актов» Декларацию Верховного Совета БССР «О принятии и объявлении Конституции (Основного Закона) Белорусской Советской Социалистической Республики» 14 октября 1978 г. и «нестандартное решение» Верховного Совета БССР 1990 г., уже не ставя под сомнение юридическое значение этих актов [11].

Действительно, обратившись к историческим прецедентам, не трудно убедиться в том, форма деклараций хорошо известна истории права и, на наш взгляд, вполне «типична» в ситуации выхода за рамки существующей национальной правовой системы и учреждения фундаментальных норм новой правовой системы. Прецедент американской «Декларации независимости» положил начало традиции использования данной формы законодательного закрепления учредительных норм (норм-начал) конституционного значения в ряде других государств. Достаточно упомянуть «Декларации прав человека и гражданина» во Франции, «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и «Декларацию прав народов России» в российской истории. Неоднократно такая форма учредительного конституционного акта была использована в истории белорусской государственности: «Декларация независимости ССРБ» 1920 г., четыре Декларации, принятые Народным (Национальным) собранием Западной Беларуси 29 октября 1939 г., а также упомянутая Г.А. Василевичем Декларация Верховного Совета БССР 1978 г. Отсутствие в названии всех этих актов формального обозначения «конституционный закон» не мешало признанию их таковыми по содержанию и значению, а также и не служило поводом для сомнения в их нормативном характере. Не будет лишним добавить, что некоторые из Деклараций даже неоднократно становились частью Конституций, принятых в процессе реализации декларированных в них норм-принципов и

иных учредительных норм (Конституция 1791 г., конституции Первой и Пятой республик во Франции, Конституция РСФСР 1918 г., Конституция ССРБ 1919 г.). Вопрос о правовой природе Декларации как формы законодательства специально рассматривался органом конституционного контроля: в июле 1971 г. Конституционный Совет Франции признал Декларацию юридически обязательным документом.

Предполагаю, что как раз этой исторической традицией руководствовался законодатель, избрав форму деклараций для закрепления государственного суверенитета и независимости во время «парада суверенитетов» 1990–1991 гг. Очевидным представляется и стремление законодателя подчеркнуть выбором такой законодательной формы исторический масштаб происходящего события, акцентировать «нестандартность» этого масштаба торжественной формой законодательного акта. Не случайно именно день принятия «Декларации о государственном суверенитете БССР» был объявлен Верховным Советом главным государственным праздником (а не день формального признания за актом 27 июля 1990 г. статуса конституционного закона).

Заслуживают внимания и другие аспекты отношения законодателя к «Декларации». Объективным (и законодательно зафиксированным) свидетельством отношения высшего органа власти к акту 27 июля 1990 г. является тот неоспоримый факт, что ни в тексте самого документа, ни в ходе его обсуждения и принятия не говорилось ни об отсутствии у него юридической силы, ни о рекомендательном его характере. Отнюдь не демонстрируют сомнений ее в «юридическом значении» и тексты принятых позднее иных актов законодателя. Напротив, закон «Об основах внешнеэкономической деятельности Белорусской ССР», принятый 25 октября 1990 г., основывался «на прынцыпах, замацаваных у Дэкларацыі аб дзяржаўным суверэнітэце рэспублікі». В декабре 1990 года Верховный Совет, «кіруючыся Дэкларацыяй аб дзяржаўным суверэнітэце Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі», постановил объявить собственностью Белорусской ССР все банки и банковские учреждения на территории республики [тексты нормативных актов цитируются по: 12, с. 419].

Анализируя же субъективное отношение депутатов к законодательной деятельности Верховного Совета БССР тех кризисных лет периода «перестройки», необходимо принять во внимание специфику правовой культуры советских граждан. Она была сформирована в обществе, в котором принцип верховенства закона не признавался, а Основной Закон государства носил декларативный характер. В своем подавляющем большинстве депутаты не владели юридическими знаниями, достаточными для понимания природы, формы и юридического значения многих из активно принимавшихся Верховным Советом того периода законодательных актов. Не только депутатский корпус высшего законодательного органа, включая членов его Президиума, но и подавляющее большинство политически активных граждан Беларуси воспринимала принимавшиеся в республиках Советского Союза декларации о государственном суверенитете в качестве не более чем очередного эпизода большого общесоюзного политического процесса реформирования СССР. Меньше всего, пожалуй, они задумывались при этом о юридической форме этих актов. В этом смысле – в смысле реального восприятия обществом в тот период нашей истории – можно согласиться с предложенной Г.А. Василевичем оценкой юридического значения и рекомендательного характера «Декларации о государственном суверенитете БССР». Однако, такое реальное общественное восприятие нормативно-правового акта не обязательно тождественно его формально-юридической квалификации.

К слову, немногочисленные в депутатском корпусе юристы вполне осознавали необходимость уточнения вопроса о юридической силе столь важного акта и его соотношения с действующим законодательством. Показательными представляются нам два эпизода в ходе обсуждения и принятия «Декларации», отмеченные в монографии А.В. Курьяновича. При обсуждении седьмой статьи депутат В. Гончар настаивал на необходимости внесения в нее поправки, согласно которой «до создания новой конституции БССР на ее территории действуют положения Конституции 1978 г., которые не противоречат данной Декларации» [3, с. 17]. Аналогичная поправка рассматривалась Верховным Советом и при обсуждении двенадцатой статьи «Декларации». Хотя в обоих случаях поправка В. Гончара была отклонена, сам факт ее обсуждения и голосования, на наш взгляд, подтверждает, что далеко не все депутаты видели в принимаемом историческом документе лишь политическое заявление, не имевшее юридического значения.

Общеизвестно, что принятие «Декларации о государственном суверенитете БССР» отнюдь не являлось новаторским шагом белорусского законодателя. В качестве источников при подготовке ее проекта (в «рекордные», по Г.А. Василевичу, сроки) выступали и соответствующие «Декларации» других союзных республик. Обсуждая проблему юридической формы «Декларации о государственном суверенитете БССР», уместно поэтому поинтересоваться позициями исследователей других государств постсоветского пространства, определявших форму и юридическую природу своих соответствующих конституционных актов.

Большинство российских специалистов признаёт государственно-правовое значение «Декларации о государственном суверенитете РСФСР». «Вне сомнения, это акт конституционного значения», – определяет профессор С.А. Авакьян [13, с. 98]. Исследователь А.Ю. Винников, оценивая роль этого акта в становлении российского государства, приходит к выводу о том, что «Декларация, в сущности, представляет собой первый конституционный нормативный правовой акт РСФСР как самостоятельного и независимого государства» [14, с. 101]. Выдающийся российский государствовед Е.И. Козлова к числу источников права, имеющих «государственно-правовое значение», относила не только Декларацию о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990 г., но и Декларацию о языках народов России от 25 октября 1991 г., Декларацию прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. «В них, – объясняла Е.И. Козлова, – формулируются принципы, обязательные для государственно-правового развития государства, республики; в них, как правило, провозглашаются новые концепции, определяющие развитие государственности, принципы, необходимые для всей политики в данной сфере; и им должно быть подчинено соответствующее законодательство» [15, с. 20]. В статье, посвященной правовой оценке «Декларации о государственном суверенитете РСФСР», профессор В.А. Овчинников констатировал преобладающее среди российских специалистов мнение о том, что этот акт стал началом «процесса конституционно-правового оформления» нового государственного статуса России [16, с. 38].

Нормативно-правовым актом конституционного значения считают «Декларацию о государственном суверенитете Казахской ССР» маститые ученые Казахстана. Эта Декларация, как отмечал академик Г.С. Сапаргалиев, «… была не просто «Декларацией намерений», а имела нормативный правовой характер» [17, с. 65]. Конституционно-правовым актом, знаменующим начало юридического оформления независимого развития Казахстана, считают Декларацию академик С.С. Сартаев, казахские государствоведы Л.Т. Назаркулова, З.Ж. Кензалиева, В.А. Ким. Академик С.З. Зиманов, возглавлявший комиссию по подготовке проекта Декларации, юридическую природу документа определяет дефинициями «основополагающий акт конституционного значения», «исторический акт Конституционного значения» [18]. А профессор Евразийской юридической академии имени Д.А. Кунаева К.К. Айтхожин, подчеркнув особую политико-правовую природу Декларации, отводит ей «ведущее и уникальное место в системе действующего права в целом и в отрасли конституционного права Казахстана в особенности» [19].

О двойственной политико-правовой природе деклараций о государственном суверенитете писал и кыргызский ученый А.А. Арабаев. По его мнению, принятая Верховным Советом Киргизской ССР Декларация является конституционным актом основополагающего значения, имеющим высшую юридическую силу. Положения Декларации имели первичный, основополагающий характер и сопоставимы в этом плане лишь с конституционными нормами. «Тем более, – уточняет АА. Арабаев, – что, во-первых, с формально-юридической стороны она принята высшим органом государственной власти – Верховным Советом Кыргызстана. Во-вторых, она содержала принципиально новые положения и нормы, в силу чего стала правовой основой новой Конституции республики» [20, с. 78].

Заключение. Изложенные соображения позволяют предложить следующую трактовку юридической природы исторического акта 27 июля 1990 г. Уже в момент ее принятия «Декларация о государственном суверенитете БССР» не только носила характер важного политического заявления, но и обладала несомненным юридическим значением. По критериям официальности, документальности, компетентности и сохранения должной процедуры принятия она полностью соответствовала критериям, свойственным нормативно-правовому акту. Изначально «Декларация», по нашему мнению, была **законом конституционного содержания и значения**, юридическая сила которого как минимум приравнивалась к таковой у Основного Закона. Использованная же Верховным Советом форма декларации была адек-

ватной задаче законодательного закрепления исторически новых учредительных норм (норм-начал и норм-принципов). И, кроме того, отражала тот факт, что форма конституционного закона тогда еще не была знакома законодателю.

Закон от 25 августа 1991 г. «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Белорусской ССР о государственном суверенитете БССР» лишь устранял юридическую «недосказанность» акта 27 июля 1990 г., вводя в конституционное право нашей республики понятие «конституционный закон» и констатируя, что «Декларация» является частью новой не кодифицированной по форме конституции. И даже той ее частью, которая имеет приоритет над пока еще действующей кодифицированной ее частью – Конституцией БССР 1978 г. Впрочем, вопрос о значении Закона от 21 августа 1991 г. для истории белорусской государственности и о его месте и роли среди источников конституционного права заслуживает самостоятельного и отдельного обсуждения.

Литература

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : БелЭн, 1996. – Т. 3. Гімназіі – Кадэнцыя. – 527 с.

2. Сільчанка, М. У. Тэорыя крыніц беларускага права : манаграфія / М. У. Сільчанка. – Гродна : ГрДУ, 2012. – 253 с.

3. Курьянович, А. В. Конституция независимой Беларуси: разработка, проекты, принятие : монография / А. В. Курьянович. – Мн. : Тесей, 2010. – 176 с.

4. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік / Т. І. Доўнар. – Мн. : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.

5. История государства и права славянских народов : учеб. пособие / И. Н. Кузнецов. – Мн., 2007. – 587 с.

6. Чудаков, М. Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447–1996 гг.) : монография / М. Ф. Чудаков. – Мн. : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 327 с.

7. Василевич, Г. А. Референдумы в Беларуси и ее путь к независимости в конце XX столетия / Г. А. Василевич. – Мн. : Молодежное научное общество, 2001. – 156 с.

8. Васілевіч, Р. А. Гісторыя канстытуцыйнага права Беларусі / Р. А. Васілевіч, Т. І. Доўнар, Г. А. Юхо. – Мн. : ВТАА «Права і эканоміка», 2001. – 363 с.

9. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г. А. Василевич. – Мн. : Книжный Дом ; Интерпрессервис, 2003. – 832 с.

10. Василевич, Г. А. Белорусское государство на рубеже веков / Г. А. Василевич. – Мн. , 2006. – 444 с.

11. Василевич, Г.А. Конституция – основа национальной правовой системы / Г. А. Василевич. – Мн. : Право и экономика, 2010. – 261 с.

12. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. / М. У. Смяховіч [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мн. : Беларус. навука, 2012. – Кн. 2. – 654 с.

13. Авакьян, С. А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С. А. Авакьян. – 2-е изд. – М. : РЮИД, «Сашко», 2010. – 528 с.

14. Винников, А. Ю. К вопросу о месте и роли Декларации о государственном суверенитете РСФСР в становлении российского государства / А. Ю. Винников // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 29 (244), вып. 29. Право. – С. 99–103.

15. Государственное право Российской Федерации : учебник / Под ред. О. Е. Кутафина. – М. : Юрид. лит., 1996. – 584 с.

16. Овчинников, В. А. Декларация о государственном суверенитете РСФСР и ее правовая оценка / В. А. Овчинников // Управленческое консультирование. – 2013. – № 5 (53). – С. 37–41.

17. Сапаргалиев, Г. С. Конституционное право Республики Казахстан: Академический курс / Г. С. Сапаргалиев. – Алматы : Жети жаргы, 2002. – 528 с.

18. Зиманов, С. З. Парламент Республики Казахстан в трудные годы провозглашения Независимости / С. З. Зиманов. – Алматы : Алаш, 2011. – 287 с.

19. Айтхожин К. К. Декларация Казахской ССР «О государственном суверенитете Казахской ССР» – акт конституционного значения [Электронный ресурс] / К. К. Айтхожин // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. – 2008. – 4 (48). – Режим доступа: https: //articlekz.com/article/7108. – Дата доступа : 09.08.2020.

20. Арабаев, А. А. Конституционное законодательство Кыргызской Республики / А. А. Арабаев. – Бишкек : БАИС, 2001. – 298 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 03.09.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 346.37

Правовое регулирование и защита инвестиций в сфере строительства

Е.В. Парукова

Статья посвящена проблеме защиты прав и интересов субъектов инвестиционной деятельности в сфере строительства на территории Республики Беларусь. Проводится анализ правовых норм, регламентирующих порядок, условия, ограничения и способы осуществления инвестиций в сфере строительства, на предмет юридической допустимости и экономической оправданности, обеспечения должного баланса интересов инвестора, общества и государства. Исследован вопрос о необходимости совершенствования правового регулирования инвестиционной деятельности, связанной со строительством жилых помещений в многоквартирных, блокированных жилых домах и одноквартирных жилых домов. Сделаны предложения по совершенствованию законодательства Республики Беларусь, которые будут способствовать привлечению крупных застройщиков, в том числе инвесторов с необходимым объемом финансирования строительства в целях получения неограниченной прибыли от продажи завершенных строительством объектов недвижимого имущества, и одновременно гарантировать защиту, предоставляя возможность другим застройщикам (инвесторам), не располагающим необходимыми объемами финансирования для самостоятельного завершения строительством жилых помещений, сохранить свои позиции и развиваться в данной отрасли.
Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, строительство, долевое строительство, жилые помещения, сметная стоимость строительства, общие затраты на строительство, гарантии, защита.

The article deals with the problem of protecting the rights and interests of those involved in investment activities in the sphere of construction in the territory of the Republic of Belarus. The legal rules governing the manner, conditions, restrictions and methods of investment in the construction sector are analysed with regard to the legal permissibility and economic feasibility of ensuring a proper balance between the interests of the investor, society and the State. The need to improve the legal regulation of investment activities related to the construction of housing units in multi-family, blocked housing units and single-family housing units has been studied. Proposals have been made to improve the legislation of the Republic of Belarus, which will help to attract large developers, including investors with the necessary construction financing to generate unlimited profits from the sale of completed immovable property while at the same time guaranteeing protection by allowing other developers (investors)Not having the necessary financial resources to complete the construction of housing units on their own, to maintain their position and to develop in this sector.
Keywords: investment, construction, share construction, housing, estimated construction cost, total construction cost, guarantees, protection.

Защита прав инвесторов – субъектов хозяйствования, вкладывающих свое имущество и интеллектуальную собственность в объекты строительства на территории Республики Беларусь, – одна из самых актуальных и широко обсуждаемых тем.

Законом Республики Беларусь «Об инвестициях», в частности, ст. 5 предусмотрено, что инвесторам гарантируется осуществление защиты прав и законных интересов в суде и иными способами, предусмотренными законодательством Республики Беларусь, в том числе международными договорами Республики Беларусь [1]. Такие гарантии находят свое нормативное закрепление не только в национальном законодательстве Республики Беларусь, но и в международных договорах, ратифицированных Республикой Беларусь. При этом под способами защиты прав инвесторов принято понимать меры правоохранительного характера, применение которых направлено на возобновление имущественного положения инвестора и устранение преград в реализации его прав и законных интересов.

Инвестиции могут вноситься как в проектируемый или незавершенный строительством объект, так и в объект, фактически готовый к вводу в эксплуатацию. Этапы, формы и виды реализации инвестиций в значительной степени влияют на характер нарушений или ограничений прав инвесторов.

Правовое регулирование отдельных правоотношений, связанных с осуществлением инвестиций в сфере строительства, ставит инвестора перед выбором, обусловленным большими рисками, связанными с неполучением не только желаемого результата от инвестиционной деятельности, но и вероятностью получения отрицательного результата в виде убытка. И, само собой разумеющееся, нарушенные права инвесторов практически «взывают» к их защите, а разнообразие способов такой защиты, в том числе посредством совершенствования правового регулирования – лишь усиливают их эффективность в процессе применения.

2 июля 2020 г. принят Указ Президента Республики Беларусь № 247 «О строительстве жилых помещений» (далее – Указ 247), основные положения которого вступили в силу 8 января 2021 г., направленный на снижение стоимости строительства жилых помещений в многоквартирных, блокированных жилых домах и одноквартирных жилых домов (далее – жилые помещения), в соответствии с которым «строительство жилых помещений с привлечением денежных средств физических лиц осуществляется застройщиками (заказчиками) с размером прибыли не более 5 процентов от определяемой в текущих ценах сметной стоимости жилых помещений, если иное не установлено Президентом Республики Беларусь» [2].

В соответствии с п. 4 Инструкции по определению сметной стоимости строительства и составлению сметной документации, утвержденной Постановлением Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 3 декабря 2007 г. № 25 «Об утверждении Инструкции по определению сметной стоимости строительства и составлению сметной документации», сметная стоимость строительства – стоимость стройки в целом, отдельных объектов, видов работ и затрат, определенная в сметной документации. При этом стройка – это совокупность зданий и сооружений (объектов) различного назначения, технологического и инженерного оборудования, инженерных и транспортных коммуникаций, благоустройства территории, по которым осуществляется выполнение строительных работ (в том числе монтаж, наладка) по единой проектно-сметной документации в объеме, определенном сводным сметным расчетом стоимости строительства или в соответствующих случаях сводкой затрат [3].

Детальный анализ указанных определений позволяет заключить, что законодатель в сметную стоимость, которая является основным показателем при определении размера прибыли застройщика, в том числе инвестора, не включает других возможных и весьма существенных сопутствующих затрат, связанных со строительством жилых помещений. Такими затратами могут являться расходы, связанные с приобретением земельного участка, на котором будет осуществляться строительство, расходы, связанные с приобретением права проектирования и строительства на земельном участке. Более того, если приобретенный земельный участок с соответствующими правами на него застроен и предполагается снос имеющихся на нем капитальных строений, зданий и сооружений, – также подразумевается необходимость несения существенных затрат.

Еще одной немаловажной позицией при определении реальных затрат застройщика, в том числе инвестора, связанных со строительством жилых помещений и не включенных законодателем в определение сметной стоимости, являющейся определяющей при расчете размера прибыли, является реализация прав и гарантий собственников и иных лиц подлежащих изъятию земельных участков, предусмотренных Указом Президента Республики Беларусь № 58 «О некоторых мерах по защите имущественных прав при изъятии земельных участков для государственных нужд» [4]. Не учтены законодателем также расходы, связанные с приведением земельного участка, на котором планируется осуществление строительства, в пригодное для строительства состояние, расходы, связанные с составлением проектно-сметной документации и др. Более того, законодатель устанавливает, что только при строительной готовности жилого дома в 15 % появляется возможность использования средств по договорам долевого строительства.

Анализ положений Указа 247 позволяет заключить, что у застройщика все-таки сохраняется право получить неограниченную прибыль при строительстве жилых помещений при условии полного завершения строительства без привлечения средств по договорам долевого строительства. Но анализ указанных норм позволяет сделать вывод о том, что цель принятия

Указа 247 – снижение стоимости строительства и сохранение объемов строительства, установленным механизмом обеспечена не будет ввиду того, что практически отсутствует реальная возможность кредитования застройщиков банками Республики Беларусь без залогового обеспечения или поручительства на всю сумму кредита. Банкам намного безопаснее предоставить финансирование в рамках кредитных обязательственных правоотношений участникам долевого строительства под залог строящихся объектов недвижимого имущества и дополнительное поручительство физических лиц.

Более того, определенная законодателем цель принятия рассматриваемого нормативного правового акта – снижение стоимости строительства жилых помещений в многоквартирных, блокированных жилых домах и одноквартирных жилых домов может породить у покупателей ожидание возможного падения цен, что, предполагается, автоматически переведет многих потенциальных покупателей в режим ожидания, который может затянуться на длительное время и привести к кризисным явлениям в отрасли. В итоге это еще больше подорвет положение застройщиков, в том числе и инвесторов, несмотря на содержащуюся в Указе 247 оговорку по неприменению его положений. Так, действие правового акта не распространяется на объекты строительства:

– разрешительная документация на строительство которых выдана до 8 января 2021 г.;

– возводимые в рамках заключенных до 8 января 2021 г. инвестиционных договоров и договоров на право проектирования и строительства [5].

В сложившейся ситуации застройщики, в том числе инвесторы, будут вынуждены уйти с рынка, либо изыскивать возможности дополнительного финансирования, что, несомненно, отразится на инвестиционном климате и инвестиционной привлекательности Республики Беларусь.

Более того, Указ 247 обязывает застройщиков проводить за счет собственных средств аудит в течение трех месяцев после приемки жилого дома в эксплуатацию. При выявлении излишне уплаченных гражданами средств их возврат будет произведен не позднее месяца со дня получения аудиторского заключения.

Таким образом, установленное Указом 247 ограничение прибыли может существовать только при условии строительства без сопутствующих затрат, связанных, как рассматривалось выше, с приобретением земельного участка, на котором будет осуществляться строительство, с расходами на приобретение права проектирования и строительства на земельном участке, со сносом расположенных на земельном участке капитальных строений и др., которые являются весьма существенными.

Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, вызовет падение предложения на рынке недвижимого имущества в связи с уходом многих компаний-застройщиков, в том числе инвестиционных, а спрос останется прежним. Соответственно, жилые помещения, построенные с установленной Указом 247 рентабельностью, равной 5 %, будут приобретаться не только физическими, но и юридическими лицами, что не запрещено законодательством, с целью последующей перепродажи, что, несомненно, скажется на конечной их стоимости. В такой ситуации поставленная принятием нормативного правового акта цель – обеспечить для граждан возможность приобретения жилья по доступным ценам, на наш взгляд, достигнута не будет. Застройщики, в том числе инвесторы, будут участвовать в финансировании посредников рынка недвижимого имущества при сохранении неизменности уровня цен.

Таким образом, если застройщики, в том числе инвесторы, осуществляют строительство объектов недвижимого имущества за счет собственных средств, то размер прибыли, полученной при их реализации, не ограничивается. В случае, если инвестор привлекает к финансированию строительства участников по договору долевого строительства (дольщиков), размер прибыли не может превышать 5 % от сметной стоимости, что может даже и не покрыть расходы застройщика (инвестора), связанные со строительством, так как в сметную стоимость не включаются все предварительные расходы. Строительство в условиях реализации указанного нормативного правового акта будет являться необоснованным риском для застройщика (инвестора). Соответственно, в данной отрасли будет наблюдаться снижение инвестиционной активности и инвестиционной привлекательности.

Ввиду вышеизложенного, в целях защиты прав застройщика, в том числе инвестора, и сохранения инвестиционной привлекательности Республики Беларусь в данной отрасли полагается целесообразным внесение соответствующих изменений в Указ 247, определяющих возможность ограничения прибыли застройщика (инвестора) в 5 % не от сметной стоимости, а общих затрат, связанных со строительством жилых помещений, подтвержденных аудитом, проведение которого возложить на застройщика (инвестора) в течение 3 месяцев с момента завершения строительства с целью необоснованного завышения указанных расходов.

С этой целью видится необходимым в подп. 1.2, п. 1 Указа 247 заменить слова «сметной стоимости» на «стоимости общих затрат, связанных со строительством».

Подп. 1.3, п. 1 Указа 247 дополнить абзацами следующего содержания:

– застройщики (заказчики), осуществляющие строительство жилых помещений за счет собственных средств: в течение трех месяцев после приемки объекта строительства в эксплуатацию с учетом работ, перенесенных на благоприятный период их выполнения, организуют за свой счет проведение аудита на предмет определения общих затрат, связанных со строительством жилых помещений;

– в течение трех рабочих дней после получения аудиторского заключения представляют копию этого заключения в местные исполнительные и распорядительные органы, выдавшие разрешительную документацию на строительство объекта строительства.

Указанные изменения будут способствовать привлечению крупных застройщиков, в том числе инвесторов с необходимым объемом финансирования строительства в целях получения неограниченной прибыли от продажи завершенных строительством объектов недвижимого имущества, и одновременно гарантировать защиту, предоставляя возможность другим застройщикам (инвесторам), не располагающим необходимыми объемами финансирования для самостоятельного завершения строительством жилых помещений, сохранить свои позиции и развиваться в данной отрасли.

Литература

1. Об инвестициях : Закон Республики Беларусь, 12 июля 2013 г., № 53-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. О строительстве жилых помещений : Указ Президента Республики Беларусь, 2 июля 2020 г., № 247 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

3. Об утверждении Инструкции по определению сметной стоимости строительства и составлению сметной документации : постановлением Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь, 3 декабря 2007 г., № 25 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

4. О некоторых мерах по защите имущественных прав при изъятии земельных участков для государственных нужд : Указ Президента Республики Беларусь, 2 февраля 2009 г., № 58 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

5. Указом Главы государства установлено ограничение прибыли застройщиков при строительстве жилья с привлечением средств граждан [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2020/july/52443//. – Дата доступа : 15.02.2020.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 27.10.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 347.97:616-036.21

Некоторые вопросы принятия судебных решений в условиях пандемии

Е.В. Смахтин

В статье рассмотрены криминалистические особенности принятия судебных решений в условиях пандемии. Сделан вывод, что многие рекомендации криминалистики в настоящее время восприняты и используются в практической деятельности, особенно в условиях противодействия распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19). В частности, речь идет об использовании информационных технологий в судебной деятельности.
Ключевые слова: COVD-19, пандемия, криминалистика, судебное решение, судебная деятельность.

The forensic features of making court decisions in a pandemic are discussed. A brief analysis of scientific publications containing forensic recommendations concerning the organizational support of judicial activity, including forensic support of the judicial investigation, is carried out. It is concluded that many of the recommendations are currently accepted and widely used in practice, especially in the context of countering the spread of a new coronavirus infection (COVID-19) in the Russian Federation. In particular, the active use of information technology at the present time in judicial activity is discussed.
Keywords: COVD-19, pandemic, forensics, judgment, judicial activity.

Влияние теории криминалистики на принятие судебных решений не является очевидным, хотя обычно не оспаривается ни учеными, ни практиками. Так, в учебной литературе прямо указывают, что *криминалистическая тактика* – это деятельность по организации и планированию не только расследования, но и *судебного разбирательства*.[1, с. 11]. Несмотря на то, что практически во всех учебниках по криминалистике четвертая часть представлена, в основном, методиками расследования преступлений, отметим, что определяется криминалистика, как наука непосредственно связанная с реализацией назначения уголовного судопроизводства [2, с. 10–11], что, на наш взгляд, ярко подчеркивает *связь криминалистики с судебной деятельностью.* Именно суд в окончательном виде дает оценку версии стороны обвинения о виновности подсудимого в сформированном следователем обвинении, которое поддерживает государственный обвинитель, и версии стороны защиты о невиновности либо меньшей виновности по сравнению с выдвинутым обвинительным тезисом [3, с. 81–87].

В научной литературе вопросы как криминалистического обеспечения судебного следствия [4, с. 217–228], так и организационного обеспечения судебной деятельности разрабатываются достаточно давно [5, с. 167–173]. В последние годы интерес ученых и практиков связан с информационными технологиями, позволяющими повысить эффективность принятия судебных решений. В этих целях поведены исследования, посвященные виртуальным следам [6, с. 43–48], которые вскоре трансформировались в концепцию информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности [7, с. 193–202]. Причем, терминология, которая использовалась в криминалистических научных исследованиях, была различной. Например, использовались словосочетания «цифровые следы», «электронные следы», «компьютерные следы» и др. Если же быть более точным, то в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) законодатель использует понятия «электронные носители информации», «электронный документ», «технические средства» и некоторые др. В связи с этим, в некоторых работах электронные носители информации трансформировались в электронные доказательства [8, с. 22–24], либо в электронную информацию и ее носители [9, с. 31–35], что более точно соответствовало букве и духу уголовно-процессуального закона.

Безусловно, научные исследования, связанные с внедрением информационных технологий в сферу уголовного судопроизводства, важны для практической деятельности, связанной с отправлением правосудия. Однако, несмотря на их наличие, зачастую криминалистические рекомендации не воспринимаются практиками.

Чтобы понять причины, напомним, что Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2020 г. № 821, в целях предотвращения распространения на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) был приостановлен личный прием граждан в судах (далее – Постановление Президиума). В частности, рекомендовано подавать документы через электронные интернет-приемные судов. Другая, не менее важная новелла, предусматривала рассмотрение дел путем использования систем видеоконференц-связи. 21 апреля 2020 г. и 30 апреля 2020 г. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации были утверждены №№ 1 и 2 «Обзоры по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (далее – Обзоры Президиума). Учитывая, что COVID-19 быстро распространился, Всемирная организация здравоохранения объявила пандемию коронавируса в мире.

Если провести краткий анализ разъяснений, которые были даны в связи с возникшими у судов вопросами по применению законодательства, то совершенно очевидно, что многие из них носят по своему содержанию криминалистический характер, так как затрагивают тактические и организационные вопросы применения информационных технологий при принятии судебных решений. В частности, речь идет о разъяснениях, касающихся действий суда по уголовным делам и ходатайствам, требующим безотлагательного рассмотрения; а также при возникновении обстоятельств, исключающих возможность участия обвиняемого, подсудимого в судебном разбирательстве и некоторым др.

Причем, в той или иной степени учеными ранее уже высказывались соображения о необходимости учета этих положений криминалистики. В настоящее время некоторые рекомендации криминалистики восприняты «регулятором» судебной деятельности, которым собственно и разъяснена возможность их применения в практической деятельности, связанной с пандемией. В основном, речь идет об более активном использовании информационных технологий в судебной деятельности.

Почему же до цитируемых разъяснений, данных Постановлением Президиума, они не воспринимались на практике? Полагаем, что это в том числе связано с существующей системой отправления правосудия. Не секрет, что для провозглашения законного, обоснованного и справедливого решения не требуется установления истины, вернее, обязанности по ее установлению законодатель не предусматривает, хотя с позиций криминалистики тактика судебного следствия предопределена необходимостью правильного (объективного) установления обстоятельств совершения преступления. В сложившихся условиях суд не готов принять «конечный продукт криминалистической науки». К большому сожалению, криминалистика сегодня конкретному судье не нужна, поскольку он давно превратился в фигуру, процессуально (формально) отправляющую правосудие, о чем справедливо отмечают некоторые авторы [10, с. 70–75]. Особенно это заметно в суде апелляционной инстанции, где повторная оценка фактических обстоятельств уголовного дела поставлена на поток. При этом, ни о какой процессуальной самостоятельности суда речи не идет. О выполнении криминалистических рекомендаций, как правило, тоже. Они существуют только на бумаге.

На наш взгляд, это происходит в угоду статистики в деятельности правоохранительных и судебных органов. Поскольку необходимость оценки эффективности действий любого судьи сомнению не подлежит, необходима более качественная проработка существующей системы статистической отчетности. От простых количественных показателей необходимо переходить к их качественной оценке. Безусловно, статистические показатели важны и нужны, но они не должны быть поставлены во главу угла. Необходима более совершенная система статистической отчетности, возможно, предполагающая взаимосвязь оценки уровня трудовых затрат конкретного судьи и эффективности его работы.

Приведем пример. Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и УПК РФ провозглашена независимость судей. На практике судьи руководствуются Инструкцией по ведению судебной статистики, которая утверждена Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 декабря 2007 г.

№ 169. Суть ее в том, что вся ответственность за полноту, достоверность и своевременность предоставления статистической информации несут руководители областных и районных судов. Исходя из общего тезиса, что «благоприятная статистика – это святое», руководитель любого уровня в судебной системе в ущерб принципу независимости судей «регламентирует график и процедуру» рассмотрения уголовных дел и материалов. Он же определяет, что необходимо рассмотреть в первую очередь, а что – «может подождать». В частности, в упоминаемом Обзоре Президиума было разъяснено, что ходатайства осужденных и их защитников об условно-досрочном освобождении подлежат безотлагательному рассмотрению. Однако, поскольку суды загружены рассмотрением уголовных дел, такие ходатайства и представления безотлагательно не рассматривались, а после их регистрации длительное время к производству суда не принимались. Таким образом, руководствуясь Инструкцией по ведению судебной статистики сроки начинают исчисляться не с момента регистрации такого ходатайства в канцелярии суда, а с момента принятия судом такого ходатайства к рассмотрению, что явно нарушает ч. 3 ст. 50 Конституции Российской Федерации, а также соответствующие разъяснения Президиума Верховного Суда России в угоду статистике.

Приведенный пример позволяет сделать неутешительные выводы о том, что, во-первых, существующие криминалистические рекомендации востребованы судами, но только после их законодательного закрепления, либо соответствующих разъяснений высших судебных инстанций. Во-вторых, есть некоторые проблемы, требующие своего решения на уровне самой судебной системы. Даже довольно хорошие научные разработки не используются в практической деятельности, поскольку не адаптированы к ней, не учитывают существующей системы статистической отчетности.

В настоящее время, повышение качества судебного следствия невозможно, даже если наука «повернется лицом к практике». Необходима совместная заинтересованность в этом. К большому сожалению, практическая деятельность судов организована таким образом, что они в настоящее время не заинтересованы в установлении истины по делу. Это связано как с чрезвычайной регламентацией деятельности судебной системы, так и с упоминаемой статистикой.

4 июля 2020 г. вступила в силу Конституция Российской Федерации с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. [11], в которую были внесены достаточно существенные изменения. Их анализ позволяет заключить, что в самое ближайшее время действующее уголовно-процессуальное законодательство будет подвергнуто корректировке, особенно учитывая, что Конституция Российской Федерации является актом прямого действия. Так, пунктом «М» ст. 71 Конституции Российской Федерации установлено, что *обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных находится в ведении государства.* Нетрудно заметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве до настоящего времени такая терминология не используется, а в Конституции Российской Федерации нашла свое отражение. Это позволяет придти к довольно простым выводам о том, что эти изменения в самое ближайшее время обусловливают более детальную процессуальную регламентацию применения информационных технологий и введение в уголовно-процессуальное законодательство понятия «цифровые данные».

Криминалистические особенности принятия судебных решений в настоящее время хотелось представить в виде следующих выводов.

1. Криминалистические рекомендации, направленные на повышение эффективности принятия судебных решений, не будут учитываться судами до соответствующих разъяснений Президиума или Пленума Верховного Суда Российской Федерации, либо их законодательного закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве. Однако они, безусловно, необходимы для развития правоприменения и реализации прогностической функции науки.

2. К большому сожалению, в настоящее время конкретный судья процессуальной независимостью не обладает, поэтому необходим комплексный анализ нормативного правового регулирования профессиональной деятельности судьи на предмет его соответствия Конституции, федеральным Конституционным законам, уголовно-процессуальному законодательству и Приказам Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

3. Нужны новые показатели эффективности деятельности судов, новый уровень статистики, позволяющий по-иному оценивать их результативность. Речь идет о внедрении в статистику качественных показателей, а не только количественных.

Литература

1. Тюнис, И. О. Криминалистика : учебное пособие / И. О. Тюнис. – 5-е изд. , перераб. и доп. – Москва : Университет «Синергия», 2020. – 220 с. (Университетская серия).

2. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. В. Н. Карагодина, Е. В. Смахтина. – 2-е изд. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – С. 10–11.

3. Конин, В. В. Оценка судом версий сторон при рассмотрении уголовного дела по существу как фактор вынесения законного и обоснованного решения / В. В. Конин, С. А. Ялышев // Российское правосудие. – 2020. – № 7. – С. 81–87.

4. Якушин, С. Ю. Принципы тактико-криминалистического обеспечения предварительного и судебного следствия по уголовным делам / С. Ю. Якушин // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. – 2012. – Т. 154, кн. 4. – С. 217–228.

5. Можаева, И. П. Повышение эффективности уголовного судопроизводства путем организационного обеспечения судебной деятельности / И. П. Можаева, А. С. Бахта // Вестник Нижегородской Академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 169–173.

6. Смушкин, А. Б. Виртуальные следы в криминалистике / А. Б. Смушкин // Законность. – 2012. – № 8. – С. 43–48.

7. Россинская, Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности / Е. Р. Россинская // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2019. – № 2 (99). – С. 193–202.

8. Вехов, В. Б. Работа с электронными доказательствами в условиях изменившегося уголовно-процессуального законодательства / В. Б. Вехов // Российский следователь. – 2013. – № 10. – С. 22–24.

9. Зуев, С. В. Электронная информация и ее носители в уголовно-процессуальном доказывании : развитие правового регулирования / С. В. Зуев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2017. – Т. 17, № 1. – С. 31–35.

10. Марьина, Е. В. Трансформация судебной системы Российской Федерации на современном этапе / Е. В. Марьина // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – Т. 4, № 4. – С. 70–75.

11. Конституция Российской Федерации с изменениями, вынесенными на Общероссийское голосование 1 июля 2020 – Москва : Эксмо, 2020. – 64 с.

Уральский государственный
юридический университет

Поступила в редакцию 18.11.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 342.4

Развитие конституционного статуса местных Советов депутатов в Беларуси

Е.И. Эсмантович

В статье рассматриваются вопросы конституционного статуса органов представительной власти на территории современной Беларуси.
Ключевые слова: Конституция, Советы депутатов, представительная власть, народовластие, общественные дела, органы территориального общественного самоуправления.

The article deals with the constitutional status of representative authorities on the territory of modern Belarus.
Keyword: Constitution, Councils of deputies, representative power, democracy, public Affairs, territorial public self-government bodies.

Современное государство немыслимо без действенной и эффективной системы местного самоуправления, позволяющей гражданам непосредственно участвовать в управлении общественными делами, в решении экономических и социальных проблем на местах. Благодаря сложившейся за многие десятилетия традиции местные Советы депутатов и сегодня являются основным звеном системы местного самоуправления Республики Беларусь, обеспечивая связь народа с властными структурами, вовлекая граждан в активное государственное строительство и осуществляя контроль за деятельностью органов государственной власти.

Первая Конституция на территории Беларуси – Конституция Речи Посполитой – была принята 3 мая 1791 г. с целью реформирования государства, внедрения демократических принципов (пусть и конституционной монархии). Конституция основывалась на принципах народного суверенитета, правда, применимого только к знати и горожанам, однако, поскольку в государстве насчитывалось около полумиллиона горожан, распределение власти после принятия Конституции 1791 г. стало более равномерным. Конституция провозгласила народ источником власти. «Всякая публичная власть берет свое начало в воле народа». Одна из двух палат Сейма – Палата послов – была объявлена «отражением и средоточием всевластия народа». Послы (прообраз нынешних депутатов), избранные на сеймиках, будучи средоточием всеобщего доверия, рассматривались как представители всего народа. На короля возлагалась обязанность предложения о законопроектах конституционных, гражданских и уголовных законов, об установлении постоянных налогов, до обсуждения в Сейме передавать для рассмотрения воеводствам, землям и поветам. На местных сеймиках не только избирались послы, но и судьи. Таким образом, местное население (имелись ввиду знать и горожане) принимало непосредственное участие в формировании представительной и судебной власти.

Правовой статус Советов как представителей народа впервые был закреплен в Конституции Социалистической Советской Республики Белоруссии в 1919 г. Согласно Конституции, Беларусь объявлялась республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которым принадлежала вся власть в центре и на местах. Высшей властью в Республике провозглашался съезд Советов Белоруссии. [1, с. 187–190]. Местные органы самоуправления – Советы – городские, волостные и уездные – упомянуты в Конституции ССРБ только применительно к порядку выбора представителей на Съезд Советов Белоруссии [2, с. 213–216].

Более подробно права и обязанность Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов установила Конституция 1927 г. Высшим органом объявлялся Всебелорусский съезд Советов, которому подлежали все вопросы общегосударственного значения, в том числе общее руководство всей политикой и народным хозяйством Белорусской Социалистической Советской Республики. Конституция устанавливала и порядок образования Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Статья 2 Конституции Белорусской Советской Социалистической Республики 1937 г. провозгласила Советы депутатов трудящихся политической основой государства. «Вся

власть в БССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся». Местным органам власти посвящена отдельная глава V, провозгласившая Советы депутатов трудящихся органами государственной власти в округах, районах, городах, селах, местечках, деревнях, поселках. Согласно ст. 54 Конституции БССР 1937 г., Советы депутатов трудящихся (округа, города, района, села, местечка, поселка) руководят культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории, устанавливают местный бюджет, руководят деятельностью подчиненных им органов управления, обеспечивают охрану государственного порядка, содействуют усилению обороноспособности страны, обеспечивают соблюдение законов и охрану прав граждан. Для выполнения своих функций Советы избирают исполнительные комитеты, которые являются исполнительными и распорядительными органами окружных, районных, городских и сельских Советов депутатов трудящихся и осуществляют руководство культурно-политическим и хозяйственным строительством на своей территории на основе решений соответствующих Советов депутатов трудящихся и вышестоящих государственных органов.

Советы имели свои финансы: в бюджеты окружных, районных, городских и сельских Советов включались доходы от местного хозяйства, отчисления от поступающих на их территории государственных доходов, а также поступления от местных налогов и сборов в установленных законодательством размерах (ст. 79 Конституции БССР 1937 г.) [3].

Конституция БССР 1978 г. закрепила построение развитого социалистического общества и преемственность конституционного развития Беларуси, идей и принципов Конституции Белорусской ССР 1919 г., Конституции Белорусской ССР 1927 г., Конституции Белорусской ССР 1937 г. Статья 2 Конституции 1978 г. усилила роль Советов: «Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов». Советы провозглашены представительными органами государственной власти, увеличен срок их полномочий до 5 лет, вместе с тем, ограничен срок полномочий должностных лиц, избираемых или назначаемых Советами народных депутатов, двумя сроками подряд. На Советы народных депутатов было возложено непосредственно и через создаваемые ими органы руководство всеми отраслями государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, принятие решений, обеспечение их исполнения, осуществление контроля за проведением решений в жизнь. Законодательно был сделан шаг к проведению местных референдумов (хотя самого термина не было) – для учета общественного мнения Советы могут выносить на обсуждение граждан важнейшие вопросы государственного и местного значения.

Конституция БССР 1978 г. постаралась поддержать значимость и развивать активность местных органов, на которые возложила функции народного контроля, сочетающего государственный контроль с общественным контролем трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях и организациях. Органы народного контроля имели право проверять выполнение требований законодательства, государственных программ и заданий; вели борьбу с нарушениями государственной дисциплины, проявлениями местничества, ведомственного подхода к делу, с бесхозяйственностью и расточительством, волокитой и бюрократизмом.

11 глава Конституции БССР 1978 г. посвящалась правовому статусу народного депутата. Участвуя в работе Советов, депутаты должны решать вопросы государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, организовывать проведение решений Советов в жизнь, имели право контролировать работу государственных органов, предприятий, учреждений и организаций. В своей деятельности депутат руководствуется общегосударственными интересами, учитывает запросы населения избирательного округа, интересы, выражаемые избравшей его общественной организацией, добивается претворения в жизнь наказов избирателей и общественной организации.

Конституция 1978 г. предоставила право Советам решать все вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживающих на территории Совета, участвовать в обсуждении вопросов республиканского и общесоюзного значения, вносить по ним свои предложения, обеспечивая таким образом комплексное экономическое и социальное развитие на их территории (ст. 126).

Впервые конституционно закреплены органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, местные добровольные сообщества, поощрение развития общественной самодеятельности населения (ст. 131) [4].

Опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности, современная Конституция Республики Беларусь 1994 г. закрепила дуалистическую теорию местного самоуправления, возложив на органы местного самоуправления как публично-властные, так и общественно-хозяйственные функции.

Следует отметить, что, к примеру, российская модель местного самоуправления сформирована под воздействием общественной (или общественно-хозяйственной) теории, в основе которой лежит идея о том, что местное самоуправление – это управление местным хозяйством и имеет негосударственную природу, является одним из институтов гражданского общества [5, с. 248]. Можно согласиться с мнением ряда специалистов в сфере муниципального права России о том, что белорусская модель организации местного самоуправления тяготеет к другому классическому концепту – государственной теории самоуправления, согласно которой местные сообщества осуществляют свои функции по уполномочию государства. Однако может быть отнесена к числу дуалистических моделей организации местной власти, основанных не на противопоставлении местной власти и самоуправления, а на их сочетании в разных пропорциях [5, сс. 250, 252].

Дуалистическая теория местного самоуправления получила распространение во второй половине XX в., когда правоведы попытались объединить положения общественной и государственной теорий местного самоуправления, наделив органы местного самоуправления как публично-властными, так и общественно-хозяйственными функциями. Таким образом, с одной стороны, местное самоуправление не учреждается государством, а признается и гарантируется им, т. е. рассматривается как естественное и неотчуждаемое право населения. Однако, с другой стороны, создание муниципальных образований и соответственно определение вопросов местного значения, местных дел, полномочий органов местного самоуправления и т. д. носит производный от государства характер и, конечно же, регулируется государством.

Анализируя модель организации местной власти, закрепленную в Конституции и законодательстве Республики Беларусь, нельзя не отметить ее некоторое сходство с системой Советов, существовавшей в СССР. Однако у белорусской модели организации местного управления и самоуправления есть и существенные отличия от системы Советов – в современной Беларуси местные Советы депутатов действуют в рамках достаточно узкой компетенции, определенной республиканским законодательством, и не имеют собственных полномочий по формированию исполнительных органов власти. Согласно ст. 121 Конституции, к исключительной компетенции местных Советов депутатов относятся: утверждение программ экономического и социального развития, местных бюджетов и отчетов об их исполнении; установление в соответствии с законом местных налогов и сборов; определение в пределах, установленных законом, порядка управления и распоряжения коммунальной собственностью; назначение местных референдумов.

Главной особенностью современной конституционной модели организации власти является сочетание на местном уровне элементов государственного управления и самоуправления. Как следует из ст. 117 Конституции Республики Беларусь, местное управление и самоуправление осуществляются гражданами страны через местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, органы территориального общественного самоуправления, местные референдумы, собрания и другие формы прямого участия в государственных и общественных делах. При этом органами самоуправления являются избираемые населением Советы депутатов (ст. 118 Конституции), а органами управления – исполнительные и распорядительные органы, возглавляемые руководителями, назначаемыми Президентом страны или в установленном им порядке местными Советами депутатов (ст. 119).

В соответствии со ст. 120 Конституции органы местного самоуправления и органы местного управления в пределах своей компетенции решают вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов населения, проживающего на соответствующей территории [6].

Основным звеном местного самоуправления, согласно ст. 9 Закона, являются Советы депутатов, подотчетные в своей деятельности гражданам и ответственные перед ними. Интересно, что указанная норма одновременно называет Советы и звеном местного самоуправления, и представительным органом государственной власти, тем самым подчеркивая их двойственную природу. В свою очередь, ст. 38 Закона определяет, что исполнительные и распо-

рядительные органы местного управления – это государственные органы, одновременно подчиненные и подконтрольные вышестоящим органам государственной власти и соответствующим Советам депутатов. Из чего можно сделать вывод, что действующее белорусское законодательство хоть и предусматривает различия между местным управлением и самоуправлением, тем не менее исходит из того, что и то, и другое должны осуществляться во взаимосвязи и исходя из общих целей.

Анализ норм современной Конституции позволяет выделить две составляющие местной власти – государственную в лице исполнительных и распорядительных органов, а также самоуправленческую в лице местных Советов депутатов. При этом Конституция Беларуси хоть и не закрепляет самостоятельность органов местного самоуправления (как это, например, делает Конституция Российской Федерации), но зато четко определяет их исключительную компетенцию, к которой ст. 121 относит:

– утверждение программ экономического и социального развития, местных бюджетов и отчетов об их исполнении;

– установление в соответствии с законом местных налогов и сборов; определение в пределах, установленных законом, порядка управления и распоряжения коммунальной собственностью;

– назначение местных референдумов.

На наш взгляд, белорусская модель местного самоуправления предусматривает чрезмерное влияние центральной власти на деятельность органов местной власти. Вместе с тем, за многие десятилетия местные Советы депутатов стали важным звеном системы местного самоуправления в государстве, обеспечивая связь народа с властными структурами, вовлекая граждан в активное государственное строительство и осуществляя контроль за деятельностью органов государственной власти.

Считаем, что следует шире использовать полномочия, предоставленные Советам законодательством. Для принятия действенных правовых решений по вопросам местного значения целесообразно внедрить предусмотренную Конституцией форму непосредственного участия населения в решении местных вопросов как референдум, что будет способствовать вовлечению в управление государственными делами наиболее активных и ответственных граждан, заинтересованных в повышении качества жизни и решении общегосударственных задач.

Литература

1. Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии : принята I Съездом Советов БССР. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа Белоруссии // История Советской Конституции 1917–1956 гг. – М. : Госюриздат, 1957. – 1046 с.

2. Дополнения к Конституции ССР Белоруссии : приняты II Съездом Советов БССР 14–17 декабря 1920 г. // Очерки по истории государства и права Белорусской ССР / Б. Е. Бабицкий, Ф. И. Гавзе [и др.]. – Минск : Изд-во БГУ, 1958. – Вып. I. – 241 с.

3. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. – Минск : БЕЛПАРТИЗДАТ ЦК КП(б)Б, 1937. – 32 с.

4. Конституция БССР 1978 года (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа : https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1978-goda-s-izmeneniyami-i-dopolneniyami/. – Дата доступа : 15.10.2020.

5. Петухов, Р. В. Конституционно-правовые основы организации местного управления и самоуправления в Республике Беларусь / Р. В. Петухов // Труды института государства и права Российской академии наук. – 2013. – № 3. – С. 241–253.

6. Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994 № 2875-XII (с изм. и доп., принятыми на республиканских референдумах 24.11.1996 г. и 17.10.2004 г.) [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 19.11.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

Экономика

УДК 338.242.4:339.9(1-87)

Зарубежный опыт государственного регулирования внешнеэкономической деятельности

А.П. Геврасёва

В статье рассмотрен зарубежный опыт государственного регулирования внешнеэкономической деятельности на примере таких стран, как США, Япония, Китай, Германия и Франция. Практика регулирования позволяет определить основные факторы, обусловливающие принципиальные отличия в разработке и применении системы инструментов. Переход Республики Беларусь к рыночным отношениям определяет необходимость совершенствования системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности. В этом направлении представляется целесообразным использовать опыт стран, достигших положительных результатов в вопросах таможенно-тарифного и нетарифного регулирования, системы стимулирования и поощрения экспорта.
Ключевые слова: государственное регулирование, внешнеэкономическая деятельность, зарубежный опыт, таможенно-тарифное регулирование, нетарифное регулирование, система стимулирования экспорта, лицензирование, квотирование.

The article considers the foreign experience of state regulation of foreign economic activity on the example of such countries as the USA, Japan, China, Germany and France. The practice of regulation allows us to identify the main factors that cause fundamental differences in the development and application of the system of tools. The transition of the Republic of Belarus to market relations determines the need to improve the system of state regulation of foreign economic activity. In this direction, it seems appropriate to use the experience of countries that have achieved positive results in the issues of customs tariff and non-tariff regulation, the system of stimulating and encouraging exports.
Keywords: state regulation, foreign economic activity, foreign experience, customs and tariff regulation, non-tariff regulation, export promotion system, licensing, quotas.

Введение. Внешнеэкономическая деятельность связана с перемещением материальных, финансовых и интеллектуальных ресурсов между странами, что предполагает определенное государственное вмешательство в эту сферу. Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности представляет набор мер воздействия, которые определяют характер внешнеэкономической политики государства. С одной стороны, это политика протекционизма, суть которой заключается в увеличении экспорта и всемерном ограничении импорта. С другой стороны, свобода торговли, которая не допускает государственного вмешательства и контроля во внешней торговле. Вместе с тем, не существует идеальной рыночной экономики, основанной на законе спроса и предложения. Экономические законы отражают лишь основные тенденции развития, но реальный механизм их действия достаточно сложный. Современный этап развития мирового хозяйства представляет совокупность не одинаково стабильных и гармоничных экономик. Соответственно, государственное вмешательство во внешнеэкономические процессы стран различно и допускает наличие как протекционистских мер, так и может быть основано на принципе свободы торговли [1, с. 155].

Для совершенствования национальной системы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности интерес представляет опыт зарубежных стран.

Основная часть. Вопросы государственного регулирования внешнеэкономической деятельности нашли отражение в трудах белорусских и зарубежных ученых и исследователей – И.С. Алексеева, Т.С. Вертинской, Е.Л. Давыденко, М.К. Жудро, А.С. Киреева, А.А. Костина, Ю.Н. Кудрявца, М.И. Плотницкого, Е.Ф. Прокушева, Л.Е. Стровского, Г.В. Турбан и др.

В мировой и национальной практике система государственного регулирования внешнеэкономической деятельности характеризуется определенной степенью унификации и представляет совокупность механизмов таможенно-тарифного, нетарифного, валютно-финансового регулирования и стимулирования экспорта. Основу регулирования во внешнеэкономической сфе-

ре, с одной стороны, составляют многосторонние и двусторонние межгосударственные соглашения и договорённости по различным направлениям сотрудничества, единые правила взаимодействия на мировом рынке. С другой стороны, эта система представлена набором инструментов национального и межгосударственного стимулирования экспорта и ограничения импорта.

Рассмотрим зарубежный опыт государственного регулирования на примере стран с рыночной экономикой и высоким уровнем экономического развития, представляющих разные континенты, относящихся к различным интеграционным объединениям, – ***США, Япония, Китай, Германия и Франция.***

Анализируя опыт ***США*** в регулировании внешнеэкономической деятельности, следует отметить, что в соответствии со ст. 1 Конституции США высшим законодательным органом в сфере регулирования внешнеторговых операций с иностранными государствами и между штатами является Конгресс США. К числу его основных функций в области внешнеэкономической деятельности относятся: принятие законов, регулирующих внешнеэкономическую деятельность; ратифицирование соответствующих соглашений; ассигнование финансовых средств с целью эффективного развития внешнеэкономической деятельности.

Аппарат государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в США организован на принципах децентрализации и координации, о чем свидетельствует закрепление соответствующих обязанностей и полномочий за представителями органов исполнительной власти. Так, Президент страны устанавливает тарифы, предоставляет льготы и преференции, имеет право приостановить, отменить или ограничить режим ввоза отдельных товаров. Департамент торговли Министерства торговли (как координирующее и регулирующее внутреннюю и внешнюю торговлю ведомство) осуществляет надзор за соответствием стоимости импортного товара, предлагаемого на американском рынке, с его рыночной стоимостью. Министерство финансов следит за соблюдением валютно-финансового законодательства и таможенного режима. Министерство энергетики осуществляет выдачу лицензий на ввоз нефтепродуктов. Согласно разделу 10 Конституции США законодательное регулирование внешнеторговых операций относится к ведению федеральных органов власти, а органы местного управления штатов не располагают достаточной самостоятельностью при осуществлении внешнеторговых операций и следуют централизованной политике, проводимой государственными органами, в сфере регулирования внешнеэкономической деятельности.

Однако, регулирование вопросов, связанных с привлечением иностранных инвестиций, осуществляется на двух уровнях: на федеральном и на уровне штатов. При этом на федеральном уровне, как правило, устанавливаются общие требования, а конкретные предписания в отношении участия иностранных инвесторов в проектах на территории соответствующих штатов устанавливаются органами местного управления [2].

Основным средством регулирования импорта США является обложение товаров при ввозе таможенными пошлинами, которые влекут за собой рост размера вложенного в него капитала и труда по мере повышения степени обработки товара. Сырьевые товары, особенно те, которыми США не могут обеспечить себя за счет собственных ресурсов, ввозятся в США беспошлинно. Уровень пошлин на полуфабрикаты по основным ставкам относительно невысок. Самые высокие ставки тарифа применяются к готовым промышленным изделиям. Уровень таможенного обложения машин и оборудования, например, по льготному тарифу составляет от 3 до 8 %, по основному же – 25–35 %.

Наиболее характерной формой нетарифных ограничений ввоза в США являются количественные ограничения. Ввоз некоторых товаров осуществляется по абсолютным или тарифным квотам, которые устанавливает Конгресс путем делегирования полномочий или федеральное правительство. В частности, абсолютные квоты ограничивают ввоз в США сыра, сахара, шоколада, сгущенного молока, некоторых сортов хлопка, земляных орехов, кофе, отдельных видов стального проката. Тарифные квоты разрешают ввоз того или иного товара в течение определенного периода с уплатой пошлины по пониженной ставке и применяются в отношении цельного молока, рыбы, картофеля, мотоциклов определенной мощности.

Федеральное законодательство с целью защиты здоровья и безопасности людей, а также защиты животных или растений, художественных произведений предусматривает необходимость получения обычных индивидуальных лицензий, выдаваемых на поставку товара по одному контракту. Наряду с обычными дополнительно применяются такие виды целевых индивидуальных лицензий как проектная, распределительная, генеральная.

К числу основных министерств, регулирующих внешнеэкономическую деятельность в ***Японии***, относятся Министерство иностранных дел и Министерство внешней торговли и промышленности.

Согласно п. 2 ст. 3 Закона о национальных правительственных организациях главой министерства является министр из числа членов кабинета, и его миссией является повышение прибыли Японии и японских граждан, одновременно способствуя поддержанию мирного и безопасного международного общения, и, благодаря активным мерам, реализация надлежащей международной обстановки и сохранение и развитие гармонических отношений за рубежом. По структуре Министерство представлено территориальными и пятью функциональными департаментами (экономический департамент, департамент экономического сотрудничества, договорный, информации и культуры, по делам ООН).

Главным направлением работы Министерства внешней торговли и промышленности является обеспечение сбалансированного развития промышленности, внутренней и внешней торговли. Функции Министерства внешней торговли и промышленности реализуются через два крупных структурных подразделения: Бюро внешнеторговой политики – разрабатывает основные направления внешнеэкономической политики страны и координирует ее с деятельностью других ведомств; определяет основы таможенно-торговой политики; осуществляет участие страны в международных организациях; предоставляет информацию по товарным рынкам; Бюро внешней торговли координирует соблюдение внешнеторгового законодательства, осуществляет нетарифное регулирование посредством системы лицензирования, валютный контроль за проведением операций, организацию выставок и ярмарок [3, с. 271].

Система мер законодательного и административно-правового регулирования представляет собой иерархическую пирамиду, вершину которой составляет Закон о валютном обмене и внешней торговле, определяющий общую концепцию государственного регулирования и носящий рамочный характер.

Систему законодательных актов составляют законы, регулирующие основные блоки внешнеэкономической деятельности: экспортно-импортные операции; таможенно-тарифную сферу; обслуживание внешней торговли (законы об экспортной инспекции, страховании внешней торговли, чрезвычайных мерах по развитию импорта и расширению прямых иностранных инвестиций в Японии, банках, страховом бизнесе, ценных бумагах и биржах); стандарты и технические требования (Закон о промышленной стандартизации и др.); права интеллектуальной собственности (законы о патентах, авторских правах и т. д.).

К эффективным инструментам государственного регулирования внешнеэкономической деятельности относятся: кредитование экспортно-импортных операций и зарубежное инвестирование, а также система налоговых льгот, ориентированная на стимулирование экспортно-импортных отношений и не имеющая аналогов в мире.

Для усиления внешнеэкономической деятельности в Японии создана и успешно функционирует уникальная по своим масштабам и дифференцированию государственная система страхования торговли и инвестиций, которая надежно защищает экономические интересы национальных участников внешнеэкономической деятельности от различного рода рисков.

Систему органов государственного управления внешнеэкономической деятельностью ***Китая*** представляют основные министерства и ведомства, к числу которых относятся: 1) Министерство коммерции КНР – разрабатывает основы государственной политики, принимает нормативные правовые акты, осуществляет государственный контроль во внешнеторговой деятельности за оборотом товаров, услуг и технологий, инвестиционной деятельностью, защитой конкуренции; 2)Китайский совет по содействию международной торговле – осуществляет стимулирование внешней торговли, использование иностранных инвестиций, привлечение передовых технологий, развитие международного сотрудничества в области экономики и техники; 3)Китайская Международная торговая палата – налаживает и поддерживает экономические и торговые связи, занимается вопросами развития внешнеэкономического сотрудничества в приоритетных сферах (машиностроение, электроника, легкая промышленность, текстиль, сельское хозяйство, автопром, нефтехимия, банковское дело, металлургия, авиация, аэрокосмическая отрасль, химия, строительные материалы, деревообработка, пищевая промышленность, разведка и добыча полезных ископаемых, логистика).

Национальная система государственного управления направлена на стимулирование и развитие экспорта. К методам тарифного регулирования экспорта относятся соответствующие корректировки ставок экспортных пошлин, которые ежегодно публикуются в «Таможенном экспортно-импортном тарифе КНР» на соответствующий год.

Применяемые в Китае методы нетарифного регулирования экспорта составляют две основные группы: механизм возврата НДС при экспорте продукции и механизм квотирования и лицензирования экспорта.

Механизм возврата НДС при экспорте заключается в применении повышающих либо понижающих коэффициентов при экспорте товаров в зависимости от мировой экономической ситуации и конъюнктуры рынка международной торговли. Использование такого механизма не противоречит нормам и правилам ВТО.

Режим экспортного квотирования в Китае распространяется в основном на сырьевые товары (уголь, цветные и редкоземельные металлы), а также на сельскохозяйственные товары зерновой группы (рис, кукуруза). Экспортные квоты ежегодно корректируются Министерством коммерции КНР в зависимости от ситуации внутри страны и на мировых сырьевых и продовольственных рынках.

Порядок лицензирования экспорта осуществляется Министерством коммерции и Главным таможенным управлением, которые ежегодно утверждают перечень товаров, экспорт которых осуществляется на основании лицензий, выданных Министерством коммерции КНР и его уполномоченными органами на местах.

К числу других мер по поддержке экспортеров относятся: создание системы «одного окна» при таможенном оформлении; временная отмена платежей за инспекцию качества при экспорте товаров; предоставление малым и средним предприятиям льготных финансовых, транспортных услуг, а также оказание содействия в возврате экспортного НДС [4, с. 255].

Практика государственного управления внешнеэкономической деятельностью в странах ***Европейского союза*** *(ЕС)* имеет общие черты и характерные особенности, обусловленные историческими предпосылками, системой инструментов регулирования экспорта и импорта, интересами национальной безопасности.

Важную роль в функционировании ЕС играет Таможенный союз, который характеризуется общей таможенной территорией, общим таможенным тарифом, унифицированными правилами таможенного оформления и единым подходом к регулированию таможенных вопросов. Нормативные правовые акты наднационального уровня представлены Постановлением ЕС № 2913/92 – Таможенный кодекс ЕС от 12.10.1992 г.; Постановлением ЕС № 918/83 об освобождении от пошлин от 28.03.1983 г.; Единым (интегрированным) таможенным тарифом ЕС (*TARIC*) [5].

Особенности государственного управления внешнеэкономической деятельностью в ***Германии*** обусловлены тем, что это федеративное государство, разделенное на более чем 300 земель, каждая из которых это отдельный экономический регион, обладающий определенной самостоятельностью. В некоторых из них существует своя инфраструктура содействия развитию экономики, в том числе и во внешнеэкономической сфере (Министерство экономики земли Баден-Вюртенберг, Компания Баден-Вюртенберга по региональному развитию; Баварское земельное министерство экономики и транспорта; Министерство экономики, малых и средних предприятий и технологий земли Бранденбург, Стимулирующее экономику агентство Бранденбурга и др.) [6, с. 57].

Инфраструктура поддержки и развития экспорта в стране представлена рядом специализированных кредитных учреждений: Кредитная корпорация по восстановлению, Германский стабилизационный банк, Компания «Гермес» по страхованию кредитов, Компания АКА по экспортным кредитам и др.

В то же время субъекты хозяйствования сами организуются в специальные учреждения и ассоциации с целью выработки единой позиции по ключевым экономическим вопросам и координации своей деятельности (Федерация немецкой промышленности, Центральная федерация торговых агентов и маклеров, Ассоциация немецких банков, Федеративный союз немецкой оптовой и внешней торговли БГА и др.).

Роль главного инструмента в таможенной политике Германии принадлежит интегрированному таможенному тарифу, который основывается на гармонизированной системе обозначения и кодирования товаров международной торговли.

Меры по поддержке участников внешнеэкономической деятельности представлены: 1) мерами финансового характера: страхование экспортных кредитов; страхование капиталовложений немецких фирм за рубежом; освобождение экспортеров от уплаты НДС; субсидирование (прямое и скрытое) некоторых отраслей промышленности, финансовая поддержка

экспортоориентированных организаций на НИОКР; 2) информационно-консультационным обеспечением внешнеэкономической деятельности; 3)мерами по содействию в осуществлении выставочно-ярмарочной деятельности за рубежом и др.

Основными внешнеэкономическими министерствами и ведомствами во ***Франции*** являются: 1) Министерство экономики – организует работу таможен; разрабатывает международную валютно-финансовую политику, включая формирование благоприятного климата в стране, зарубежную помощь, валютное регулирование; 2)Министерство внешней торговли – разрабатывает меры по содействию экспорта; участвует в разработке программ и принятии решений по вопросам внешнеэкономического развития страны; возглавляет французские части в смешанных комиссиях по сотрудничеству с зарубежными государствами; организует работу служб, отвечающих за эффективность внешней торговли, включая представительства за границей; 3)Министерство сотрудничества – развитие отношений с развивающимися странами.

Межведомственным органом по вопросам внешнеторговой политики является Стратегический комитет, к числу основных задач которого относятся оценка отраслевой экспортной политики, определение географических приоритетов внешнеэкономической деятельности, формирование стратегических аспектов внешнеторговой политики.

Во Франции наряду с действующими нормами регулирования внешней торговли в рамках ЕС существуют национальные нормы, которые определяют порядок ввоза, вывоза, реэкспорта и реимпорта товаров, вплоть до запрета экспорта и импорта отдельных из них.

Основу национального правового регулирования экспорта страны составляют: Закон о военном снаряжении, оружии, боеприпасах от 18 апреля 1939 г.; Закон об условиях импорта во Францию и ее заморские территории иностранных товаров от 30 ноября 1944 г.

Во Франции таможенное регулирование осуществляется в соответствии с Таможенным кодексом Франции, Таможенным кодексом ЕС, другими нормативными актами ЕС и международными договорами.

Правительству Франции запрещено в одностороннем порядке ужесточать нормы TARIC и устанавливать под видом «разъяснений и толкований» правила, которые интерпретируют ЕТТ ЕС.

Процедура таможенного контроля импорта во Франции осуществляется в соответствии с законодательством, регулирующим таможенные формальности как на международном уровне (Киотская конвенция по упрощению и гармонизации таможенных процедур), так и на общеевропейском уровне. В соответствии с основными правилами контроля за внешнеторговыми операциями во Франции различают основные группы товаров импорта:

1. «освобожденные товары» – импортные товары, для которых нет особых ограничений, кроме соблюдения действующих правил (маркировка, контроль качества и безопасности, соблюдение Регламента ЕС в отношении оборота химических веществ и др.);

2. «чувствительные товары» – ввоз во Францию некоторой продукции металлургической промышленности и продукции из стали обязан сопровождаться документом, называемым «документ контроля (досмотра)» *(document de surveillance)*. Такой контроль может быть осуществлен до факта ввоза товара посредством получения визы (разрешения) в бюро материалов *(bureau matériaux)* Генеральной дирекции таможен и косвенных налогов *(DGDDI)*.

Другая продукция (взрывчатые вещества, оружие, товары двойного назначения) требует получения разрешения на импорт *(autorisation d'importation)*, которое выдается Службой документов для внешней торговли *(SETICE)* Генеральной дирекции таможен и косвенных налогов либо Службой товаров двойного назначения *(SBDU)*. Защищенные объекты фауны и флоры должны иметь разрешение на ввоз *(permis CITES d'importation)*. Импорт алмазов, культурных ценностей, отходов и некоторых продовольственных продуктов требует предварительного разрешения – экспортного сертификата *(certificat d'exportation)*;

3. квотируемые товары – для ввоза таких товаров на таможенную территорию Франции необходимо получение «общеевропейской лицензии» *(licence communautaire)*;

4. запрещенная продукция – контрафактные товары, продукция с содержанием опасных веществ (свинец, асбест и др.), некоторые растительные продукты, отдельные продукты животного происхождения и др. Рекомендуется иметь разрешения и лицензии на ввоз соответствующей продукции еще до момента отправки товара отправителем.

В большинстве своем Франция использует такие меры нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности, как лицензирование и квотирование. В частности, ввоз во Францию квотируемых товаров ограничен в количественном выражении соответствующими квотами. Для ввоза таких товаров на таможенную территорию Франции необходимо заблаговременное получение «общеевропейской лицензии» путем подачи документа, именуемого «Запрос импортной лицензии» *(Demande de Licence d'Importation)*. Лицензии выдаются Генеральной дирекцией таможен и косвенных налогов, Бюро текстильных изделий или Бюро материалов в зависимости от импортируемого товара [7].

Заключение. Анализ зарубежного опыта позволяет определить основные факторы, обусловливающие существенные отличия в системе государственного регулирования внешнеэкономической сферы ряда стран, к числу которых относятся: исторические предпосылки развития государства; форма государственно-территориального устройства; интеграция страны в систему мирохозяйственных связей (членство в международных и региональных организациях); уровень экономического развития и открытости экономики; наличие природных ресурсов и степень обеспеченности минерально-сырьевыми ресурсами. Как показывает практика, что независимо от действия вышеперечисленных факторов успех в развитии внешнеэкономической сферы во многом определяется степенью и характером государственного вмешательства.

Совершенствование системы государственного регулирования внешнеэкономической сферы Республики Беларусь обусловлено следующими причинами: 1) возникает необходимость формирования новой системы государственного управления вследствие ухода от применения методов и инструментов, свойственных административно-командной экономике; 2) для белорусской экономики характерен высокий удельный вес государственного сектора; 3) в условиях перехода к новой системе хозяйствования возникает объективная необходимость государственного регулирования. Особенно это касается внешнеэкономической деятельности, которая получает активное развитие в связи с доступом отечественных субъектов хозяйствования на внешние рынки, и находится на стадии становления; 4) государство само выступает инициатором макроэкономических реформ, поэтому они не могут быть осуществлены без его активного участия; 5) от экономической эффективности внешнеэкономической деятельности государства зависит и ее социальная эффективность, что выражается в повышении уровня и качества жизни населения. Этому будет способствовать арсенал методов и инструментов накопленного опыта макроэкономического регулирования.

Таким образом, для страны с переходной экономикой государственное регулирование внешнеэкономической деятельности является необходимым условием ее развития, которое предполагает определение целесообразных границ вмешательства государства во внешнеэкономическую сферу. Зарубежный опыт государственного регулирования данной сферы позволяет определить допустимые границы этого вмешательства, выработать соответствующий инструментарий и использовать для адаптации в отечественную практику перспективные направления стимулирования экспорта и меры по развитию импортозамещения.

Литература

1. Геврасёва, А. П. Экономика и управление внешнеэкономической деятельностью / А. П. Геврасёва, О. В. Арашкевич. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – 232 с.

2. Шустова, Ю. А. Государственное регулирование внешнеэкономической деятельности: опыт США / Ю. А. Шустова // Современная экономика: взгляд молодых: сб. науч. статей / М-во образования РБ, Гом. гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: Б. В. Сорвиров (гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2014. – С. 204–209.

3. Турбан, Г. В. Экономика и управление внешнеэкономической деятельностью : учеб. пособие / Г. В. Турбан. – Мн. : БГЭУ, 2007. – 319 с.

4. Стровский, Л. Е. Китай после вступления в ВТО: адаптация китайской экономики к условиям мирового хозяйства / Л. Е. Стровский, Цзан Цзин. – Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ УПН, 2006. – 372 с.

5. Официальный сайт Европейского Союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ec.europa.eu. – Дата доступа : 19.11.2020.

6. Ковалев, Ю. Ю. Регион Баден-Вюртемберг : общество, экономика и инновации : монография / А. С. Бурнасов, Ю. Ю. Ковалев [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2012. – 264 с.

7. Франция. Путеводитель для бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: : http://www.export-ugra.ru/Putevoditel_dlya_biznesa_Franciya.pdf. – Дата доступа : 19.11.2020.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 28.12.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 651.159.9.019

Features of personal costs and consumer behavior in the field of savings: theoretical aspects and foreign experience

E.A. ZAPADNYUK, A.V. NIKIFOROV

The purpose of the article is to identify the characteristics of personal costs and behavior of market entities in foreign countries (using the example of Southeast Asian countries). The focus is on private savings of households and persons, as well as on the underlying factors of savings behaviour. The conclusion was made on the determinative importance of savings for the development of emerging market economies.
Keywords: social mobility, decision-making research, saving behavior, modest effect, external effects, implement policies, rent-oriented behavior, imperfect information.

Цель статьи – выявить особенности личных затрат и поведения субъектов рынка в зарубежных странах (на примере стран Юго-Восточной Азии). Основное внимание уделяется частным сбережениям домашних хозяйств и отдельных лиц, а также факторам, лежащим в основе поведения в сфере сбережений. Сделан вывод о детерминирующем значении сбережений для развития стран с формирующейся рыночной экономикой.
Ключевые слова: когнитивные диспропорции, бихевиористская теория, исследование принятия решений, рациональные ожидания, внешние эффекты, ренториентированное поведение, несовершенная информация.

Introduction. In the absence of effective credit and insurance markets, household savings are a vital component contributing to a welfare in emerging economies. On the one hand, households without savings have very limited capacity to smooth out unexpected fluctuations in their income, and shocks can therefore leave lasting consequences, such as slowing down the accumulation of human capital at an early age. On the other hand, since savings are one of the few sources for accumulation of assets considering the inefficiency of financial markets, the ability to save becomes a major determinant of both social mobility and the potential for future income generation. Furthermore, while there are controversies regarding the relationship between savings and economic growth, there is a general consensus that once savings begin to grow, possibly as a result of higher incomes, they increase the potential to finance investment and create additional opportunities in the economy.

Main part. The aim of this thesis is to analyse the influence of personality traits on household savings behavior of village population in Thailand. The focus is on private savings of households and individuals and factors underlying saving behavior because saving is crucial for the development of emerging economies while its level in developing countries remain relatively low. The reasons for this are still not fully understood.

On the one hand, Thailand is an example of an emerging market but, on the other hand, it's a special case regarding household finances. Financial inclusion in the country is relatively high – 80 % of the population are participating in the formal financial system [1]. However, Thailand is facing a shortage of private savings. The Thai government is trying to mobilize savings, and one possible source for it is the savings of the rural populations in agricultural regions. In order to implement a saving mobilization strategy efficiently, it's necessary to understand the effect of each determinant of savings in this region and personality traits play an important role here. Moreover, findings of this paper on personality traits can possibly be applied to other developing markets with similar features.

In spite of the fact that the link between personality traits and saving behavior was found over 50 years ago, most attention in literature was paid to the influence of other factors such as time preferences, saving motives, attitudes, while a psychological and behavioral approach was rarely used in the literature. However, it is intuitively obvious and was empirically proven in the last two decades that cognitive abilities and personality traits can be a good predictor of economic outcomes of individuals. For instance, it was found that development of careers and earnings are influenced by personality traits with respect to gender difference, using the Big Five model, found that differences in labor force participation of women can be explained by personality features.

Another possible research area, where strong influence of personality traits were found, is debt and savings behavior of individuals. In the work of Donnelly et al. [2], it was shown that high levels of debt are more common among Americans with high levels of conscientiousness, which are also associated with the belief that material things lead to happiness. However, Brown and Taylor [3] found that Conscientiousness and Neuroticism have no significant effect on debt or savings, whereas Extraversion and Openness have. Besides that, there is evidence that it is possible to construct a personality type which can be associated with higher saving rate. So, if a person is self-disciplined, orderly and striving for achievement and can be characterized by an above average level of conscientiousness, he or she will likely have more retirement savings than average. On the one hand, higher levels of Emotional Stability and Extraversion and lower level of Agreeableness led to higher savings for retirement. On the other hand, higher level of Extraversion correlate negatively with house-related savings.

Most of the research that is aimed at analyzing the relationship between personality types and financial behavior is based on the Big Five model, which is fundamental for understanding personality traits. In spite of the fact that 80 percents of the world population live in developing and least developed countries, most of the research is done and instruments for analysis were developed in western world countries. This may lead to possible inconsistencies in the analysis of the personality of individuals within developing countries. Nonetheless, a strong correlation between the classical Big Five personality traits and the model created with the same instruments but in the environment of developing countries was found [4]. On this basis, it can be assumed that the analysis of savings and personality relationships can be carried out within developing countries using a classical Big Five model.

The survey results show that there is a robust relationship between personality traits and the saving behavior of the rural population. Thus, Neuroticism and Conscientiousness have a negative impact on the amount of savings. There are also findings on the effect of personality traits on savings allocation and nonlinear effects. It was found, that savings at home are negatively influenced by Extraversion, while a high level of Openness positively affect savings at institutions. In joint analysis some atypical relationships between personality traits and savings were found which may be caused by high level of risk and uncertainty in combination with low levels of education.

Personality is the pattern of characteristic thoughts, feelings, and behaviours that distinguishes one person from another and that persists over time and situation. Differences in personality form individual preferences which significantly affect the decision-making process. Personality traits are well described in the psychological literature and nowadays are becoming an important factor of economic literature in frame of behavior economics.

Personality is a broad concept which can be viewed from various perspectives and defined in different ways. The conception of personality may only be comprehended hypothetically, and there is no explicit neurological background for it. Nevertheless, there were made attempts to describe the person from the point of view of neuropsychology or cortical dopamine activity.

The personality structure is fairly stable and predictable throughout different situations and over time. Moreover, personality traits are different in depth and significance. The basis is the innermost layer, whereas the outermost layer depends on situation and is influenced by, for example, fatigue. A weary person might respectively act not as usual, not like true self. Personality traits depend on the situation, may be more or less visible and also develop over time. However, the changes which reflect events and feelings over the lifespan only affect the surface, while the core character remains stable. To sum it up, it is possible to define personality as the underlying cause within the person, determining individual behaviour and experience [5].

For the following analysis the Five Factor model of personality (FFM or the Big Five model) is used in order to map different psychological features of individuals and to identify relationships between different personality traits and savings behavior. This concept is widely used in psychology because it helps to solve the problem of measuring a complex personality structure and can be adopted by personality research from different fields.

The popularity of the Five Factor Model of Personality was also caused by the stability of the assessed personalities over time, cultural differences and independence from cognitive skills. Cobb-Clark and Schurer [6] found that these personality traits are unlikely to change, particularly after early adulthood whereas they are changing chaotically during early childhood.

The Big Five Model of personality was constructed from factor analysis of words which people use in everyday language and asserts that there are 5 basic factors of personality. Each of the

five factors consists of components which are called facets. Facets are somewhat more precise and focused traits of personality than the larger factors to which it belongs. They can be measured separately and all facets which pertain to one factor are positively correlated with each other. Factors can be measured using language analysis, which is a third-party personality assessment. This way to measure personality can be automatized, with software analyzing the person's recognition process or by human analysis, recognizing the personality through one or several professionals. Another method is the interview, which can be considered as self assessment. This method of personality analysis is used in surveys to recognize the personality of a significant number of participants.

Extraversion determines the social relationships of individuals. Persons who have high levels of extraversion are actively making contacts with others and can be described as positive and confident with a desire for praise, social recognition, status and power.

Agreeableness (sometimes called Social Adaptability or Likability) describes inter-individual behavior. High level of agreeableness in a personality test usually represent a person as warm, friendly, and tactful, who have an optimistic view of human nature. A person who scores low on agreeableness can be described as self-centred, distant, unfriendly and uncooperative and may put his own interest above others.

Neuroticism can be defined as the tendency to experience negative effects like anxiety, self-consciousness, irritability, anger, depressive feelings. Person who scores high on neuroticism may be limited in social skills and have problems in situations which require taking control. People who scores low on neuroticism tends to be happy and satisfied with life.

Openness to experience is perhaps one of the most difficult factors to describe and it involves such facets as active imagination (fantasy), aesthetic sensitivity, attentiveness to inner feelings, curiosity. Openness leads to a broad and invitational information attitude. Individuals with high level of openness are more likely to seek out new information and have more liberal values than their peers with lower score on openness.

Conscientiousness is the personality trait which represent attitude of individuals to their obligations, performance and describes differences in people's orderliness and selfdiscipline. People who scores high on conscientiousness are diligent, self-disciplined and careful. Low score in conscientiousness is associated with easygoingness and disorder. Conscientiousness is a good predictor for job satisfaction, income and employment.

Personality traits in developing countries.

In order to compare the results of studies on personality from different regions one should take into account a possible mismatch in personality traits. In other words, personality traits can represent different features of personality in different cultures or environments because of different biases. In spite of the fact that stability and reliability of personality traits using the Big Five model was proven in many studies, there is an open question how reliable this model is in developed countries and especially in rural regions. Most studies on personality traits with the use of the Big Five model were made across western, educated, industrialized, rich, and democratic (WEIRD) populations, while using of this model outside WEIRD populations is unclear and some evidences only recently came up in the literature. Since the current study is aimed to capture relationship between personality traits in the frame of developing economy using data of Thailand's Socio Economic Panel from rural regions of the country, it is necessary to understand how well the chosen model can serve the aims of this paper.

Cross-cultural analysis in developing countries on the validity of FFM has shown that it is impossible to validate personal traits questions in developing countries using surveys and the standard analytical approach. It is necessary to take into account features of every country or relatively homogeneous regions. However, findings across most of the developing countries have shown systematic problems to capture Conscientiousness and Agreeableness, what means that these traits have little predictive power in the surveys data [7].

Overall it is impossible to point out a single factor that can significantly explain reliability of the Big Five model across all developing countries. If research on personality traits is made across non-WEIRD populations, it is necessary to validate the Big Five model in homogeneous regions to classical Big Five model using factor analysis.

In order to analyze how personality traits relate to savings it is necessary to understand the general trends of savings, their determinants and saving behavior in Thailand in particular and in developing countries in general.

On the one hand, household saving is a part of income which has not been used for consumption; on the other hand, it is a form of internal capital accumulation in a country. The level of household savings is one of the fundamental determinants of economic growth. This fact applies to developed and developing countries; however, it plays a more important role for the second category because credit and insurance markets there are not developed enough and cannot fully serve the growth of the economy. Moreover, household savings can be used by the Government and businesses as a source of funding even during economic slowdowns. Savings are the main source of funding in rural regions where populations are employed in agriculture and income is influenced by the seasonality of the business. Furthermore, savings are becoming more efficient when they are kept at banks or financial institutions. However, banking systems are not well developed or not credible enough in developing countries.

People save money in the best possible manner over a lifespan: young people save less as they earn less, middle-aged people are saving more as their income are higher and old people have no earnings and they are dis-saving when they are retired. In many developing countries savings growth is too low and accumulated savings are not enough to found business and thereby economic growth. For example, in Thailand savings grow on average at 4,5 % per year but the investment growth is at 9,5 % per year. This implies that the capital market in Thailand is relatively small and it can be a sign for a future inadequacy regarding the financing of investments. Thus, in conditions of developing markets with limited resources, one of the most efficient solutions is to understand of savings behavior in order to develop policy and products which can contribute to the increase of savings. Savings mobilization is a mechanisms that various governments apply to finance economic growth without relying too much on external lending. Thailand is facing an investment-savings gap problem and in order to cope with it Thai government include savings mobilization in economic development plans.

Conclusion. To sum it up, it should be noted that the determinants of savings have different meanings in different regions and cultures, and they should be analyzed taking into account the characteristics of the population in the study region.

Furthermore, there are more factors determining savings behavior that affect it in different ways. For example, evidence from Bhutan suggests that there is negative correlation between family size and savings of households. Whereas in rural Morocco, family size did not play a significant role. The level of education is positively correlated with savings and occupation and social status plays an important role in savings decision across WEIRD populations, while for instance, in Pakistan the education attainment level of the household head has a negative effect on savings and occupation level has no significant effect.

Attention bias is one of the significant distortions of consumption-saving decisions of individuals in emerging markets. In this paper psychological nature of attention bias as well as importance of this phenomenon in behavior economics was analyzed.

Literature

1. Klush, T. M. Don't Expect Too Much High Income Expectations and Over-Indebtedness / T. M. Klush // Rationality and competitiveness. – 2019. – № 200. – P. 1–23.

2. Donnelly, G. R. The big five personality traits, material values, and financial well-being of self-described money managers / G. R. Donnelly, R. Iyer, R. T. Howell // Journal of Economic Psychology. – 2012. – № 33. – P. 1129–1142.

3. Brown, S. Household finances and the ‘Big Five’personality traits / S. Brown, K. Taylor // Journal of Economic Psychology. – 2014. – № 45. – P. 197–212.

4. Buehler, D. Personality traits in Southeast Asia: Evidence from rural Thailand and Vietnam / D. Buehler, R. Sharma, W. Stein. – TVSEP Working Paper, 2019. – 345 p.

5. Clonninger, C. Theories of personality understanding persons / C. Clonninger. – TVSEP Working Paper, 2004. – Cap. 8. – P. 240–248.

6. Cobb Clark, D.A. The stability of big-five personality traits / D. A. Cobb Clark // Economics Letters. – 2012. – № 115. – P. 11–15.

7. Karlan, D. Savings by and for the Poor: A Research Review and Agenda / D. Karlan, A. L. Ratan, J. Zinman // Review of Income and Wealth. – 2014. – № 60 (1). – P. 36–78.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 22.02.2021

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

*УДК 630*9*

Экономическая эффективность выращивания смешанных сосново-березовых древостоев в лесах Беларуси

О.В. Лапицкая

Показано, что при разработке экономической эффективности выращивания смешанных сосново-березовых древостоев использованы показатели динамики этих древостоев, полученные в Институте леса НАН Беларуси с помощью уравнений множественной регрессии. При расчете экономической эффективности учитывалась продукция от главного и промежуточного пользования и затраты на проведение рубок ухода. Рентабельность выращивания смешанных сосново-березовых древостоев составляет около 40 %, что является достаточно высоким показателем для обоснования целесообразности из выращивания.
Ключевые слова: сосна, береза, регрессионный анализ, экономическая эффективность, смешанные древостои.

It is shown that when developing the economic efficiency of growing mixed pine-birch stands, the indicators of the dynamics of these stands were used, obtained at the Forest Institute of the National Academy of Sciences of Belarus using multiple regression equations. When calculating the economic efficiency, the products from the main and intermediate use and the costs of thinning were taken into account. The profitability of growing mixed pine-birch stands is about 40 %, which is a sufficiently high indicator to justify the feasibility of growing.
Keywords: pine, birch, regression analysis, economic efficiency, mixed stands.

Введение. Сосново-березовые древостои являются наиболее распространенными среди смешанных насаждений в лесах Беларуси. По имеющимся данным, они составляют (при наличии 10 % и более березы в составе) около 50 % от всей площади сосновой хозсекции [1], [2]. Смешанные сосново-березовые древостои встречаются практически во всех типах сосновых лесов, за исключением сосняка сфагнового и сосняка лишайникового.

Общеизвестно, что береза является почвоулучшающей породой. Ее участие в составе сосново-березовых насаждений повышает устойчивость этих насаждений [3]. Правда, наличие березы в составе сосновых древостоев несколько снижает продуктивность насаждений [2], [4], но это компенсируется быстрым ростом березы, которая вырубается в процессе рубок промежуточного пользования и быстро восстанавливается.

С экономической точки зрения наличие двух пород (сосны и березы) в одной хозсекции повышает рыночную стоимость древесины и обеспечивает более надежную перспективу ее сбыта. Береза является ценным сырьем для производства фанеры, которая нужна в мебельном производстве. Она также требуется для получения высокосортной бумаги. Наибольшие объемы экспорта березы осуществляются в Финляндию и Швецию, являющимися мировыми лидерами по выпуску бумаги, но не имеющими в своих лесах достаточного количества березы.

Сосново-березовые древостои изучались многими авторами [5]–[7]. Достаточно полные исследования продуктивности и динамики сосново-березовых древостоев проведены в Институте леса НАН Беларуси В.Ф. Багинским, В.М. Ефименко и Е.А. Усс [2], [8], [9]. Ими разработаны модели динамики древостоев, которые выражаются уравнениями множественной регрессии, где независимыми переменными выступают основные таксационные показатели насаждений.

Используя эти модели был проведен расчет запаса древесины для сосново-березовых насаждений в рамках возрастного периода и доли участия породы в составе.

На основе разработанных моделей возрастной динамики роста по высоте, диаметру, площади сечения стволов, а также закономерностей изменения продуцирования стволовой древесины названными авторами были разработаны рекомендации, которые предназначены для проектирования лесохозяйственных работ и их непосредственного проведения в сосново-березовых древостоях. Они регламентируют параметры оставляемого числа стволов и суммы площадей сечений сосново-березового древостоя после рубок ухода.

В тоже время выращивание сосново-березовых древостоев по настоящей модели должно быть экономически обосновано. Поэтому настоящая работа является актуальной.

Материалы и методика исследований. Материалом для наших исследований явились данные динамики запасов сосново-березовых древостоев в разрезе каждой породы [2], [5], [8], [9]. Также были учтены соотношения стоимости сосны и березы. Так как цены на древесину часто и непредсказуемо меняются, то при расчетах целесообразно использовать относительные показатели стоимости древесины разных пород по крупности. Это позволит дать более стабильную экономической оценку эффективности выращивания сосны и березы в разные периоды времени.

Методика исследований включала обычные лесоводственные, лесотаксационные и экономические методы с применением системного анализа и законов лесной биометрии [3], [10]–[15].

Результаты и обсуждения. Определение экономической эффективности выращивания древостоев задача достаточно сложная. Особую сложность ей придает длительный период выращивания лесов, который требует особого подхода к определению специфических особенностей расчетов себестоимости лесовыращивания. Дело в том, что с течением времени значительно изменяются уровни заработной платы, технологии, что существенно снижает или повышает экономическую эффективность выращивания древостоев. Здесь нельзя провести простое сложение затрат за все годы, предшествующие главной рубке из-за их несопоставимости во времени. В этом случае мы должны руководствоваться положением, высказанным К. Марксом: «Стоимость товара определяется не тем рабочим временем, которого первоначально стоит их производство, а тем рабочим временем, которого стоит их воспроизводство» [15], [16]. Из изложенного вытекает, что для расчетов экономической эффективности воспроизводства лесов необходимо применять современные теоретические подходы, технологии и, соответственно, подсчитывать затраты, необходимые в год расчета.

По разным методикам для определения экономической эффективности лесовыращивания достаточно взять расходы на ведение лесного хозяйства из отчетных материалов лесхозов, ПЛХО или Минлесхоза. Но фактические расходы лесхозов не всегда отражают общественно необходимые затраты для выращивания древостоев, отвечающие целям хозяйства. Здесь правильнее провести расчеты для каждого способа лесовозобновления, которые различаются технологиями лесовыращивания.

Воспроизводство лесных ресурсов всегда направлено на максимизацию продуктивности лесных угодий в целях удовлетворения потребностей общества в продуктах и полезностях леса. Период лесовыращивания обычно заканчивается предъявлением потребителю леса на корню. Поэтому расчет рентабельности, экономической эффективности лесовыращивания ограничивается временным периодом – до этапа главной рубки леса. Такой подход является традиционным в лесном хозяйстве [17].

Экономическая эффективность по формированию сосново-березовых насаждений определяется соотношением суммарного эффекта и затрат, обеспечивающих его получение. Она определяется в целом для всей системы рубок по общепринятой технологии для конкретного типа леса или хозяйственной секции. Введение в формулу расчета эффективности коэффициента дисконтирования и объема капитальных вложений не целесообразно. В силу того, что лес является постоянно продуцирующим и находится в состоянии устойчивой системы, а период от лесовозобновления до его использования весьма длителен, то ведущие наши экономисты считают использование коэффициента дисконтирвоания неверным [15], [16]. Поэтому расчет коэффициента экономической эффективности проводился по скорректированной формуле:

$$K_{эру} = \left[Д + (T_у - T_{бу}) - C \right] / C,$$

где Д – суммарный доход, получаемый от реализации продукции всех видов рубок формирования насаждений с учетом их повторяемости, руб/га; $T_у$ – стоимость древесного запаса в насаждении, пройденном рубками ухода (или формирования), к возрасту главной рубки, руб/га; $T_{бу}$ – стоимость древесного запаса к возрасту главной рубки в насаждении, выращенном без рубок ухода (или формирования), руб/га; С – себестоимость рубок ухода (или формирования), руб/га.

Расчет суммарного дохода производится на основе показателей: площади занимаемой насаждениями, объема проводимых работ, объема получаемой продукции и его стоимости. Высокопродуктивных сосново-березовых (I^a–II кл. бонитета) представляющих наибольший интерес для лесоводов около 83 % (0,24 млн. га). Примерно одну треть из них занимают молодняки (0,08 млн. га).

Для вывода насаждений обозначенной категории состава в категорию с преобладанием сосны необходимо выше обозначенные площади с периодичностью – один раз в три-пять лет (в соответствии с Правилами рубок леса в Республике Беларусь [18]) в течение примерно одного класса возраста подвергать лесохозяйственному уходу согласно предлагаемым рекомендациям. При этом годовой объем работ определяется исходя из соотношения: 0,08 : 5 = 0,016 млн. га. Таким образом, ежегодно необходимо подвергать уходу около 15–16 тыс. га сосновых молодняков заглушаемых березой.

На этапе ухода в молодняках – осветление – товарной продукции для получения прямой прибыли нет, однако имеются затраты на срезание березового возобновления в насаждении. При проведении прореживаний по параметрам предлагаемой программы по поддержанию оптимального состава получают березовые и сосновые балансы в количестве до 20–30 м^3 с га для каждой породы. Таким образом, реальная прибыль появляется через 2,3 этапа ухода (то есть через 8–10 лет). К периоду наступления принятого возраста спелости березы – 51 год можем получить березового фанкряжа в количестве до 100 м^3.

Денежная оценка стоимости получаемой продукции к возрасту главной рубки показывает, что при средней таксовой стоимости древесины в Беларуси в размере 2 у.е. за 1 м^3 доход от реализации продукции с учетом площади и объема древесины, выбираемой за пять приемов рубки, составит:

– первый прием – 25 м^3·16000 га = 400000 м^3·2у.е. = 800000 у.е. или 50 у.е./га;

– второй прием – 25 м^3·16000 га = 400000 м^3·2у.е. = 800000 у.е. или 50 у.е./га;

– третий прием – 30 м^3·16000 га = 480000 м^3·2у.е. = 960000 у.е. или 60 у.е./га;

– четвертый прием – 30 м^3·16000 га = 480000 м^3·2у.е. = 960000 у.е. или 60 у.е./га.

Всего за цикл выращивания суммарный доход от продукции полученной от мер ухода составит: 220 у.е. с одного га.

Средняя себестоимость выращивания одного кубометра указанных пород составляет 1,3 у.е. В пересчете на один гектар формирования к возрасту главной рубки сосново-березовых насаждений составит 110 м^3 ·1,3 у.е. = 143 у.е.

Стоимость древесного запаса к возрасту главной рубки в насаждении, выращенном без рубок ухода, определяется соотношением:

100 м^3·16000 га = 1600000 м^3·2 у.е. = 3200000 у.е. или 200 у.е./га.

Стоимость древесного запаса в насаждении, пройденном рубками ухода, к возрасту главной рубки определяется соотношением:

150 м^3·16000 га = 2400000 м^3·2 у.е. = 4800000 у.е. или 300 у.е./га.

Таким образом, коэффициент экономической эффективности проведения рубок ухода по нормативам вышеобозначенных рекомендаций к возрасту окончания формирования сосново-березовых древостоев определяется следующим расчетом:

$$K_{эру} = \left[100 + (300 - 200) - 143\right] / 143 = 0,398 \approx 40\%.$$

Полученная величина близка к показателям рентабельности выращивания сосновых древостоев (от 46 до 79 %), ранее приводимым в литературе.

Последующее выращивание сосново-березовых насаждений позволит получить дополнительный прирост ценных сортиментов у сосны. Использование его в качестве отдаленного эффекта возможно при вырубке древостоев по главному пользованию. Предупреждение же убытков в результате повышения устойчивости древостоев сказывается постоянно в течение всего периода существования насаждения.

Заключение. На основе вышеизложенного приходим к следующим выводам:

1. Использование модели множественной регрессии при значительном числе переменных позволяет получить надежный прогноз динамики запасов сосново-березовых древостоев.

2. При оценке экономической эффективности при выращивании сосново-березовых древостоев использованы современные подходы к проведению рубок главного и промежуточного пользования.

3. При разработке экономической эффективности выращивания сосново-березовых древостоев учли, что курсы белорусской валюты часто менялись, поэтому оценка проведена в условных единицах. Последние тоже подвержены изменениям, но в меньшей степени.

4. Рентабельность выращивания сосново-березовых древостоев составила 40 %. Это достаточно высокий показатель, показывающий целесообразность выращивания смешанных древостоев сосны и березы.

Литература

1. Багинский, В. Ф. Лесопользование в Беларуси / В. Ф. Багинский, Л. Д. Есимчик. – Минск : Беларуская навука, 1996. – 367 с.

2. Комплексная продуктивность земель лесного фонда: монография / В. Ф. Багинский [и др.] ; под общ. ред. В. Ф. Багинского. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – 295 с.

3. Мелехов, И. С. Лесоведение / И. С. Мелехов. – М. : Лесная промышленность, 1980. – 406 с.

4. Багинский, В. Ф. Оптимизация составов смешанных древостоев с учетом сохранения биологического разнообразия / В. Ф. Багинский, Н. Н. Катков, О. В. Лапицкая // Современное состояние, рациональное использование и сохранение биологического разнообразия растительного мира : материалы Международной научной конференции, Минск-Нарочь, 26–26 сентября 2014 г. ; ред.: А. В. Пугачевский (отв. ред.). – Минск : Экоперспектива, 2014. – С. 291–293.

5. Нормативные материалы для таксации леса Белорусской ССР : монография / В. Ф. Багинский [и др.] ; под общ. ред. В. Ф. Багинского. – М. : ЦБНТИ-лесхоз, 1984. – 308 с.

6. Козловский, В. Б. Ход роста основных лесообразующих пород СССР : справочник / В. Б. Козловский, В. М. Павлов. – М. : Лесная промышленность, 1967. – 327 с.

7. Мирошников, В. Е. Справочник таксатора / В. Е. Мирошников, О. А. Трулль, В. Е. Ермаков. – Минск : Урожай, 1980. – 359 с.

8. Багинский, В. Ф. Динамика таксационных показателей сосны и березы при их совместном произрастании / В. Ф. Багинский, Е. А. Усс // Проблемы лесоведения и лесоводства на радиоактивно загрязненных землях : сб. научн. трудов Института леса НАН Беларуси. – Гомель : ИЛ НАН Беларуси, 2004. – Вып. 60. – С. 253–263.

9. Багинский, В. Ф. Параметры формирования сосново-березовых культурфитоценозов / В. Ф. Багинский, В. М. Ефименко // Проблемы лесоведения и лесоводства на радиоактивно загрязненных землях : Сб. научн. трудов Института леса НАН Беларуси. – Гомель : ИЛ НАН Беларуси, 2004. – Вып. 60. – С. 67–79.

10. Багинский, В. Ф. Системный анализ в лесном хозяйстве : учебное пособие для студентов / В. Ф. Багинский. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – 168 с.

11. Багинский, В. Ф. Биометрия в лесном хозяйстве : учебник / В. Ф. Багинский, О. В. Лапицкая. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. –376 с.

12. Багинский, В. Ф. Лесная таксация : учебник / В. Ф. Багинский. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018. – 400 с.

13. Антанайтис, В. В. Современные направления в лесоустройстве / В. В. Антанайтис. – М. : Лесная промышленность, 1977. – 280 с.

14. Янушко, А. Д. Лесное хозяйство Беларуси / А. Д. Янушко. – Минск : БГТУ, 2001. – 218 с.

15. Моисеев, Н. А. Экономика лесного хозяйства / Н. А. Моисеев. – М. : МГУЛ, 1999. – Ч. 1. – 158 с.

16. Неверов, А. В. Экономика природопользования / А. В. Неверов. – Минск : БГТУ, 2009. – 554 с.

17. Методические рекомендации по оценке эффективности использования в лесном хозяйстве результатов научно-исследовательских, опытно-конструкторских и опытно-технологических работ // Научно-техническая информация в лесном хозяйстве. – Минск, 2005. – Вып. № 6. – 48 с.

18. Правила рубок леса в Республике Беларусь. – Минск : Минлесхоз, 2019. – 30 с.

Гомельский государственный технический
университет им. П.О. Сухого

Поступила в редакцию 30.09.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 631.158:658.387.64

Состязательность в производственной деятельности

М.В. Лебедевич

В статье раскрыта сущность состязательности как стимулирующего способа воздействия на трудовую активность. Исследования показали, что на сегодняшний день воздействие состязательности на трудовую активность практически не исследовано белорусскими и зарубежными учеными. Анализ имеющегося отечественного и зарубежного опыта позволил прийти к выводу, что проведение производственных соревнований является действенным механизмом повышения эффективности использования трудовых ресурсов при правильной организации их проведения.
Ключевые слова: соревнование, состязательность, экономика труда, трудовые отношения, экономический механизм, производственно-экономическое соревнование.

The article reveals the essence of competitiveness as a stimulating way of influencing labor activity. The studies have shown that nowadays, the impact of competition on labor activity has not been studied by Belarusian and foreign scientists. The analysis of the available domestic and foreign experience has led to the conclusion that the conduct of production competitions is an effective mechanism for increasing the efficiency of the use of labor resources with the proper organization of their conduct.
Keywords: competition, competitiveness, labor economics, labor relations, economic mechanism, industrial and economic competition.

Введение. Стремление к состязательности проявляется в различных сферах человеческой деятельности и является чертой поведенческой психологии человека, одной из форм самоутверждения личности. Эта отличительная черта выделялась многими мыслителями, одним из которых был Фурье, он называл состязательность «фундаментальной страстью человека».

Состязательность, как черту психологии человека, изучали зарубежные ученые Р. Джонсон, Д. Джонсон, Б. Бонта, Дж. Шоплер, Р. Акселрод, Й. Рабби, Н. Миллер, М. Бревер и др.; изучением психологических аспектов состязательности занимались и отечественные ученые: В.В. Левченко, В.А. Ершов, Т.А. Владыкина, Е.В. Шорохова, В.А. Богданова, В.В. Новиков, А.Л. Журавлев, Т.В. Элернум и др.; фундаментальные исследования состязательности в разрезе социалистического соревнования осуществляли В.Г. Гусаков, Н.Ф. Месник, Г.А. Куторжевский, Н.Е. Губанов, И.А. Баткаева, Д. Шопов и др.

Анализ исследований понятия «состязательность» отечественными и зарубежными учеными позволил сделать вывод, что значение состязательности как таковое признается в научных кругах и смысл ее, в большинстве случаев, сводится к тому, что эта характеристика личности является дополнительным рычагом стимулирования активности, а также является критерием сплоченности [1].

Состязательная деятельность в экономической сфере общественной жизни реализуется в форме конкуренции и соревнования.

Соревнование и конкуренция являются экономическими категориями, для которых характерны общие черты: возникают независимо от желания людей, в основе лежит природная склонность к состязательности [2].

В условиях современной экономики четко отлеживается тенденция к совместной деятельности: от формирования интегрированных объединений до создания интернациональных экономических союзов.

В развивающихся странах с переходной экономикой соотношение конкуренции и сотрудничества проявляется все отчетливее, причем конкуренция преимущественно рассматривается как свободная, что на сегодняшний день затруднительно ввиду повсеместной монополизации производств.

Необходимо отметить, что в современных исследованиях недостаточно внимания уделяется негативным проявлениям конкуренции, таким как перепроизводство товаров, рост безработицы, угнетение других производителей, вытеснение с рынка средних и малых предприятий и др.

В конкурентной борьбе отчетливо выражено стремление к уничтожению конкурента любыми методами для достижения монопольного положения на рынке. Цель соревнования – не уничтожение соперника, а достижение экономического и социального успеха в процессе состязательности, предполагается взаимопомощь ради достижения общего результата [3].

Для трудовой деятельности работников внутри крупных корпораций характерно полное абстрагирование от общей цели, преследуются персональные выгоды и нацеленность на индивидуальный результат. Соревнование поможет объединить общие усилия, улучшит сплоченность коллектива, произойдет переориентация на общий результат [4].

Обзор литературы показал, что в работах некоторых ученых, таких как Л. Мизес, И.М. Кирцнер и др. понятия конкуренции и соревнования отождествляются. Л.А. Бейлин, М.И. Воейков, П.В. Гречишников, Н.Ю. Брюховецкая, В.Ю. Горбачева, В.С. Тикин, А.В. Панкин и др. настаивают на их различии.

В производстве наиболее ярким примером использования состязательности как психологической черты, присущей любой личности, стало проведение производственных соревнований.

Результаты и их обсуждение. Конкуренция, соревнование, сравнительная оценка трудовых достижений – процессы, характеризующие производственную деятельность и трудовые отношения, являются элементами системы хозяйственного механизма [5].

Понятия «состязательность», «соперничество», «конкуренция» в исследованиях зарубежные ученые не разграничивают, они объединены общую категорию «competition». Однако можно найти немало примеров в зарубежной литературе, где состязательность используется как психологическая особенность человека для повышения производственных показателей [6].

Т. Питерс и Р. Уотермен в своей книге «В поисках эффективного управления», анализируя факторы, влияющие на эффективность личностной производственной активности, отметили, что зачастую работники дают оценку своим достижениям не по абсолютным показателям, а путем сравнения себя с коллегами. Эта теория нашла свое место и на практике: такие компании как «IBM», «Procter & Gamble», «United Airlines» и многие другие применяют для поощрения отличившихся работников ценные призы, значки, медали и др. [7, с. 127, 332–334].

В частности, в корпорации «IBM» существует *система признания заслуг*. Суть системы заключается в регламентированной оценке деятельности, по итогам которой определяются победители с последующим их награждением [8, с. 37–38].

В Великобритании с конца 80-х гг. прошлого столетия широкое распространение получила *программа признания заслуг работников* (employee recognition programs). Показав свою высокую эффективность, она стала использоваться и в других странах, особенно часто внедрялась менеджерами скандинавских стран. Программа характеризует трудовую активность работников. Используемые методы поощрения довольно разнообразны: от благодарности, выраженной в устной форме, до регламентированных мер поощрений за определенные трудовые достижения.

В качестве примера использования в своей деятельности программы признания заслуг работников можно привести британскую компанию по производству безалкогольных напитков и сиропов «Nichols Foods Ltd., где была разработана многосторонняя программа признания заслуг [9, с. 109]. В наиболее проходном месте выставлен стенд с фотографиями лучших работников, а также со сведениями о достижениях отдельных работников и бригад. По итогам работы каждый месяц происходит вручение специальных премий служащим, показавшим наилучшие достижения в работе по мнению руководства и коллег. Те служащие, которые на протяжении года были выделены хотя бы один раз, отмечаются также на ежегодном собрании.

Программа признания заслуг работников внедрена на предприятиях «Ford», а также в компаниях «British Airways», «Scandinavian Airlines» и др. [10, с. 8].

В компании «Prudential Insurance», американская страховая и инвестиционная компания, разработана и внедрена *расширенная программа признания заслуг*. Признание заслуг выглядит максимально прозрачным для сотрудников. Основной принцип программы заключается в широком оповещении своих подчиненных о способах оценки результатов трудовой деятельности и о принципах осуществления присуждения вознаграждений [9, с. 110].

Французская и немецкая система трудовых отношений характеризуется *балльной системой оценки* результатов трудовой деятельности работников: премируются те работники, которые набрали наибольшее баллов, зачисляющихся пропорционально трудовым заслугам [11], [12].

В Японии широко распространена *стратегия кайдзен*, которая характеризуется как процесс непрерывного совершенствования всех бизнес-процессов. Менеджменту японских компаний присущи многие черты, характеризующие трудовое соревнование: непрерывное совершенствование организации производства, ориентация на принципы коллективизма, применение материальных стимулов для повышения трудовой активности, направленность на максимальное удовлетворение работников условиями труда. В своей деятельности данные принципы широко применяют такие крупные компании, как «Toyota», «Nissan», «Sharp» и др. [13], [14], [15].

Состязательность является одной из действенных мер повышения эффективности производства. В социалистическом обществе особенности состязательности действенно нашли свое отражение в проведении *социалистического соревнования*.

Социалистическое соревнование затрагивало все сферы деятельности, характеризовало трудовую жизнь советского общества. Соревнование стало идеологической составляющей, без которой не представлялось дальнейшее развитие советской экономики. Проведение социалистических соревнований стало символом достижения максимально возможной производительности труда, повышения качества продукции, благоприятным условием проявления трудовых инициатив, предпосылкой для улучшения качественных показателей и внедрения достижений научно-технического прогресса, что, в свою очередь, по убеждениям организаторов, стало мощным толчком для повышения экономических показателей народного хозяйства в целом.

Сторонники внедрения социалистического соревнования считали, что соревнование построено на принципах взаимопомощи и сотрудничества, индивидуальные успехи каждого работника формируют конечный результат работы бригады, коллектива, звена, предприятия и отрасли в целом. Основной движущей силой достижения задач проведения соревнований являлись моральные стимулы и идеологическая составляющая [16].

Свой окончательный вид социалистическое соревнование приобрело в начале 30-х гг. XX в. Основоположником концепции социалистического соревнования в СССР был В.И. Ленин. Он исходил из обобщения передового опыта Советской власти и теоретических выводов основоположников научного социализма. В.И. Ленин считал, что реализация проведения социалистического соревнования приведет к совершенствованию организации производства, соблюдению трудовой дисциплины, повышению производительности труда. К особенностям социалистического соревнования можно отнести взаимодействие, казалось бы, несочетаемых элементов: состязания и взаимопомощи, соперничества и сотрудничества [17].

Предпосылкой для возникновения массового социалистического соревнования стало ударничество, основанное на моральных стимулах. Отдельные высокие производственные показатели становились предпосылкой для корректировки устоявшихся нормативов выработки, толчком для обновления и модернизации материально-технической базы, совершенствования организационных процессов.

Учитывая всесоюзный масштаб проведения соревнования, природное стремление человека к состязательности, идеологическую составляющую, результат проведения социалистического соревнования в СССР оказался далек от запланированного по следующим причинам:

– предоставление статистической отчетности по единой форме для всех видов соревнований;
– недостаточность знаний в области менеджмента у советских управленцев;
– неравные исходные условия;
– постоянное изменение ориентировочных плановых показателей;
– отсутствие единого координационного органа;
– преобладание моральных стимулов над материальными;
– отсутствие четких критериев определения победителей [18].

Социалистическое соревнование стало действенным механизмом повышения производительности труда в СССР. Особенности его организации можно и нужно применять в современном производстве принимая во внимание советский опыт с учетом выявленных недостатков.

Белорусскими учеными понятие «соревнование» отдельно практически не исследуется. В тесной взаимосвязи с мотивацией труда о состязательности как таковой пишут ученые А.В. Микулич, Н. Старовойтова, А. Шпак, О. Пашкевич, А. Борисенко, М.З. Фрейдин, П.С. Лемещенко и др. [19], [20], [21], [22], [23].

Следует отметить, что примеры проведения соревнований можно найти в Республике Беларусь. С 1996 г. в рамках государственной программы по возрождению и развитию села проводится республиканский фестиваль-ярмарка тружеников села «Дожинки». До 2014 г. фестиваль имел формат государственного праздника, в настоящее время фестиваль-ярмарка проводится локально – организуется в одном из районных центров каждой областью самостоятельно.

Осуществляя грандиозную программу возрождения села, Беларусь умело начала использовать давние народные обычаи. Каждую осень страна благодарит своих хлеборобов за самоотверженный труд. На «Дожинках» награждают победителей сельскохозяйственных соревнований в различных номинациях, характеризующих процесс производства сельскохозяйственной продукции. Соперничество механизаторов, хозяйств, регионов является весьма значимым стимулом наращивания производства, проведения уборочных работ в оптимальные сроки. Престижность получения первого места среди регионов привело к острому напряженному соперничеству управленческой вертикали исполнительной власти страны по созданию условий производства, способствующих наращиванию его темпов, повышению продуктивности зернового клина, усилению требовательности в стремлении достичь лучших результатов.

Об особенностях проведения фестиваля-ярмарки упоминается в работах В.И. Бельского, И.А. Доманской [24], [25].

Однако, как показал анализ, широкого распространения производственное соревнование как метод стимулирования труда и производства не получило.

Применительно к производственной деятельности в условиях Республики Беларусь целесообразно ввести новое понятие «производственно-экономическое соревнование».

Производственно-экономическое соревнование – особая форма мобилизации трудовой, производственной и деловой активности работников и коллективов на основе сравнения результатов их деятельности, обеспечения общественного признания и применения мер поощрения.

Основной целью проведения производственно-экономического соревнования должно стать повышение трудовой активности работников на производстве в процессе состязательности при помощи четких материальных стимулов.

Характеристика содержания производственно-экономического соревнования указывает на непосредственную связь с функциями управления: планированием и прогнозированием, организацией и координацией, мотивацией и стимулированием, контролем.

При проведении производственно-экономического соревнования необходимо всесторонне учитывать различные аспекты производственной деятельности: правовые, организационные, экономические, технологические, управленческие.

Поощряя работников не индивидуально, а сопоставляя результаты работы, повышается эффективность работы сотрудников, используются нестандартные подходы для решения проблем, выявляются наиболее работоспособные и продуктивные сотрудники, извлекается дополнительная выгода, так как размер отдачи выше вложений в вознаграждения.

Правильно организованное производственно-экономическое соревнование ставит в работников в такие условия, при которых они становятся соперниками. Однако, наряду с соперничеством, развиваются взаимопомощь и взаимовыручка.

Для организации эффективного производственно-экономического соревнования следует:

– заинтересовать работников в участии в соревновании;
– обеспечить взаимосвязь вознаграждения с прилагаемыми работниками усилиями;
– правильно выбрать вид стимулирования, исследовав мотивационный профиль;
– создать адекватные, четкие и ясные правила проведения соревнования;
– верно определить цели соревнования;
– проводить соревнование в соответствии с регламентом;
– сформулировать четкие и понятные критерии оценки победителей;

– создать равные, если это возможно, условия для участников;

– обеспечить неизменность правил проведения соревнования на протяжении всего периода проведения конкурса;

– сделать процедуру определения победителей максимально прозрачной;

– определить правильный размер вознаграждения: оно не должно быть чрезмерно большим, это приведет к обострению конкуренции, при этом его размер должен быть достаточным для того чтобы у работников был стимул стать победителем;

– сформулировать критерии победы таким образом, чтобы они были реально достижимыми;

– после проведения соревнования не следует негативно воздействовать на работников в случае невыполнения целей соревнования.

Соблюдение этих мер позволит максимизировать эффект от проведения соревнований, при этом сведет к минимуму связанные с ним риски.

Выводы. Установлено, что состязательность является стимулом повышения эффективности производства, ее можно и нужно применять в отечественной практике в виде соревнований, учитывая при этом основные недоработки при проведении социалистического соревнования в СССР. Исторические факты подтверждают, что соревнование существенно влияет на эффективность производства, стимулирует производительность туда, способствует формированию нормального социально-психологического климата, развивает чувство коллективизма и взаимопомощи, приводит к признанию обществом и коллективом заслуг работников. Состязательность, как специфичная природная черта личности, эффективно используется в процессе создания механизмов стимулирования и мотивации трудовой активности и в зарубежных странах. Там целенаправленно создают условия для проведения соревнований, содействуют развитию процесса состязательности.

Для того чтобы повысить материальную заинтересованность работников предлагается ввести и применить систему производственно-экономических соревнований, которая будет максимально учитывать индивидуальные особенности каждой организации, учитывая имеющийся отечественный и зарубежный опыт умелого использования состязательности.

Литература

1. Левченко, В. В. Генетический аспект анализа феномена состязательности / В. В. Левченко // Вестник ГУУ. – 2014. – № 13. – С. 304–308.

2. Летунова, О. В. Конкуренция и соревнование как различные виды агональной деятельности / О. В. Летунова // Менеджмент социальных и экономических систем. – 2018. –№ 3 (11). – С. 37–43.

3. Брюховецька, Н. Ю. Конкуренция и соревнование в условиях инновационного развития предприятий / Н. Ю. Брюховецька, І. П. Булєєв // Вестник экономической науки Украины. – 2017. – № 1 (32). – С. 7–15.

4. Горбачева, В. Ю. Экономические формы состязательности: рыночная конкуренция и социалистическое соревнование / Ю. В. Горбачева // Вестник СПбГУ. Сер. 5, Экономика. – 2008. – № 2. – С. 145–149.

5. Организация сельского хозяйства в сельском хозяйстве / подготовили Н. Ф. Месник, Т. Е. Бондарь, В. Г. Гусаков. – Минск : Ураджай, 1985. – 43 с.

6. Ашурков, О. А. Экономико-правовые исследования проблем состязательности и оценки результатов хозяйственной деятельности / О. А. Ашурков, Н. А. Орлова // Вестник Института экономических исследований. – 2018. – № 1 (9). – С. 144–153.

7. Питерс, Т.В поисках эффективного управления (опыт лучших компаний) / Т. Питерс, Р. Уотермен ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1994. – 420 с.

8. Харрингтон, Дж. Управление качеством в американских корпорациях / Дж. Харрингтон ; пер. с англ. – М. : Экономика, 1990. – 280 с.

9. Основы организационного поведения / С. П. Роббинз ; перевод с англ. – 8-е изд. – М. [и др.] : Вильямс, 2006. – 443 с.

10. Пшеничников, В. В. Японский менеджмент. Уроки для нас / В. В. Пшеничников. – М. : Изд-во «Япония сегодня», 2000. – 296 с.

11. Бондаревська, К. В. Стимулювання персоналу: зарубіжний дослід / К. В. Бондаревська, Т. О. Товмашенко // Молодий вчений. Економічні науки. – 2015. – № 3. – С. 26–31.

12. Кича, Л.М. Особливосці закордонного досліду мотивації праци / Л. М. Кича // Вісник Приазовського державного техничного університету. Сер. Економічні науки. – 2013. – Вип. 26. – С. 72–76.

13. Имаи, М. Кайдзен. Путь к снижению затрат и повышению качества / М. Имаи. – М. : Альпина Паблишер, 2014. – 424 с.

14. Как работают японские предприятия / под ред. Я. Мондена [и др.] ; пер. с англ. – М. : Экономика, 1989. – 262 с.

15. Лебедевич, М. В. Проведение производственных соревнований как способ стимулирования трудовой деятельности на предприятии / М. В. Лебедевич // Вісник Кам'янець-Подільського національного університету ім. Івана Огієнка. – 2020. –№ 15. – С. 245–251.

16. Лебедевич, М. В. Особенности проведения социалистического соревнования в советский период и возможное использование опыта на современном этапе развития экономики Республики Беларусь / М. В. Лебедевич // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития : материалы XX Междунар. науч. конф., Минск, 17–18 окт. 2019 г. : в 3 т. / Редкол.: Ю.А. Медведева [и др.]. – Минск : НИЭИ М-ва экономики Респ. Бела-русь, 2019. – Т. 2. – 262 с.

17. Ленин, В. И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 36. – М. : Изд-во полит. лит-ры. – С. 127–164, 150.

18. Евдокимова, Е. А. Соревнование как инструмент стимулирования персонала / Е. А. Евдокимова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Экономика и право. – 2012. – № 10 – С. 35–36.

19. Лемещенко, П. С. Институциональная конкуренция как движущая сила разрушения и созидания современной экономики / П. С. Лемещенко // Теоретическая экономика. – 2014. – № 2. – С. 17–24.

20. Микулич, А. В. Мотивация труда руководителей сельскохозяйственных организаций на современном этапе экономического развития / А. В. Микулич // Аграрная экономика: ежемесячный научный журнал. – 2017. – № 1. – С. 23–41.

21. Старовойтова, Н. Новые формы мотивации труда в сельскохозяйственных организациях с различным уровнем развития / Н. Старовойтова [и др.] // Аграрная экономика : ежемесячный научный журнал. – 2011. – № 9. – С. 24–29.

22. Шпак, А. Мотивация : пища для ума / А. Шпак, О. Пашкевич, А. Борисенко // Белорусское сельское хозяйство : ежемесячный научно-практический аграрный журнал. – 2013. – № 3. – С. 10–12.

23. Фрейдин, М. З. Совершенствование мотивации работников сельскохозяйственных организаций в контексте реформ АПК Беларуси / М. З. Фрейдин [и др.] // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі : часопіс. – 2015. – № 3. – С. 60–66.

24. Бельский, В. Некоторые аспекты мотивации труда работников сельскохозяйственных организаций / В. Бельский, Н. Старовойтова // Агроэкономика. – 2005. – № 9. – С. 16–19.

25. Доманская, А. И. Дожинки по-белорусски: от ритуала к карнавалу / А. И. Доманская // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. – 2013. –№ 1 (29). – С. 81–87.

Институт экономики НАН Беларуси

Поступила в редакцию 31.07.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 331.5

Неклассическая занятость и рынок труда в условиях цифровой трансформации

О.В. Машевская

Цифровая трансформация агрессивно ворвалась в ряд отраслей и сфер экономики, перекроив последние, что в конечном итоге не могло не отразиться на рынке труда и занятости населения. Цифровые изменения, происходящие в современной экономике, стали формировать новые подходы к занятости и обозначили новые формы труда, что и явилось основанием для рассмотрения в данной статье.
Ключевые слова: дистанционная работа, рынок труда, цифровая трансформация, классические формы занятости, неклассическая занятость, дистанционная занятость, электронная занятость.

Digital transformation aggressively began to be shown in a number of the industries and spheres of economy, having changed them that finally could not but affect labor market and employment of the population. The digital changes happening in modern economy began to form new approaches to employment and have designated new forms of work, as was the basis for consideration in this article.
Keywords: e-employment, distance work, labor market, digital transformation, classical forms of employment, non-classical employment, distance employment.

Введение. В социально-экономическом развитии современного общества ключевую роль стала играть цифровая трансформация, которая привела к появлению неклассических (или как часто их еще называют «нестандартных») форм занятости. К подобным формам можно отнести дистанционную работу, фриланс, аутсорсинг, а также различные краткосрочные и «прекариальные» формы занятости. Подобные формы занятости при скоординированном регулировании и координационном механизме имеют значительный потенциал с точки зрения повышения эффективности занятости населения в целом.

Происходящая цифровизация в национальной экономике и усиление внимания к неклассическим формам занятости со стороны нанимателей, особенно в сфере услуг, определяют необходимость углубленного исследования теоретических, методологических и прикладных аспектов эффективного использования и целенаправленного регулирования формирующихся разновидностей занятости, а также анализ минимизации возможных негативных последствий. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что мало изучены причины размывания классических форм занятости в условиях цифровизации, а также изучены стимулирующие факторы возникновения и распространения новых «неклассических» отношений и форм занятости: их выявление и структурирование приобретает в этой связи особое значение, как и подходы к оценке масштабов данного явления. Также стоит отметить, что наблюдаются противоречия: например, назрела практическая необходимость в снятии барьеров, затрудняющих использование наиболее инновационных форм занятости, в том числе е-занятости или дистанционной формы, а данный аспект не нашел системного аргументированного отражения в научных разработках. Хоть в республике ведутся исследования в данном направлении, но поле данной предметной области еще имеет возможности для исследования.

В связи с цифровой трансформацией возникла проблема оценки появляющихся новых форм занятости и угроз, связанных с изменением социально-трудовых отношений между работником и нанимателем, с отсутствием точности измерения производительности труда при неклассических формах занятости и показателей оценки их доли в ВВП; отсутствуем однозначности понимания социально-экономических отношений на цифровом рынке труда и их последствий.

После изучения ряда литературных источников можно говорить о том, что неклассические формы занятости мало проработаны, а те, которые стали активно появляться в период цифровой трансформации при градуированном становлении цифровой экономики, не соответствуют ее масштабам и значимости, в результате они остаются самопроизвольными, имеют расплывчатые критерии и конечную стоимостную оценку.

Основы теории занятости были заложены мэтрами экономической мысли Дж.М. Кейнсом, Р. Харродом, Э. Хансеном, Дж.Р. Хиксом, П. Самуэльсоном, Э. Фелпсом и др. Современная цифровая действительность привела к появлению неклассических форм занятости, что вызвало интерес и нашло отражение в исследованиях ряда зарубежных ученых: З. Баумана, Е.Е. Ваенкевич, З.Т. Голенковой и Ю.В. Голиусовой, М. Койне, Р.М. Нуреева, А. Тангиана, Д. Фаджа, и др.

В Беларуси проблемами занятости, формированием социально-трудовых отношений и их трансформацией в условиях становления цифровой экономики занимаются такие ученые, как М.М. Ковалев, Г.Г. Головенчик, А.П. Морова, Е.В. Ванкевич, О.В. Зайцева, и другие.

Появление современных форм занятости. Постоянно происходящие изменения в экономике заставляют ее эволюционировать, отражаясь на экономических отношениях в обществе и становятся уже «нормой жизни». Например, услуги, которые когда-то оказывались в материальном виде, сегодня предлагаются в цифровом формате, причем без увеличения цены.

Беларусь не остается в стороне от происходящей цифровизации и взяла курс на поэтапное формирование цифровой экономики. В связи с чем был принят ряд законодательных актов и Постановлений Совета министров, подтверждающих становление в ближайшей перспективе, цифровой экономики. Планы формирования были выделены на долгосрочную перспективу (до 2020 г., до 2035 г., и далее), т. е. планировался градуированный переход к цифре. Однако мир столкнулся с достаточно глобальной и серьезной проблемой, такой как Covid-19, и переход в цифровую жизнь и на дистанционную форму работы был осуществлен практически за один месяц.

Благодаря сложившейся ситуации в стране стали активно расширяться такие формы занятости, как дистанционно-удаленная работа, надомная работа, стали более востребованы фрилансерство и аутсорсинг, что позволило изменить классическое представление о ценности работы и необходимости обязательного физического присутствия штатного сотрудника на рабочем месте. В связи с этим, теперь уместно говорить о необходимости корректировки трудового кодекса Республики Беларусь. Конечно, правительство уже внесло изменения в Трудовой кодекс (Закон № 219-З), которые вступили в силу 28.01.2020 г. и позволили урегулировать труд работников, выполняющих работу дистанционно, а также было определено в законодательном порядке что понимать под дистанционной работой. Однако, в Трудовом кодексе отмечено, что «…работника можно уволить в случае прогула (п. 5 ст. 42 Трудового кодекса РБ). Прогулом признают отсутствие на работе без уважительных причин в течение всего рабочего дня либо более 3 часов в течение всего рабочего дня непрерывно или суммарно на территории организации… (ч. 1 п. 34 постановления Пленума Верховного Суда РБ от 29.03.2001 № 2) [1]. Тогда согласно данного постановления работу удаленно, из дома, в каком случае следует считать «работой», а при каких условиях можно приравнять к прогулу? Как обеспечить охрану труда и социальные гарантии при работе дистанционно? Ответ на данные вопросы еще предстоит получить от Правительства и нанимателей.

При классической форме занятости учитываются «стандартные признаки» работника: возраст, пол, стаж работы в должности, образование, наличие несовершеннолетних детей (для женщин) и др. Но сегодня, в период цифровой трансформации данные признаки утрачивают свое определяющее значение, и становятся сугубо информативными, т. е. позволяют получить базовую информацию о претенденте на место, выбор и реализацию идей относительно трудовых намерений при неклассической занятости.

Под неклассической занятостью мы будем понимать отклонения от классической занятости в условиях становления цифровой экономики, формирование которой объективно обусловлено переходом к цифре с новым технико-технологическим укладам, подкрепляемым формирующимися объективно-субъективными факторами, и занятостью, принимающей многообразные организационные формы, не укладывающиеся в критерии классической занятости предшествующего периода.

Опираясь на исследования Международного Бюро Труда [2, с. 2] выделим некоторые группы «неклассических форм» гибкой занятости:

1. Временно-дистанционная занятость и многосторонние трудовые отношения;
2. Завуалированные трудовые отношения или зависимая самостоятельная занятость;
3. Занятость на условиях неполного рабочего времени.

В рамках этих групп есть различные подгруппы форм занятости, специфика которых зависит от исследуемой страны [3] и востребованности рабочей силы.

1. Временно-дистанционная занятость – это занятость с меняющимися факторами (изменение социально-трудовых отношений, объемом выполняемой работы и др., трудовые договора). Временная занятость характерна для рабочих мест, связанных с «работой по требованию», экономикой свободного заработка и работой на интернет-платформах. К данной группе можно отнести занятость как аутсорсинг; лизинг персонала (рекрутинговое агентство заключает трудовой договор с работником от своего имени, а потом направляет его на работу в организацию на относительно длительный срок); аутстаффинг (подрядчик оформляет в свой штат уже существующий персонал организации-клиента (заказчика), при условии, что работники продолжают трудиться на прежнем месте); смартстаффинг или умный штат (позволяет привлекать временно свободный персонал, заявленной производителем квалификации с целью получения наибольшей отдачи (результативности) профильных кадровых ресурсов).

2. Завуалированные трудовые отношения создают иллюзию того, что не существует в действительности, не обеспечивают социальную защиту и не являются частью трудовых отношений, предусмотренных законом. Здесь найм происходит от лица третьей стороны, что не позволяет определить, кто является фактическим нанимателем. Зависимая самостоятельная занятость является ещё одной формой занятости, где не хватает границ правовой ответственности, при которой работники предоставляют услуги компании в рамках гражданско-правового договора, и их доход зависит от нескольких клиентов, либо они получают непосредственные указания о том, каким образом должна быть выполнена работа. Логично, что данная форма занятости не регулируется положениями трудового законодательства или действующей в стране системе социального обеспечения и гарантий. Однако, ряд стран приняли преднамеренно положения по распространению норм защиты самозанятых работников [2, с. 3], [3].

3. Неполное рабочее время – это работа, которая составляет в некоторых случаях до 30 часов, максимально до 35 часов в неделю. Сюда относят формы занятости, при которых наниматель не устанавливает определённую норму часов занятости. Нанимателя будет интересовать только конечный результат деятельности работника, ориентированный на конечного потребителя. К данной группе относятся фриланс, краудворкинг. Современное течение жизни, динамизм, гибкость и неопределенность цифровой экономики нередко превращают в самозанятых классических работников, лишая последних социальных гарантий. В свою очередь радикальная смена стиля жизни и системы ценностей ведет к росту числа фрилансеров, которые хотят работать самостоятельно, не подчиняясь имеющему иерархическому порядку в рамках существующих трудовых отношений. Этим процессом охвачен IT-сектор и некоторые другие сектора экономики, связанные с работой в Internet.

Фрилансерство предполагает выполнение работы без заключения договора с нанимателем, только для выполнения определенного объема работ (часто работа определяется рамками договора подряда). Интернет-биржа фриланса может выступать как специализированный сервис, на котором фрилансеры ищут заказчиков, а заказчики исполнителей. Данные сервисы выступают гарантом сторон, и мошенничество как со стороны фрилансеров, так и со стороны заказчиков пресекается. Преимущество фриланса перед классическими формами занятости можно представить, опираясь на модель значимых ценностных ориентаций, предложенную Д. Пинком: «..свобода, ответственность, возможность оставаться самим собой, и только собственные критерии успеха…» [4].

Следующая форма занятости – *дистанционная работа*, которую работник выполняет, не находясь географически на одном месте с нанимателем, используя для выполнения заданной работы ИКТ (компьютеры/ноутбуки, Internet, и другие мессенджеры) и для осуществления взаимодействия с нанимателем [5]. Несмотря на то, что были внесены соответствующие изменения в ТК нашей страны, перевод на данный вид работы требует оформления с работником дополнительного соглашения к трудовому договору.

Что касается краудворкера, то однозначное определение отсутствует, однако в США и Индии под краудворкерами понимают людей, которые на аутсорсинговой основе выполняют небольшие проекты с помощью Internet, находясь дома, а задачи, которые они выполняют, не

носят глобального и сложного характера. Потребность бизнеса в дешевой рабочей силе, с одной стороны, и желание обычных пользователей заработать в Internet – с другой, привели к появлению интернет-платформ, которые сводят заказчиков и исполнителей, а сами существуют за счет комиссии от сделок, так зарплата американских краудворкеров составляет от 1,38 до 5,0 $/час. Известная платформа Mechanical Turk (собственник Amazon) объединяет по всему миру 500 тыс. краудворкеров.

Новые подходы к занятости позволили онлайн-платформам выступать в качестве посредника между нанимателем и соискателем. Сформировавшиеся посреднические интернет-возможности связывают отдельных провайдеров с клиентами, трансформируя таким образом классические трудовые отношения в неравномерный поток задач «по требованию». Позитивным здесь является то, что число пользователей на двух крупнейших платформах подбора рабочих мест за десять лет увеличилось в 15 раз, однако негативный момент тоже присутствует: для компаний более низкие затраты на рабочую силу и более широкий доступ к глобальному контингенту виртуальных работников может привести к эрозии человеческого потенциала.

Цифровая трансформация на рынке труда. В настоящее время наиболее развитые страны мира переживают процесс новой промышленной революции, вследствие которой развивается инновационный тип хозяйства, известный под названием «Индустрия 4.0». В востребованном названии зашифрованы этапы предыдущего промышленного процесса, от перехода к машинному труду до современности, где в массовом порядке в производство внедряются киберфизические системы и размываются границы между физическими, цифровыми, социальными и биологическими сферами жизни [4].

Инновации и технологические новшества меняют спрос и предложение на рынке труда, организационные и содержательные основы работы. В результате распространяется новая модель труда и занятости, которая получила название «Работа 4.0». Планировалось, что направление «Работа 4.0», прежде всего, начнет функционировать в развитых странах, отражая все преимущества и новые возможности цифрового мира. Такой подход позволит сделать оценку труда и объемы выполненной работы более прозрачными и контролируемыми из вне. Однако для этого необходимо:

1. Изменить существующие подходы и выработать новые требования к подготовке специалистов и работников, распространяющиеся на все профессиональные группы;

2. Сформировать новую архитектуру рынка труда;

3. Создать новые институты, регуляторы сферы труда, в т. ч. создать мощную платформу, которая бы способствовала автоматической регистрации безработного, и предлагала вакансии согласно заявленным требованиям и специфике деятельности, на которой могли бы проводить собеседование HR-менеджеры, оценивая в новых условиях (при «размывании» границ между устоявшейся классической формой организацией труда и цифровыми формами занятости) компетенции и навыки специалистов.

4. Создать «цифровое» рабочее место, которое одновременно бы являлось и технологией, и рабочим местом, и орудием труда, средой взаимодействия и производственным результатом, а также механизмом оценки полученного результата.

5. Поддерживать новые типы формирующихся трудовых отношений, опираясь на их индивидуализацию, и выработать новые подходы к ценообразованию на рабочую силу в сложившихся цифровых условиях.

Сегодня на первое место выходят не столько показатели производительности работника, сколько мотивация его личной ответственности и достижения KPI. В области труда уже многие виды деятельности осуществляются в информационном пространстве при помощи персонального компьютера, мобильных устройств и приложений, которые сами становятся предметом и/или средством труда, что расширяет пространство производства, в котором возникают новые взаимосвязи и обмен, порой кардинально отличающиеся от классических предприятий, форм и их организационных принципов. В такой системе занятости исходным показателем является не рабочее место, а наличие ранжируемой по зарплате профессиональной деятельности в определенном секторе экономики.

Для рынка труда безработица перестает быть индикатором эффективности, поскольку при помощи цифровых платформ распределяются (например, аукционным способом) не рабочие места, а трудовые задания и приобретённые компетенции. Для работников важно постоянно обновлять умения и навыки, повышать уровень квалификации, быть готовым к выполнению обязанностей в любое время и в любом месте. Вследствие этого работник становится ответственным и автономным, он самостоятельно регулирует свою деятельность, контролирует ее результат и уровень оплаты через выбор поступающих предложений. Со стороны спроса (нанимателя) внешний контроль за деятельностью работника можно осуществлять при помощи введенных/сохраненных данных, сведений, отчетов или другой документации, часто без привлечения самого работника.

Однако это не означает, что государство не должно регулировать занятость и безработицу на рынке труда в современных условиях. Напомним, что труд является одним из факторов производства, использование труда приносит производителю не только результат, но и затраты, которые последний пытается минимизировать. При данном подходе возможны нарушения трудовых отношений, что и предопределяет роль государства.

Современная экономическая ситуация опровергает тезис классиков, считавших труд единственным точным мерилом стоимости. Сегодня стоимость труда и стоимость продукции, созданной данным трудом, не коррелируют друг с другом, особенно в условиях цифровой трансформации.

Можно сказать, что наниматель ориентируется на среднерыночную стоимость рабочей силы, корректирует ее на коэффициент профессиональной принадлежности, уровень квалификации и, что важно сегодня – на востребованность созданного продукта на рынке. Затем вакансия выставляется на рынок труда. Исходя из существующего спроса на данное место, его первоначальная цена повышается или понижается в зависимости от того, как договорятся наниматель и соискатель. По мнению И.В. Новиковой [6] и мы с ней согласны, отечественные наниматели в условиях сокращающегося рынка труда и его цифровой трансформации, ведут себя как олигополисты (рисунок 1).

На рисунке 1 кривые D_{1A} и D_{2BC} можно рассматривать как спрос на труд нанимателя 1 и нанимателя 2 (P – цена труда, Q – объем услуг (товаров), MR – предельный доход, MC – предельные издержки). При снижении заработной платы, ее «оптимизация» (ситуация, когда наниматель 1 увеличивает объем работы на работника без пропорционального увеличения зарплаты), поддерживается работодателем 2. Работники, опасаясь потерять работу, и наблюдая на рынке повсеместное снижение заработной платы, соглашаются на предлагаемое ухудшение условий труда. Данная ситуация подтверждает, что в период цифровой трансформации необходимо государственное регулирование на рынке труда, которое имело бы инструменты для регулирования подобной ситуации, стремилось предупреждать ухудшение условий работников и воздействовало на нанимателей, стимулируя дальнейшее развитие гибких форм занятости, особенно в условиях цифровизации.

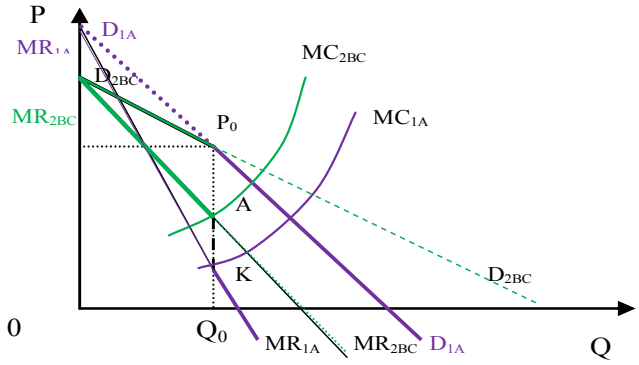


Рисунок 1 – Ломаная кривая спроса на рынке труда

Источник: составлено автором на основании [7, с. 256].

Развитие гибких форм занятости в условиях цифровой трансформации имеет ряд положительных аспектов: гибкость режимов труда, форм вовлечения в трудовые отношения, основанные на неклассическом понимании рабочего места – приводит как минимизации затрат для производителя, так и к высвобождению «рабочего» времени для специалиста. Работнику предоставляется возможность более рационального сочетания работы по найму с другими видами деятельности – учебой, работой по дому, работой удаленно на иного собственника средств производства. Наниматель в период цифровизации может гибко регулировать численность работников, интенсивность нагрузки, издержки, связанные с рабочей силой. В этом смысле можно предположить, что и возможности для человеческого капитала с применением новых цифровых форм занятости получат новые возможности для реализации. Вместе с тем практика показывает, что неклассические формы занятости и трудовые отношения в период трансформации объективно создают предпосылки снижения социальной защищенности работников и способствуют провалу социальной эффективности [8]. Данная проблема остро проявляется, когда институциональная инфраструктура рынка труда, его законы и нормы отстают от фактически сложившихся социально-трудовых отношений, при нежелании бизнеса нести социальную ответственность. Таким образом, возникает угроза, что дальнейшее расширение цифровизации может стать и препятствием для развития человеческого капитала.

Теоретический анализ развития общества и факторов, его определяющих, показывает, что основным фактором, задающим условия изменений, является формирование и смена технологических укладов, развивающихся в виде больших циклов. Можно предположить, что при каждом технологическом укладе формируются новые, неклассические и нерегламентированные формы занятости, свойственные данному укладу, в рамках которых под влиянием трансформации социально-экономической системы формируются ее организационно-правовые формы, обеспечивающие институты, инфраструктуру и т. п. На текущий момент для неклассических форм занятости не выработан единый доминирующий стандарт. Мы считаем, что обусловленность возникновения и распространения неклассических форм занятости состоит в том, что предпосылкой для их формирования стали развивающиеся технико-технологические факторы и инновации. Цифровая трансформация стимулирует не только появления неклассических форм занятости, но и формирует цифровые навыки, которыми должны обладать соискатели (таблица 2) [9]:

Таблица 2 – Прогнозируемый спрос на навыки при цифровой трансформации

n/n	Навыки	Предполагаемый уровень спроса на навыки на конец 2020 г. (планировались до появления пандемии)	Фактический уровень спроса на конец 2020 г.
1	Когнитивные способности	15 %	52 %
2	Системные навыки	17 %	42 %
3	Комплексное решение проблем	36 %	40 %
4	Навыки создания контента	10 %	40 %
5	Процессные навыки	18 %	39 %
6	Социальные навыки	19 %	37 %
7	Технические навыки	12 %	33 %
8	Навыки управления ресурсами	13 %	36 %
9	Физические способности	4 %	31 %

Источник: [9].

Правомерно считать, что нестандартная занятость с цифровыми навыками выполняет адаптационную функцию относительно изменившихся условий ее распространения. Неклассические формы занятости являются производным элементом цифровой экономики.

Заключение. В условиях цифровой экономики значительно расширяются границы гибких форм занятости, улучшаются возможности образования, растет качество трудовых ресурсов, но меняется профиль работника, трансформируются требования и компетенции последнего. Работа становится автономной, мобильной, не ограниченной 8-ю часами рабочего

времени, реализация трудовых функций связывается с формированием мультифункциональности работника, среди которых в цифровую эпоху особое значение приобретают life long learning и digital literacy.

Данные факты говорят о цифровой трансформации нашей реальности, о неизбежности цифры и, чтобы наша страна не находилась в числе «догоняющих», необходимо уже сейчас формировать цифровые компетенции как у работающих, так и у будущих специалистов.

Литература

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. с изм. и доп. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

2. Нестандартные формы занятости. Анализ проблем и перспективы решения в разных странах. Обзорная версия. Международное Бюро Труда. – Женева : МТБ, 2017. – 45 с.

3. Сорокина, А. Н. Теоретические основы формирования нестандартных форм занятости населения / А. Н. Сорокина // Вестник Самарского гос. экономического ун-та. – 2012. – № 2. – С. 95–101.

4. Сизова, И. Л. Труд и занятость в цифровой экономике: проблемы российского рынка труда / И. Л. Сизова, Т. М. Хусяинов // Вестник СПбГУ. Социология. – 2017. – Т. 10, вып. 4. – С. 376–396.

5. Шевцов, А. Изменения ТК-2020: работа через интернет [Электронный ресурс] / А. Шевцов. – Режим доступа : https://ilex.by/izmeneniya-tk-2020-rabota-cherez-internet/. – Дата доступа : 10.09.2020.

6. Новикова, И. В. Регулирование занятости населения на Дальнем Востоке РФ : автореф. дис. … д-ра экон. наук : 08.00.05 / И. В. Новикова ; ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». – М., 2017. – 41 с.

7. Нуреев, Р. М. Курс микроэкономики : учебник для вузов / Р. М. Нуреев. – 2-е изд., изм. – М. : Норма, 2005. – 576 с.

8. Богатырева, М. Р. Нестандартные формы занятости как угроза социальной безопасности трудовых ресурсов [Электронный ресурс] / М. Р. Богатырева, Ф. У. Мухаметлатыпов. – Режим доступа : http://edrj.ru/article/04-12-2018. – Дата доступа : 12.09.2020.

9. Обучение цифровым навыкам: глобальные вызовы и передовые практики Аналитический отчет АНО ДПО «Корпоративный университет Сбербанка» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://obzory.hr-media.ru/cifrovye_navyki_sotrudnika_6_vyzovov_dlya_hr. – Дата доступа : 13.09.2020.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 28.12.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 334.722-055.2

Методика исследования развития женского предпринимательства

А.В. Орлова

В статье предложена комплексная методика исследования развития женского предпринимательства. Методика представляет собой пошаговую оценку показателей и адаптирована для двух исследовательских уровней: международного и национального. Использование различных показателей и методов позволяют исследовать женское предпринимательство по следующим направлениям: количественная оценка, качественная оценка, оценка условий развития.
Ключевые слова: женское предпринимательство, методика, показатели, методы.

The comprehensive methodology for researching the development of women's entrepreneurship is proposed. The methodology is a step-by-step assessment of indicators and is adapted for two research levels: international and national. The use of various indicators and methods makes it possible to study women's entrepreneurship in the following areas: quantitative assessment, qualitative assessment, assessment of development conditions.
Keywords: women's entrepreneurship, methodology, indicators, methods.

Рост исследовательского интереса к проблемам женского предпринимательства достаточно динамичен: от публикации первой научной тематической статьи (1976 г.) до издания международного профильного отчета *Global Entrepreneurship Monitor* (2006 г.) прошло всего тридцать лет. За этот период происходит и академическое признание, и специализация предметных областей научных исследований женского предпринимательства. Современная практика исследований развития женского предпринимательства оперирует достаточно широким спектром научных методов. При этом единого подхода к их использованию в рамках данной предметной области нет. В национальных и международных отчетах по-разному трактуются основные понятия женского предпринимательства, не унифицирована методология сбора и обработки данных, нет единого критерия отнесения бизнеса к женскому, что затрудняет проведение комплексного исследования.

Это обусловило необходимость разработки методики исследования развития женского предпринимательства, в основу которой положены следующие принципы: принцип системности; принцип полноты охвата; принцип комплексности; принцип непрерывности.

Предлагаемая методика исследования развития женского предпринимательства конкретизирует предложенный ранее алгоритм исследования [1]. Базой методики являются: система показателей и методы их анализа.

Формирование перечня показателей для оценки развития женского предпринимательства проводилось на основе следующих требований: информативность показателя, возможность количественного выражения; однозначность отнесения показателей к той или иной функциональной области, периоду изучения; наличие взаимосвязи между ключевыми и вспомогательными показателями.

Оценка развития женского предпринимательства может проводится на международном и национальном уровне и сфокусирована на трех основных направлениях: количественная оценка, качественная оценка и оценка условий развития (рисунок 1). Содержание анализа на различных уровнях исследования раскрывается через соответствующие направления и методы. При этом показатели, используемые для анализа на международном уровне, могут быть использованы для анализа на макроуровне, но не наоборот.

Основными обобщающими показателями на международном уровне определены следующие: уровень предпринимательских намерений женщин (УПН); уровень предпринимательской активности женщин (УПА); уровень устоявшейся предпринимательской деятельности женщин (УПД); уровень прекращения предпринимательской деятельности женщин (УЗПД), а также соответствующие коэффициенты гендерного разрыва. Данные показатели аккумулируются в отчетах *Global entrepreneurship monitor (Women's entreneprenurship)* в соответствие с принятой методологией [2]–[4].

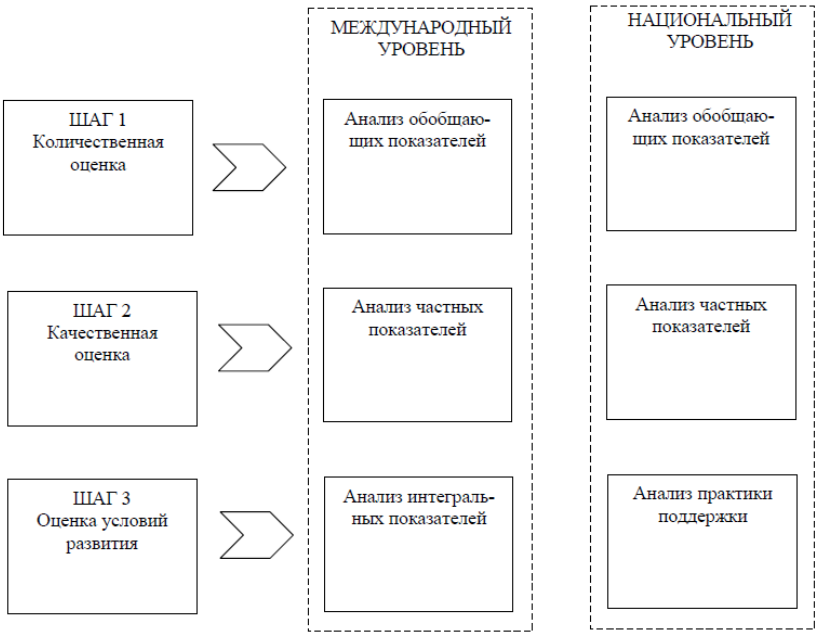


Рисунок 1 – Структурно-логическая схема методики исследования развития женского предпринимательства на международном уровне и национальном уровне

Для изучения обобщающих показателей на международном уровне целесообразно использовать ряд методов и направлений анализа (таблица 1).

Таблица 1 – Методы и показатели количественной оценки развития женского предпринимательства на международном уровне

Метод (направление) оценки	Базовые показатели	Расчетные показатели
Метод группировки	УПН, УПА, УПД, УЗПД и соответствующие коэффициенты гендерного разрыва	Коэффициент вариации, средние значения показателей по группам
Оценка однородности	УПН, УПА, УПД, УЗПД и соответствующие коэффициенты гендерного разрыва	Коэффициент вариации, размах вариации
Оценка равномерности	УПН, УПА, УПД, УЗПД и соответствующие коэффициенты гендерного разрыва	Коэффициент вариации
Оценка тесноты связи	УПН, УПА, УПД, УЗПД и соответствующие коэффициенты гендерного разрыва	Коэффициент корреляции
Метод сравнения	УПН, УПА, УПД, УЗПД и соответствующие коэффициенты гендерного разрыва	Средние значения показателей по группам
Графический метод	УПН, УПА, УПД, УЗПД и соответствующие коэффициенты гендерного разрыва	Средние значения показателей по группам

Метод группировки является неотъемлемой частью исследований развития женского предпринимательства на международном уровне. Предложенный алгоритм его применения [5] отражает последовательность этапов аналитической работы и подразумевает расчет соответствующих показателей. Он позволяет корректно использовать средние величины исследуемых показателей и является базой для применения графического метода.

Коэффициент вариации является основой как для оценки равномерности развития женского предпринимательства, так и для оценки его однородности. Обобщающие показатели характеризуют соответствующие стадии развития предпринимательской деятельности. При этом значения показателей как обобщающих, так и соответствующих коэффициентов гендерного разрыва, по стадиям предпринимательства довольно различны. Это позволило рассмотреть их в горизонтальном и вертикальном направлениях и, как следствие, оценить равномерность их значений. Предложенный вариант анализа на основе использования понятия «равномерность» позволяет проанализировать женское предпринимательство как процесс, состоящий из определенных стадий, и основывается на предположении об одинаковости значений соответствующих показателей [6]. Итоговые значения коэффициента вариации, в свою очередь, позволяют ранжировать страны.

Для измерения тесноты связи между исследуемыми показателями целесообразно использовать коэффициент корреляции. Коэффициент корреляции можно использовать как при изучении обобщающих и частных показателей, так и интегральных. Он позволяет оценить силу и направление связи между рассматриваемыми показателями по выбранным шкалам (например, шкала Чеддока, шкала Е.П. Голубкова).

В рамках исследования развития женского предпринимательства на международном уровне сравнительный анализ целесообразно использовать в двух направлениях: горизонтальный сравнительный анализ и вертикальный сравнительный анализ. Помимо этого, можно использовать такие формы сравнения, как сравнение со средними значениями и сравнение в гендерном разрезе. Обязательным условием сравнительного анализа является сопоставимость сравниваемых показателей, предполагающая: единство показателей; единство периодов времени, за которые производится сравнение; сопоставимость условий; сопоставимость методики исчисления показателей. Проведение сравнительного анализа предполагает построение аналитических таблиц, и (или) использование графического метода.

Графический метод – это один из доступных и наглядных видов анализа предпринимательской деятельности. Он включает разнообразные виды графиков и диаграмм, на основе которых можно визуально проанализировать структуру, динамику и особенности распределения показателей женского предпринимательства.

В рамках второго шага предложенной схемы необходимо рассмотреть частные показатели развития женского предпринимательства, что предполагает оценку качественных характеристик его развития. Данные показатели также, как и обобщающие, аккумулируются в *Global entrepreneurship monitor (Women's entreneprenurship)* и характеризуют определенную стадию предпринимательской деятельности.

Важным этапом в изучении частных показателей развития женского предпринимательства является рассмотрение восприятия женщинами бизнес-возможностей и бизнес-способностей. Возможности включают в себя то, как женщины рассматривают свое окружение: полагают ли они, что вокруг есть хорошие возможности. Вторая переменная бизнес-способности: как женщины оценивают свой потенциал для начала бизнеса. Показатели напрямую не связаны с какой-либо стадией предпринимательской деятельности. Они характеризуют восприятие бизнес-возможностей и бизнес-способностей всеми женщинами.

Предпринимательская активность как стадия предпринимательской деятельности женщин характеризуется частными показателями по следующим направлениям: отраслевая структура, инновационная активность, экспортоориентированность и др.

Основными характеристиками прекращения женщинами предпринимательской деятельности являются такие частные показатели, как доля женщин, прекративших предпринимательскую деятельность по причине неприбыльности и доля женщин, прекративших предпринимательскую деятельность по причине недостатка финансов. При исследовании частных показателей целесообразно изучить и соответствующие коэффициенты гендерного разрыва.

Включение частных показателей в методику исследования развития женского предпринимательства на международном уровне позволяет проанализировать его качественные характеристики, дать более глубокую оценку его развития через детальное рассмотрение каждой из стадий предпринимательской деятельности.

Основными методами анализа частных показателей развития женского предпринимательства на международном уровне являются: метод группировок, оценка однородности, оценка тесноты связи, сравнительный анализ, графический метод.

Содержанием третьего шага является изучение условий развития женского предпринимательства. В международном масштабе это позволяет ранжировать страны по соответствующим характеристикам (параметрам, показателям и др.), которые объединяются в индексы. Комплексную оценку условий развития женского предпринимательства отражают следующие индексы: 1) *Female Entrepreneurship Index* (FEI; Индекс женского предпринимательства) [7]; 2) *The Mastercard Index of Women Entrepreneurs* (MIWE; Индекс женщин-предпринимателей Мастеркард) [8].

Основными методами анализа интегральных показателей развития женского предпринимательства на международном уровне являются: сравнительный анализ, графический метод.

Показатели развития предпринимательства в гендерном разрезе существенно различаются между странами как по видам, так и по содержанию. Поэтому наполняемость шагов на

национальном уровне будет индивидуальна, то есть будет зависеть от каждой отдельно взятой страны (таблица 2). При этом при исследовании развития женского предпринимательства в каждой отдельной стране можно оперировать и показателями из *Global entrepreneurship monitor (Women's entreneprenurship)*.

Таблица 2 – Пример содержания исследования развития женского предпринимательства на национальном уровне

Шаг	Методы анализа	Пример показателей (элементов) в зависимости от страны
Количественная оценка	Метод средних величин, метод сравнения; графический метод; оценка интенсивности.	США: – количество предприятий в гендерном разрезе; – товарооборот предприятий в гендерном разрезе и др. Канада: – количество предприятий в гендерном разрезе; – количество наемных работников предприятий в гендерном разрезе и др.
Качественная оценка	Метод средних величин, метод сравнения; графический метод; оценка интенсивности.	США: – количество наемных работников, приходящееся на одно предприятие в гендерном разрезе; – средний товарооборот, приходящейся на одно предприятие в гендерном разрезе и др. Канада: – количество наемных работников, приходящееся на одно предприятие в гендерном разрезе; – отраслевая структура предприятий в гендерном разрезе и др.
Оценка практики поддержки	Анализ, синтез, дедукция, систематизация, абстрагирование, аналогия.	Институциональная основа, правовая основа; инфраструктура; инструменты.

Методы, используемые при изучении развития женского предпринимательства на национальном уровне, аналогичны тем, которые используются на международном уровне, и дополнены теоретическими методами научного познания.

В том случае, если рассматриваемые показатели отвечают требованиям компаративности, целесообразно проводить горизонтальный анализ. Основой горизонтального направления анализа развития женского предпринимательства является оценка интенсивности показателей его развития. Это предполагает расчет их темпов роста – $T_{\text{р}}$ (1) или коэффициентов роста – $K_{\text{р}}$ (2), а также оценку опережения и ускорения. Для наглядности результатов оценки интенсивности целесообразно использовать графический метод.

$$T_{\text{р}} = \frac{Y_n}{Y_{n-1}} * 100, \tag{1}$$

где Y_n – значение изучаемого показателя в отчетном периоде; Y_{n-1} – значение изучаемого показателя в базовом периоде.

$$K_{\text{р}} = \frac{Y_n}{Y_{n-1}}. \tag{2}$$

Коэффициент опережения ($K_{\text{ОП}}$) (3) используется для рассмотрения соответствия динамики показателей развития предпринимательства в гендерном разрезе. Коэффициент опережения показывает опережение (отставание) коэффициентов роста показателей развития предпринимательской деятельности мужчин над (от) темпами роста показателей развития предпринимательской деятельности женщин.

$$K_{\text{ОП}} = \frac{K_{\text{рм}}}{K_{\text{рж}}}, \tag{3}$$

где $K_{\text{рм}}$ – коэффициент роста изучаемого показателя мужчин; $K_{\text{рж}}$ – коэффициент роста изучаемого показателя женщин.

Оценка ускорения предполагает рассмотрение интенсивности показателей развития предпринимательской деятельности женщин в сравнении между странами, так и между группами стран. Для этого необходимо рассчитать коэффициент ускорения и провести сравнительный анализ в рамках выбранной группировки или отдельных стран.

Оценка практики поддержки женского предпринимательства на уровне отдельной страны является важным этапом изучения данной предметной области. Поэтому ее целесообразно проводить по следующим направлениям: 1) через изучение практики поддержки, включающей такие элементы как нормативно-правовая основа, институциональная основа, инфраструктура и инструменты; 2)через изучение функционализации поддержки, то есть через изучение ключевых областей, в направление которых реализуется практика поддержки.

Предложенная методика исследования развития женского предпринимательства представляет собой пошаговую оценку показателей различного вида и адаптирована для двух исследовательских уровней: международного уровня и национального уровня. Методика объединяет в себе широкий перечень показателей развития женского предпринимательства и позволяет:

а) на международном уровне:

– определить характерные черты развития женского предпринимательства на основе использования метода группировок;

– оценить однородность развития женского предпринимательства на международном уровне, используя обобщающие показатели;

– определить корреляционную связь между различными показателями женского предпринимательства;

– выявить тенденции развития женского предпринимательства, используя обобщающие показатели;

– выявить особенности включенности женщин в предпринимательскую деятельность на различных ее стадиях;

– идентифицировать ключевые факторы и инструменты поддержки развития женского предпринимательства;

б) на национальном уровне:

– выявить тенденции развития женского предпринимательства, используя обобщающие и частные показатели;

– выявить сильные стороны в национальных практиках поддержки развития женского предпринимательства;

– определить основные направления национальных практик поддержки развития женского предпринимательства.

Литература

1. Орлова, А. В. Организация аналитической работы в исследованиях женского предпринимательства / А. В. Орлова // Экономика. Бизнес. Финансы. – 2018. – № 2. – С. 17–22.

2. Global entrepreneurship monitor. 2014 Women's Report [Electronic resource]. – Access mode : http://www.gemconsortium.org/report. – Access date : 16.07.2020.

3. Global entrepreneurship monitor. Women's entreneprenurship. 2016/2017 Report [Electronic resource]. – Access mode : http://www.gemconsortium.org/report. – Access date : 16.01.2020.

4. GEM 2018 / 2019 Women’s Entrepreneurship Report [Electronic resource]. – Access mode : https://gemconsortium.org/file/open?fileId=50405. – Access date : 25.07.2020.

5. Орлова, А. В. Метод группировки в исследованиях женского предпринимательства / А. В. Орлова, И. В. Близнец // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2020. – № 2 (119). – С. 166–170.

6. Оценка равномерности в исследованиях женского предпринимательства / А. В. Орлова // Международный научно-практический журнал «Эпоха науки». – 2020. – № 21. – С. 164–167.

7. Female Entrepreneurship Index [Electronic resource] // GEDI. – Access mode : https://thegedi.org/research/womens-entrepreneurship-index/. – Access date : 18.07.2020.

8. Mastercard Index of Women Entrepreneurs 2019 [Electronic resource] // MASTERCARD. – Access mode : https://www.mastercard.com/news/research-reports/2019/the-mastercard-index-of-women-entrepreneurs-2019/. – Access date : 22.07.2020.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 16.12.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 330: 338.2

Энергетическая эффективность экономики региона: проблемы измерения и роль в экологической паспортизации территории

А.В. Петрашевская

В статье исследуются концептуальные подходы к оценке энергетической эффективности, предлагается ряд показателей измерения уровня энергетической эффективности в условиях специфики региона. Произведены расчеты сравнительной энергоемкости и углеродоемкости Республики Беларусь и стран мира за 20 лет с учетом отрицательных внешних эффектов от использования энергетических ресурсов.
Ключевые слова: регион, энергоемкость производства, эффективность использования энергии, показатель энергетической эффективности, экология, паспортизация региона.

The article explores conceptual approaches to assessing energy efficiency, and offers a number of indicators for measuring the level of energy efficiency in a specific region. Calculations of the comparative energy and carbon intensity of the Republic of Belarus and the countries of the world over 20 years were made, taking into account the negative external effects from the use of energy resources.
Keywords: region, energy intensity of production, energy efficiency, energy efficiency indicator, ecology, certification of the region.

Введение. Обеспечение устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь является базовой идеологией государственной политики формирования перспективной модели развития страны в интересах удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений. Парадигма устойчивого социально-экономического развития является международно-признанной и наиболее приемлемой с точки зрения определения стратегии развития общества в среднесрочной и долгосрочной перспективе; вопросы управления и мониторинга всех аспектов процесса устойчивого развития Республики Беларусь являются актуальными и значимыми.

Одним из ключевых элементов движения в этом направлении является повышение эффективности использования топливно-энергетических ресурсов. Более того, экологические проблемы и проблемы повышения энергоэффективности многоаспектны и требуют совместного решения. Реализация проблем энергосберегающей направленности и повышения энергоэффективности позволит не только обеспечить энергетическую безопасность и стимулировать стабильное экономическое развитие, но и снизить вредное воздействие на окружающую среду.

Потребление энергии лежит в основе технологического развития государств, создании материальной основы жизнедеятельности общества. Устойчивость страны в целом и ее производственного сектора характеризуют, в числе прочего, энергетические индикаторы, позволяющие оценить энергоэффективность.

Часть 1. Оценка уровня энергоэффективности: теория, методология, основа политики. В различных странах накоплен определенный опыт использования индикаторов энергоэффективности. В области измерения энергоэффективности можно выделить два основных подхода. Оба этих подхода активно применяются в теоретических исследованиях и разработках. Согласно первому, в качестве оценки энергоэффективности берется только результат. Например, экономия энергоресурсов или снижение потребления электроэнергии. Это не вполне корректный подход с точки зрения экономики, так как не учитывает затраты. Второй подход предполагает соотношение экономических результатов и энергетического потребления. Наиболее распространенным индикатором выступает показатель энергоемкости ВВП, как отношение объема потребляемых энергоресурсов и ВВП. Логически он является обратным по отношению к показателю энергоэффективности.

С начала 90-х гг. Республика Беларусь проводит целенаправленную государственную политику, направленную на повышение энергетической эффективности национальной экономики: созданы законодательная база, институциональные структуры, механизмы государственной поддержки и стимулирования, выделены целевые показатели, разработаны государственные программы с мониторингом их выполнения.

Значительный рост ВВП не привел к существенному изменению уровней первичного и конечного энергопотребления. За последние 20 лет энергоемкость ВВП Беларуси сократилась в 2,7 раза, а валовое потребление топливно-энергетических ресурсов – в 1,6 раза при росте ВВП более чем в 1,5 раза.

На рисунке 1 отчетливо выделяется впечатляющая динамика и прогресс в динамике снижения энергоемкости Республики Беларусь за период 1995–2018 гг.

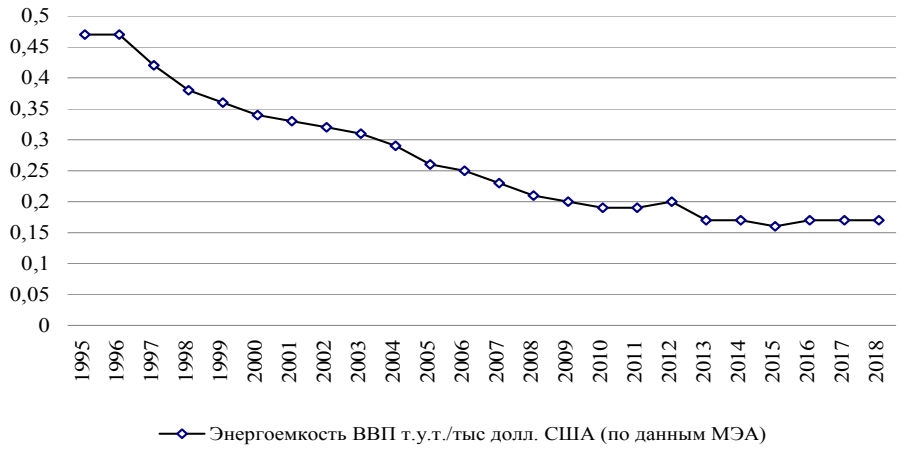


Рисунок 1 – Энергоемкость ВВП Республики Беларусь, т.у.т./тыс. долл. США (ВВП по ППС в ценах 2005 г.)

Примечание – Источник: собственная разработка на основе данных МЭА.

Тенденция последовательного снижения энергоемкости характерна для многих стран мира. На рисунке 2 представлены данные, позволяющие сопоставить уровень энергоемкости и динамику ее снижения для группы стран мира. Выборка включает как ведущие страны мира по уровню экономического развития, так и страны, схожие с Республикой Беларусь по размерам ВВП, по численности населения, по объему потребления первичных ТЭР, а так же страны-соседи. За последние 20 лет снижение энергоемкости в группе рассматриваемых стран составило в среднем 40 %. Самая впечатляющая динамика характерна для экономики Республики Беларусь. Так, уровень энергоемкости ВВП Республики Беларусь в 1995 г. составлял 0,47 т.у.т./тыс.долл. США, что выше среднего уровня. Это было обусловлено как объективным причинами, так и технологическим отставанием, что подтверждается более высокими удельными расходами топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) на производство отдельных видов продукции. Чаще всего это связано с устареванием производственных процессов и необходимостью их модернизации. Однако, уже в 2015 г. уровень энергоемкости приблизился к среднему уровню и составил 0,16 т.у.т./тыс.долл. США, что на 66 % меньше уровня 1995 г. (рисунок 2).

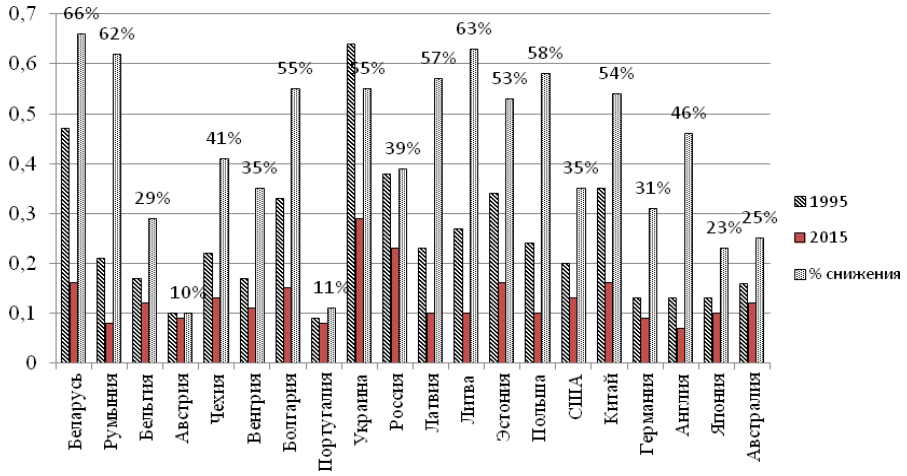


Рисунок 2 – Сравнительная характеристика уровней и динамики снижения энергоемкости ряда стран за 1995–2015 гг. (ВВП по ППС в ценах 2005 г.)

Примечание – Источник: собственная разработка на основе данных МЭА.

Однако в современных условиях оценка энергоэффективности без учета антропогенного воздействия на внешнюю среду не может считаться комплексной. Проблема разработки методологии учета отрицательных внешних эффектов стоит очень остро. Подобные исследования ведутся как международными организациями, так и представителями национальной экономической науки. Для целей настоящего исследования дополним данные показателем углеродоемкости экономики, который рассчитывается как отношение уровня выбросов загрязняющих веществ к ВВП (ППС) в тыс. долл. США в ценах 2005 г. На рисунке 3 представлена сравнительная характеристика стран по уровню энергоемкости и углеродоемкости за 2015 г.

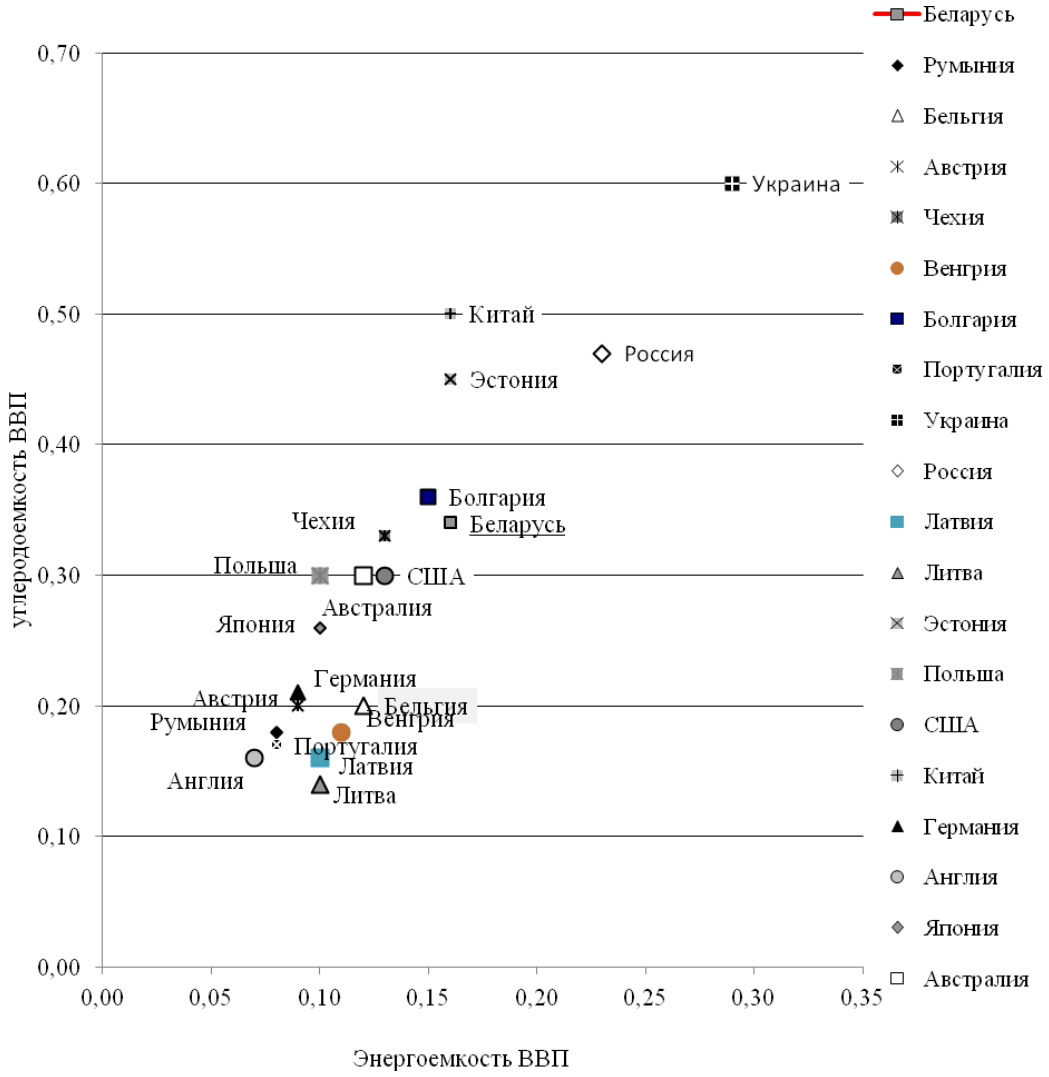


Рисунок 3 – Сравнительная характеристика стран по уровню энергоемкости и углеродоемкости за 2015 гг. (ВВП по ППС в ценах 2005 г.)

Примечание – Источник: собственная разработка на основе данных МЭА.

Как видно из рисунка 3, хотя прогресс снижения энергоемкости очень высокий, на сегодняшний день он все еще остается выше среднего уровня по группе рассматриваемых стран. Существенный потенциал для Республики Беларусь отмечается и в направлении снижения уровня углеродоемкости экономики.

На сегодняшний день в Беларуси в рамках политики по энергосбережению созданы и действуют:

– система управления энергосбережением, включающая структуру управления, законодательную базу, инструменты управления (организация энергетического менеджмента и проведение энергетического аудита, стандарты и нормативы, лицензирование хозяйственной деятельности, связанной с использованием ТЭР и энергии, энергетическая паспортизация и пр.);

– трехуровневая система энергопланирования. На верхнем уровне определяется прогноз развития энергетики страны на перспективу 20–30 лет – Концепция энергетической безопасности РБ. Второй уровень – это уровень среднесрочного прогноза на 10–15 лет – это Стратегия развития энергетического потенциала РБ, утвержденная Советом министров. Наконец, конкретные программы развития энергосистемы закладываются на третьем уровне – в пятилетних планах. В Беларуси это Программа развития энергосистемы, Республиканская программа энергосбережения и Национальная программа развития возобновляемых и местных видов топливных ресурсов.

Актуальность оценки эффективности политики энергосбережения определена:

– Директивой «Экономия и бережливость – главные факторы экономической безопасности Республики Беларусь», утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 6 июня 2006 г. № 3;

– Законом Республики Беларусь «Об энергосбережении» № 239-З от 8 января 2015 г.;

– Концепцией энергетической безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь 17 сентября 2007 г. № 433.

Часть 2. Региональные особенности политики энергосбережения. Несмотря на наличие разработок по комплексу инструментов реализации политики энергосбережения на макроуровне, на мезоуровне их крайне мало. Одним из них может стать экологический паспорт территории, разрабатываемый с целью определения фактического топливно-энергетического баланса, оценки показателей энергетической эффективности и экологической устойчивости территории и формирования соответствующих рекомендаций.

Экологическая паспортизация территории должна содержать в том числе систему показателей энергетической эффективности экономики региона, что необходимо для решения следующих задач:

1) Определение целей:

– выявление конкретных целей социально-экономической политики для перехода к устойчивому развитию в количественной форме;

– разработка стратегий (энергетических, экономических, социальных, экологических) для будущего развития; – прогнозирование эффекта от планируемых мероприятий.

2) Управление:

– мониторинг достижения целей устойчивого развития;

– оценка достигнутого прогресса;

– информация для планирования и принятия решений органами власти.

3) Участие общественности:

– информирование, взаимосвязь с обществом и отдельными группами;

– привлечение общественности к участию в гражданской деятельности.

4) Сравнительная оценка положения в мире и стране:

– межстрановые/межрегиональные сравнения;

– взаимоотношение страны с международным сообществом, региона с центральными властями для привлечения инвестиций, программ, грантов.

По мнению автора, в качестве объекта паспортизации целесообразно использовать понятие административно-территориальной единицы базового уровня, по аналогии с бюджетным устройством в Республике Беларусь. Соответственно, можно выделить 118 районов, 10 городов областного подчинения и город Минск. Такое деление обеспечит, с одной стороны, простоту сбора информации с первичного уровня, с другой, предоставит возможность анализа и управления процессами энергоэффективности на уровне областей и города Минска, где уже созданы управления по надзору за рациональным использованием ТЭР.

Часть 3. Оценка уровня энергоэффективности региона: авторский подход. Показатель энергоэффективности (традиционная точка зрения) – абсолютная или удельная величина потребления или распределения топливно-энергетических ресурсов экономически оправданными, прогрессивными способами при современном использовании развитии науки и технологии и соблюдении законодательства Республики Беларусь. Абсолютные показатели характеризуют

расход ТЭР в регламентированных условиях работы (применения). Удельные показатели характеризуют отношение расхода ТЭР к вырабатываемой или потребляемой энергии, изготовленной продукции, проведенной работе в регламентированных условиях работы (применения).

К показателям энергоэффективности могут быть отнесены: удельный расход топлива; удельный расход энергии; КПД; расход топлива при регламентированном режиме эксплуатации продукции; расход энергии при регламентированном режиме эксплуатации продукции и др. В некоторых случаях количество полезной работы оценивают достижением полезного эффекта (результата работы). В таких случаях устанавливается расход ТЭР на совершение работы, количество которой необходимо для достижения полезного эффекта (результата работы), т. е. нормируются абсолютные показатели экономичности энергопотребления.

Если совершаемая полезная работа не может быть подсчитана непосредственно в физических единицах, то в качестве удельного показателя выбирают отношение расхода энергии (топлива) к величине, косвенно (но однозначно) характеризующей совершаемую работу, или отношение к единице продукции.

Абсолютные показатели энергоемкости изготовления продукции характеризуют затраты ТЭР на основные и вспомогательные технологические процессы изготовления продукции. Расход ТЭР на отопление, освещение, различные хозяйственные и прочие нужды не подлежит включению в объем затрат при подсчете значений показателей энергоемкости.

Системный же подход к разработке перечня показателей, характеризующих уровень энергоэффективности экономики региона, предлагается нами реализовать через их иерархию в следующей форме:

– верхний уровень: интегральный показатель энергоэффективности (ПЭЭ), который может быть представлен либо показателем энергоемкости ВВП, либо интегральным индексом энергоэффективности;

– второй уровень характеризует потребление энергии по основным секторам: промышленности, транспорта, жилищного сектора и т. п.;

– на третьем уровне оцениваются ПЭЭ производства различных видов товаров, работ и услуг, часто в виде специальных физических показателей: удельный расход энергии на производство единицы продукции, на отопление 1 м^2 жилой площади и т. п.;

– четвертый уровень предполагает оценку уровня ПЭЭ отдельных технологий и видов оборудования.

Для оценки энергетических показателей в составе экологического паспорта необходимы показатели верхнего, второго и частично третьего уровня.

Показатели энергоэффективности разрабатываются на основе:

– достижения экономически оправданной эффективности использования ТЭР при существующем современном уровне развития науки, техники и технологий;

– соблюдения требований законодательства по охране окружающей среды и труда;

– использования имеющегося опыта нормирования показателей энергоэффективности и обоснования устанавливаемых значений соответствующими расчетами, экспериментами, по результатам НИР, ОКР, испытаний;

– международных и региональных стандартов, а так же стандартов ведущих зарубежных стран.

На сегодняшний день в Республике Беларусь разработана система государственных стандартов в области энергосбережения и энергоэффективности. Основными из них в целях настоящего исследования являются: СТБ 1770-2009 «Энергосбережение. Основные термины и определения», СТБ 1774-2010 «Энергосбережение. Энергетический паспорт потребителя топливно-энергетических ресурсов. Основные положения. Типовые формы»; СТБ 1775-2010 «Энергосбережение. Классификация показателей. Общие требования».

Источниками информации базовых значений, на наш взгляд, должны служить:

– данные Национального статистического комитета Республики Беларусь на базе следующих форм статистической отчетности (№ 12-тэк «Отчет о расходе топливно-энергетических ресурсов»; № 12-тэк (запасы потребителей) «Отчет о запасах топлива»; № 12-тэк (запасы по-

ставщиков) « «Отчет о запасах нефти, нефтепродуктов и природного газа»; № 4-тэк (топливо) «Отчет об остатках, поступлении и расходе топлива»; № 1-тэк (продукция) «Отчет о расходе топливно-энергетических ресурсов на производство отдельных видов продукции (работ), включая производство тепловой и электрической энергии»; № 23-Н «Сведения о производстве и распределении электрической энергии»; № 1-жилфонд «Сведения о жилищном фонде»; № 1-МБ «Сведения об исполнении местного бюджета»);

– данные Департамента по энергоэффективости Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь (№ 4-энергосбережение «Отчет о выполнении мероприятий по экономии топливно-энергетических ресурсов и увеличению использования местных видов топлива, отходов производства и других вторичных и возобновляемых энергоресурсов»; № 4-нормы ТЭР «Отчет о результатах использования топлива, тепловой и электрической энергии»);

– данные Министерства экономики Республики Беларусь.

Заключение. Таким образом, проведенная работа свидетельствует, что для мониторинга процесса повышения энергоэффективости в контексте экологической паспортизации территорий необходима развитая система показателей, которая должна включать:

1. Валовое потребление первичной энергии и ее эквивалентов - ежегодный объем потребления энергоресурсов в целом и в разбивке по видам топлива (твердое топливо, нефть, газ, атомная энергия и возобновляемые источники, в том числе гидроэлектроэнергия) и его динамика. При этом единицами измерения должны быть тысячи тонн нефтяного эквивалента (тыс. т н.э.) – для совокупного показателя и показателей потребления отдельных видов топлива; процент (%) для характеристики долей в общем объеме потребления, приходящихся на различные виды топлива.

2. Значимым для экологической политики должен стать показатель общего энергопотребления, отражающий совокупное потребление энергии и потребление энергии, получаемой от использования различных видов топлива, является показателем движущих сил, характеризующим развитие энергетики и соответствующие уровни энергопотребления.

3. Конечное энергопотребление (в общем выражении и по конечным пользователям), его динамика должны учитывать антропогенную нагрузку. При этом единицами измерения должны стать тысячи тонн нефтяного эквивалента (тыс. т н.э.) – для совокупного показателя и показателей потребления отдельных видов топлива; процент (%) для характеристики долей в общем объеме потребления, приходящихся на различные виды потребителей, а также валовое энергопотребление на основе возобновляемых источников энергии и его динамика (тысячи тонн нефтяного эквивалента (тыс. т н.э.).

Динамика изменения конечного потребления энергии в целом показывает, какой прогресс достигнут в процессе сокращения воздействия на окружающую среду разных конечных потребителей.

4. Кроме того, в научный оборот следует ввести понятие «экологический паспорт территории» – разрабатываемый с целью определения фактического топливно-энергетического баланса, оценки показателей энергетической эффективности и экологической устойчивости территории и формирования соответствующих рекомендаций.

Литература

1. International Energy Agency. Statistics [Electronic resource] – OECD/IEA, 2015. – Mode of access : https://www.iea.org/data-and-statistics. – Date of access : 25.02.2020.

2. Williams, J. B. The Current Crisis in Neoclassical Economics and the Case for an Economic Analysis Based on Sustainable Development [Electronic resource]: U21Global Working Paper No. 001/2005 / SSRN / J. B. Williams, J. M. McNeill – Mode of access : http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1606342. - Date of access : 02.03.2020.

3. Петрашевская, А. В. Оценка реализации эколого-ориентированной и ресурсосберегающей стратегии социально-экономического развития Республики Беларусь / А. В. Петрашевская // Эффективность использования ресурсов инновационного конкурентоспособного экономического развития : монография / М.И. Ноздрин-Плотницкий [и др.]. – Минск : Мисанта, 2019. – С. 57–66.

4. World Development Indicators 2008 [Electronic resource]. – Washington DC : World Bank, 2008. – Mode of access : https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/11855. – Date of access : 02.03.2020.

5. Экологические показатели и основанные на них оценочные доклады. Восточная Европа, Кавказ и Центральная Азия. – Нью-Йорк, Женева : ЕЭК ООН, 2007. – 120 с.

6. Послание Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко к белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь // СБ Беларусь сегодня. – 2013. – 20 апр. – С. 2.

7. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. / Нац. комис. по устойчивому развитию Респ. Беларусь ; редкол.: Л. М. Александрович [и др.]. – Минск : Юнипак, 2004. – 202 с.

8. Буць, В. И. Методология построения социально-экономических индексов управления ресурсосбережением / В. И. Буць. – Горки : БГСХА, 2009. – 167 с.

9. Экономия и бережливость – главные факторы экономической безопасности государства [Электронный ресурс] : Директива Президента Респ. Беларусь, 14 июня 2007 г., № 3. – Режим доступа : http://www.president.gov.by/press38819.html. – Дата доступа : 23.03.2020.

10. Устойчивое развитие Республики Беларусь на принципах «зеленой» экономики : национальное сообщение / НИЭИ М-ва экономки Респ. Беларусь. – Минск, 2012. – 53 с.

11. Смольская, Н. А. К вопросу о методических подходах к оценке энергоэффективности экономики территорий / Н. А. Смольская, А. В. Петрашевская // Экономический рост Республики Беларусь : глобализация, инновационность, устойчивость : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25–26 сентября 2014 г. : в 2 т. / М-во образования Респ. Беларусь, УО «Белорусский гос. экон. ун-т» ; редкол.: В. Н. Шимов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГЭУ, 2014. – Т. 2. – С. 75–76.

12. Смольская, Н. А. Концептуальные подходы к формированию ресурсосберегающей стратегии в контексте устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь / Н. А. Смольская, А. В. Петрашевская // Труды БГТУ. Сер. Экономика и управление. – 2014. – № 7(171). – С. 30–33.

Белорусский государственный
экономический университет

Поступила в редакцию 19.11.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 001.895

Инновации: сложности и барьеры

В.С. Селицкий

Рассматриваются проблемы современной инновационной деятельности. На примере развитых стран показаны некоторые технологии получения инновационной информации, в т. ч. методами конкурентной разведки. Сформулирован ряд практических предложений и выводов по организации инновационной деятельности.
Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, информация, конкурентная разведка, отрицательные последствия инноваций.

The problems of modern innovation are considered. The example of developed countries shows some technologies for obtaining innovative information, including competitive intelligence. A number of practical proposals and conclusions on the organization of innovation have been formulated.
Keywords: innovations, innovative activity, information, competitive investigation, negative consequences of innovations.

Введение. В информационном экономическом пространстве на протяжении последних лет мейнстримом являются инновации. Причем их доминирующая роль, судя по обилию публикаций и появлению новых авторов, усиливается. В теории, особенно последних двух столетий, было множество школ и направлений экономической мысли. Однако в настоящее время возникает такое ощущение, что большинство издающихся экономистов пересеклось в одной точке – на инновациях.

Почему им уделяется такое внимание? Ведь инновации были всегда, от древности до наших дней. Особенно их огромная роль проявилась в годы индустриализации СССР, а также в послевоенные годы, когда осваивали атомную энергию, космос, телевидение, современные средства связи, новые виды транспорта и т. д. Были уже тогда наглядно сформированы тенденции, характерные для современности [1].

По нашему мнению ответ на поставленный вопрос имеет несколько особенностей.

Во-первых, никогда за относительно короткий срок инновации не захватывали своим влиянием большинство стран мира, а также все сферы жизни общества – науку, политику, культуру, религию, этику и социальную жизнь. Это вызвано, прежде всего, воздействием современной информационно-компьютерной революции.

Во-вторых, создана мощная интернациональная экономическая система, основой которой являются транснациональные (ТНК) и международные корпорации (МНК). Они способны обеспечить практически весь мир своими инновационными разработками и создать новые стандарты потребления населения.

Основная часть. Инновации поддерживают значительный спрос на новые товары, услуги и технологии, обеспечивая прибыль. Сегодня им равнозначной альтернативы нет. Причем товары массового спроса в основном создаются с участием самих потребителей на стадии проектирования, что позволяет учесть запросы, в т. ч. индивидуальные, любой части населения и заложить в них высокие потенции будущего потребления.

В-третьих, поведение людей в мире стало зависимым от приоритетов, которые создают мощнейшие технологии воздействия современных информационных систем. А они, как известно, детерминированы интересами развитых государств, ТНК и МНК, которые создают их и финансируют.

В-четвертых, инновационному воздействию на экономику придан статус общей закономерности. Ее изучению придается первостепенное внимание в университетах, других формах обучения и переподготовки кадров. Соответственно меняется мировоззрение кадров управления и специалистов.

XXI в. поставил и продолжает ставить многие вопросы, на которые нет ответов. «Черные лебеди» известного американского профессора Нассима Талеба продолжают регулярно прилетать. Речи идет об аномальных событиях, обладающих огромной силой воздействия,

которые трудно или невозможно предсказать и объяснить. Они усложняют мир, уменьшают знания о нем и увеличивают неопределенность [2, с. 14–19]. Р. Флорида отмечает: «Мы свидетели и участники рождения нового мира, в котором будет другая экономика, спрос на профессии и даже потребление» [3, с. 17]. Все это выдвинуло в повестку дня невозможность решения проблем с помощью традиционных методов и практики.

Привычные методы мышления и действия не дает необходимых результатов и превращаются в барьеры. Перемены привели к появлению огромного разнообразия во всем и стали важнейшими факторами наращивания конкурентных преимуществ. В поведении людей возникла парадигма, связанная с «альтернативностью» и спросом на «другое» [4].

В огромном потоке публикаций по инновационным проблемам большой и всевозрастающий удельный вес имеют статьи авторов, которые сами не занимались инновациями и плохо представляют сложности их генерации, диффузии, коммерциализации и т. д. Многие «рекомендации» имеют низкую ценность и, как выражаются, «забыты до их появления». Достаточно отметить, что существует уже сотни определений категории «инновация». Большинство из них построено на малозначительных оттенках, которые ничего не добавляют существенного к тому, что написал сто лет назад И. Шумпетер и определено в современных государственных и международных нормативных актах.

Отношение к инновационной деятельности стало одним из важных критериев оценки предприятий и организаций. В связи с этим, отметим следующее. Известные подрывные инновации, вызвавшие фурор в мире, появились в результате научных открытий и достижений, использования огромных ресурсов, осуществить которые под силу крупнейшим ТНК и МНК при содействии институтов передовых государств. Генерация, освоение и коммерциализация инноваций является сложнейшим процессом. Для этого создаются уникальные креативные системы, способные обеспечивать появление инновационных идей в любой точке мира. На долю остальных припадают простые улучшения, модернизация производства и малые шансы позаимствовать действительно передовые технологии.

В инновационной деятельности имеется деликатная сторона, о которой мало пишут, но она имеет часто решающее значение. Речь идет о конкурентной разведке. Ее задачей является сбор и анализ информации из разных источников с целью наращивания конкурентных преимуществ фирмы или предприятия.

«Необходимость создания подразделения, занимающегося конкурентной разведкой диктуется потребностью в получении руководством компании информации, которую не могут дать традиционные подразделения» [5, с. 5].

Конкурентную разведку относят к маркетинговым инструментам изучения конкурентной среды. Она эффективно использует бенчмаркинг, ситуационные модели, SWOT-анализ, ресурсы Интернета, печатные материалы, торговые информационные сделки, выставочные образцы, научные доклады и т. д.

В структуре крупных корпораций имеется разветвленная сеть специализированных звеньев. Их основная функция и название определяется по-разному – деловая, аналитическая, экономическая, научно-техническая, маркетинговая, коммерческая и бизнес-разведка. При этом применяются легальные и нелегальные, законные и незаконные методы добывания информации. Объединяются государственные и корпоративные ресурсы. На языке массового общения все это называется промышленным шпионажем и носит закрытый характер. Отметим, что конкурентная разведка, зародившись по общему мнению в XIV в. в Германском Доме Фуггеров, сегодня имеет самые современные системы добывания информации из различных источников, в т. ч. и об инновациях. Например, в США сбором разведывательной информации занимается 16 спецслужб, включая такие гражданские ведомства страны, как министерство торговли, энергетики, финансов, сельского хозяйства, транспорта и труда, экспортно-импортного банка и др. Все эти структуры собирают разведданные с помощью спутников, самолетов, кораблей, сигналов перехвата, сейсмических станций, радаров, подводного наблюдения, а также традиционных открытых и тайных агентурных источников. Полученные данные анализируются с помощью самых передовых компьютеров и специальной техники и применяются для оказания помощи частному бизнесу [6, с. 37–49]. Проиллюстрируем изложенное примерами.

Сильнейшие экономические и научно-технические разведки имеют Франция, ФРГ, Великобритания и другие развитые страны. Причем сбор информации осуществляется ими по всему миру. Одним из мировых лидеров является разведка Израиля, которая построена на этнических корнях своих сотрудников. Она особенно преуспела в США, добывая ценную информацию [6, с. 78–82].

Считается, что экономическая разведка Японии является чрезвычайно эффективным элементом в появлении «японского экономического чуда», особенно в создании передовой микроэлектроники и компьютерной техники. Японское правительство ежегодно, начиная с 50-х гг. прошлого столетия, финансирует заграничные поездки порядка 10 тысяч бизнесменов, научных работников и студентов в целях сбора промышленной, технологической, научной и коммерческой информации. Можно только представить ее объем и практическое значение [6, с. 90].

Лучшей в мире по заключению западных экспертов сегодня является экономическая разведка Китая. Огромные достижения этой страны за последние десятилетия базируются в т. ч. на реинжиниринге, зарубежной информации, и ее адаптации к своим возможностям. Только в США каждый год на стажировку, практику или обучение прибывает более 15 тыс. студентов. Ежегодно в этой стране находятся до 90 тыс. студентов, практикантов и стажеров. Китай имеет в США тысячи дипломатов и торговых представителей, ежегодно направляет большой поток бизнесменов в командировки. Практически ничто не остается без внимания китайских спецслужб [6, с. 91–100].

Когда Китай создавал «мастерскую мира», его интересовало все – от сложнейшей техники до изделий массового ширпотреба, которые свозились в страну для копирования. На этом зарабатывались и накапливались деньги, а потом и покупались компании производителей. Более того, иностранным инвесторам ставили обязательные условия по передаче технологий и ноу-хау. В настоящее время Китай самостоятельно создает лучшие в мире технологии и товары – конкурентопобедители. Все это стало результатом эффективной инновационной политики, увеличения финансирования науки, создания крупных инженерно – научных центров, стимулирования возврата в страну специалистов и т. д. Китай с учетом своего опыта уже сам активно защищает технологические и другие секреты от государств, которых ранее копировал [7].

Директор Службы внешней разведки (СВР) России Нарышкин С.Е. в своей статье сделал экскурс в историю отечественной научно-технической разведки, привел примеры успешных операций с получением ценной военной и другой информации, особенно по сверхзакрытым атомным проблемам и отметил: «После 1991 г. в СВР России научно-техническая разведка является одним из приоритетных направлений разведывательной деятельности.», и далее «…тесное взаимодействие отечественной промышленности, науки, разведки очевидно, но не всегда видно невооруженному взгляду.» [8]. Естественно, что промышленные разведки целятся, прежде всего, в успешные инновации и новейшие разработки.

Все это заставляет по-другому смотреть на инновационную деятельность в мире и подвергать сомнению оптимистичные оценки и рекомендации многих авторов, изложенных в статьях и научных кругах. Оказывается, получить полезную и актуальную инновационную информацию с применением примитивных традиционных технологий почти невозможно. Даже автор той или иной идеи, изобретатель, ученый часто также преувеличивает свое достижение.

В любой отрасли существуют инновационные лидеры, которые стремятся к рыночному доминированию и получению соответствующих конкурентных преимуществ. До появления на рынке продукции и технологий с инновациями чрезвычайно трудно и даже невозможно из открытых источников (печати, выставок, презентаций и т. п.) получить информацию о новых разработках.

С одной стороны, фирмы стремятся обеспечить надежную защиту соответствующих сведений, а с другой – прибегают к легендированию и дезинформации. Современная конкуренция имеет в арсенале огромное количество мощных инструментов безжалостного воздействия, основанных в т. ч. на лжи. Поэтому тот, кто стремится получить информацию, в т. ч. через интернет, может пойти по ложному «фейковому» пути. Особенно когда информация не подвергается анализу, оценкам и интерпретации высококвалифицированными экспертами. Последние, к сожалению, на большинстве отечественных предприятий отсутствуют.

В теории инноватики существует солидный раздел об инновационных рисках. Это касается и низкой коммерциализации инноваций, всего 4–5 % от разработанных. Такую «отдачу» могут выдержать только фирмы с огромными ресурсами.

Для отдельных предприятий инновации требуют дорогостоящей перестройки производственных процессов, замены технологических линий, оборудования, сырья и т. д. Все это может привести к кризису и краху. Именно этим можно во многом объяснить их инновационную пассивность и увлечение мелкими модернизациями и улучшениями.

Как известно из философских воззрений и исторической практики, любое благо имеет свою противоположность или побочные отрицательные последствия. Возьмем тот же Интернет, который наряду с большой пользой, отрицательно влияет на образованность своих постоянных пользователей, их поведение, психику, шкалу жизненных ценностей, порождает огромное количество новых масштабных и труднораскрываемых преступлений.

К негативным моментам инноваций относится также сокращение массовых рабочих мест, особенно с низкой квалификацией труда. Соответственно растет безработица, миграция и напряженность в обществе. Сегодня многие ученые уже предупреждают о появлении наномусора, который добавит серьезных проблем к тому, что уже натворил человек антропогенным воздействием на природу, полимерными, радиоактивными, химическими, лекарственными и другими отходами. Нельзя без беспокойства читать статьи о современных колбасах без мяса, напичканных вредными веществами овощах и фруктах, сомнительных консервах и морепродуктах, произведенных в деревнях, и т. д. Это касается и различных пищевых добавок, генетически модифицированных продуктов, консервантов и, наконец, шприцев в арсенале поваров, делающих вкусными и приятными любые испорченные продукты.

В 90-х ггг. прошлого столетия нашлись европейские «инвесторы», предлагавшие бесплатно построить в Мозыре дорогой мусороперерабатывающий завод. Руководство города дало предварительное согласие. Однако этот замысел был остановлен, т. к. 50 % мусора для переработки на заводе предполагалось завозить из-за рубежа. Речь шла о трудноразлагаемых пластмассах с большим содержанием вредных примесей, в т. ч. тяжелых металлов.

К сожалению, заимствование инноваций, особенно у конкурентов, может привести к негативным результатам. За инновации также нельзя выдавать мелкие улучшения и модернизации, а также приобретение устаревших технологий. Хотя, к сожалению, это удел многих предприятий.

Заключение. Какие выводы из вышеизложенного можно сделать? Современная успешная инновационная деятельность является чрезвычайно сложным направлением в экономике, науке и технике. Она требует:

– разработки и применения специальных технологий получения достоверной информации из любых источников с целью наращивания конкурентных преимуществ в государственном и частном бизнесе;

– объединения усилий и возможностей государственных органов и отечественных производителей с целью преодоления барьеров в организации эффективной инновационной деятельности на основе новейшей и объективной информации;

– создания в структурах управления специализированных информационно-аналитических звеньев, обеспечивающих актуальные инновационные процессы. При этом должен вестись отбор инноваций, внедрение которых не выходит за пределы возможностей того или иного объекта;

– поиска расширенных возможностей с целью их объединения на приоритетных направлениях развития национальной и региональных экономик на основе инноваций;

– создания программ и курсов подготовки и переподготовки кадров, прежде всего при университетах, способных актуализировать практическое освоение инноваций;

– владения не только профильной информацией, но и сведениями, позволяющими искать возможности для перспективной диверсификации производства и обеспечения стратегической устойчивости.

Практические примеры показывают, что организовать современную инновационную деятельность на основе традиционного менеджмента весьма сложно. Для этого необходимо применение новых, в т. ч. инновационных инструментов управления, как было частично показано выше. Иначе инновации дадут большой эффект, но отрицательный. Так что тем, кто занимается инновационной деятельностью, нужно быть информированными, внимательными и осторожными.

Литература

1. Чертопруд, С. В. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева / С. В. Чертопруд. – М. : Олма-Пресс Образование, 2002. – 447 с.

2. Талеб, Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Н. Н. Талеб. – М. : Колибри. – 736 с.

3. Флорида, Р. Креативный класс. Люди, которые создают будущее / Р. Флорида – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 384 с.

4. Кузин, Д. В. Менеджмент XXI века: новый взгляд / Д. В. Кузин // Управленческие науки. – 2014. – № 4. – С. 1–25.

5. Энциклопедия деловой разведки и контрразведки / С. Ю. Алесковский [и др.]. – М. : Русь – Олимп, 2007. – 428 с.

6. Тобольский, А. Экспансия иностранного шпионажа. Угроза модернизации России / А. Тобольский. – М. : Вече, 2011. – 496 с.

7. Иванов, Г. Технологичный дракон. Чему можно научиться у китайцев? [Электронный ресурс] / Г. Иванов // Аргументы и факты. – Режим доступа : https://aif.ru/money/market/tehnologichnyy_drakon_chemu_mozhno_nauchitsya_u_kitaycev. – Дата доступа : 03.01.2021.

8. Нарышкин, С. Е. Научно-техническая разведка является одним из приоритетных направлений деятельности СВР России [Электронный ресурс] / С. Е. Нарышкин // Национальная оборона. – 2020. – № 11. – Режим доступа : https://oborona.ru/includes/periodics/maintheme/2020/1025/151830322/detail.shtml. – 03.01.2021.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступила в редакцию 17.02.2021

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 330.34

Информация и информационная экономика: соотношение понятий

М.П. Сташевская

Статья посвящена исследованию содержания информационной экономики, роли информации в механизме ее функционирования. В качестве основы такой экономики необходимо рассматривать информационно-коммуникационные технологии. Наблюдая значительное разнообразие взглядов на оценку роли информации в информационной экономике, большинством авторов подчеркивается ее экономическая роль в производственной деятельности.
Ключевые слова: информационная экономика, информация, информационные технологии, информационно-коммуникационные технологии.

The article is devoted to the study of the content of information economy and the role of information in the mechanism of its functioning. Information and communication technologies should be considered as the basis of such an economy. Observing a significant variety of views on the assessment of the role of information in the information economy, most authors emphasize its economic role in production.
Keywords: information economy, information, information technology, information and communication technologies.

Введение. Формирование информационных общества и экономики происходит с расширением процессов производства, распределения, обмена и потребления информационных товаров и услуг. Утверждается, что широкое применение понятия «информационная экономика» началось после 80-х гг. XX в., тогда как впервые использовано М. Поратом в середине 70-х г. XX в. [1, с. 40]. Рассмотрение такой экономики проводится, в том числе, в контексте изучения особенностей информационного общества, его черт и этапов развития. Необходимость в выработке определений «информационная экономика» и соотнесение «информации» и такой экономики не вызывает сомнений, «без четкого определения экономических феноменов невозможно существование экономики как науки» [2, с. 185], – отмечает С.Ю. Солодовников. Среди значительного количества работ, посвященных изучению информационной экономики, остановимся на тех из них, авторами которых являются Г.Г. Воробьев [3], Б.Ж. Тагаров [4], Б.В. Сорвиров, А.М. Баранов, Р.М. Нижегородцев [1], И.А. Лазарев, Г.С. Хижа, К.И. Лазарев [5], П.С. Лемещенко, Е.В. Шумских [6]. В ходе исследования экономической составляющей в информации она рассматривается как источник экономической ценности, фактор производства, технологии ее генерирования относятся к ключевым параметрам производительности в информационной экономике.

Основная часть. В качестве составляющих информационной экономики называют производство информации, ее обработку. Так Г.Г. Воробьевым информационная экономика понимается как экономика «информационной деятельности – производства информации и информационных услуг» [3, с. 3]. Роль информационной экономики возрастает, как замечает Г.Г. Воробьев, в ходе построения информационного общества, особенности которого проявляются, во-первых, в том, что занятость половины трудовых ресурсов обеспечивается производством информации, еще половины – производством промышленной продукции и услуг, в том числе информационных; во-вторых, соединением «систем массовой информации и глобальной коммуникации в комплексную информационную систему» [3, с. 5]. Роль и значимость информации в создании новых видов взаимодействия особо подчеркивается в планах по достижению странами технологического лидерства, анализируемыми белорусскими учеными. Так Ю.В. Мелешко, подробно рассматривая стратегию развития промышленности Германии – Индустрия 4.0, останавливается на трактовках вертикальной и горизонтальной интеграций, которые толкуются авторами названной стратегии «исключительно как процесс взаимодействия информационных систем с целью обмена информацией и выработки общего (согласованного) решения», отмечая несогласие с ограничением взаимодействия в рамках

информационных систем: «характер производства Индустрии 4.0 предполагает гораздо более глубокий уровень взаимодействия всех участников цепочки создания добавленной стоимости, а также и конечных потребителей промышленной продукции, нежели в рамках информационных систем» [7, с. 83]. Для целей нашей работы, вместе с этим, важно подчеркнуть, что одним из параметров успеха отмечается обмен информацией.

Ключевой особенностью информационной экономики Б.Ж. Тагаров считает обработку информации, перечисляя, при анализе ее сущности, такие сферы как «экспансивное развитие сферы НИОКР, технологический прогресс и ресурсосбережение, развитие новых интеллектуально- и информационноемких отраслей, интенсивная сервизация и софтизация, широкомасштабная подготовка новых сотрудников» [4, с. 36]. Фиксируя, что этапы развития общества возможно определить благодаря технологическим схемам, «через которые труд воздействует на материал, чтобы создать продукт, детерминируя в конечно счете, величину и качество экономического излишка», со ссылкой на исследование М. Кастельса в качестве источника производительности информационального способа выделяет «технологии генерирования знаний, обработке информации и символической коммуникации» [4, с. 37], подчеркивая, что специфическим для информационного или информационального способа развития является воздействия знания на само знание как главный источник производительности. Обработка информации нацелена на технологии, которые предназначены для улучшения обработки информации, в свою очередь знания выступают исходным источником технологий, предназначенных для генерирования знаний. Повышение производительности в информационной экономике зависит от обработки информации и результативности информационных технологий, полученных на основе такой обработки. По поводу критериев информационной экономики, Б.Ж. Тагаров отмечает, во-первых, социально-экономический, отражающий процент населения, занятого в сфере услуг и составляющий для информационной экономики 50 % населения, занятого в сфере информационно-интеллектуальных услуг: «если в обществе более 50 % населения занято в сфере информационно-интеллектуальных услуг, общество становится информационным» [4, с. 44]. Во-вторых, технический, с помощью которого оценивается уровень информатизации общества, составляющий для завершающей фазы информатизации общества 10 млн. оп/ сек/ чел, «что обеспечивает беспроблемное удовлетворение любых информационных потребностей каждого человека в любое время суток и в любой точке пространства» [4, с. 44]. Подчеркивая степень взаимосвязанности социально-экономической и технической сфер развития общества, в качестве альтернативного названия периода информатизации упомянутый автор предлагает использовать выражение «социализация» техники, что справедливо отражает уровень проникновения техники и технических устройств во все сферы жизнедеятельности.

В контексте сложности оценки стадий развития общества Б.Ж. Тагаров высказывает позицию о необходимости учета критериев социального прогресса, так «лидирование в области техники, занятости и в информационном секторе при господстве “общества потребления” в целом не может соответствовать представлению о развитии информационно общества как атрибута прогресса» [4, с. 45]. Представляет интерес для оценки появления информационной экономики также приведенное Б.Ж. Тагаровым описание точки зрения Г. Шиллера по этому поводу: «становление информационной экономики процесс неоднозначный и многие ученые в частности Г. Шиллер отмечают, что доказательства исследователей, утверждающих о появлении принципиально нового типа экономики и общества не вполне убедительны» [4, с. 49–50]. Г. Шиллер в качестве аргументов, ставящих под сомнение становление нового типа экономики, приводит три фактора. К первому фактору справедливо относится действие законов рынка, проникающих во все сферы деятельности. Как известно, действие механизмов рыночного либерализма приводит к формированию социального каннибализма, что неоднократно подчеркивалось С.Ю. Солодовниковым при обсуждении принципов хозяйственной жизни государства: «Выбор между гуманистической идеологией, в основе которой лежит такой критерий общественного прогресса как снижение социального каннибализма, и идеологией рыночного либерализма, в основе которой лежит социальный каннибализм, – именно это формирует принципы хозяйственной жизни любого государства» [2, с. 183]. Вто-

рой фактор заключается в возникновении цифрового неравенства, определяющего способность стран или слоев населения в использовании или создании информации. В качестве третьего фактора называется развитие корпоративного капитализма, в котором главенствующую роль играют корпорации. Несмотря на перечисленные факторы, которые, по мнению Г. Шиллера, ставят под сомнение появление информационной экономики, Б.Ж. Тагаров считает влияние информационных технологий на производительность основным в определении ее появления: «вместе с тем возникает вопрос о том, насколько информационные технологии повышают производительность экономики. Если с социальной точки зрения общество и не меняется кардинально, то если мы выясним, что вклад ИТ (*информационных технологий – примечание М.С.*) в производительность велик, то можем констатировать, что экономическая система претерпевает существенные изменения» [4, с. 50–51]. Важным резюмирующим замечанием по поводу критериев информационной экономики служит вывод Б.Ж. Тагарова о наличии информационного сектора в экономической системе, информационоемкости производимых товаров и услуг или доле затрат на информацию в издержках. Таким образом, критерии определения информационной экономики, включают в себя, прежде всего, оценку развития информационно сектора, проявляющегося в развитии информационно-коммуникационных технологий и степени их использования и влияния на производство товаров и услуг, оценку производительности, а также учет количества трудовых ресурсов, занятых в такой экономике. Взаимозависимость между распространением информационно-коммуникационных технологий и ростом количества трудовых ресурсов, занятых в реализации таких технологий, объясняется тем, что «любая технология создается и внедряется в производственный процесс субъектами (управленцами, разработчиками, аутсорсерами, работниками и т. д.), поэтому она включает в себя навыки и умения человека как носителя трудовой функции» [8, с. 111].

Б.В. Сорвировым, А.М. Барановым, Р.М. Нижегородцевым вслед за Г. Шиллером подчеркивается роль корпораций в информационной экономике, при этом, в отличие от Г. Шиллера, выразившего сомнения относительно появления нового вида экономики, названными авторами информационная экономика рассматривается как экономика с присущими ей особенностями и утверждается, что создание инфосетевого сектора информационной экономики приводит к «ликвидации старых моделей поведения, институтов и асимметрий, которые определяли маркетинг, логистику и границы традиционных корпораций» [1, с. 44]. В качестве секторальной классификации информационной экономики Б.В. Сорвировым, А.М. Барановым, Р.М. Нижегородцев предложено считать два сектора: «материальный (информационно-промышленный сектор) и инфосетевой (информационно-антропогенные услуги)» [1, с. 43]. Такое секторальное разделение стало возможным благодаря четвертой промышленной революции, возможной благодаря изобретению микропроцессорной техники и появлению персональных компьютеров. Факторы производства в информационной экономике, по мнению перечисленных авторов, состоят из информационного пространства, пришедшего на место материального фактора «земля», интеллектуального капитала, заменившего собой фактор «капитал», творческой активности, которому соответствует фактор «труд», и информационных способностей, состоящих из образования, умений, креативности, склонности к риску, трансформировавшихся из фактора «предпринимательских способностей» [1, с. 45]. С опорой на мнение Т.В. Сергиевич о факторах интенсификации производства, подчеркнем, что такого рода трансформации заслуживают особого внимания ввиду особого значения трудовой активности и при реализации задач информационной экономики: «Любая производственная задача может быть реализована только благодаря труду человека, наделенного необходимыми компетенциями и обладающего мотивацией к выполнению этой трудовой деятельности. Структура производственной системы может развиваться только через воздействие человеческого фактора. Таким образом, любое изменение производственной системы – как развитие ее трудового потенциала, так и прогресс технико-технологической структуры – зависит от компетенций и мотивации людей, эту систему составляющих» [8, с. 108].

Предметом труда в информационной экономике Б.В. Сорвиров, А.М. Баранов, Р.М. Нижегородцев называют информацию, которую субъект получает в виде необработан-

ных данных, средства труда – «совокупность знаний и приемов, при помощи которых предмет труда может быть эффективно переработан (в целях получения социоэкономического эффекта), при этом используются информационные технологии с приложением интеллектуального компонента» [1, с. 46]. Справедливо определяя информационный ресурс как основной в информационной экономике, перечисленные авторы к основным отличиям такого ресурса от традиционного материального относят то, что, во-первых, информационный ресурс является нематериальным благом, во-вторых, не расходуется в процессе использования, в-третьих, является мультипотребительским благом, т. е. потребление одним покупателем не исключает потребление другим, в-четвертых, стоимость распространения информационного ресурса очень низка [1, с. 46]. Отметим, что последнее утверждение спорно, требует отдельной аргументации и более детального рассмотрения с учетом разнообразия и особенностей информационных ресурсов. Такого рода рассмотрения приобретают все более значимый характер с учетом отнесения информационных ресурсов к составляющим национального богатства [2, с. 187].

Признаками информационной экономики Б.В. Сорвиров, А.М. Баранов, Р.М. Нижегородцев предлагают считать «особенности, характерные для информационного общества как последнего этапа постиндустриального социума» [1, с. 52], относя к ним, в первую очередь, систему производительных сил, состоящую из информационных технологий как технологического способа производства и основы инноваций, информацию и высокообразованного, интеллектуально развитого и способного к творчеству человека. Следующей определяющей особенностью информационной экономики перечисленные авторы называют долю ВВП, создаваемую благодаря использованию информации во всех экономических секторах. Третьей особенностью информационной экономики упомянутые авторы считают то, что «в информационной экономике более половины всего трудоспособного населения связано с производством, обработкой и реализацией информации» [1, с. 56]. Определяя в качестве отличительной характеристики информационной экономики производство и распределение информации, Б.В. Сорвиров, А.М. Баранов, Р.М. Нижегородцев в таком своем мнении соглашаются с выводами, изложенными В.В. Воробьевым, Б.Ж. Тагаровым. Особенностью взглядов Б.В. Сорвирова, А.М. Баранова, Р.М. Нижегородцева на информационную экономику является описание присущих такой экономике факторов производства, производительных сил, выделение особенностей информационного ресурса, а также определение двух образующих информационную экономику секторов: материального и инфосетевого.

В ходе исследования информационной экономики, условиями формирования которой становятся изменения в геополитической и социально-экономической ситуации, и сетевых механизмов ее развития И.А. Лазарев, Г.С. Хижа, К.И. Лазарев называют такие ее функции как социогенная, культурогенная и гносеогенная, что непосредственно связано с ее проникновением в процессы коммуникаций, образования и воспитания [5, с. 43]. Подобное подчеркивание функций информационной экономики подтверждает ее всепроникающую природу и обращает внимание на взаимосвязанность процессов, протекающих в обществе. Упомянутые авторы отмечают, как и предыдущие исследователи, значение информации и информационных технологий, за счет которых формируются конкурентные преимущества, в развитии информационной экономики, особо подчеркивая влияние «процессов технизированной интеллектуализации общества и развития сетевых технологий» [5, с. 43]. Особенностью взглядов И.А. Лазарев, Г.С. Хижа, К.И. Лазарев на информационную экономику является выделение ее всепроникающих функций, распространяющихся на социальную и культурную сферы жизнедеятельности.

П.С. Лемещенко, Е.В. Шумских в ходе своих рассуждений о постоянно изменяющейся структуре экономики, предлагают считать, что «информационная экономика – это экономика, основанная на предпосылке, что информация имеет экономическую ценность и требует информационного рынка, на котором возможен информационный обмен» [6, с. 20]. Системообразующим фактором в любой системе является ее функциональное назначение, справедливо фиксируя взаимосвязь структуры системы и ее функции, Т.В. Сергиевич по этому поводу пишет, сто «структура системы также до известной степени определяется ее функцией, а ее наличие является обязательным условием выполнения функции» [8, с. 187]. Формирование структуры информационной экономики происходит во многом за счет технологиче-

ских прорывов. Так, технологическое развитие, относящееся к толчку пятого цикла, начавшегося в 1990 г., активное распространение информационно-коммуникационных технологий, научно-информационное доминирование в экономике, создание глобальных и сетевых информационных потоков приводит к появлению экономической составляющей в информации. [6, с. 18]. В перечисленных П.С. Лемещенко, Е.В. Шумских предпосылках возникновения экономической составляющей в информации выделим следующие, наиболее значимые для целей нашего исследования, так информация превратилась в самостоятельный ресурс, подчеркивают названные авторы. Механизмы и траектория экономического прогресса создают при неразрушении традиционных укладов новое качество взаимодействия техники, технологий и экономики. Меняется структура и форма общественного богатства, в результате ключевую роль играет богатство информационное, тогда как «натурально-имущественная и стоимостная (*форма богатства – примечание М.С.*) уходят в основание общей структуры создаваемого (и произведенного) богатства» [6, с. 19]. П.С. Лемещенко, Е.В. Шумских в качестве предпосылки отмечено также, что резкое возвышение информационных потребностей людей, домохозяйств, фирм, корпораций и общества с его институтами приводит к тому, что развитие информационного сектора является объективно детерминированным явлением [6, с. 19].

Заключение. Резюмируя отметим, что соотношение понятий информация и информационная экономика проявляется самым явным образом в механизме ее функционирования, направленном на производство информации и информационных услуг за счет применения информационно-коммуникационных технологий. Такая информация, приобретая свою экономическую ценность в ходе изменившихся роли и способов применения, становится фактором производства. Взаимозависимость социальных, экономических и культурных процессов, протекающих с непосредственным использованием информационно-коммуникационных технологий, усиливает влияние таких технологий и вместе с ними информации, получаемой с их помощью, на жизнедеятельность человека. Информация становится определяющим ресурсом в производственных процессах, особенно в тех из них, которые связаны с интеллектуально-производственными отраслями, в результате производительность и эффективность субъектов информационной экономики определяется технологиями по ее обработке, генерированию и использованию.

Литература

1. Сорвиров, Б. В. Информационный вектор экономической системы / Б. В. Сорвиров, А. М. Баранов, Р. М. Нижегородцев. – Минск : Право и экономика, 2019. – 256 с.

2. Солодовников, С. Ю. Парадигмальный кризис белорусской экономической науки, цифровизация и проблемы подготовки кадров в сфере обеспечения национальной безопасности / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 10. – С. 182–194.

3. Воробьев, Г. Г. Информационная экономика / Г. Г. Воробьев. – М., 1987. – 26 с. (Препринт / АН БССР, Научн. совет по комплекс. проблеме «Кибернетика»).

4. Тагаров, Б. Ж. Информационная экономика: сущность и методические основы оценки развития / Б. Ж. Тагаров. – Иркутск : Издательство БГУЭП, 2010. – 135 с.

5. Лазарев, И. А. Новая информационная экономика и сетевые механизмы развития / И. А. Лазарев, Г. С. Хижа, К. И. Лазарев. – М. : Дашков и К, – 2006. – 238 с.

6. Лемещенко, П. С. Информационная экономика Республики Беларусь в контексте мировых тенденций развития / П. С. Лемещенко, Е. В. Шумских. – Минск : Мисанта, 2013. – 94 с.

7. Мелешко, Ю. В. Индустрия 4.0 как инструмент достижения технологического лидерства Германии: эволюция подходов к реализации / Ю. В. Мелешко // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 10. – С. 79–93.

8. Сергиевич, Т. В. Социально-экономические факторы, определяющие развитие белорусской легкой промышленности / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ. – Минск, 2019. – Вып. 10. – С. 106–116.

Белорусский национальный
технический университет

Поступила в редакцию 19.10.2020

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 339.9

Удаленный формат работы: новые возможности для субъектов мировой экономики

Е.В. Столярова

В статье систематизированы данные о ключевых возможностях, которые возникают перед различными субъектами мировой экономики в связи с увеличением роли удаленного формата работы в экономиках отдельных стран. Исследование включает анализ опыта различных субъектов мировой экономики в части использования данных возможностей, а также рекомендации для субъектов экономики Республики Беларусь в этой области.
Ключевые слова: цифровизация, удаленная работа, мировая экономика, цифровая экономика, международные компании.

The information about key opportunities for different players in the world economy that arise as a result of the increase of the share of remote work in the economies of different countries is systemized. This research also contains the results of analysis of the experience of different players in using such opportunities, as well as recommendations for different economic agents of the Republic of Belarus.
Keywords: digitalization, remote work, world economy, digital economy, international companies.

Основной особенностью мировой экономики на современном этапе является ее цифровизация. Процессы цифровизации, которые до сих пор развивались естественным образом, значительно ускорились в 2020 г. в связи с пандемией короновируса, с одной стороны, формируя ряд вызовов для субъектов мировой экономики, с другой стороны, создавая для них дополнительные возможности. Одним из направлений цифровизации, в рамках которого вызовы стимулируют появление возможностей, является увеличение в экономиках отдельных стран доли труда, осуществляемого в удаленном формате. Учитывая, что этот процесс уже является необратимым, важно понять, что стоит ждать участникам мировых экономических процессов, к чему быть готовыми и как использовать сложившуюся ситуацию.

Целью данной статьи является анализ и систематизация возможностей для различных субъектов мировой экономики, которые возникают в связи с увеличением доли «удаленных» рабочих мест, изучение примеров использования данных возможностей на практике, а также формирование рекомендаций для субъектов экономики Республики Беларусь на основе изученного опыта.

На данный момент исследования последствий перехода на удаленный формат работы, в том числе в результате пандемии, проводятся как отдельными учеными, к которым можно отнесли А. Озимек [1], Л. Белан, А. Брудо, Т. Райт [2], так и отдельными международными организациями и компаниями, среди которых можно выделить Всемирный экономический форум, Credit Suisse, Ernst&Young.

В целях данного исследования под «удаленной работой» понимается работа, осуществляемая сотрудником за пределами офиса компании. Это может быть работа из дома или любого общественного заведения, где обеспечены минимальные условия для работы (например, кафе или рестораны). В качестве сочетаний-синонимов в дальнейшем также будут использоваться такие понятия как «удаленное рабочее место», «удаленный формат работы».

О важности рассмотрения последствий увеличения роли удаленной работы для различных субъектов мировой экономики говорят результаты исследования доли рабочих мест, которая может быть переведена на «удаленный формат», в европейских странах (рисунок 1). Как видно из данного рисунка, такая доля, в целом, превышает 30 %, а в европейских странах с малой открытой экономикой составляет более 40 %. Важно также отметить, что доля рабочих мест с возможностью удаленной деятельности варьируется в зависимости от отрасли. Так, в России с марта 2020 г. наиболее высокая доля удаленной работы отмечалась в области финансов и страхования (56,3 %), ИТ и телекоммуникаций (53,7 %). Менее 20 % доля удаленной работы составляла в таких сферах, как государственное управление, транспорт, торговля и отели, строительство. Самая низкая доля в 6,6 % была отмечена в сельском хозяйстве [3].

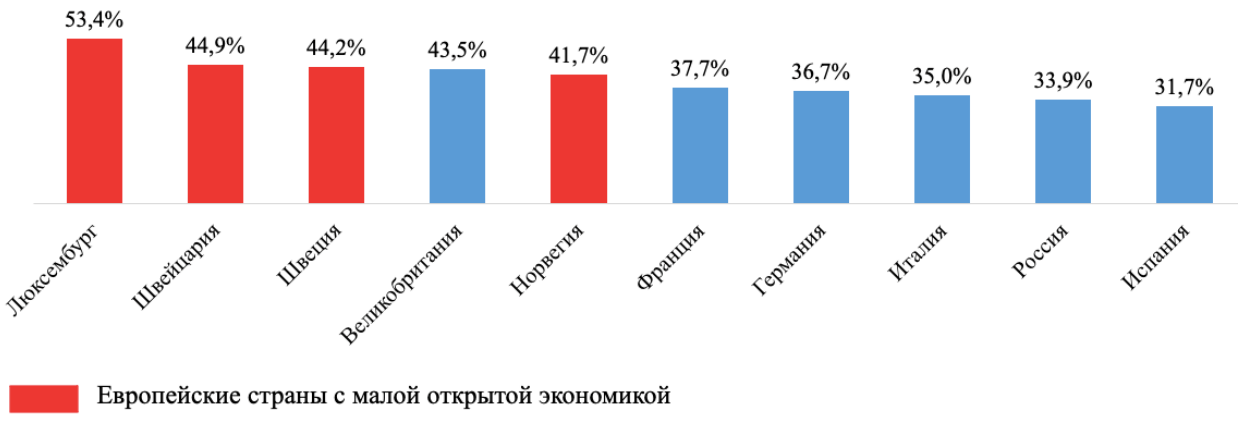


Рисунок 1 – Потенциальная доля рабочих мест с возможностью удаленной работы в европейских странах

Примечание: разработка автора на основе [4].

Среди субъектов мировой экономики, чья деятельность видоизменится в результате увеличения значимости удаленной работы, можно выделить государства, международные компании и физические лица (домашние хозяйства). Рассмотрим возможности, которые возникают у каждой из этих групп в данной ситуации, отдельно.

Государства. Перевод рабочих мест на удаленный формат создает для государства следующие новые вызовы, и одновременно, возможности:

– *Усиление роли государства в экономике отдельной страны, в том числе в части обеспечения «качественного» перехода к удаленному формату работы.*

Переход на удаленную работу ведет к тому, что в экономике и обществе появляется ряд проблем, для решения которых требуется активное вовлечение государства. К примеру, в результате перехода на удаленную работу часть людей оказывается менее конкурентоспособной по не всегда зависящим от них причинам. Например, часть людей не имеет доступа к хорошему интернету, часть не может обеспечить благоприятные условия для работы из-за ограниченности рабочего пространства дома, либо необходимости дополнительных усилий для контроля за детьми, которые также остаются дома и осуществляют учебу в удаленном формате. Часть не обладает достаточным уровнем «цифровых» навыков для полноценной удаленной работы. В такой ситуации важна роль государства в обеспечении «цифровой» инфраструктуры, повышении уровня «цифровых» навыков у населения, а также регулировании всех возникающих аспектов «удаленной работы».

– *Привлечение в страну высококвалифицированных платежеспособных сотрудников, работающих удаленно, так называемых «цифровых кочевников».*

Переход на удаленный формат работы значительно увеличил количество «цифровых кочевников», людей, которые осуществляют свою деятельность в удаленном формате, находясь в стране, отличной от страны своего трудоустройства. Этим воспользовались отдельные страны, например, Эстония, ОАЭ, Хорватия, Португалия, Исландия, Чехия, Грузия. Они предложили «цифровым кочевникам» специальные визы, которые позволяют им находиться в стране достаточно продолжительный период времени [5], [6]. Для получения данной визы, как правило, необходимо иметь трудовой контракт в другой стране, минимальный среднемясячный заработок более 2 тыс. долларов (может разниться в зависимости от страны). Помимо привлечения в страну платежеспособных потребителей, часть стран таким образом решает вопрос восполнения потерянных доходов от туристов в результате пандемии. Примером может быть Исландия, которая предлагает визу, которая предоставляет возможность находиться на территории страны в течение полугода тем, у кого заработная плата составляет более 7 360 долларов в месяц. Возможность получения такой визы имеют граждане, прежде всего, государств из Шенгенской зоны, США и ОАЭ. Активно к теме виз для «удаленщиков» также подключились островные государства: Ангилья, Антигуа и Барбуда, Барбадос, Каймановы острова, Бермуды [6].

По отдельным оценкам, общее количество цифровых кочевников в мире составляет более 10 млн. человек, но в связи с переходом на удаленную работу их количество к 2035 г. может увеличиться до 1 млрд [5].

– *Увеличение роли малых городов в экономике отдельных государств.*

В соответствии с исследованиями инвестиционного банка Credit Suisse, в результате перехода на удаленную работу происходит сокращение интереса со стороны работников компаний к большим городам. В качестве альтернативы мегаполисам могут рассматриваться малые города, обеспечивающие более размеренный ритм жизни, часто ближе к природе. Потенциально это может означать увеличение роли малых городов в экономиках отдельных государств [4]. У данного процесса есть обратная сторона. Это может привести к упадку отдельных крупных городов, развитие которых зависит от количества и уровня платежеспособности их населения.

– *Возможное изменение модели развития городов, что может стать одним из факторов роста экономики страны.*

Учитывая, что люди стали проводить все больше времени в рамках своей «маленькой среды», то для них особенно важным стало, каким образом выглядит и что предлагает именно эта небольшая часть города конкретному человеку. Это в том числе для государства означает новое направление для развития, новые направления для инвестиций и стимулирования экономики.

– *Потенциальное увеличение в экономике страны роли самозанятых.*

Удаленная работа показала, что ее эффективность сопоставима с эффективностью работы в офисе. В результате крупные компании с большим доверием и интересом стали обращать внимание на привлечение к осуществлению своих задач самозанятых. В связи с этим у государства появляется новая возможность для снижения уровня безработицы в отдельно взятой стране и обеспечения занятости населения [7].

Международные компании. Переход на удаленный формат работы напрямую затронул компании, в том числе международные. В частности, у них появились следующие возможности:

– *Предложение на рынке новых продуктов и услуг.*

В формирование нового предложения на рынке вовлечены не только розничные сети и производители потребительских товаров, но и менее гибкие по своей сути участники рынка, например, девелоперы недвижимости. Они довольно быстро отреагировали на изменения, связанные с удаленной работой. В частности, многие из них заявили о своих планах строить жилые комплексы с интегрированными в них коворкингами. Среди таких девелоперов российские компании Level Group, A101, Ingrad, MR Group, Главстрой. Учитывая, что строительство жилых комплексов требует много инвестиций, то, скорее всего, данные компании видят в переходе на удаленный формат работы не просто краткосрочный тренд, а тренд, которые будет определять будущее. Ряд девелоперов планируют переформатировать под коворкинги помещения ранее планируемые для использования в коммерческих целях, например, для открытия магазинов. Более того, теперь уже говорят не просто о «коворкингах», а о «лайфворкингах». По сути дела, речь идет о более высокой степени интеграции в жилые комплексы элементов деловой среды, а именно офисов, хотя и в модифицированном виде. Сейчас такие офисы становятся частью стратегии по развитию жилых комплексов, а не опортунистической его частью, а также фокусируются не на корпоративных, а на индивидуальных клиентах.

Соответствующим образом на увеличение доли рабочих мест в удаленном формате реагируют владельцы сетей коворкингов, заявляя о своих планах по созданию гибких офисов, которым могут воспользоваться не только физические лица, но и компании. Ключевое отличие гибких офисов от коворкинга заключается в том, что в случае гибких офисов договор аренды заключается на более длительный срок времени, и в аренду сдаются квадратные метры, а не рабочие места, как в коворкинге. В гибких офисах существует возможность учесть в интерьере корпоративный стиль компании, в то время как в коворкинге такие возможности ограничены.

К удаленному формату работы также адаптируются отели. В частности, часть из них объявила о создании гибридных номеров, позволяющих сочетать возможности отдыха и работы, благодаря созданной в номере технической инфраструктуре [8]. О планах по созданию таких гибридных номеров заявила сеть отелей Radisson Hotel Group.

Свое предложение для посетителей также корректируют кафе и рестораны. В частности, некоторые из них предлагают специальные зоны для работы с повышенной шумоизоляцией и соответствующим рабочим интерьером.

– Цифровизация недвижимости как одно из направлений для развития бизнеса и осуществления инвестиций.

В связи с переходом к онлайн-форматам ведения бизнеса и удаленной работе увеличивается спрос на недвижимость с высоким уровнем информационно-коммуникационной инфраструктуры. В связи с этим появился такой термин как «цифровая недвижимость». Цифровая недвижимость – это недвижимость, которая тесно взаимосвязана с различными центрами обработки данных. Чем ближе находится потребитель к центру обработки данных, тем выше скорость передачи информации. ИТ-инфраструктура зданий влияет на их рейтинг в соответствующих классификациях. Альтернативным направлением инвестиций в рамках инвестиций в недвижимость становятся инвестиции в центры обработки данных и офисы или жилые комплексы, где такие центры расположены.

– Сокращение компаниями затрат на строительство и аренду недвижимости.

В связи с переходом на удаленный формат работы у компаний уменьшилась потребность в содержании максимального количества рабочих мест, что напрямую связано с сокращением затрат на аренду или строительство офисов. В связи с этим они заинтересованы в использовании гибких офисов, о чем писалось выше. К примеру, в России аренду гибких офисов в 2020 г. практиковали «Сбербанк», Тинькофф-банк, Ситимобил, МТС, X5 Retail Group, Яндекс, банк «Открытие», Huawei, Ozon [9]. Аренда гибких офисов для данных компаний обеспечивает гибкость в условиях непредсказуемой ситуации и увеличения доли удаленного труда, и минимизацию затрат на строительство собственных офисов либо минимизацию полноценных арендных платежей.

– Обеспечение гибких форматов занятости для сотрудников, что повышает привлекательность компаний как работодателей.

В частности, некоторые компании формируют гибридные офисы. Одним из примеров может быть российский транснациональный банк «Альфа-Банк». В октябре 2020 г. в Воронеже был открыт пилотный гибридный офис. Его суть заключалась в том, что сотрудники могут комбинировать удаленную работу и работу в офисе, появляясь в гибридном офисе по мере необходимости. При успешности пилотного проекта, банк заявил об открытии еще 10 офисов в 2021 г. [10]. На данный момент 70 % сотрудников из головного офиса и персонала, обеспечивающую поддерживающую функцию, работают удаленно [10].

В целом, гибкость в выборе рабочего места способствует появлению новых понятий в экономическом обороте, к примеру, таких как «гибридное рабочее место», «распределенное рабочее место» (или «distributed workplace»). Под распределенным рабочим местом понимают рабочее место, которое в зависимости от обстоятельств, может находиться либо дома, либо в офисе компании, либо в каком-то другом месте. И сотрудники имеют возможность самостоятельно выбирать, где работать и в каком соотношении тратить свое рабочее время на различные форматы работы.

– Общее повышение уровня автоматизации компаний в связи с переходом на удаленную работу.

Переход на удаленную работу создал дополнительные стимулы для повышения скорости цифровизации компаний, что повышает конкурентоспособность компаний в целом. К примеру, представители 83 % компаний в рамках исследования, проведенного Всемирным экономическим форумом, сообщили, что они увеличили инвестиции в цифровизацию [11]. Особым направлением инвестиций является обеспечение кибербезопасности бизнеса. В соответствии с исследованиями компании Ernst&Young количество киберпреступлений значительно увеличилось в период пандемии [12].

– Появление возможности нанимать сотрудников по всему миру без привязки к конкретному географическому месту.

Переход на удаленную работу означает, что компании могут компенсировать нехватку определенных квалифицированных кадров в конкретном регионе путем найма данных со-

трудников в любой точке земного шара. Главное, чтобы человек соответствовал предъявляемым требованиям, в том числе владел соответствующим иностранным языком.

– Появление возможностей для новых типов лидеров в связи с изменением их роли.

Для современного лидера важно уметь управлять удаленной работой. Особенно большой проблемой является контроль за тем, сколько времени сотрудники реально работают в удаленном формате, учитывая, что руководитель не может в любой момент непосредственно увидеть, чем занимается сотрудник. В таких условиях увеличивается роль доверия к сотрудникам и степень делегирования задач. В условиях удаленной работы руководителям также важно сохранить чувство команды и креативность сотрудников. В целом, для лидера в равной степени в такой ситуации важны как технические навыки, так и навыки работы с людьми [13].

Физические лица. На данный момент уже можно констатировать, что большая часть сотрудников, которые работали удаленно, привыкли к такому формату и готовы придерживаться его в том или ином виде в будущем. В соответствии с данными главного экономиста компании LinkedIn, количество поисковых запросов о работе с фильтром «удаленно» увеличилось на 60% с марта 2020 г., и количество обращений за удаленной работой увеличилось в 2,5 раза во всем мире за этот же период [13]. Важно отметить, что переход на удаленную работу также открывает ряд новых возможностей и для физических лиц как субъектов мировой экономики, к которым можно отнести следующие:

– Возможность для потенциальных работников трудоустроиться в международную компанию за рубежом.

В связи с тем, что удаленная работа стирает географические барьеры, у каждого сотрудника сейчас появляется возможность трудоустроиться в любую международную компанию. Ключевым условием является знание языка, а также его соответствие профессиональным требованиям. Физически при этом можно находиться постоянно или большую часть времени в любом месте.

– Повышение эффективности в работе, а значит, повышение своей конкурентоспособности.

При прочих равных условиях, в результате перехода на удаленную работу происходит повышение эффективности в работе сотрудников. Как минимум, благодаря сокращению времени, которое они ранее тратили на то, чтобы добраться до офиса и обратно домой.

В целом, изученный опыт адаптации различных субъектов мировой экономики к увеличению роли удаленного формата занятости в экономике важно учитывать и в Республике Беларусь. В частности, государству важно рассмотреть привлекательность Республики Беларусь как страны для «цифровых кочевников», для чего необходимо введение специальных виз с льготными условиями, обеспечение политической стабильности и обеспечение качественной ИТ-инфраструктуры, в том числе, скорости интернета. Для страны важно также рассмотреть перспективы повышения привлекательности малых городов для тех, кто осуществляет работу в удаленном формате, а также пересмотреть важность создания привлекательной среды в отдельных районах городов, где потенциально может концентрироваться активность «удаленщиков». Для государства важно осуществлять регулирование деятельности самозанятого населения, которое становится все в большей степени востребованным в результате перехода на удаленный формат работы. Для субъектов экономики из корпоративного сектора Республики Беларусь важно учитывать необходимость цифровизации бизнеса в целом и неизбежное увеличение роли цифровых сегментов в экономике. В частности, речь может идти о строительстве «цифровых» бизнес-центров и жилых комплексов, предложении гибких офисов, повышении общего уровня цифровизации бизнеса, найме сотрудников из-за рубежа без пересечения ими границы, развитии новых типов лидеров для обеспечения успеха компании в условиях удаленной работы, предложении гибридных форматов занятости для сотрудников. Для граждан Республики Беларусь с целью повышения своей конкурентоспособности важно совершенствовать свои «цифровые» навыки и повышать уровень знания иностранного языка.

Таким образом, переход на удаленный формат работы, который связан с цифровизацией экономики и который ускорился благодаря пандемии короновируса, создает для отдель-

ных субъектов экономики как вызовы, так и возможности. Эти возможности варьируются от увеличения роли малых городов в экономике отдельных государств до предложения новых продуктов и услуг компаниями, а также появления новых возможностей трудоустройства для физических лиц в зарубежных офисах компаний, не выходя из дома. Республике Беларусь важно не упустить данные тренды и быть готовой к их адаптации.

Литература

1. Ozimek, A. The future of remote work [Electronic resource] // SSRN. – Access mode : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3638597. – Date of access : 22.12.2020.

2. Beland, L. P. The short-term economic consequences of Covid-19: Exposure to disease, remote work and government response [Electronic resource] / L. P. Beland, A. Brodeur, T. Wright // SSRN. – Access mode : https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3584922. – Date of access : 22.12.2020.

3. Share of employees working remotely during the coronavirus (COVID-19) in Russia in 2020, by industry [Electronic resource] // Statista. – Access mode : https://www.statista.com/statistics/1124079/share-of-russians-working-remotely-during-covid-19-by-industry/. – Date of access : 04.01.2021.

4. Credit Suisse назвал основные глобальные последствия пандемии. В их числе – слабый рост экономик, социальное неравенство и возрождение малых городов [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа : https://www.rbc.ru/economics/22/12/2020/5fe07b829a79477bd1952397. – Дата доступа : 04.01.2021.

5. Интернет-кочевники – кто это, сколько зарабатывают, и это вообще законно? [Электронный ресурс] // vc.ru. – Режим доступа : https://vc.ru/life/188340-internet-kochevniki-kto-eto-skolko-zarabatyvayut-i-eto-voobshche-zakonno. – Дата доступа : 04.01.2021.

6. Какие страны и на каких условиях позвали к себе для работы на удаленке [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа : https://www.rbc.ru/society/25/11/2020/5fbcf38d9a794714d4fa3360. – Дата доступа : 04.01.2021.

7. Павлова, Т. Почему компании все чаще нанимают самозанятых [Электронный ресурс] / Т. Павлова, А. Дерябина, Р. Кутузов // Ведомости. – Режим доступа : https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2020/10/13/842984-pochemu-kompanii. – Дата доступа : 04.01.2021.

8. Ручко, С. Девелоперы жилых комплексов предложат москвичам на удаленке работать в коворкингах тут же, в доме [Электронный ресурс] / С. Ручко // Ведомости. – Режим доступа : https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2020/10/20/843807-developerih-zhilih. – Дата доступа : 03.11.2020.

9. Филатов, А. Сбербанк закрыл одну из крупнейших сделок с коворкингами [Электронный ресурс] / А. Филатов // Ведомости. – Режим доступа : https://www.vedomosti.ru/realty/articles/2020/09/24/841138-sberbank-zakril. – Дата доступа : 03.11.2020.

10. «Альфа-банк» начал открывать гибридные офисы для удаленной работы [Электронный ресурс] // Ведомости. – Режим доступа : https://www.vedomosti.ru/finance/news/2020/10/14/843239-alfa-bank-nachal-otkrivat. – Дата доступа : 03.11.2020.

11. Most leaders think remote working will hit productivity - this is why [Electronic resource] // WEF. – Access mode : https://www.weforum.org/agenda/2020/10/remote-working-productivity-future-of-jobs/. – Date of access : 03.11.2020.

12. Why remote working will be the new normal, even after COVID-19 [Electronic resource] // EY. – Access mode : https://www.ey.com/en_be/covid-19/why-remote-working-will-be-the-new-normal-even-after-covid-19. – Date of access : 03.11.2020.

13. Coronovirus: how will the pandemic change the way we work [Electronic resource] // BBC. – Access mode : https://www.bbc.com/worklife/article/20201023-coronavirus-how-will-the-pandemic-change-the-way-we-work. – Date of access : 03.11.2020.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 17.02.2021

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 338.242.2

Современное состояние мирового рынка информационных и телекоммуникационных услуг

И.А. Филькевич, Чжао Цин

В данной статье анализируется современное положение дел в системе мирового рынка информационных и телекоммуникационных услуг. Приводится динамика мирового экспорта информационных услуг. Выделяются ключевые страны и их доли в структуре мирового экспорта информационных и телекоммуникационных услуг.
Ключевые слова: информационные системы, телекоммуникационные услуги, информация, мировой рынок информационных услуг, экспорт информационных услуг.

The current state of affairs in the system of the world market of information and telecommunication services is analyzed. The dynamics of world export of information services is given. The key countries and their shares in the structure of world exports of information and telecommunication services are highlighted.
Keywords: information systems, telecommunication services, information, world market of information services, export of information services.

Введение. В современных условиях развития все большее внимание в структуре мировой экономики уделяется информационных сетям и технологиям, что обуславливается ускорением научно-технического прогресса, с одной стороны, и поступательным процессом цифровизации мирохозяйственных связей, с другой стороны.

Тема цифрового сегмента экономики стала актуальной в силу произошедших качественных изменений в экономике и обществе. Новые технологии и платформы позволяют менеджменту предприятий и физическим лицам сокращать транзакционные издержки взаимодействия во все больших масштабах и осуществлять более тесный контакт с хозяйствующими объектами и государственными структурами. В результате формируется экономика, основанная на сетевых сервисах, то есть цифровая, или электронная [1].

Основная часть. Важнейшим направлением развития экономик различных стран в современных условиях является переход к цифровой экономике, обусловленный изменениями форм и способов предоставления потребителям различного рода высокотехнологичных услуг. Следует отметить, что в научной литературе до сих пор несложилось чёткого определения понятия цифровой экономики [2].

Цифровая экономика становится все более важной частью мировой экономики. Цифровизация предлагает множество новых возможностей для всестороннего и устойчивого развития, но в то же время существуют проблемы, с которыми сталкиваются правительства, начиная с необходимости преодоления цифрового разрыва. Как возможности, так и проблемы являются главными приоритетами политики для развивающихся стран [3], что и обуславливает актуальность темы данной научной работы.

Проанализируем динамику мирового экспорта информационных и телекоммуникационных услуг за временной период с 2008 г. по 2017 г. соответственно.

Для чего воспользуемся нижеприведенной диаграммой (рисунок 1), на которой наглядно отображена динамика данного показателя за анализируемый временной период.

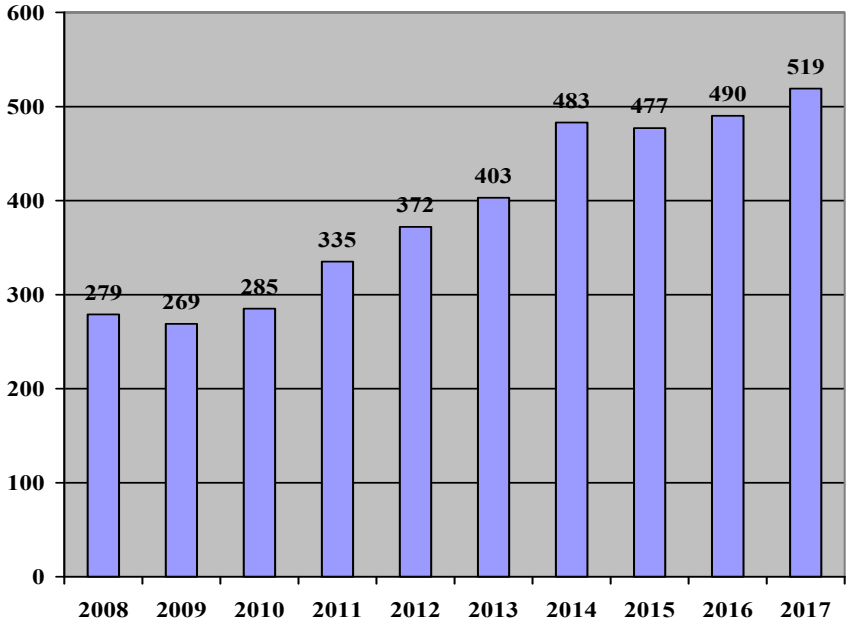


Рисунок 1 – Динамика мирового экспорта информационных и телекоммуникационных услуг (млрд. долларов США) [4]

Как можно увидеть из вышеприведенной диаграммы за исследуемый временной период с 2008 по 2017 гг. произошли следующие преобразования в динамике мирового экспорта информационных и телекоммуникационных услуг:

– совокупный объем экспорта вырос за анализируемый временной период на 86 % или 230 млрд. долларов США, с 279 млрд. долларов в 2008 г. до 519 млрд. долларов 2019 г. соответственно;

– весь период исследования происходил неукоснительный рост данного показателя, за исключением двух лет – 2009 и 2014 гг., что связанно с финансовым кризисом 2008 г. и сырьевым кризисом 2013 г. соответственно.

Из чего можно сделать вывод, что мировой рынок информационных и телекоммуникационных услуг развивается в соответствующем тренде с мировой экономикой.

В рамках более предметного раскрытия темы данной научной работы осуществим оценку структуры мирового экспорта информационных и телекоммуникационных услуг, осуществим анализ структуры экспорта данных услуг по итогам 2017 г.

Для чего воспользуемся нижеприведенной диаграммой (рисунок 2), на которой наглядно отображены данные структурные элементы за анализируемый временной период.

Как можно увидеть из вышеприведенной диаграммы, ключевые доли в структуре мирового рынка информационных и телекоммуникационных услуг распределились следующим образом:

– на долю программного обеспечения приходится более ¾ экспорта, или 76 %;

– в то же время на долю телекоммуникационных услуг приходится 16 % экспорта;

– в свою очередь на долю новостных сервисов приходится около 2 % экспорта;

– прочие услуги в сфере информационных технологий занимают долю в 6 % рынка.

Из чего можно сделать вывод относительно существенного преобладания доли программного обеспечения в структуре мирового экспорта телекоммуникационных услуг.

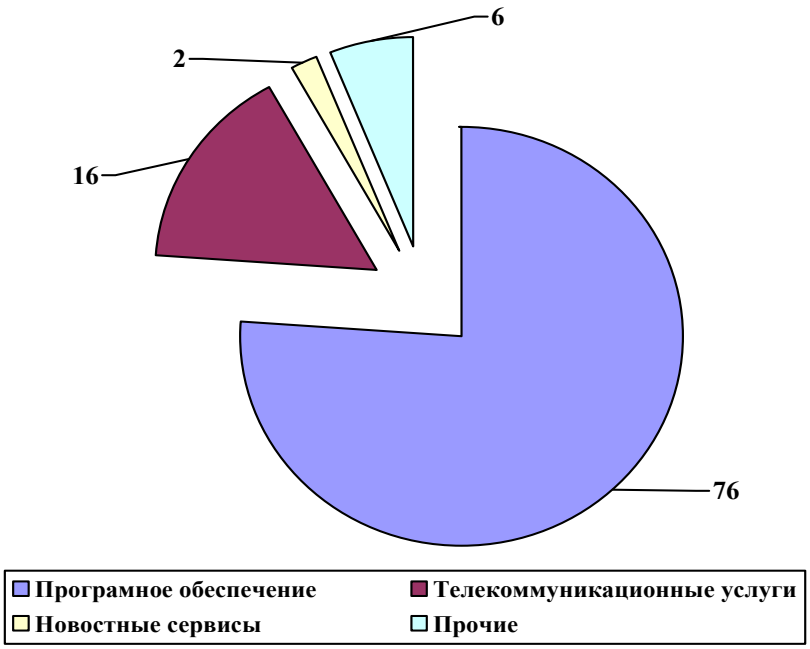


Рисунок 2 – Структура мирового экспорта информационных и телекоммуникационных услуг (%) в 2017 г. [4]

Это обуславливается двумя ключевыми факторами:

– поступательной цифровизацией новых отраслей мировой экономики;

– необходимостью совершенствовать существующее программное обеспечение в рамках действующих информационных сетей в мировой экономике.

Раскрывая особенности современного положения дел на рынке информационных и телекоммуникационных услуг, осуществим анализ концентрации и распределения объемов экспорта данных услуг по ведущим странам мира.

Для чего воспользуемся нижеприведенной диаграммой (рисунок 3), на которой наглядно отображено данное распределение на рынке за 2017 г. соответственно.

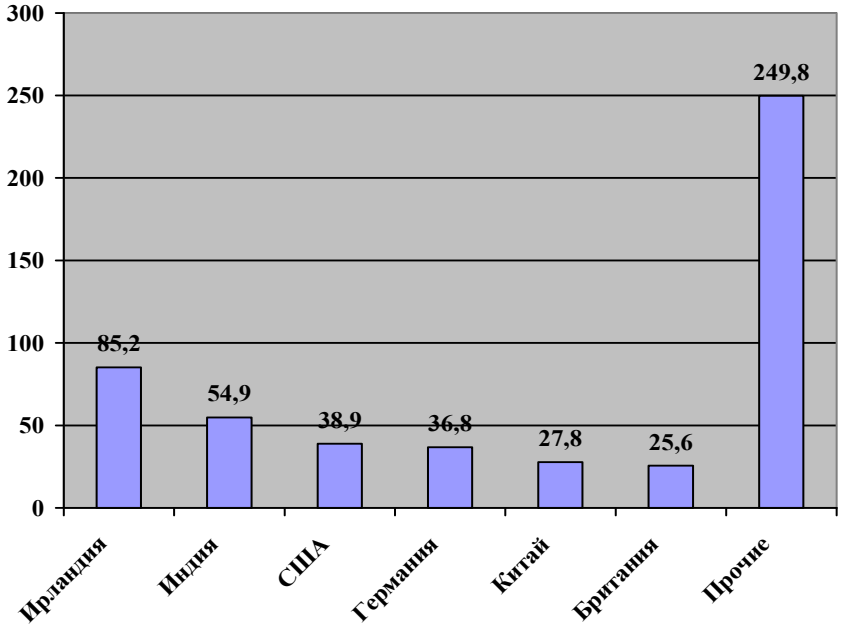


Рисунок 3 – Распределение мирового экспорта информационных и телекоммуникационных услуг среди стран мира в 2017 г. (млрд. долларов США) [2]

Как можно увидеть из вышеприведенной диаграммы, на мировом рынке информационных и телекоммуникационных услуг существует следующее распределение долей экспорта между странами:

– на долю Ирландии приходится 16,4 %, или 85,2 млрд. долларов мирового экспорта;

– на долю Индии приходится 10,6 %, или 54,9 млрд. долларов мирового экспорта информационных и телекоммуникационных услуг;

– доля Соединенных Штатов Америке на данном рынке составляет 7,5 %, или 38,9 млрд. долларов;

– Германия занимает 7,5 % данного рынка, или 36,8 млрд. долларов мирового экспорта;

– доля Китая на данном рынке составляет – 5,3 %, или 27,8 млрд. долларов;

– на долю Британии приходится 5 % рынка, или 25,6 млрд. долларов;

– на долю остальных стран мира приходится 48,1 %, или 249,8 млрд. долларов.

Что свидетельствует о высокой степени концентрации данного рынка в границах небольшого количества стран. Фактически шесть стран контролируют более 50 % рынка, что говорит о высокой степени конкуренции в данной сфере мировой экономики.

Заключение. Как итог данной научной статьи можно сделать следующие выводы:

1) в условиях цифровизации и глобализации мировой экономической системы важную роль отыгрывают информационные технологии и системы, это обуславливается необходимостью ускорения финансово-экономических процессов в условиях всеобщности мирохозяйственных связей;

2) рынок информационных и телекоммуникационных услуг развивается в соотносительной последовательности с мировой экономикой в целом. Фактически за 10 последних лет уровень экспорта данных услуг вырос в мировом масштабе на 86 %, или 230 млрд. долларов США, столь высокий уровень развития рынка свидетельствует о перспективах данного сегмента мировой экономики и высоком уровне востребованности данного вида услуг;

3) рынок информационных и телекоммуникационных услуг чрезвычайно концентрирован. Фактически более 50 % рынка контролируют шесть стран: Ирландия, США, Германия, Китай, Индия и Британия, что свидетельствует о высоком уровне конкуренции в данном сегменте мирового рынка.

Литература

1. Паньшин, Б. В. Цифровая экономика: особенности и тенденции развития [Электронный ресурс] / Б. В. Паньшин // Наука и инновации. – 2016. – № 3. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-ekonomika-osobennosti-i-tendentsii-razvitiya. – Дата доступа : 28.03.2019.

2. Стародубцева, Е. Б. Цифровая трансформация цифровой экономики [Электронный ресурс] / Е. Б. Стародубцева // Вестник Астраханского государственного технического университета. Сер. Экономика. – 2018. – № 2. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-mirovoy-ekonomiki. – Дата доступа : 28.03.2019.

3. Купревич, Т. С. Цифровые платформы в мировой экономике: современные тенденции и направления развития [Электронный ресурс] / Т. С. Купревич // Экономический вестник университета. Сборник научных трудов ученых и аспирантов. – 2018. – № 8. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-v-mirovoy-ekonomike-sovremennye-tendentsii-i-napravleniya-razvitiya. – Дата доступа : 28.03.2019.

4. Мировой рынок информационных и телекоммуникационных услуг [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://xn--80aplem.xn--p1ai/analytics/Mirovoj-rynok-informacionnyh-i-telekommunikacionnyh-uslug/. – Дата доступа : 28.03.2019.

Московский педагогический
государственный университет

Поступила в редакцию 17.02.2021

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 2 (125), 2021

УДК 339.94:004(510)

Тенденции транснационализации в КНР и формирования крупных ТНК в секторе высоких технологий

Чжан Хэн

В статье проанализирован процесс транснационализации экономики КНР с момента формирования первых ТНК и до настоящего времени, изложены особенности китайской модели развития ТНК, приведены результаты анализа притока прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в экономику Китая, главным образом изменения динамики и структуры инвестиционной деятельности китайских ТНК в сфере высоких технологий.
Ключевые слова: транснационализация, научные исследования и разработки, транснациональные компании, Китайская Народная Республика.

The process of transnationalization of the Chinese economy from the moment of formation of the first transnational companies (TNCs) to the present time is analyzed. The features of the Chinese model of TNC development are described. The analysis of foreign direct investment (FDI) in the Chinese economy, mainly changes in the dynamics and structure of investment activities of Chinese TNCs in the field of high technologies, is carried out.
Keywords: transnationalization, research and development, multinational companies, People's Republic of China.

Введение. На современном этапе в Китае реализуется модель инновационного развития, и страна располагает значительным потенциалом активизации процесса интернационализации в высокотехнологичной сфере. Это определяет необходимость совершенствования нормативно-правовых и экономических условий для создания благоприятной бизнес-среды для дальнейшего размещения дочерних предприятий ведущих ТНК мира и, как следствие, увеличения зарубежных инвестиций в экономику страны. Это определяет важность изучения особенностей деятельности транснациональных корпораций в Китае.

Целью статьи является изучение различных аспектов деятельности китайских ТНК в сфере высоких технологий. В статье определены особенности китайской модели развития ТНК; исследована динамика и структура ПИИ в экономику Китая, выявлена роль китайских ТНК в обеспечении высоких темпов экономического роста страны; определены основные источники поступления инвестиций, отраслевое и региональное размещение ПИИ ТНК на территории Китая; проанализировано современное состояние деятельности китайских международных корпораций в сфере высоких технологий; выделены стратегии выхода китайских высокотехнологических компаний на зарубежные рынки.

Научная новизна статьи заключается в анализе, в том числе финансовых результатов деятельности китайских высокотехнологичных транснациональных корпораций, определения особенностей их деятельности на зарубежных рынках.

Основная часть. В современной международной системе экономических связей ТНК становятся определяющим фактором для решения судьбы многих стран. Активная производственная, инвестиционная и торговая деятельность ТНК позволяет им выполнять функцию международного регулирования производства и распределения продукции. Существуют все основания считать, что ТНК способствуют мировой экономической интеграции.

При этом подразумевается, что ТНК, с одной стороны – это органическая часть национального хозяйственного комплекса, с другой – элемент хозяйственного комплекса принимающей стороны, и с третьей – фактор, максимально включающий экономику своей и принимающей стороны в мировую экономику и мирохозяйственные связи [1, с. 15].

Политика в отношении ТНК в Китае резко изменилась с конца 1970-х гг., когда страна открыла свою экономику для ПИИ, а глобальные игроки, такие как Volkswagen, Coca-Cola и 3M, начали исследовать рынок. В 1980-е гг. на рынок Китая вышли Motorola, Philips и NEC. Они получили право на льготные ставки по корпоративным налогам, которые были вдвое меньше, чем те, которые были установлены для местных компаний, и освобождены от всех пошлин на импорт своих товаров. В 1990-е гг. иностранные компании также пользовались льготными налоговыми режимами [2, с. 54].

Однако начиная с 2000 г., когда ВВП на душу населения превысил 1000,1 долл. США, и особенно с 2001 г., когда Китай вступил во Всемирную торговую организацию, китайское правительство и потребители резко изменили свое восприятие к зарубежным ТНК. Доступ конкретной ТНК на рынок Китая зависит от того, насколько ее деятельность соответствует национальным интересам Китая. В соответствии с новым подходом к зарубежным ТНК с 1 января 2008 г. были введены одинаковые ставки корпоративного налога для национальных и иностранных компаний. Кроме того, китайские потребители по мере повышения платежеспособного спроса уже не видят большой разницы между продукцией китайских компаний и продукцией зарубежных ТНК.

ТНК внесли значительный вклад в развитие Китая. В 2004 г. на долю ТНК приходилось 28 % промышленного производства Китая и 19 % его налоговых поступлений. Кроме того, в ТНК производили 57 % всего экспорта из Китая, а к концу 2004 г. 400 компаний из списка Fortune Global 500 имели офисы в Китае. На начало 2006 г. накопленные прямые китайские инвестиции за рубежом превысили 50 млрд долл. США. Было создано свыше 10 тысяч предприятий с китайским капиталом [3].

В Китае ТНК являются важным каналом привлечения в Китай современной техники и технологий. Они обеспечивают более 60 % от общего количества контрактов в сфере трансферта технологий и более половины от их общей стоимости. При этом в начале XXI в. в связи с повышением внимания китайских властей к качеству экономического роста происходит последовательное стимулирование ТНК к переносу в КНР всех стадий производственного цикла, включая НИОКР.

Главным фактором регионального размещения инвестиций в Китае является уровень развития инфраструктуры. Как результат, в последние годы средние темпы прироста иностранных инвестиций в провинциях и автономных районах Западного Китая составили только 0,3 % в год по сравнению с 4,5 % в Центральном и 7,9 % в Восточном Китае. В последнее время возрос интерес к центральному Китаю, экономически менее развитому, куда начали перемещать производственные мощности из развитых стран и регионов мира, из приморских и восточных районов Китая. Эту тенденцию можно связать, прежде всего, с подорожанием в последнее время рабочей силы и ресурсным фактором. В Ухане (провинция Хубэй), к примеру, рост поступления инвестиций уже в 2009–2012 гг. составлял не менее 30 %. В городе открыли бизнес более 70 корпораций из топ-500 ТНК мира [4, с. 24].

В 2019 г. в Fortune Global 500 вошли компании из 34 стран с выручкой в размере 32,7 трлн долл. США. Штаб-квартиры почти половины компаний в этом списке располагались либо в США, либо в Китае. При этом число ТНК США неуклонно сокращается (с 175 компаний в 2005 г. до 121 компании в 2019 г.). Между тем, присутствие ТНК Китая впервые резко возросло в 2005 г., ускорившись после глобального кризиса 2008 г. (рисунок 1) [5].

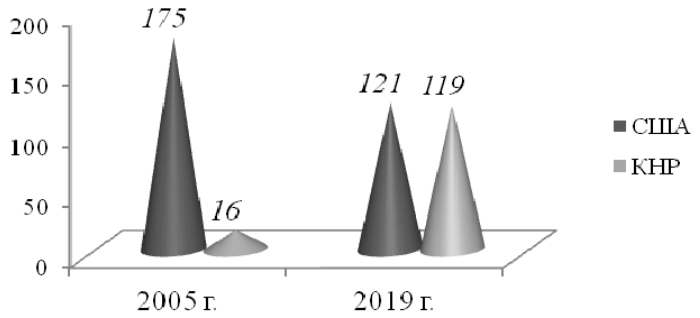


Рисунок 1 – Динамика ТНК США и КНР в Fortune Global 500 в 2005 г. и 2019 г.

Из 50 крупнейших ТНК развивающихся рынков, 7 из которых находятся со штаб-квартирой в Китае, восемь в Южной Корее, шесть в Индии, пять в Бразилии, четыре в России, по два в Мексике и Саудовской Аравии и по одному в каждой стране из Индонезии, Малайзии и Таиланда.

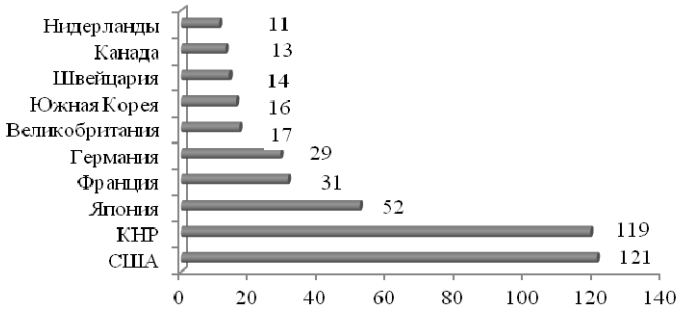


Рисунок 2 – Численность ТНК по странам по рейтингу Fortune Global 500 в 2019 г., ед.

В настоящее время около 70 % ПИИ в Китай приходится на сектор услуг. За первые семь месяцев 2019 г. ПИИ в сферу услуг выросли на 9,3 % по сравнению с предыдущим годом до 371,6 млрд юаней, в обрабатывающей промышленности рост составил 2,7 %, инвестиции достигли 154,8 млрд юаней [6].

Проведенные учеными и специалистами исследования [2], [1], [7], [6], [8] свидетельствуют о том, что в последние годы наметились изменения в географической структуре стран и регионов, которые являются инвесторами экономики Китая. В сравнении с периодом десятилетней давности, когда в списке ключевых стран-инвесторов преобладали развитые страны, такие как США, сегодня наблюдается значительное увеличение притока ПИИ из азиатских стран. Только за 2018 г. объем поступления ПИИ в Китай составил 139 млрд долл. США и увеличился по сравнению с 2017 г. на 4 %. Приток в Юго-Восточную Азию вырос на 3 % до рекордного уровня 149 млрд долларов. Росту ПИИ в регионе способствовали активные инвестиции из других азиатских стран, включая перенаправление инвестиций и перебазирование производств из Китая. Эту тенденцию укрепляли также значительные инвестиции в рамках стран АСЕАН, хотя существенную роль в качестве регионального инвестиционного узла сыграл в этом Сингапур [9].

В 2018 г. многонациональные компании (МНК), входящие в список 100 крупнейших МНК ЮНКТАД, инвестировали в НИОКР более 350 млрд долл., что составляет более трети от всех финансируемых бизнесом НИОКР. Больше всего на НИОКР тратят МНК в технологической, фармацевтической и автомобильной отраслях. Удельный вес НИОКР (по отношению к объему продаж) среди 100 крупнейших компаний развивающихся странах значительно ниже [9].

Объем международных инвестиций в новые проекты НИОКР значителен и постоянно растет. За последние пять лет МНК объявили о 5 300 научно-исследовательских проектах за пределами своих национальных рынков, что составляет более 6 % от всех заявленных новых инвестиционных проектов, причем в предыдущие пять лет этот показатель был ниже и был равен 4 000. На развивающиеся страны и страны с переходной экономикой приходится 45 % таких проектов. Большинство проектов ПИИ, связанных с НИОКР, осуществляются не в области фундаментальных исследований, а в таких сферах с относительно меньшей добавленной стоимостью, как проектирование, разработки и испытания [9].

Десятилетия быстрого экономического роста позволили Китаю инвестировать в ключевые области, стимулирующие инновации, такие как научные исследования и разработки и создание новой интеллектуальной собственности. Эти инвестиции улучшили рейтинг Китая в GII и позволили ему конкурировать с развитыми экономиками, такими как Соединенные Штаты и Швеция. Рейтинг Китая в рейтинге Глобального инновационного индекса неуклонно поднимался и сейчас является самым высоким среди развивающихся стран. Число патентных заявок на изобретения увеличилось до 1,56 миллиона в 2018 г. Расходы КНР на НИОКР значительно возросли, достигнув 2,18 % ВВП в 2018 г. Средний показатель по ОЭСР составляет 2,4 %. Всего в Китае расходы на НИОКР составляют около 20 % от общемирового объема, уступая только США. Китай входит в число мировых лидеров в таких технологиях, как электронная коммерция, искусственный интеллект, возобновляемые источники энергии и электромобили [8].

Продолжающийся экономический рост и инновационный потенциал Китая является прекрасной возможностью для китайских ТНК. Такие компании, как Alibaba, Didi Chuxing, Huawei и Tencent признаны глобальными высокотехнологическими корпорациями. Растущий человеческий капитал Китая поддерживает его инновационный потенциал. Китай имеет одну из круп-

нейших в мире систем образования, с выпуском более 7 миллионов студентов в год. При этом 40 % из них приходится на науку, технику, инженерию и математику. Ведущие университеты Китая поднимаются вверх по мировым рейтингам и производят все больший объем высококачественных исследований. Страна превращается в исследовательскую базу для глобальных технологических компаний, таких как IBM и Microsoft. Появление Китая в качестве все более важного новатора расширяет глобальный запас знаний и технологий, которые могут принести пользу всем жителям страны [8]. Эта стабильная экономическая среда укрепила качество экономики страны и способствовала развитию механизма поставок технологической продукции. В этих условиях население Китая стало богаче и это улучшило их возможности потребления.

Новый сценарий интернационализации экономики Китая предполагает весомую государственную поддержку и планомерную и последовательную экспансию во все ключевые регионы мира с формированием на базе холдинговых структур внутренней системы международного разделения труда; использование принципов рыночной экономики при минимальном влиянии государства с быстрым внедрением наиболее инновационной продукции и значительными объемами инвестирования в образование и передовые научные разработки.

Экономический рост способствовал быстрому росту телекоммуникационных компаний Китая, таких как Huawei, ZTE и Xiaomi Pestle. Быстрый рост китайских высокотехнологичных ТНК обусловил обострение конкуренции на мировых рынках. В надежде защитить свои рынки от экспансии китайских компаний многие страны прибегают не только к экономическим мерам давления, но и политическим.

Так, предполагаемая угроза телефонов Huawei, по мнению американских специалистов, заключается в том, что они могут быть использованы в качестве средств для шпионажа, что привело к отмене продажи телефонов Huawei, включая смартфон Huawei Mate 10 в США в январе 2018 г. [10, с. 273]. Можно отметить существенные проблемы компании Huawei и в Великобритании, после того как она получила судебный запрет после проигрыша судебного дела против Unwired Planet International по патентному спору в деле Unwired Planet International Ltd v Huawei Technologies Co Ltd EWHC 2831 [11]. Компания Huawei была обязана судом Англии оплатить лицензионные сборы, связанные с технологиями 4G, используемые в некоторых своих устройствах, и предупреждена, что отказ платить приведет к запрету продаж телефонов компании в Великобритании.

Однако, стоит отметить, что китайские ТНК в выборе своих стратегий проникновения на зарубежные рынки зачастую копируют модели известных высокотехнологичных ТНК, адаптируя их под свои корпоративные принципы и методы работы. Ярким примером такой ТНК является Xiaomi Inc. Первоначальная цель Xiaomi состояла в том, чтобы увеличить долю индийского рынка за 2020–2021 на 20 %. Аналитики отмечают, что Индия стала одной из шести стран в первой двадцатке по объему реализованных смартфонов, которые продемонстрировали рост продаж. При этом в Индии прирост реализованных смартфонов составил 12 миллионов единиц. Лидером стала компания Xiaomi, которая продала 41 млн. смартфонов, заняв 29,9 % местного рынка. Второе место с результатом 35,4 млн. смартфонов и рыночной долей 25,8 % досталось компании Samsung [12]. Приэтом Xiaomi стремится развивать возможности в области НИОКР и инноваций, чтобы усилить свою международную позицию [13, с. 2181]. В настоящее время в Xiaomi работает около 18 000 человек. В 2018 г. Xiaomi получила более 100 миллиардов юаней дохода и, как ожидается, будет включена в список Fortune Global 500 в обозримом будущем. Компания Xiaomi также существенно нарастила объемы сбыта своих смартфонов, пойдя по примеру американской компании Apple, которая сформировала целый культ любителей бренда [14].

Следует отметить, что компании Huawei и Xiaomi во многом копируют маркетинговую стратегию лидера рынка – компании Samsung, однако подавляющая часть прибыли мирового рынка смартфонов достается все же американской компании Apple. В связи с этим компания Xiaomi меняет свою стратегию, ориентируясь на Apple и формируя престижный имидж своих смартфонов [15].

Другая известная международная китайская компания Lenovo Group работает в следующих сегментах [16]: группа интеллектуальных устройств (IDG); группа мобильных устройств (MBG); бизнес ПК и смарт-устройств (PCSD). На внутреннем рынке Lenovo фактически является первым брендом в мире китайской IT-индустрии. Общая доля Lenovo на компьютерном рынке Китая достигла 21 %, значительно опередив конкурентов. Lenovo имеет

монопольный статус на рынке персональных компьютеров. Доля рынка персональных компьютеров Lenovo составляет 24 %, что значительно выше, чем признанная на международном уровне монополия. Lenovo Group стремится к тому, чтобы стать лидером и в глобальной тенденции к интеллектуальному развитию. В течение 2019 г. Lenovo ускорила стратегическую трансформацию и выделила основные направления инвестиционной деятельности [16]: 1) интеллектуальный интернет вещей (IoT). Smart IoT. Lenovo будет формировать интеллект в персональном компьютере и предложениях умных устройств; 2) большие данные и искусственный интеллект (ИИ) в отраслях промышленности. Эти инвестиции направлены на то, чтобы укрепить потенциал Lenovo как конкурентоспособной компании поставщика комплексных решений в эпоху глобализации; 3) интеллектуальные трансформации. Это стратегическое направление в сочетании с клиентоориентированной стратегией способствуют повышению качества программного обеспечения и услуг. Планируется, что это позволит увеличить выручку минимум на 10 % в год, что составит почти 5 % от общего дохода Lenovo Group; 4) умная инфраструктура, где компания видит самые большие возможности для будущего роста и завоевания лидерства в отрасли.

Таким образом, достижения в области НИОКР способствовали улучшению положения Китая в GII, где он занимает 9-е место в мире по уровню развития бизнеса, сразу за США и впереди Ирландии. В развитых странах предприятия, как правило, финансируют значительную часть инициатив в области НИОКР. Например, предприятия в странах ОЭСР в среднем финансируют около 60 % НИОКР. Однако в таких странах, как Япония и Южная Корея, это соотношение составляет более 75 %. Эта тенденция отражена и в Китае, где китайские ТНК профинансировали 76,5 % процента (338,8 миллиарда долларов США) валовых расходов страны на НИОКР в 2017 г. [8].

Однако, оценка положительной роли ТНК в финансировании НИОКР в Китае сдерживается первостепенностью государственных предприятий (ГП). Многие руководители ГП занимают должности в правительстве и Коммунистической партии Китая, что означает, что научно-исследовательские инициативы, финансируемые ГП, часто совпадают с теми, которые финансируются правительством. Государственные предприятия также имеют льготный доступ к банковским кредитам от государственных банков, что снижает стоимость заимствований и обеспечивает ГП более сильную финансовую поддержку по сравнению с частными компаниями.

Выводы. Таким образом, исследование показало, что первые шаги к транснационализации китайских компаний уже сделаны, в частности: большими финансово-промышленными группами сформированы вертикально интегрированные производственные цепи, увеличились сделки по приобретению китайскими ТНК активов за рубежом. Вместе с тем, процесс роста числа китайских ТНК может быть значительно ускорен и расширен в отраслевом спектре в случае привлечения иностранных партнеров. Для этого компании, сотрудничающие с иностранными организациями на основе специализации и кооперирования, могут сформировать с ними общие структуры, вступая в стратегические альянсы путем создания межгосударственных корпораций.

Сегодня в КНР и за ее пределами работает значительное количество ТНК в разных отраслях. Было установлено несколько мотивирующих факторов, определяющих объем ПИИ 20 крупнейших ТНК.

Во-первых, китайские ТНК стремились сохранить природные ресурсы. Китай – большая страна с высокой численностью населения и относительно небольшим количеством ресурсов на душу населения. Для того чтобы подпитывать свое быстрое экономическое развитие, особенно в течение последних 20 лет, Китай был чистым импортером ресурсов. Поэтому неудивительно, что крупнейшие отрасли промышленности среди топ-20 китайских ТНК, оцениваемых по иностранным активам, функционировали в нефтегазовой и химической отрасли. Китайская Национальная нефтяная корпорация, Китайская нефтехимическая корпорация и Китайская национальная оффшорная нефтяная корпорация активно инвестировала в Африку и Ближний Восток для изучения нефтяных и газовых месторождений и получения доступа к ним.

Во-вторых, в то время как политика Китая стала более благоприятной для притока ПИИ, продолжается критика в отношении китайских ТНК, реакция на которые, по-видимому, вызвана ведущей ролью крупных китайских госпредприятий в вывозе ПИИ и озабоченностью по поводу поведения, мотивов и непрозрачности деятельности китайских гос-

предприятий. Это обусловливает необходимость увеличить «прозрачность» китайских государственных предприятий в их корпоративном управлении и принимать меры по согласованию их интересов с интересами экономик принимающих стран.

Китаю необходимо будет продвигать новые драйверы развития экономики. Устойчивый рост в долгосрочной перспективе будет зависеть от роста производительности, которую можно обеспечить посредством активного внедрения высоких технологий. Будущий рост Китая будет происходить за счет устранения искажений, ускорение распространения и стимулирования открытий.

Основными направлениями поддержки развития национальной инновационной системы в Китае до 2030 г. можно определить следующие: 1) содействие развитию инновационной активности, обеспечивающей рост конкурентоспособности продукции на основе освоения научно-технических достижений и обновления производства; 2) ориентация на общую поддержку развития базисных и улучшающих инноваций, составляющих основу инновационного потенциала страны; 3) взаимодействие государственного и частного секторов инновационной деятельности с эффективным функционированием конкурентного рыночного инновационного механизма; 4) организация защиты интеллектуальной собственности; 5) содействие развитию инновационной деятельности во всех провинциях Китая, росту международного инвестиционного сотрудничества, защите интересов национального инновационного предпринимательства.

Литература

1. Климовец, О. В. Формирование и развитие российских транснациональных корпораций : дисс. … д-ра экон. наук : 08.00.14 / О. В. Климовец. – Москва, 2010. – 453 с.

2. Ба, Цзиньсинь. Проблемы формирования в КНР транснациональных компаний с китайским капиталом : дисс. … канд. экон. наук : 08.00.14 / Ба Цзиньсинь. – Москва, 2006. – 149 с.

3. The Top 20 Chinese Multinationals: Changes and Continued Growth of Foreign Investment [Electronic resource]. – Mode of access : http://ccsi.columbia.edu/files/2013/10/EMGP-China-Report-2016-FINAL-Oct-4-2016.pdf. – Date of access : 06.04.2020.

4. World investment prospects survey 2010-2012 / UNCTAD. – New York and Geneva, 2010. – 35 p.

5. Multinationals' Investment Returns In China Beat Their Global Average [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.forbes.com/sites/russellflannery/2019/10/20/multinationals-investment-returns-in-china-beat-their-global-average/#6989db52243a. – Date of access : 06.04.2020.

6. Emerging market multinationals report (EMR) 2019 [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.johnson.cornell.edu/wp-content/uploads/sites/3/2019/11/EMR-2019.pdf. – Date of access : 06.04.2020.

7. Луконин, С. А. О транснационализации компаний азиатско-тихоокеанского региона (опыт Японии, Китая, Южной Кореи) / С. А. Луконин // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2010. – № 4. – С. 80–89.

8. Innovative China: New Drivers of Growth [Electronic resource]. – Mode of access : http://documents.worldbank.org/curated/en/833871568732137448/pdf/Innovative-China-New-Drivers-of-Growth.pdf. – Date of access : 06.04.2020.

9. Доклад о инвестициях 2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2019_overview_ru.pdf. – Дата доступа : 07.04.2020.

10. He, Xiyou. How Chinese Firms Learn Technology from Transnational Corporations: A Comparison of the Telecommunication and Automobile Industries / Xiyou He, Mu Qing // Journal of Asian Economics. – 2012. – № 3. – P. 270–287.

11. International Data Corporation (IDC) [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.idc.com. – Date of access : 07.04.2020.

12. D&B (2010) Issues and Opportunities of the Indian Telecom Industry [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.dnb.co.in/IndianTelecomIndustry/issues.asp. – Date of access : 05.04.2020.

13. Gupta, S. Can Xiaomi shake the global smartphone industry with aninnovative «services-based business model»? / S. Gupta, I. Dhillon // AIMA Journal of Management & Research. – 2014. – № 8 (3/4). – P. 2177–2197.

14. Global Smartphone Market Share: By Quarter [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.counterpointresearch.com/global-smartphone-share/.– Date of access : 04.04.2020.

15. International Marketing Strategy for Xiaomi [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.simpletense.com/samples/Marketing_Essay.pdf. – Date of access : 07.04.2020.

16. Lenovo Group Limited 2019/20 Interim Report [Electronic resource]. – Mode of access : https://doc.irasia.com/listco/hk/lenovo/interim/ 2020/intrep.pdf. – Date of access : 06.04.2020.

Белорусский государственный
экономический университет

Поступила в редакцию 04.03.2021

ПОПРАВКИ
к статье, опубликованной в журнале «Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины»

В статье Лугвин С.Б., Савенко Ю.А. «Древнеримская бюрократия: институциональный контекст ее формирования», опубликованной в журнале «Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины», № 1 (124) 2021, инициалы автора Савенко Ю.А. необходимо читать в следующей редакции: «Савенко А.Ю.».

Опечатка была устранена в электронной версии статьи, которая находится на сайте журнала.

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова.* Корректоры: *В.А. Бобрик, Г.Н. Петухова*

Подписано в печать 05.04.2021. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 23,48. Уч.-изд. л. 20,45. Тираж 100 экз. Заказ № 188.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 / 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.